

Английский язык с Г. Уэллсом

Дверь в стене

(Фантастические повести)

H.G. Wells. Short Stories

Пособие подготовил Олег Дьяконов

Метод чтения Ильи Франка

Содержание:

The Door in the Wall

The New Accelerator

The Star

The Man Who Could Work Miracles

The Empire Of The Ants

The Country of the Blind

The Door in the Wall

(Дверь в стене)

I

One confidential evening (однажды вечером в доверительной обстановке: «одним доверительным вечером»), not three months ago (менее трех месяцев назад), Lionel Wallace told me this story of the Door in the Wall (Лайонел Уоллес рассказал мне историю о Двери в Стене; *to tell — рассказать*). And at

the time I thought that so far as he was concerned it was a true story (и в то время я подумал, что поскольку это касается его, /то/ это правдивая история).

confidential [ˌkɒnfɪˈdenʃəl], concerned [kənˈsə:nd], true [tru:]

One confidential evening, not three months ago, Lionel Wallace told me this story of the Door in the Wall. And at the time I thought that so far as he was concerned it was a true story.

He told it me with such a direct simplicity of conviction (он рассказал мне ее с такой непосредственной простотой убежденности) that I could not do otherwise than believe in him (что я не мог поступить иначе, как поверить в него = ему). But in the morning, in my own flat (но утром в моей собственной квартире), I woke to a different atmosphere (я проснулся в другой атмосфере), and as I lay in bed and recalled the things he had told me (и пока я лежал в кровати и вспоминал вещи = то, что он рассказал мне), stripped of the glamour of his earnest slow voice (лишенное чарующей силы его искреннего неспешного голоса), denuded of the focussed shaded table light (лишенное = без сфокусированного света настольной лампы с абажуром; *shade* — абажур; *light* — свет; лампа), the shadowy atmosphere that wrapped about him and the pleasant bright things (призрачной атмосферы, которая окутывала его и приятные яркие вещицы), the dessert and glasses and napery of the dinner (десерт, и бокалы, и убранство ужина) we had shared (который мы ели: «разделили»), making them for the time a bright little world quite cut off from every-day realities (что делало: «делая» их на тот момент ярким маленьким миром = *мирком*, совершенно отрезанным от будничной действительности), I saw it all as frankly incredible (я увидел это все, как откровенно невероятное). “He was mystifying (он занимался мистификациями = да он все выдумал!)” I said, and then (сказал я, а потом): “How well he did it (как здорово у него это

получилось)!.. It isn't quite the thing I should have expected him, of all people, to do well (это не совсем то, что мне следовало ожидать от него, изо всех людей, что он сделает хорошо = этого как раз от него я не ожидал).”

otherwise [ˈʌðəwaɪz], atmosphere [ˈætməsfiə], earnest [ˈɜːnist]

He told it me with such a direct simplicity of conviction that I could not do otherwise than believe in him. But in the morning, in my own flat, I woke to a different atmosphere, and as I lay in bed and recalled the things he had told me, stripped of the glamour of his earnest slow voice, denuded of the focussed shaded table light, the shadowy atmosphere that wrapped about him and the pleasant bright things, the dessert and glasses and napery of the dinner we had shared, making them for the time a bright little world quite cut off from every-day realities, I saw it all as frankly incredible. “He was mystifying!” I said, and then: “How well he did it!.. It isn't quite the thing I should have expected him, of all people, to do well.”

Afterwards, as I sat up in bed and sipped my morning tea (потом, когда я сидел в кровати и пил: «пил мелкими глотками» свой утренний чай), I found myself trying to account for the flavour of reality (я обнаружил, что пытаюсь объяснить тот налет реальности; *to account for* — *объяснять*) that perplexed me in his impossible reminiscences (который озадачил меня в его невероятных воспоминаниях), by supposing they did in some way suggest, present, convey (предположив, что они каким-то образом внушают, передают, выражают) — I hardly know which word to use (я вряд ли знаю, какое слово использовать) — experiences it was otherwise impossible to tell (впечатления, которые иначе невозможно высказать).

account [əˈkaunt], reminiscence [ˌremɪˈnɪsns], experience [ɪkˈspɪəriəns]

Afterwards, as I sat up in bed and sipped my morning tea, I found myself trying to account for the flavour of reality that perplexed me in his impossible reminiscences, by supposing they did in some way suggest, present, convey — I hardly know which word to use — experiences it was otherwise impossible to tell.

Well, I don't resort to that explanation now (ну, теперь я не прибегаю к этому объяснению). I have got over my intervening doubts (я преодолел возникающие сомнения). I believe now (теперь я считаю), as I believed at the moment of telling (как я считал в момент рассказа), that Wallace did to the very best of his ability strip the truth of his secret for me (что Уоллес старался изо всех сил обнажить правду своей тайны для меня). But whether he himself saw (но то ли он сам понимал; *to see* — *видеть*; *понимать*), or only thought he saw (или лишь думал, что понимает), whether he himself was the possessor of an inestimable privilege (то ли он был обладателем неоценимой привилегии), or the victim of a fantastic dream (или жертвой фантастического сна), I cannot pretend to guess (я не осмеливаюсь гадать; *to pretend* — *пытаться, прилагать усилия, стараться; отваживаться, решаться*). Even the facts of his death (даже факты его смерти), which ended my doubts forever (которые навсегда уничтожили мои сомнения), throw no light on that (не проливают: «бросают» света на это). That much the reader must judge for himself (именно это читатель должен оценить сам; *to judge* — *сделать вывод; оценивать, судить; that much = so much — столько-то, это-то*).

intervening [ˌɪntəˈviːnɪŋ], possessor [pəˈzesə], privilege [ˈprɪvɪlɪdʒ]

Well, I don't resort to that explanation now. I have got over my intervening doubts. I believe now, as I believed at the moment of telling, that Wallace did to the very best of his ability strip the truth of his secret for me. But whether he himself saw, or only thought he saw, whether he himself was the possessor of an

inestimable privilege, or the victim of a fantastic dream, I cannot pretend to guess. Even the facts of his death, which ended my doubts forever, throw no light on that. That much the reader must judge for himself.

I forget now what chance comment or criticism of mine moved so reticent a man to confide in me (я уже не помню, какое мое случайное критическое замечание подвигло такого сдержанного человека довериться мне; *to forget* — *забывать*). He was, I think, defending himself against an imputation of slackness and unreliability (он, я полагаю, защищался от обвинения в слабости и ненадежности; *slack* — *слабый; изможденный, уставший*; *reliable* — *надежный*; *to rely* — *полагаться*) I had made in relation to a great public movement in which he had disappointed me (которое я сделал в связи с крупным общественным движением, в котором он не оправдал моих ожиданий; *to dissapoint* — *разочаровывать; обманывать /надежды/, не оправдывать /ожиданий/*). But he plunged suddenly (но он вдруг встрял; *to plunge* — *нырять; бросаться вперед; встретить*). “I have” he said, “a preoccupation (я не перестаю кое о чем думать; *preoccupation* — *озабоченность; невнимание, невнимательность*) — ”

chance [tʃɑ:ns], reticent [ˈretɪsənt], unreliability [ˈʌnrɪ laɪəˈbɪlɪtɪ]

I forget now what chance comment or criticism of mine moved so reticent a man to confide in me. He was, I think, defending himself against an imputation of slackness and unreliability I had made in relation to a great public movement in which he had disappointed me. But he plunged suddenly. “I have” he said, “a preoccupation — ”

“I know (я знаю),” he went on (продолжил он; *to go on* — *продолжать*), after a pause that he devoted to the study of his cigar ash (после паузы, которую он посвятил изучению пепла своей сигары), “I have been negligent (я был

нерадив/беспечен). The fact is (дело в том) — it isn't a case of ghosts or apparitions (это не случай = *это не связано с* привидениями или /какими-нибудь/ видениями) — but — it's an odd thing to tell of, Redmond (но, Редмонд, это странное дело, чтобы рассказать о нем = странно говорить об этом деле) — I am haunted (меня /что-то/ преследует; *to haunt* — *неотступно преследовать /кого-л./; мучить; не давать покоя /о мыслях и т. п./*). I am haunted by something (что-то преследует меня) — that rather takes the light out of things (что забирает свет из всего = омрачает все), that fills me with longings (что наполняет меня тоской)... ”

negligent [ˈneglɪdʒənt], ghost [ɡəʊst], haunt [haʊnt]

“I know,” he went on, after a pause that he devoted to the study of his cigar ash, “I have been negligent. The fact is — it isn't a case of ghosts or apparitions — but — it's an odd thing to tell of, Redmond — I am haunted. I am haunted by something — that rather takes the light out of things, that fills me with longings...”

He paused (он сделал паузу), checked by that English shyness (остановленный той английской застенчивостью) that so often overcomes us when we would speak of moving or grave or beautiful things (которая так часто одолевает нас, когда мы хотели бы высказаться о трогательных, или печальных, или прекрасных вещах = о трогательном, или печальном, или прекрасном). “You were at Saint Athelstan's all through (ты прошел весь курс Сент-Ателстенского колледжа; *all through* — *всё целиком, до конца*),” he said, and for a moment that seemed to me quite irrelevant (и на минуту это показалось мне совершенно неуместным). “Well (что ж)” — and he paused (и он остановился). Then very haltingly at first (потом, сначала запинаясь), but afterwards more easily (но после более непринужденно), he began to tell of the thing that was hidden in his life (он начал рассказывать о том, что было скрыто в = о тайне его жизни), the haunting memory of a beauty and a happiness that

filled his heart with insatiable longings (/о/ навязчивых воспоминаниях какой-то красоты и счастья, которые наполняли его сердце ненасытной жадой/тоской) that made all the interests and spectacle of worldly life seem dull and tedious and vain to him (которые сделали = *от которых* все интересы и зрелища мирской жизни стали казаться ему унылыми, и скучными, и пустыми; *to make* — *делать; заставлять*).

irrelevant [ɪˈrelevənt], beauty [ˈbju:tɪ], insatiable [ɪnˈseɪʃəbl]

He paused, checked by that English shyness that so often overcomes us when we would speak of moving or grave or beautiful things. “You were at Saint Athelstan’s all through,” he said, and for a moment that seemed to me quite irrelevant. “Well” — and he paused. Then very haltingly at first, but afterwards more easily, he began to tell of the thing that was hidden in his life, the haunting memory of a beauty and a happiness that filled his heart with insatiable longings that made all the interests and spectacle of worldly life seem dull and tedious and vain to him.

Now that I have the clue to it (теперь, когда у меня есть ключ к этой загадке: «к этому»), the thing seems written visibly in his face (все это будто /было/ явно написано у него на лице). I have a photograph in which that look of detachment has been caught and intensified (у меня есть фотография, на которой был уловлен и усилен этот отстраненный взгляд). It reminds me of what a woman once said of him (это напоминает мне о том, что сказала о нем одна женщина) — a woman who had loved him greatly (женщина, которая очень любила его). “Suddenly (внезапно),” she said, “the interest goes out of him (всякий интерес /к окружающему/ покидает его). He forgets you (он забывает о вас). He doesn’t care a rap for you (ему совершенно нет дела до вас; *he doesn’t care a rap* — *ему совершенно все равно/наплевать; to care* —

заботиться, беспокоиться; rap — мелкая обесцененная монета /в Ирландии в XVIII в./) — under his very nose (/хотя вы/ прямо у него под носом)...”

photograph [ˈfəʊtəɡrɑ:f], caught [kɔ:t], greatly [ˈɡreɪtlɪ]

Now that I have the clue to it, the thing seems written visibly in his face. I have a photograph in which that look of detachment has been caught and intensified. It reminds me of what a woman once said of him — a woman who had loved him greatly. “Suddenly,” she said, “the interest goes out of him. He forgets you. He doesn’t care a rap for you — under his very nose... ”

Yet the interest was not always out of him (*тем не менее интерес не всегда покидал его*), and when he was holding his attention to a thing Wallace could contrive to be an extremely successful man (*и когда он задерживал свое внимание на чем-то, Уоллес мог быть чрезвычайно преуспевающим человеком = чрезвычайно преуспеть в этом; to contrive — придумывать; суметь, ухитриться*). His career, indeed, is set with successes (*его карьера поистине усеяна успехами; to set with — усыпать, усеивать*). He left me behind him long ago (*он давно превзошел меня; to leave behind — оставлять позади, опережать; превосходить*); he soared up over my head (*он воспарил над моей головой; to soar up — взмыть, высоко взлететь*), and cut a figure in the world that I couldn’t cut (*и стал /заметной/ фигурой в обществе, какой я не смог стать; to cut a figure — произвести впечатление, стать фигурой*) — anyhow (*но не в этом дело*). He was still a year short of forty (*ему еще не было и сорока: «было без году сорок»*), and they say now (*и теперь говорят*) that he would have been in office and very probably in the new Cabinet if he had lived (*что он мог бы получить хорошую должность и очень вероятно в новом кабинете = вошел бы в новое правительство, если бы он был жив; to be in office — быть у власти, занимать пост, входить в состав правительства, иметь министерский портфель*). At school he always beat me without effort (*в*

школе он всегда легко: «без усилия» превосходил меня) — as it were by nature (так сказать, естественно; *as it were* — как будто, так сказать). We were at school together at Saint Athelstan's College in West Kensington for almost all our school time (мы вместе учились в Сент-Ателстенском колледже в Западном Кенсингтоне на протяжении почти всего нашего школьного времени = всего времени учебы). He came into the school as my co-equal (он поступил в школу как ровня мне), but he left far above me (но закончил /учебу/ значительно обогнав меня: «гораздо выше меня»), in a blaze of scholarships and brilliant performance (в блеске познаний и блестящих результатов; *scholarship* — образованность, познания, ученость). Yet I think I made a fair average running (тем не менее я считаю, что добился довольно неплохих: «средних» успехов; *to make good one's running* — не отставать; преуспевать; *running* — бег, бега). And it was at school I heard first of the Door in the Wall (и именно в школе я впервые услышал о Двери в Стене) — that I was to hear of a second time only a month before his death (о которой второй раз мне предстояло услышать всего за месяц до его смерти).

success [sək'ses], soar [sɔ:], average ['ævriɪdʒ]

Yet the interest was not always out of him, and when he was holding his attention to a thing Wallace could contrive to be an extremely successful man. His career, indeed, is set with successes. He left me behind him long ago; he soared up over my head, and cut a figure in the world that I couldn't cut — anyhow. He was still a year short of forty, and they say now that he would have been in office and very probably in the new Cabinet if he had lived. At school he always beat me without effort — as it were by nature. We were at school together at Saint Athelstan's College in West Kensington for almost all our school time. He came into the school as my co-equal, but he left far above me, in a blaze of scholarships and brilliant performance. Yet I think I made a fair average running. And it was at

school I heard first of the Door in the Wall — that I was to hear of a second time only a month before his death.

To him at least (для него, по крайней мере) the Door in the Wall was a real door leading through a real wall to immortal realities (Дверь в Стене была реальной дверью, ведущей сквозь реальную стену к бессмертным реальностям). Of that I am now quite assured (в этом я теперь совершенно уверен).

And it came into his life early (и это рано вошло в его жизнь), when he was a little fellow between five and six (когда он был маленьким ребенком пяти-шести лет). I remember how (я помню, как), as he sat making his confession to me with a slow gravity (когда он сел и начал свой рассказ: «сел делающим признание» с неспешной серьезностью), he reasoned and reckoned the date of it (он пытался определить, когда это началось: «думал и вычислял дату этого»). “There was,” he said, “a crimson Virginia creeper in it (там был какой-то малиновый дикий виноград/плющ; *creeper* — тот, кто ползает; ползучее растение) — all one bright uniform crimson in a clear amber sunshine against a white wall (исключительно один яркий однообразный малиновый цвет в ясном солнечном янтарном свете на фоне белой стены). That came into the impression somehow (это как-то отпечаталось в сознании: «пришло во впечатление»), though I don’t clearly remember how (хотя я не помню точно как), and there were horse-chestnut leaves upon the clean pavement outside the green door (а на чистом тротуаре перед зеленой дверью были листья конского каштана). They were blotched yellow and green (они были пятнистые — желтые и зеленые), you know, not brown nor dirty (знаешь, ни коричневые, ни грязные), so that they must have been new-fallen (так что они, наверное, опали недавно). I take it that means October (я заключаю, что это означает октябрь = значит, был октябрь). I look out for horse-chestnut leaves every year (я слежу за листьями конского каштана каждый год), and I ought to know (и я знаю: «должен знать»).

early [ˈə:lɪ], crimson [krɪmzn], year [jə:]

To him at least the Door in the Wall was a real door leading through a real wall to immortal realities. Of that I am now quite assured.

And it came into his life early, when he was a little fellow between five and six. I remember how, as he sat making his confession to me with a slow gravity, he reasoned and reckoned the date of it. “There was,” he said, “a crimson Virginia creeper in it — all one bright uniform crimson in a clear amber sunshine against a white wall. That came into the impression somehow, though I don’t clearly remember how, and there were horse-chestnut leaves upon the clean pavement outside the green door. They were blotched yellow and green, you know, not brown nor dirty, so that they must have been new-fallen. I take it that means October. I look out for horse-chestnut leaves every year, and I ought to know.

“If I’m right in that (если я прав в этом = если не ошибаюсь), I was about five years and four months old (мне было около пяти лет и четырех месяцев).”

He was, he said, rather a precocious little boy (он был, сказал он, довольно развитой не по годам мальчишка; *precocious* — скороспелый, ранний; рано развившийся; не по годам развитой) — he learned to talk at an abnormally early age (он научился разговаривать необыкновенно рано), and he was so sane and “old-fashioned (и он был такой благоразумный и «взрослый»; *old-fashioned* — старомодный; характеризующийся поведением как у взрослого),” as people say (как говорят люди), that he was permitted an amount of initiative that most children scarcely attain by seven or eight (что ему разрешали количество инициативы = столько самостоятельности, сколько большинство детей едва получают к семи-восемью годам; *initiative* — инициатива; способность к самостоятельным активным действиям). His mother died when he was born (его мать умерла при родах: «когда он был рожден»), and he was under the less vigilant and authoritative care of a nursery governess (и он был под менее

бдительным и властным присмотром бонны; *nursery governess* — бонна; воспитательница, наставница). His father was a stern, preoccupied lawyer (его отец был строгим, /вечно/ занятым/погруженным в свои дела адвокатом), who gave him little attention (который уделял ему мало внимания), and expected great things of him (и ожидал от него великих дел). For all his brightness he found life a little grey and dull I think (я думаю, несмотря на свои способности, он считал жизнь немного серой и скучной; *for all* — несмотря, хотя). And one day he wandered (и однажды он отправился побродить; *to wander* — бродить, странствовать, скитаться).

precocious [pri'kəʊʃəs], people [pi:pl], initiative [i'niʃətiʋ], authoritative [ɔ:'θɔritətiʋ]

“If I’m right in that, I was about five years and four months old.”

He was, he said, rather a precocious little boy — he learned to talk at an abnormally early age, and he was so sane and “old-fashioned,” as people say, that he was permitted an amount of initiative that most children scarcely attain by seven or eight. His mother died when he was born, and he was under the less vigilant and authoritative care of a nursery governess. His father was a stern, preoccupied lawyer, who gave him little attention, and expected great things of him. For all his brightness he found life a little grey and dull I think. And one day he wandered.

He could not recall the particular neglect that enabled him to get away (он не мог вспомнить, как ему удалось: «какая халатность позволила» удрать), nor the course he took among the West Kensington roads (ни направление, которое он избрал среди дорог Западного Кенсингтона). All that had faded among the incurable blurs of memory (все это постепенно исчезло среди неизлечимых размытостей = провалов памяти). But the white wall and the green door stood out quite distinctly (но белая стена и зеленая дверь выделялись совершенно отчетливо).

As his memory of that remote childish experience ran (как следовало из его воспоминаний о том далеком = *давнем* событии в детстве; *to run* — *бежать*; *гласить*, *быть выраженным*), he did at the very first sight of that door experience a peculiar emotion, an attraction, a desire to get to the door and open it and walk in (он при первом же взгляде на ту дверь испытал необыкновенное чувство, влечение, желание подойти к двери, открыть ее и войти).

among [ə'mʌŋ], incurable [ɪn'kjʊərəbl], peculiar [pi'kju:liə]

He could not recall the particular neglect that enabled him to get away, nor the course he took among the West Kensington roads. All that had faded among the incurable blurs of memory. But the white wall and the green door stood out quite distinctly.

As his memory of that remote childish experience ran, he did at the very first sight of that door experience a peculiar emotion, an attraction, a desire to get to the door and open it and walk in.

And at the same time he had the clearest conviction that either it was unwise or it was wrong of him (и в то же время он имел = *ощущал* очень четкую убежденность, что либо это неблагоприятно, либо неправильно) — he could not tell which (он не мог понять: «сказать» что /из двух/; *to tell* — *отличать*, *различать*; *осознавать*, *понимать*, *постигать*) — to yield to this attraction (если он поддастся: «поддаться» этому влечению). He insisted upon it (он настаивал на этом) as a curious thing that he knew from the very beginning (как на любопытном факте, который он знал с самого начала) — unless memory has played him the queerest trick (если память не сыграла с ним необычайную шутку) — that the door was unfastened (/настаивал/ что дверь была открыта), and that he could go in as he chose (и что он сможет войти, когда решится; *to choose* — *предпочитать*; *решаться на какой-л. выбор*).

I seem to see the figure of that little boy (я так и вижу фигуру того маленького мальчика; *to seem* — *казаться*), drawn and repelled (притягиваемого и отталкиваемого = которого и влечет к двери, и отталкивает от нее). And it was very clear in his mind, too (и было еще очень ясно = отчетливо осознавалось в его уме; *clear* — четкий, отчетливый, осознаваемый, ясно видимый), though why it should be so was never explained (хотя никогда не прояснилось, почему = хотя так и не ясно, с чего бы это), that his father would be very angry if he went through that door (что его отец очень рассердится, если он войдет через эту дверь).

either [ˈaɪðə], unfastened [ˈʌnˈfɑːsɪnd], figure [ˈfɪɡə]

And at the same time he had the clearest conviction that either it was unwise or it was wrong of him — he could not tell which — to yield to this attraction. He insisted upon it as a curious thing that he knew from the very beginning — unless memory has played him the queerest trick — that the door was unfastened, and that he could go in as he chose.

I seem to see the figure of that little boy, drawn and repelled. And it was very clear in his mind, too, though why it should be so was never explained, that his father would be very angry if he went through that door.

Wallace described all these moments of hesitation to me with the utmost particularity (Уоллес описал мне все эти моменты колебания с крайней обстоятельностью/в мельчайших деталях). He went right past the door (он прошел прямо мимо двери), and then, with his hands in his pockets (а потом /засунув/ руки в карманы), and making an infantile attempt to whistle (и сделав ребяческую попытку засвистеть), strolled right along beyond the end of the wall (побрел прямо вперед, пока не кончилась стена: «за пределы конца стены»). There he recalls a number of mean, dirty shops, and particularly that of a plumber and decorator (там, как он вспоминает, /был/ ряд захудалых, грязных лавок и

особенно мастерская водопроводчика и мастера по внутренней отделке помещений), with a dusty disorder of earthenware pipes (с пыльным беспорядком из глиняных труб), sheet lead, ball taps (листов свинца, кранов: «шариковых кранов»), pattern books of wall paper (/подшитых в/ книги образцов обоев), and tins of enamel (и банок с эмалью). He stood pretending to examine these things, and coveting, passionately desiring the green door (он стоял, делая вид, что рассматривает эти вещи, но /на самом деле/ жаждал, страстно желал /вернуться/ к зеленой двери).

whistle [wɪsl], plumber [ˈplʌmə], passionate [ˈpæʃənɪt]

Wallace described all these moments of hesitation to me with the utmost particularity. He went right past the door, and then, with his hands in his pockets, and making an infantile attempt to whistle, strolled right along beyond the end of the wall. There he recalls a number of mean, dirty shops, and particularly that of a plumber and decorator, with a dusty disorder of earthenware pipes, sheet lead, ball taps, pattern books of wall paper, and tins of enamel. He stood pretending to examine these things, and coveting, passionately desiring the green door.

Then, he said, he had a gust of emotion (затем, он сказал, у него была = *его охватила буря эмоций*; *gust* — *взрыв /гнева и т. п./*). He made a run for it (он помчался к ней), lest hesitation should grip him again (пока колебания снова не охватили его), he went plump with outstretched hand through the green door and let it slam behind him (он прошел прямо с вытянутой рукой через зеленую дверь, и она захлопнулась за ним: «и позволил ей захлопнуться за собой»; *plump* — *полный; округлый, пухлый; прямой, решительный, безоговорочный /об отказе и т. п./; направленный непосредственно прямо /о взоре, взгляде/*). And so, in a trice (и таким образом, в один миг; *trice* — *мгновение, миг, момент*), he came into the garden that has haunted all his life (он вошел в сад, который /с тех пор/ не давал /ему/ покоя всю его жизнь; *to haunt* — *часто*

заезжать проведать, навещать /какое-л. место, людей и т. п./; неотступно преследовать /кого-л./, ходить хвостом; мучить; не давать покоя /о мыслях и т. п./).

It was very difficult for Wallace to give me his full sense of that garden into which he came (Уоллесу было очень трудно передать мне свое полное ощущение от того сада, в который он вошел).

hesitation [ˌheziˈteɪʃn], outstretched [ˌaʊtˈstretʃt], behind [biˈhaɪnd]

Then, he said, he had a gust of emotion. He made a run for it, lest hesitation should grip him again, he went plump with outstretched hand through the green door and let it slam behind him. And so, in a trice, he came into the garden that has haunted all his life.

It was very difficult for Wallace to give me his full sense of that garden into which he came.

There was something in the very air of it that exhilarated (было нечто в самом его воздухе, что веселило), that gave one a sense of lightness and good happening and well-being (что давало чувство легкости, /и/ счастья: «того, что произошло что-то хорошее» и благополучия); there was something in the sight of it that made all its colour clean and perfect and subtly luminous (было что-то в этом саде: «в его виде», что делало весь его цвет чистым, /и/ совершенным и нежно светящимся; *subtle* — нежный; утонченный, изысканный; неуловимый, тонкий; едва различимый). In the instant of coming into it one was exquisitely glad (попадая туда, сразу же оказываешься совершенно счастлив/рад) — as only in rare moments and when one is young and joyful one can be glad in this world (как можно быть счастливым в этом мире в редкие мгновения и когда /ты/ еще молод и весел). And everything was beautiful there (и все там было прекрасно)...

exhilarate [ɪg'zɪləreɪt], subtly ['sʌtlɪ], exquisitely [ɪk'skwɪzɪtɪli]

There was something in the very air of it that exhilarated, that gave one a sense of lightness and good happening and well-being; there was something in the sight of it that made all its colour clean and perfect and subtly luminous. In the instant of coming into it one was exquisitely glad — as only in rare moments and when one is young and joyful one can be glad in this world. And everything was beautiful there...

Wallace mused before he went on telling me (Уоллес задумался, прежде чем он продолжил рассказывать мне). “You see (видишь ли),” he said, with the doubtful inflection of a man who pauses at incredible things (с сомневающейся интонацией человека, который делает паузу, /прежде чем сказать нечто/ совершенно невероятное), “there were two great panthers there (там были две огромных пантеры)... Yes, spotted panthers (да, пятнистые пантеры; *spot* — *пятно*). And I was not afraid (а я не боялся). There was a long wide path with marble-edged flower borders on either side (там была длинная широкая тропинка с цветочными бордюрами и мраморными краями по обе стороны; *either* — *и тот и другой; оба; каждый*), and these two huge velvety beasts were playing there with a ball (и эти два громадных бархатных зверя играли там с мячом). One looked up and came towards me (один поднял взгляд и пошел ко мне), a little curious as it seemed (с любопытством, как казалось). It came right up to me (он подошел прямо ко мне), rubbed its soft round ear very gently against the small hand (нежно потерся своим мягким круглым ухом о маленькую ручонку) I held out and purred (которую я протянул, и заурчал). It was, I tell you, an enchanted garden (это был, говорю тебе, зачарованный сад). I know (я знаю). And the size (а размер)? Oh (о)! it stretched far and wide (он простирался во все стороны), this way and that (сюда и туда). I believe there were hills far away (мне кажется, вдалеке были холмы). Heaven knows where West Kensington had suddenly got to (Бог его знает, куда вдруг подевался

Западный Кенсингтон). And somehow it was just like coming home (и почему-то это было в точности как приход домой = казалось, словно ты оказался дома).

enchanted [ɪnˈtʃɑːntɪd], believe [bɪˈliːv], heaven [hevn]

Wallace mused before he went on telling me. “You see,” he said, with the doubtful inflection of a man who pauses at incredible things, “there were two great panthers there... Yes, spotted panthers. And I was not afraid. There was a long wide path with marble-edged flower borders on either side, and these two huge velvety beasts were playing there with a ball. One looked up and came towards me, a little curious as it seemed. It came right up to me, rubbed its soft round ear very gently against the small hand I held out and purred. It was, I tell you, an enchanted garden. I know. And the size? Oh! it stretched far and wide, this way and that. I believe there were hills far away. Heaven knows where West Kensington had suddenly got to. And somehow it was just like coming home.

“You know, in the very moment the door swung to behind me (знаешь, в тот самый момент, как дверь захлопнулась за мной; *to swing to* — *захлопнуться*; *to swing* — *качаться, колебаться*), I forgot the road with its fallen chestnut leaves (я забыл дорогу с ее опавшими листьями каштана), its cabs and tradesmen’s carts (ее экипажами и повозками торговцев), I forgot the sort of gravitational pull back to the discipline and obedience of home (я забыл то гравитационное притяжение = *тяготение* назад к домашней дисциплине и повиновению), I forgot all hesitations and fear (я забыл все сомнения и страхи), forgot discretion (забыл об осторожности), forgot all the intimate realities of this life (забыл обо всех реальностях: «всех близких/знакомых реальностях» этой жизни). I became in a moment a very glad and wonder-happy little boy (я стал за мгновение очень счастливым и восторженным, /будто увидел/ какое-то чудо, мальчишкой) — in another world (в другом мире). It was a world with a

different quality (это был мир с другим качеством = с другими свойствами), a warmer, more penetrating and mellower light (с более теплым, более проникающим и более густым светом; *mellow* — мягкий, сочный, густой /о голосе, цвете и т. п./), with a faint clear gladness in its air (с тихой ясной радостью в его воздухе), and wisps of sun-touched cloud in the blueness of its sky (и клочками слегка окрашенных солнцем облаков в голубизне неба). And before me ran this long wide path, invitingly (а передо мной бежала заманчиво эта длинная широкая тропа; *to invite* — приглашать), with weedless beds on either side (с клумбами без сорняков; *weed* — сорная трава, сорняк), rich with untended flowers (изобилующих: «богатых» неухоженными цветами = цветами, за которыми никто не ухаживает; *to tend* — заботиться /о ком-л./; ухаживать; присматривать), and these two great panthers (и с этими двумя огромными пантерами).

obedience [ə'bi:diəns], discretion [di'skreʃən], quality ['kwɒlɪti]

“You know, in the very moment the door swung to behind me, I forgot the road with its fallen chestnut leaves, its cabs and tradesmen’s carts, I forgot the sort of gravitational pull back to the discipline and obedience of home, I forgot all hesitations and fear, forgot discretion, forgot all the intimate realities of this life. I became in a moment a very glad and wonder-happy little boy — in another world. It was a world with a different quality, a warmer, more penetrating and mellower light, with a faint clear gladness in its air, and wisps of sun-touched cloud in the blueness of its sky. And before me ran this long wide path, invitingly, with weedless beds on either side, rich with untended flowers, and these two great panthers.

“I put my little hands fearlessly on their soft fur (я бесстрашно положил мои маленькие ручки на их мягкий мех), and caressed their round ears and the sensitive corners under their ears (и ласкал их круглые уши и чувствительные

места под ушами), and played with them (и играл с ними), and it was as though they welcomed me home (и было, будто они приветствовали/радушно принимали меня домой = приветствовали, показывая, что я здесь — у себя дома). There was a keen sense of home-coming in my mind (у меня в душе возникло сильное ощущение возвращения домой; *mind* — ум; память; душа), and when presently a tall, fair girl appeared in the pathway and came to meet me (и когда через некоторое время высокая, светловолосая девушка появилась на дорожке и подошла встретить меня), smiling, and said ‘Well?’ to me (улыбаясь, и сказала мне «ну?»), and lifted me, and kissed me (и подняла меня, и поцеловала), and put me down, and led me by the hand (и опустила меня, и повела меня за руку), there was no amazement (не возникло никакого изумления), but only an impression of delightful rightness (но лишь радостное ощущение, что иначе и быть не может: «впечатление радостной правильности»), of being reminded of happy things that had in some strange way been overlooked (/ощущение/, когда тебе напоминают о счастливых вещах, которые каким-то странным образом /ты/ не заметил; *to overlook* — не заметить, просмотреть, пропустить). There were broad steps, I remember (я помню, там были широкие ступеньки), that came into view between spikes of delphinium (которые предстали взору между шипами шпорника; *to come into view* — предстать /перед глазами/, появиться, стать видимым; *delphinium* — дельфиниум, шпорник), and up these we went to a great avenue between very old and shady dark trees (и по ним мы поднялись к большой широкой аллее между очень старыми и тенистыми темными деревьями). All down this avenue, you know (знаешь, вдоль всей этой аллеи), between the red chapped stems, were marble seats of honour and statuary (между багряными обветренными стволами были мраморные почетные сиденья и статуи), and very tame and friendly white doves (и очень ручные и дружелюбные белые голуби)...

broad [brɔ:d], view [vju:], dove [dʌv]

“I put my little hands fearlessly on their soft fur, and caressed their round ears and the sensitive corners under their ears, and played with them, and it was as though they welcomed me home. There was a keen sense of home-coming in my mind, and when presently a tall, fair girl appeared in the pathway and came to meet me, smiling, and said ‘Well?’ to me, and lifted me, and kissed me, and put me down, and led me by the hand, there was no amazement, but only an impression of delightful rightness, of being reminded of happy things that had in some strange way been overlooked. There were broad steps, I remember, that came into view between spikes of delphinium, and up these we went to a great avenue between very old and shady dark trees. All down this avenue, you know, between the red chapped stems, were marble seats of honour and statuary, and very tame and friendly white doves...

“And along this avenue my girl-friend led me (и по этой аллее моя подруга повела меня), looking down (глядя вниз /на меня/) — I recall the pleasant lines (я вспоминаю милые черты), the finely-modelled chin of her sweet kind face (тонко очерченный подбородок ее очаровательного доброго лица; *modelled* — *лепной; рельефный, скульптурный*) — asking me questions in a soft, agreeable voice (/она/ задавала мне вопросы мягким, приятным голосом), and telling me things, pleasant things I know (и рассказывала мне что-то, что-то приятное, что я знаю), though what they were I was never able to recall (хотя что именно, я так и не смог вспомнить)... And presently a little Capuchin monkey (а некоторое время спустя маленькая обезьянка-капуцин), very clean (очень чистая), with a fur of ruddy brown and kindly hazel eyes (с мехом красновато-коричневого цвета и добрыми карими глазами; *hazel* — *лесной орех; ореховый, светло-коричневый; карий*), came down a tree to us and ran beside me (спустилась с дерева к нам и побежала рядом со мной), looking up at me and grinning (глядя вверх на меня и ухмыляясь; *to grin* — *скалить зубы; осклабиться; ухмыляться*), and presently leapt to my shoulder (а через некоторое время

запрыгнула мне на плечо; *to leap* — прыгать, скакать). So we went on our way in great happiness (и мы пошли по нашей дороге в великом счастье)..."

He paused (он остановился).

"Go on (продолжай)," I said.

pleasant [pleznt], monkey [ˈmʌŋki], hazel [heɪzl]

"And along this avenue my girl-friend led me, looking down — I recall the pleasant lines, the finely-modelled chin of her sweet kind face — asking me questions in a soft, agreeable voice, and telling me things, pleasant things I know, though what they were I was never able to recall... And presently a little Capuchin monkey, very clean, with a fur of ruddy brown and kindly hazel eyes, came down a tree to us and ran beside me, looking up at me and grinning, and presently leapt to my shoulder. So we went on our way in great happiness..."

He paused.

"Go on," I said.

"I remember little things (я помню мелочи). We passed an old man musing among laurels, I remember (я помню, мы прошли мимо старика, размышляющего среди лавров), and a place gay with paroquets (и места, пестрого от длиннохвостых попугаев) and came through a broad shaded colonnade to a spacious cool palace (и пришли через широкую затененную колоннаду к просторному прохладному дворцу), full of pleasant fountains (изобилующему красивыми фонтанами), full of beautiful things (полному красивых вещей), full of the quality and promise of heart's desire (преисполненному добротности и обещания /исполнения/ заветных желаний; *one's heart's desire* — заветное, сокровенное желание). And there were many things and many people (и там было много вещей и много людей), some that still seem to stand out clearly and some that are a little vague (некоторые, /которые/ все еще, кажется, выделяются четко = некоторых я и сейчас помню,

а некоторые видны нечетко), but all these people were beautiful and kind (но все эти люди были прекрасны и добры). In some way (каким-то образом) — I don't know how (я не знаю как) — it was conveyed to me (мне было передано) that they all were kind to me (что они все добры ко мне), glad to have me there (рады принять/видеть меня там), and filling me with gladness by their gestures (и наполняют меня счастьем своими жестами), by the touch of their hands (касанием рук), by the welcome and love in their eyes (радушием и любовью в их глазах). Yes (да) — ”

paroquet [ˈpærəkɪt], spacious [ˈspeɪʃəs], fountain [ˈfaʊntɪn]

“I remember little things. We passed an old man musing among laurels, I remember, and a place gay with paroquets, and came through a broad shaded colonnade to a spacious cool palace, full of pleasant fountains, full of beautiful things, full of the quality and promise of heart's desire. And there were many things and many people, some that still seem to stand out clearly and some that are a little vague, but all these people were beautiful and kind. In some way — I don't know how — it was conveyed to me that they all were kind to me, glad to have me there, and filling me with gladness by their gestures, by the touch of their hands, by the welcome and love in their eyes. Yes — ”

He mused for a while (он задумался на некоторое время). “Playmates I found there (друзей для игр нашел я там). That was very much to me (это было очень много для меня), because I was a lonely little boy (потому что я был одиноким мальчиком). They played delightful games in a grass-covered court (они играли в радостные игры во дворе, покрытом травой) where there was a sun-dial set about with flowers (где были солнечные часы, обрамленные цветами). And as one played one loved (когда играешь, то начинаешь любить: «любишь»)...

“But — it’s odd (но странно) — there’s a gap in my memory (в моей памяти есть пробел). I don’t remember the games we played (я не помню игр, в которые мы играли). I never remembered (и никогда не помнил). Afterwards, as a child (впоследствии, ребенком), I spent long hours trying, even with tears (я тратил долгие часы, пытаясь до слез: «даже со слезами»; *to spend* — *тратить*; *проводить*), to recall the form of that happiness (вспомнить вид того счастья = в чем заключалось то счастье; *form* — *форма, внешний вид, внешнее очертание*). I wanted to play it all over again (я хотел сыграть в нее снова; *all over again* — *снова, еще раз, заново*) — in my nursery — by myself (в детской комнате сам). No (нет)! All I remember is the happiness and two dear playfellows who were most with me (все, что я помню, — это счастье и двух дорогих друзей по игре, которые были со мной больше всего)...

delightful [diˈlaɪtful], hour [aʊə], even [i:vən]

He mused for a while. “Playmates I found there. That was very much to me, because I was a lonely little boy. They played delightful games in a grass-covered court where there was a sun-dial set about with flowers. And as one played one loved...

“But — it’s odd — there’s a gap in my memory. I don’t remember the games we played. I never remembered. Afterwards, as a child, I spent long hours trying, even with tears, to recall the form of that happiness. I wanted to play it all over again — in my nursery — by myself. No! All I remember is the happiness and two dear playfellows who were most with me...

Then presently came a sombre dark woman (затем через некоторое время пришла хмурая мрачная женщина), with a grave, pale face and dreamy eyes (с серьезным бледным лицом и мечтательными глазами), a sombre woman wearing a soft long robe of pale purple (хмурая женщина, одетая в мягкое длинное одеяние бледно-пурпурного цвета), who carried a book and beckoned

(которая несла книгу и сделала /мне/ знак) and took me aside with her into a gallery above a hall (и повела меня в сторону с собой в галерею над залом) — though my playmates were loth to have me go (хотя мои товарищи по играм не хотели отпускать меня; *loth* — *несклонный, не желающий что-л. делать; неохотный; to be loth to do smth.* — *не хочет делать что-л.*), and ceased their game and stood watching as I was carried away (и прекратили игру и стояли, наблюдая за тем, как меня уводят). ‘Come back to us (возвращайся к нам)!’ they cried (кричали они). ‘Come back to us soon (скорее возвращайся к нам)!’ I looked up at her face (я посмотрел вверх на ее лицо), but she heeded them not at all (но она совершенно не обращала на них внимания; *to heed* — *обращать внимание, учитывать, принимать во внимание*). Her face was very gentle and grave (ее лицо было очень спокойным и серьезным). She took me to a seat in the gallery (она повела меня к скамье в галерее), and I stood beside her (и я стал возле нее), ready to look at her book as she opened it upon her knee (готовый смотреть /на/ ее книгу, когда она раскрыла ее на коленях). The pages fell open (страницы распахнулись). She pointed (она показывала), and I looked, marvelling (а я смотрел, изумляясь), for in the living pages of that book I saw myself (ибо на живых страницах той книги я увидел себя); it was a story about myself (это была история обо мне), and in it were all the things that had happened to me since ever I was born (и в ней были все события, которые произошли со мной с тех пор, как я родился)...

though [ðəu], ready [ˈredɪ], knee [ni:]

Then presently came a sombre dark woman, with a grave, pale face and dreamy eyes, a sombre woman wearing a soft long robe of pale purple, who carried a book and beckoned and took me aside with her into a gallery above a hall — though my playmates were loth to have me go, and ceased their game and stood watching as I was carried away. ‘Come back to us!’ they cried. ‘Come back to us soon!’ I looked up at her face, but she heeded them not at all. Her face was very

gentle and grave. She took me to a seat in the gallery, and I stood beside her, ready to look at her book as she opened it upon her knee. The pages fell open. She pointed, and I looked, marvelling, for in the living pages of that book I saw myself; it was a story about myself, and in it were all the things that had happened to me since ever I was born...

“It was wonderful to me (это было удивительно для меня), because the pages of that book were not pictures (потому что страницы той книги были не картинками), you understand, but realities (понимаешь, а реальностью).”

Wallace paused gravely (Уоллес сделал большую паузу) — looked at me doubtfully (с сомнением поглядел на меня).

“Go on (продолжай),” I said. “I understand (я понимаю).”

because [bɪˈkɔz], picture [ˈpɪktʃə], doubtfully [ˈdaʊtfulɪ]

“It was wonderful to me, because the pages of that book were not pictures, you understand, but realities.”

Wallace paused gravely — looked at me doubtfully.

“Go on,” I said. “I understand.”

“They were realities (это была реальность) — yes, they must have been (да и как иначе: «они, должно быть, были»); people moved and things came and went in them (люди двигались, а события/предметы на страницах: «на них» появлялись и исчезали); my dear mother, whom I had near forgotten (моя дорогая матушка, которую я почти забыл); then my father, stern and upright (потом мой отец, строгий и честный), the servants, the nursery, all the familiar things of home (слуги, детская комната, все знакомые вещи дома). Then the front door and the busy streets, with traffic to and fro (затем парадный вход и оживленные улицы с движением взад и вперед; *to and fro* — *взад и вперед; туда и сюда*); I looked and marvelled (я смотрел и изумлялся), and looked half

doubtfully again into the woman's face and turned the pages over (и снова смотрел наполовину с сомнением в лицо женщины и переворачивал страницы), skipping this and that (пропуская то и это), to see more of this book (чтобы увидеть больше в этой книге), and more (и больше), and so at last I came to myself hovering and hesitating outside the green door in the long white wall (и так, наконец, я дошел до себя, мешкающего и колеблющегося перед зеленой дверью в длинной белой стене), and felt again the conflict and the fear (и снова ощутил /внутреннюю/ борьбу и страх; *to feel* — чувствовать, ощущать).

mother [ˈmʌðə], busy [ˈbɪzi], hover [ˈhɒvə]

“They were realities — yes, they must have been; people moved and things came and went in them; my dear mother, whom I had near forgotten; then my father, stern and upright, the servants, the nursery, all the familiar things of home. Then the front door and the busy streets, with traffic to and fro: I looked and marvelled, and looked half doubtfully again into the woman's face and turned the pages over, skipping this and that, to see more of this book, and more, and so at last I came to myself hovering and hesitating outside the green door in the long white wall, and felt again the conflict and the fear.

““And next (а /что/ потом)?” I cried (воскликнул я), and would have turned on (и хотел уже перевернуть /страницу/ дальше), but the cool hand of the grave woman delayed me (но прохладная рука серьезной женщины удержала меня; *to delay* — задерживать, замедлять; препятствовать).

““Next (дальше)?” I insisted (настаивал я), and struggled gently with her hand (и мягко боролся с ее рукой; *gently* — мягко, нежно, кротко), pulling up her fingers with all my childish strength (оттягивая вверх ее пальцы всеми моими детскими силами), and as she yielded and the page came over she bent down upon me like a shadow and kissed my brow (и когда она уступила, и

страница перевернулась, она склонилась надо мной, как призрак, и поцеловала меня в лоб; *shadow* — *тень; призрак*).

yield [ji:ld], shadow [ˈʃædəu], brow [brau]

“‘And next?’ I cried, and would have turned on, but the cool hand of the grave woman delayed me.

“‘Next?’ I insisted, and struggled gently with her hand, pulling up her fingers with all my childish strength, and as she yielded and the page came over she bent down upon me like a shadow and kissed my brow.

“But the page did not show the enchanted garden (*но страница не показала зачарованного сада*), nor the panthers (*ни пантер*), nor the girl who had led me by the hand (*ни девушки, которая вела меня за руку*), nor the playfellows who had been so loth to let me go (*ни товарищей по играм, которые так не хотели отпускать меня*). It showed a long grey street in West Kensington (*она показала длинную серую улицу в Западном Кенсингтоне*), on that chill hour of afternoon before the lamps are lit (*в тот холодный послеполуденный час перед тем, как зажигают лампы; to light — зажигать*), and I was there (*и я был там*), a wretched little figure (*несчастливая маленькая фигурка*), weeping aloud (*плачущая во весь голос*), for all that I could do to restrain myself (*несмотря на все мои усилия: «что я мог сделать, чтобы» сдержаться*), and I was weeping (*и я плакал*) because I could not return to my dear playfellows (*потому что я не мог вернуться к моим дорогим приятелям по играм*) who had called after me (*которые кричали вслед мне*), ‘Come back to us (*вернись к нам*)! Come back to us soon (*возвращайся скорее*)!’ I was there (*я был там*). This was no page in a book (*это была не страница в книге*), but harsh reality (*а суровая действительность*); that enchanted place and the restraining hand of the grave mother at whose knee I stood had gone (*то зачарованное место и сдерживающая рука печальной матери, у колен которой я стоял, исчезли; to go — уходить*;

исчезать; grave — важный, степенный, серьезный; мрачный, печальный) —
whither have they gone (*куда они пропали*)?”

wretched [ˈretʃɪd], aloud [əˈlaʊd], whose [huːz]

“But the page did not show the enchanted garden, nor the panthers, nor the girl who had led me by the hand, nor the playfellows who had been so loth to let me go. It showed a long grey street in West Kensington, on that chill hour of afternoon before the lamps are lit, and I was there, a wretched little figure, weeping aloud, for all that I could do to restrain myself, and I was weeping because I could not return to my dear play-fellows who had called after me, ‘Come back to us! Come back to us soon!’ I was there. This was no page in a book, but harsh reality; that enchanted place and the restraining hand of the grave mother at whose knee I stood had gone — whither have they gone?”

He halted again, and remained for a time (*он остановился опять и оставался /молчащим/ некоторое время*), staring into the fire (*уставившись в огонь камина*).

“Oh (*ах*)! the wretchedness of that return (*эх, как мучительно было возвращаться: «о, мучения возвращения»*)!” he murmured (*прошептал он*).

“Well (*ну и*)?” I said after a minute or so (*сказал я через минуту или около того*).

halt [hɔːlt], murmur [ˈmɜːmə], minute [ˈmɪnɪt]

He halted again, and remained for a time, staring into the fire.

“Oh! the wretchedness of that return!” he murmured.

“Well?” I said after a minute or so.

“Poor little wretch I was (я был несчастным человечком) — brought back to this grey world again (которого снова вернули в этот серый мир: «приведенный обратно...»)! As I realised the fulness of what had happened to me (когда я осознал полноту = *полностью* то, что случилось со мной), I gave way to quite ungovernable grief (я предался безудержному горю; *to give way* — *поддаваться, предаваться /отчаянию, горю/; давать волю /слезам/*). And the shame and humiliation of that public weeping and my disgraceful homecoming remain with me still (стыд и унижение от того прилюдного плача и моего позорного возвращения домой я помню: «остаются» до сих пор). I see again the benevolent-looking old gentleman in gold spectacles who stopped and spoke to me (я снова вижу старого джентльмена благожелательной внешности в золотых очках, который остановился и заговорил со мной) — prodding me first with his umbrella (сначала ткнувшего меня своим зонтом; *to prod* — *колоть, тыкать*). ‘Poor little chap (бедный малыш),’ said he; ‘and are you lost then (ты, значит, потерялся)?’ — and me a London boy of five and more (и это мне — лондонскому мальчишке пяти лет с гаком)! And he must needs bring in a kindly young policeman (и ему непременно надо /было/ привести милого молодого полицейского) and make a crowd of me (и собрать толпу вокруг меня), and so march me home (и так сопроводить меня домой). Sobbing, conspicuous and frightened (рыдающий, бросающийся в глаза /всем прохожим/ и испуганный; *conspicuous* — *видный, заметный, бросающийся в глаза*), I came from the enchanted garden to the steps of my father’s house (я пришел из зачарованного сада к ступеням дома моего отца).

ungovernable [ʌnˈɡʌvənəbl], grief [ɡriːf], conspicuous [kənˈspɪkjʊəs],
frightened [ˈfraɪtənd]

“Poor little wretch I was — brought back to this grey world again! As I realised the fulness of what had happened to me, I gave way to quite ungovernable grief. And the shame and humiliation of that public weeping and my disgraceful

homecoming remain with me still. I see again the benevolent-looking old gentleman in gold spectacles who stopped and spoke to me — prodding me first with his umbrella. ‘Poor little chap,’ said he; ‘and are you lost then?’ — and me a London boy of five and more! And he must needs bring in a kindly young policeman and make a crowd of me, and so march me home. Sobbing, conspicuous and frightened, I came from the enchanted garden to the steps of my father’s house.

“That is as well as I can remember my vision of that garden (вот насколько я помню мое видение того сада) — the garden that haunts me still (сада, который все еще не дает мне покоя: «навешает/преследует меня»). Of course (разумеется), I can convey nothing of that indescribable quality of translucent unreality (я не могу передать ничего о том неопишемом свойстве = я не могу выразить никак то неопишемое свойство полупрозрачной нереальности; *to convey* — *передать*; *выразить*), that difference from the common things of experience that hung about it all (ту разницу с обыденным существованием, которая нависала над всем этим = окутывала все это; *to hang* — *висеть*, *нависать*); but that — that is what happened (но это — то, что случилось). If it was a dream (если это был сон), I am sure it was a day-time and altogether extraordinary dream (я уверен, это был совершенно удивительный сон наяву)... Н’м (м-да)! — naturally there followed a terrible questioning (естественно, последовал ужасный допрос), by my aunt, my father, the nurse, the governess — everyone (от моей тетушки, моего отца, няни, бонны — ото всех)...

translucent [trænz’lu:snt], sure [ʃuə], aunt [ɑ:nt]

“That is as well as I can remember my vision of that garden — the garden that haunts me still. Of course, I can convey nothing of that indescribable quality of translucent unreality, that difference from the common things of experience that hung about it all; but that — that is what happened. If it was a dream, I am sure it

was a day-time and altogether extraordinary dream... H'm! — naturally there followed a terrible questioning, by my aunt, my father, the nurse, the governess — everyone...

“I tried to tell them (я попытался рассказать им), and my father gave me my first thrashing for telling lies (и отец впервые вздул меня за вранье: «рассказывание лжи»; *to give smb. a thrashing* — *вздувать кого-л.*; *to thrash* — *молотить*; *бить*, *пороть*, *стегать*). When afterwards I tried to tell my aunt (когда потом я попытался рассказать моей тете), she punished me again for my wicked persistence (она наказала меня опять за злонамеренное упрямство). Then, as I said, everyone was forbidden to listen to me (потом, как я говорил, всем запретили слушать меня; *to forbid* — *запрещать*), to hear a word about it (слышать /хоть/ слово об этом). Even my fairy tale books were taken away from me for a time (даже мои книги сказок забрали у меня на время) — because I was ‘too imaginative (потому что я был «слишком одарен богатым воображением» = у меня было «слишком богатое воображение»; *imaginative* — *одаренный богатым воображением*).’ Eh (ну, как)? Yes, they did that (да, они сделали это)! My father belonged to the old school (мой отец принадлежал к старой школе)... And my story was driven back upon myself (и мой рассказ вернулся ко мне = остался при мне; *to drive* — *везти*, *перевозить*; *ехать*). I whispered it to my pillow (я нашепывал его в мою подушку) — my pillow that was often damp and salt to my whispering lips with childish tears (в мою подушку, которая часто была мокрой и соленой для моих шепчущих губ от детских слез). And I added always to my official and less fervent prayers this one heartfelt request (и я всегда добавлял к моим формальным и менее пылким молитвам эту единственную искреннюю просьбу): ‘Please God I may dream of the garden (пожалуйста, Господи, пусть мне приснится сад). Oh! take me back to my garden (о, возьми меня обратно в мой сад)! Take me back to my garden (возьми меня обратно в мой сад)!’

punish [ˈpʌnɪʃ], imaginative [ɪˈmædʒɪnətɪv], official [əˈfɪʃəl]

“I tried to tell them, and my father gave me my first thrashing for telling lies. When afterwards I tried to tell my aunt, she punished me again for my wicked persistence. Then, as I said, everyone was forbidden to listen to me, to hear a word about it. Even my fairy tale books were taken away from me for a time — because I was ‘too imaginative.’ Eh? Yes, they did that! My father belonged to the old school... And my story was driven back upon myself. I whispered it to my pillow — my pillow that was often damp and salt to my whispering lips with childish tears. And I added always to my official and less fervent prayers this one heartfelt request: ‘Please God I may dream of the garden. Oh! take me back to my garden! Take me back to my garden!’

“I dreamt often of the garden (мне часто снился сад; *to dream — видеть сны, видеть во сне*). I may have added to it (возможно, я /что-то/ добавлял к нему), I may have changed it (возможно, я изменял его); I do not know (не знаю)... All this you understand is an attempt to reconstruct from fragmentary memories a very early experience (все это, ты понимаешь, /было/ попыткой воссоздать из обрывочных воспоминаний очень раннее событие = *событие из очень раннего детства*). Between that and the other consecutive memories of my boyhood there is a gulf (между этим и остальными последовавшими за этим воспоминаниями моего отрочества лежит пропасть). A time came when it seemed impossible (пришло время, когда казалось невозможным) I should ever speak of that wonder glimpse again (что я когда-нибудь снова заговорю о том чудесном мимолетном впечатлении; *glimpse — мимолетное впечатление; быстрый взгляд, беглый взгляд; беглое знакомство*).”

I asked an obvious question (я задал один очевидный вопрос).

dreamt [dreɪmt], consecutive [kənˈsekjʊtɪv], obvious [ˈɒvɪəs]

“I dreamt often of the garden. I may have added to it, I may have changed it; I do not know... All this you understand is an attempt to reconstruct from fragmentary memories a very early experience. Between that and the other consecutive memories of my boyhood there is a gulf. A time came when it seemed impossible I should ever speak of that wonder glimpse again.”

I asked an obvious question.

“No (нет),” he said. “I don’t remember that I ever attempted to find my way back to the garden in those early years (я не помню, чтобы я когда-нибудь пытался найти путь обратно в сад в те ранние годы). This seems odd to me now (сейчас это кажется мне странным), but I think that very probably a closer watch was kept on my movements after this misadventure to prevent my going astray (но мне кажется очень вероятным, что после этого несчастного случая = неприятного инцидента за моими передвижениями стали следить внимательнее, чтобы я не потерялся; *watch* — пристальное наблюдение; надзор; *to keep watch* — сторожить, охранять; *to go astray* — потеряться, заблудиться). No, it wasn’t until you knew me that I tried for the garden again (нет, я снова стал искать сад не раньше, чем ты познакомился со мной). And I believe there was a period (и, мне кажется, был период) — incredible as it seems now (хоть это кажется невероятным сейчас) — when I forgot the garden altogether (когда я совершенно забыл о саде) — when I was about eight or nine it may have been (возможно, это было, когда мне было около восьми-девяти лет). Do you remember me as a kid at Saint Athelstan’s (ты помнишь меня ребенком в Сент-Ателстенском колледже)?”

“Rather (еще бы)!”

“I didn’t show any signs did I in those days of having a secret dream (я не проявлял никаких признаков того, что у меня есть тайная мечта в те дни, не так ли)?”

close [kləʊs], watch [wɒtʃ], period [ˈpiəriəd]

“No,” he said. “I don’t remember that I ever attempted to find my way back to the garden in those early years. This seems odd to me now, but I think that very probably a closer watch was kept on my movements after this misadventure to prevent my going astray. No, it wasn’t until you knew me that I tried for the garden again. And I believe there was a period — incredible as it seems now — when I forgot the garden altogether — when I was about eight or nine it may have been. Do you remember me as a kid at Saint Athelstan’s?”

“Rather!”

“I didn’t show any signs did I in those days of having a secret dream?”

II

He looked up with a sudden smile (он поднял взгляд с внезапной улыбкой).

“Did you ever play North-West Passage with me (ты когда-нибудь играл со мной в Северо-Западный Проход /морской путь/)?.. No, of course you didn’t come my way (нет, конечно ты не попался мне = наши пути не пересекались тогда; *to come smb.’s way* — *встречаться кому-л., попадаться кому-л.*)!”

“It was the sort of game (это была такая игра),” he went on (продолжал он), “that every imaginative child plays all day (в которую весь день играет каждый ребенок с богатым воображением). The idea was the discovery of a North-West Passage to school (идея была в том, чтобы обнаружить Северо-Западный Проход в школу). The way to school was plain enough (дорога в школу была довольно проста); the game consisted in finding some way that wasn’t plain (игра заключалась в том, чтобы найти какой-нибудь путь, который был не так прост), starting off ten minutes early in some almost hopeless direction (выходишь: «выходя» на десять минут раньше и /отправляешься/ в каком-

нибудь почти безнадежном направлении), and working one's way round through unaccustomed streets to my goal (а /потом/ пробираешься в обход через непривычные = *незнакомые* улицы к цели; *to work one's way* — *пробиваться, пробираться*).

idea [aɪ'diə], enough [ɪ'nʌf], almost ['ɔ:lməʊst]

He looked up with a sudden smile.

“Did you ever play North-West Passage with me?... No, of course you didn't come my way!”

“It was the sort of game,” he went on, “that every imaginative child plays all day. The idea was the discovery of a North-West Passage to school. The way to school was plain enough; the game consisted in finding some way that wasn't plain, starting off ten minutes early in some almost hopeless direction, and working one's way round through unaccustomed streets to my goal.

“And one day I got entangled among some rather low-class streets on the other side of Campden Hill (и однажды я запутался в каких-то закоулках: «улицах скорее низкого класса» по другую сторону Кэмпденского Холма), and I began to think that for once the game would be against me and that I should get to school late (и начал думать, что сейчас игра обратится против меня и я опоздаю в школу; *for once* — *изредка, иногда; в кои-то веки*). I tried rather desperately a street that seemed a cul-de-sac (я пошел: «попробовал» в отчаянии в одну улицу, которая казалась тупиком), and found a passage at the end (и нашел в конце проход). I hurried through that with renewed hope (я поспешил через него с обновленной надеждой). ‘I shall do it yet (я все-таки сделаю это = пройду),’ I said, and passed a row of frowsy little shops that were inexplicably familiar to me (сказал я и прошел мимо ряда запущенных лавочек, которые были необъяснимо знакомы мне; *frowsy* — *затхлый, несвежий, спертый; неопрятный, неряшливый; имеющий запущенный внешний вид*), and behold (и

вот)! there was my long white wall and the green door that led to the enchanted garden (там была моя длинная белая стена и зеленая дверь, которая вела в зачарованный сад)!

“The thing whacked upon me suddenly (это ударило = поразило меня неожиданно; *whack* — сильный удар; звучный удар; *to whack* — ударять; наносить звонкие удары). Then, after all, that garden, that wonderful garden, wasn’t a dream (значит, в конце концов, тот сад, тот чудесный сад не был сном)!”

He paused (он замолчал/сделал паузу).

cul-de-sac [ˈkʌldəsæk], passage [ˈpæsiɪdʒ], frowsy [ˈfraʊzi], inexplicably [ˌɪnɪkˈsplɪkəbli]

“And one day I got entangled among some rather low-class streets on the other side of Campden Hill, and I began to think that for once the game would be against me and that I should get to school late. I tried rather desperately a street that seemed a cul de sac, and found a passage at the end. I hurried through that with renewed hope. ‘I shall do it yet,’ I said, and passed a row of frowsy little shops that were inexplicably familiar to me, and behold! there was my long white wall and the green door that led to the enchanted garden!

“The thing whacked upon me suddenly. Then, after all, that garden, that wonderful garden, wasn’t a dream!”

He paused.

“I suppose my second experience with the green door marks the world of difference (я полагаю, что мой второй случай с зеленой дверью отмечает огромную разницу; *to mark* — отмечать, характеризовать, показывать; ознаменовывать; *world* — мир; обозначает также неопределенную множественность, массу, количество, расстояние, время и т. д.) there is between the busy life of a schoolboy and the infinite leisure of a child (которая

есть = *существует* между деятельной жизнью школьника и безграничным досугом ребенка). Anyhow, this second time I didn't for a moment think of going in straight away (как бы то ни было, в этот второй раз я ни на миг не подумал о том, чтобы сразу войти). You see (видишь ли)... For one thing my mind was full of the idea of getting to school in time (во-первых, мой ум был заполнен мыслью о том, чтобы вовремя попасть в школу) — set on not breaking my record for punctuality (настроен на то, чтобы не нарушить = *не испортить* мою характеристику по пунктуальности = как пунктуального ученика). I must surely have felt SOME little desire at least to try the door (я, наверняка, почувствовал НЕКОЕ небольшое желание, по крайней мере, опробовать дверь = *попробовать открыть дверь*) — yes, I must have felt that (да, я, наверное, ощутил это)...

infinite [ˈɪnfɪtɪ], leisure [ˈleɪzə], punctuality [ˌpʌŋktjuˈæltɪti]

“I suppose my second experience with the green door marks the world of difference there is between the busy life of a schoolboy and the infinite leisure of a child. Anyhow, this second time I didn't for a moment think of going in straight away. You see... For one thing my mind was full of the idea of getting to school in time — set on not breaking my record for punctuality. I must surely have felt SOME little desire at least to try the door — yes, I must have felt that...

“But I seem to remember the attraction of the door mainly as another obstacle to my overmastering determination to get to school (но кажется, я помню притягательность двери, главным образом, как еще одного препятствия к моей всепоглощающей решимости добраться до школы). I was immediately interested by this discovery I had made (я тотчас заинтересовался этим открытием, которое я совершил), of course (несомненно) — I went on with my mind full of it (я продолжал идти дальше, а мой ум был заполнен этим) — but I went on (но я шел дальше). It didn't check me (я не остановился; *to check* —

остановить). I ran past tugging out my watch (*я пробежал мимо, вытащив часы*), found I had ten minutes still to spare (*обнаружил, что у меня есть еще десять минут в запасе; to spare — иметь в избытке; spare — запас*), and then I was going downhill into familiar surroundings (*а потом я спускался по холму в знакомые окрестности*). I got to school, breathless, it is true (*я добрался до школы, запыхавшись, /это/ правда*), and wet with perspiration, but in time (*и мокрый от пота, но вовремя*). I can remember hanging up my coat and hat (*я помню, как повесил мое пальто и шапку*)... Went right by it and left it behind me (*прошел как раз мимо нее и оставил ее позади*). Odd, eh (*странно, да*)?”

obstacle [ˈɒbstəkl], surroundings [səˈraʊndɪŋz], breathless [ˈbreθlɪs], eh [eɪ]

“But I seem to remember the attraction of the door mainly as another obstacle to my overmastering determination to get to school. I was immediately interested by this discovery I had made, of course — I went on with my mind full of it — but I went on. It didn’t check me. I ran past tugging out my watch, found I had ten minutes still to spare, and then I was going downhill into familiar surroundings. I got to school, breathless, it is true, and wet with perspiration, but in time. I can remember hanging up my coat and hat... Went right by it and left it behind me. Odd, eh?”

He looked at me thoughtfully (*он задумчиво посмотрел на меня*). “Of course (*разумеется*), I didn’t know then that it wouldn’t always be there (*я не знал тогда, что она не всегда будет там*). School boys have limited imaginations (*у школьников ограниченное воображение*). I suppose I thought it was an awfully jolly thing to have it there (*мне кажется, я думал, что это ужасно замечательно, что она там*), to know my way back to it (*знать дорогу обратно к ней*), but there was the school tugging at me (*но была школа, которая с силой тянула меня; to tug at — дергать, тянуть с усилием*). I expect I was a good deal distraught and inattentive that morning (*полагаю, я был очень растерян и*

невнимателен в то утро; *a good deal* — много, множество; сильно), recalling what I could of the beautiful strange people I should presently see again (вспоминая, что мог, о тех прекрасных незнакомых людях, которых я снова увижу через некоторое время). Oddly enough I had no doubt in my mind (довольно странно, что в моих мыслях /у меня/ не было никакого сомнения) that they would be glad to see me (что они будут рады видеть меня)... Yes, I must have thought of the garden that morning (да, я, наверное, думал о саде в то утро) just as a jolly sort of place (лишь как о каком-то приятном месте) to which one might resort in the interludes of a strenuous scholastic career (в которое можно заглянуть в промежутках /между/ требующей усилий учебной деятельностью; *to resort* — часто посещать, бывать, собираться /у кого-л. или в каком-л. месте/).

awfully [ˈɔːfʊli], distraught [disˈtrɔ:t], doubt [daʊt]

He looked at me thoughtfully. “Of course, I didn’t know then that it wouldn’t always be there. School boys have limited imaginations. I suppose I thought it was an awfully jolly thing to have it there, to know my way back to it, but there was the school tugging at me. I expect I was a good deal distraught and inattentive that morning, recalling what I could of the beautiful strange people I should presently see again. Oddly enough I had no doubt in my mind that they would be glad to see me... Yes, I must have thought of the garden that morning just as a jolly sort of place to which one might resort in the interludes of a strenuous scholastic career.

“I didn’t go that day at all (в тот день я не пошел вообще). The next day was a half holiday (на следующий день был сокращенный учебный день; *half holiday* — сокращенный рабочий день), and that may have weighed with me (и это, вероятно, повлияло на меня = на мое решение; *to weigh with* — иметь значение; *влиять на /решение и т. п./*). Perhaps, too, my state of inattention brought down impositions upon me and docked the margin of time necessary for

the detour (возможно, также, мое состояние невнимательности навалило на меня штрафные/дополнительные задания и сократило предел времени, необходимый для окольного пути). I don't know (не знаю). What I do know is that in the meantime the enchanted garden was so much upon my mind (что я знаю, так это то, что тем временем зачарованный/волшебный сад так занимал мои мысли) that I could not keep it to myself (что я не мог хранить его для себя = не мог молчать об этом).

“I told (я рассказал) — What was his name (как же его звали)? — a ferrety-looking youngster we used to call Squiff (напоминающий хорька мальчик, которого мы звали Пройдохой).”

“Young Hopkins (юный Хопкинс),” said I.

holiday [ˈhɒlədeɪ], weigh [weɪ], detour [ˈdi:tʊə]

“I didn't go that day at all. The next day was a half holiday, and that may have weighed with me. Perhaps, too, my state of inattention brought down impositions upon me and docked the margin of time necessary for the detour. I don't know. What I do know is that in the meantime the enchanted garden was so much upon my mind that I could not keep it to myself.

“I told — What was his name? — a ferrety-looking youngster we used to call Squiff.”

“Young Hopkins,” said I.

“Hopkins it was (да, Хопкинс). I did not like telling him (я не очень хотел рассказывать ему; *to like* — любить, нравиться; хотеть, желать), I had a feeling that in some way it was against the rules to tell him (у меня было ощущение, что рассказывать ему было каким-то образом против правил), but I did (но я рассказал). He was walking part of the way home with me (он шел часть пути домой со мной); he was talkative (он был разговорчивым), and if we had not talked about the enchanted garden (и если бы мы не заговорили о

зачарованном саде) we should have talked of something else (мы заговорили бы о чем-то еще), and it was intolerable to me to think about any other subject (а мне было невыносимо думать о каком-либо другом предмете). So I blabbed (и я проболтался).

talkative [ˈtɔ:kətɪv], intolerable [ɪnˈtɒlərəbl̩], subject [ˈsʌbdʒɪkt]

“Hopkins it was. I did not like telling him, I had a feeling that in some way it was against the rules to tell him, but I did. He was walking part of the way home with me; he was talkative, and if we had not talked about the enchanted garden we should have talked of something else, and it was intolerable to me to think about any other. So I blabbed.

“Well, he told my secret (ну, он и выболтал мою тайну). The next day in the play interval I found myself surrounded by half a dozen bigger boys (на следующий день на перемене я оказался окруженным полдюжиной старших мальчишек), half teasing and wholly curious to hear more of the enchanted garden (наполовину поддразнивающих и очень любопытствующих услышать больше о зачарованном саде; *wholly* — *полностью, целиком*). There was that big Fawcett (там был тот здоровый Фосетт) — you remember him (помнишь его)? — and Carnaby and Morley Reynolds (и Карнаби, и Морли Рейнолдс). You weren’t there by any chance (тебя там, случайно, не было)? No, I think I should have remembered if you were (нет, мне кажется, я бы запомнил, если бы ты был)...

secret [ˈsi:kɹɪt], dozen [dʌzn̩], curious [ˈkjʊəriəs]

“Well, he told my secret. The next day in the play interval I found myself surrounded by half a dozen bigger boys, half teasing and wholly curious to hear more of the enchanted garden. There was that big Fawcett — you remember him?

— and Carnaby and Morley Reynolds. You weren't there by any chance? No, I think I should have remembered if you were...

“A boy is a creature of odd feelings (мальчишка — это ведь существо со странными чувствами). I was, I really believe (я был, я действительно верю), in spite of my secret self-disgust (несмотря на мое тайное отвращение к себе самому), a little flattered to have the attention of these big fellows (немного польщен тем, что привлек внимание этих больших парней). I remember particularly a moment of pleasure caused by the praise of Crawshaw (я особенно помню миг удовольствия, вызванный похвалой Крошоу) — you remember Crawshaw major (ты помнишь старшего Крошоу), the son of Crawshaw the composer (сына Крошоу, композитора)? — who said it was the best lie he had ever heard (который сказал, что это самая лучшая ложь, которую он когда-либо слышал). But at the same time there was a really painful undertow of shame (но в то же время было крайне тягостное подспудное ощущение стыда; *undertow* — скрытая тенденция, настроение) at telling what I felt was indeed a sacred secret (при выбалтывании того, что я чувствовал, является действительно священной тайной). That beast Fawcett made a joke about the girl in green (этот скотина Фосетт отпустил шутку о девушке в зеленом) — .”

creature [ˈkri:tʃə], pleasure [ˈpleʒə], sacred [ˈseɪkrɪd]

“A boy is a creature of odd feelings. I was, I really believe, in spite of my secret self-disgust, a little flattered to have the attention of these big fellows. I remember particularly a moment of pleasure caused by the praise of Crawshaw — you remember Crawshaw major, the son of Crawshaw the composer? — who said it was the best lie he had ever heard. But at the same time there was a really painful undertow of shame at telling what I felt was indeed a sacred secret. That beast Fawcett made a joke about the girl in green — .”

Wallace's voice sank with the keen memory of that shame (голос Уоллеса понизился при ярком воспоминании об этом позоре; *keen* — *глубокий, сильный, интенсивный /о чувствах или ощущениях/*). "I pretended not to hear (я сделал вид, что не услышал)," he said. "Well, then Carnaby suddenly called me a young liar and disputed with me (ну, потом Карнаби вдруг назвал меня маленьким лгунишкой и поспорил со мной) when I said the thing was true (когда я сказал, что это правда). I said I knew where to find the green door (я сказал, что знаю, где найти зеленую дверь), could lead them all there in ten minutes (/и/ могу отвести их всех туда за десять минут). Carnaby became outrageously virtuous (Карнаби стал в позу: «стал возмущенно добродетельным»), and said I'd have to (и сказал, что мне придется /сделать это/) — and bear out my words or suffer (и подтвердить мои слова или пострадать). Did you ever have Carnaby twist your arm (Карнаби когда-нибудь выворачивал тебе руку)? Then perhaps you'll understand how it went with me (тогда, ты, наверное, поймешь, как это произошло со мной). I swore my story was true (я поклялся, что мой рассказ — правда; *to swear* — *клясться*). There was nobody in the school then to save a chap from Carnaby though Crawshaw put in a word or so (тогда в школе не было никого, чтобы спасти = *кто бы спас* ребенка от Карнаби, хотя Крошоу замолвил словечко или около того = или два; *to put in a word* — *замолвить словечко /за кого-л. — for smb./*). Carnaby had got his game (Карнаби получил, что хотел: «свою добычу»; *game* — *игра; дичь*). I grew excited and red-eared (я разволновался, у меня покраснели уши), and a little frightened (и /я/ немного испугался), I behaved altogether like a silly little chap (я вел себя совершенно как глупое малое дитя), and the outcome of it all was that instead of starting alone for my enchanted garden (а в результате всего этого, вместо того чтобы отправиться одному в мой зачарованный сад), I led the way presently (я через некоторое время возглавил шествие; *to lead the way* — *идти впереди, идти во главе, вести за собой, возглавлять*) — cheeks flushed, ears hot, eyes smarting (с пунцовыми щеками, горящими ушами, со

жгучей болью в глазах; *to smart* — испытывать жгучую боль; болеть), and my soul one burning misery and shame (а моя душа /являла собой/ сплошное сильное страдание и жгучий стыд; *burning* — горящий, жгучий; сильный) — for a party of six mocking, curious and threatening school-fellows (за компанию из шести глумящихся, любопытных и грозных: «угрожающих» одноклассников).

outrageously [ˌaʊtˈreɪdʒəsli], virtuous [ˈvɜːtjuəs], threaten [θreɪn]

Wallace's voice sank with the keen memory of that shame. "I pretended not to hear," he said. "Well, then Carnaby suddenly called me a young liar and disputed with me when I said the thing was true. I said I knew where to find the green door, could lead them all there in ten minutes. Carnaby became outrageously virtuous, and said I'd have to — and bear out my words or suffer. Did you ever have Carnaby twist your arm? Then perhaps you'll understand how it went with me. I swore my story was true. There was nobody in the school then to save a chap from Carnaby though Crawshaw put in a word or so. Carnaby had got his game. I grew excited and red-eared, and a little frightened, I behaved altogether like a silly little chap, and the outcome of it all was that instead of starting alone for my enchanted garden, I led the way presently — cheeks flushed, ears hot, eyes smarting, and my soul one burning misery and shame — for a party of six mocking, curious and threatening school-fellows.

"We never found the white wall and the green door (мы так и не нашли белую стену и зеленую дверь)..."

"You mean (ты хочешь сказать)? — "

"I mean I couldn't find it (я хочу сказать, что не мог найти ее). I would have found it if I could (я бы нашел ее, если бы мог).

"And afterwards when I could go alone I couldn't find it (и потом, когда я смог пойти один, я не мог найти ее). I never found it (я никогда = так и не

нашел ее). I seem now to have been always looking for it through my school-boy days (теперь мне кажется, что я постоянно искал ее на протяжении всего времени учебы в школе: «моих школьнических дней»), but I've never come upon it again (но я никогда больше не наткнулся на нее; *to come upon* — натолкнуться на /что-л./, неожиданно найти /что-л./, случайно встретить /кого-л./).”

“Did the fellows — make it disagreeable (/a/ ребята доставили тебе неприятности; *disagreeable* — неприятный)?”

found [faʊnd], always [ˈɔːlwəz], disagreeable [ˌdɪsəˈɡriːəbl]

“We never found the white wall and the green door...”

“You mean? — ”

“I mean I couldn't find it. I would have found it if I could.

“And afterwards when I could go alone I couldn't find it. I never found it. I seem now to have been always looking for it through my school-boy days, but I've never come upon it again.”

“Did the fellows — make it disagreeable?”

“Beastly (ужасно/зверски)... Carnaby held a council over me for wanton lying (Карнаби устроил совет по поводу меня за бесстыдную ложь; *wanton* — несдержанный, необузданный; буйный, пышный). I remember how I sneaked home and upstairs to hide the marks of my blubbering (я помню, как крался домой и на второй этаж, чтобы скрыть следы рыданий; *to blubber* — громко плакать, рыдать; выть). But when I cried myself to sleep at last it wasn't for Carnaby (но когда я плакал, пока наконец не уснул: «доплакался до сна», это было не из-за Карнаби), but for the garden (а из-за сада), for the beautiful afternoon I had hoped for (из-за прекрасного послеполуденного времени, на которое я надеялся = которое я надеялся провести в саду), for the sweet friendly women and the waiting playfellows and the game (из-за очаровательных

дружелюбных женщин и ждущих товарищей по играм, и из-за самой игры) I had hoped to learn again (в которую я надеялся снова научиться играть), that beautiful forgotten game (в эту прекрасную забытую игру)...

council [ˈkaʊnsəl], wanton [ˈwɒntən], learn [lɜːn]

“Beastly... Carnaby held a council over me for wanton lying. I remember how I sneaked home and upstairs to hide the marks of my blubbering. But when I cried myself to sleep at last it wasn’t for Carnaby, but for the garden, for the beautiful afternoon I had hoped for, for the sweet friendly women and the waiting playfellows and the game I had hoped to learn again, that beautiful forgotten game...

“I believed firmly that if I had not told (я твердо верил, что если бы я не проболтался) — ... I had bad times after that (после этого я имел = у меня наступили тяжелые времена) — crying at night and woolgathering by day (я плакал по ночам и /был/ рассеян днем; *woolgathering* — рассеянный, мечтательный, витающий в облаках: «собирающий шерсть»; *wool* — шерсть). For two terms I slackened and had bad reports (два семестра я учился слабо, и у меня были плохие табели успеваемости; *to slacken* — слабеть, уменьшаться; *to slacken off* — становиться менее активным, уменьшаться). Do you remember (ты помнишь)? Of course you would (неприменно, ты должен помнить)! It was YOU — your beating me in mathematics (/ведь/ именно ты — когда ты превзошел меня в математике; *to beat* — бить, побеждать; *превосходить*) that brought me back to the grind again (/вот/ что снова вернуло меня к зубрежке).”

slacken [ˈslækən], mathematics [ˌmæθəˈmætɪks], grind [graɪnd]

“I believed firmly that if I had not told — ... I had bad times after that — crying at night and woolgathering by day. For two terms I slackened and had bad reports. Do you remember? Of course you would! It was YOU — your beating me in mathematics that brought me back to the grind again.”

III

For a time my friend stared silently into the red heart of the fire (на некоторое время мой друг молча уставился на «красное сердце» = в самую середину раскаленных углей камина). Then he said (потом он сказал): “I never saw it again until I was seventeen (я никогда больше не видел ее /дверь/, пока мне не исполнилось семнадцать лет).

“It leapt upon me for the third time (она набросилась на меня = внезапно возникла передо мной в третий раз) — as I was driving to Paddington on my way to Oxford and a scholarship (когда я ехал в Паддингтон = на Паддингтонский вокзал на /моем/ пути в Оксфорд и к стипендии; *scholarship* — ученость; стипендия). I had just one momentary glimpse (я бросил лишь один мимолетный взгляд). I was leaning over the apron of my hansom smoking a cigarette (я склонился над /низкой/ дверцей моего двухместного экипажа, куря сигарету; *apron* — козырек, щиток /предохраняющий пассажира от дождя или снега/; *hansom* — двухколесный экипаж /с местом для кучера сзади/), and no doubt thinking myself no end of a man of the world (и, несомненно, считал себя исключительным светским человеком; *no end of* — прекрасный, исключительный), and suddenly there was the door (и вдруг появилась дверь), the wall, the dear sense of unforgettable and still attainable things (стена, нежное чувство незабываемого и все еще достижимого; *to attain* — достигать).

heart [hɑ:t], apron [ˈeɪprən], world [wɜ:ld], attain [əˈteɪn]

For a time my friend stared silently into the red heart of the fire. Then he said:
“I never saw it again until I was seventeen.

“It leapt upon me for the third time — as I was driving to Paddington on my way to Oxford and a scholarship. I had just one momentary glimpse. I was leaning over the apron of my hansom smoking a cigarette, and no doubt thinking myself no end of a man of the world, and suddenly there was the door, the wall, the dear sense of unforgettable and still attainable things.

“We clattered by (мы процокали/прогрохотали мимо) — I too taken by surprise to stop my cab (я был слишком удивлен, чтобы остановить кеб) until we were well past and round a corner (пока мы не проехали довольно далеко мимо и не заехали за угол; *well* — *сильно, очень, в высокой степени*). Then I had a queer moment (затем у меня был момент слабости/сомнения; *queer* — *странный; сомнительный; подозрительный; нездоровый, плохо себя чувствующий; чувствующий головокружение, слабость, недомогание*), a double and divergent movement of my will (двойственное и неопределенное: «расходящееся в разные стороны» движение моей воли): I tapped the little door in the roof of the cab (я постучал в маленькую дверцу в крыше кеба), and brought my arm down to pull out my watch (и опустил руку, чтобы вытащить часы). ‘Yes, sir (да, сэръ)!’ said the cabman, smartly (сказал проворно извозчик). ‘Er — well — it’s nothing (э, ну, ничего),’ I cried (крикнул я). ‘MY mistake (МОЯ ошибка = я ошибся)! We haven’t much time (у нас мало времени)! Go on (езжай дальше; *to go on* — *продолжать путь*)!’ and he went on (и он продолжил путь)...

double [dʌbl], divergent [daɪˈvɜːdʒənt], watch [wɒtʃ]

“We clattered by — I too taken by surprise to stop my cab until we were well past and round a corner. Then I had a queer moment, a double and divergent movement of my will: I tapped the little door in the roof of the cab, and brought

my arm down to pull out my watch. ‘Yes, sir!’ said the cabman, smartly. ‘Er — well — it’s nothing,’ I cried. ‘MY mistake! We haven’t much time! Go on!’ and he went on...

“I got my scholarship (я получил стипендию). And the night after I was told of that I sat over my fire in my little upper room (а вечером после того, как мне сообщили об этом, я сидел у камина в моей маленькой комнатке на втором этаже; *upper* — *верхний*), my study, in my father’s house, with his praise (моем кабинете, в доме моего отца, он меня хвалил: «с его похвалой») — his rare praise (редкий случай: «с его редкой похвалой») — and his sound counsels ringing in my ears (и его здравые советы звучали /при этом/ у меня в ушах; *to ring* — *раздаваться, звучать*), and I smoked my favourite pipe (а я курил мою любимую трубку) — the formidable bulldog of adolescence (огромную курительную трубку юности) — and thought of that door in the long white wall (и вспоминал ту дверь в длинной белой стене). ‘If I had stopped (если бы я остановился),’ I thought (думал я), ‘I should have missed my scholarship (я бы не получил стипендию; *to miss* — *пропустить; упустить шанс/возможность*), I should have missed Oxford (я бы не попал в Оксфорд) — muddled all the fine career before me (испортил бы всю прекрасную карьеру /лежавшую/ передо мной; *to muddle* — *мутить, взбалтывать; перемешивать, путать, запутывать; портить*)! I begin to see things better (я начинаю понимать вещи = *все лучше*)!’ I fell musing deeply (я погрузился в глубокие размышления), but I did not doubt then this career of mine was a thing that merited sacrifice (но в то время я не сомневался в том, что моя карьера — это именно то, что заслуживает жертв).

rare [reə], adolescence [ædəʊˈlesns], sacrifice [ˈsækrɪfaɪs]

“I got my scholarship. And the night after I was told of that I sat over my fire in my little upper room, my study, in my father’s house, with his praise — his rare

praise — and his sound counsels ringing in my ears, and I smoked my favourite pipe — the formidable bulldog of adolescence — and thought of that door in the long white wall. ‘If I had stopped,’ I thought, ‘I should have missed my scholarship, I should have missed Oxford — muddled all the fine career before me! I begin to see things better!’ I fell musing deeply, but I did not doubt then this career of mine was a thing that merited sacrifice.

“Those dear friends and that clear atmosphere seemed very sweet to me (те милые друзья и та простодушная: «ясная» атмосфера казались очень приятными мне), very fine, but remote (очень красивыми = прекрасными, но далекими). My grip was fixing now upon the world (мое внимание: «хватка» сосредотачивалось теперь на обществе). I saw another door opening (я видел, как открывается другая дверь) — the door of my career (дверь моей карьеры).”

He stared again into the fire (он снова пристально взгляделся в огонь; *to stare* — пристально глядеть, вглядываться). Its red lights picked out a stubborn strength in his face for just one flickering moment (его красные огоньки оттенили непреклонную силу в его лице = лице Уоллеса лишь на один трепещущий миг; *stubborn* — упрямый; непреклонный, непоколебимый; твердый, решительный; *to flicker* — мерцать; сверкать; мигать), and then it vanished again (а потом она снова исчезла).

stare [steə], strength [streŋθ], stubborn [ˈstʌbən], vanish [ˈvæniʃ]

“Those dear friends and that clear atmosphere seemed very sweet to me, very fine, but remote. My grip was fixing now upon the world. I saw another door opening — the door of my career.”

He stared again into the fire. Its red lights picked out a stubborn strength in his face for just one flickering moment, and then it vanished again.

“Well”, he said and sighed (ну, — сказал он и вздохнул), “I have served that career (я служил этой карьере). I have done — much work, much hard work (я проделал большую работу, большую тяжелую работу). But I have dreamt of the enchanted garden a thousand dreams (но мне тысячу раз снился зачарованный сад), and seen its door (и я видел его дверь), or at least glimpsed its door (или, по крайней мере, мельком замечал его дверь), four times since then (с тех пор четыре раза). Yes — four times (да, четыре раза). For a while this world was so bright and interesting (некоторое время этот мир был таким ярким и интересным), seemed so full of meaning and opportunity (казался так наполненным смыслом и возможностями) that the half-effaced charm of the garden was by comparison gentle and remote (что наполовину стершееся очарование сада было по сравнению /с ним/ слабым и расплывчатым). Who wants to pat panthers on the way to dinner with pretty women and distinguished men (кому хочется поглаживать пантер, когда /на самом деле/ идешь на ужин с хорошенькими женщинами и выдающимися мужчинами; *distinguished* — выдающийся, знаменитый, известный, прославленный /чем-л. — for/; высокопоставленный)? I came down to London from Oxford (я вернулся после окончания университетского курса из Оксфорда в Лондон; *to come down* — вернуться после окончания курса из университета домой, окончить университет), a man of bold promise that I have done something to redeem (человеком со смелыми перспективами, для воплощения которых я кое-что сделал; *to redeem* — выполнять /обещание, обязательство и т. п./; возмещать; восстанавливать; *to redeem a promise* — выполнить обещание). Something — and yet there have been disappointments (кое-что, и тем не менее были разочарования)...

sigh [saɪ], comparison [kəmˈpærɪsən], pretty [ˈprɪti]

“Well”, he said and sighed, “I have served that career. I have done — much work, much hard work. But I have dreamt of the enchanted garden a thousand

dreams, and seen its door, or at least glimpsed its door, four times since then. Yes — four times. For a while this world was so bright and interesting, seemed so full of meaning and opportunity that the half-effaced charm of the garden was by comparison gentle and remote. Who wants to pat panthers on the way to dinner with pretty women and distinguished men? I came down to London from Oxford, a man of bold promise that I have done something to redeem. Something — and yet there have been disappointments...

“Twice I have been in love (дважды я влюблялся; *to be in love* — *быть влюбленным*) — I will not dwell on that (я не буду подробно останавливаться на этом; *to dwell on smth.* — *подробно останавливаться, задерживаться /на чем-л./*) — but once, as I went to someone who, I know, doubted whether I dared to come (но однажды, когда я шел к особе, которая, я знаю, сомневалась в том, осмелюсь ли я прийти), I took a short cut at a venture through an unfrequented road near Earl’s Court (я срезал наугад по редкопосещаемой дороге возле Графского Двора; *to take a short cut* — *пойти по кратчайшему пути; at a venture* — *наугад, наудачу*), and so happened on a white wall and a familiar green door (и таким образом случайно натолкнулся на белую стену и знакомую зеленую дверь; *to happen on* — *случайно натолкнуться*). ‘Odd (странно)!’ said I to myself (сказал я себе), ‘but I thought this place was on Campden Hill (но я думал, что это место находится на Кэмпденском Холме). It’s the place I never could find somehow (это место, которое почему-то я никогда не мог найти) — like counting Stonehenge (как пересчитать камни Стоунхенджа) — the place of that queer day dream of mine (место того моего необычного сна наяву).’ And I went by it intent upon my purpose (и я прошел мимо него, настойчиво стремясь к моей цели; *intent upon* — *настойчиво стремящийся к, склонный к*). It had no appeal to me that afternoon (в тот день оно не притягивало меня; *appeal* — *привлекательность, притягательность*).

venture [ˈventʃə], court [kɔ:t], purpose [ˈpə:pəs]

“Twice I have been in love — I will not dwell on that — but once, as I went to someone who, I know, doubted whether I dared to come, I took a short cut at a venture through an unfrequented road near Earl’s Court, and so happened on a white wall and a familiar green door. ‘Odd!’ said I to myself, ‘but I thought this place was on Campden Hill. It’s the place I never could find somehow — like counting Stonehenge — the place of that queer day dream of mine.’ And I went by it intent upon my purpose. It had no appeal to me that afternoon.

“I had just a moment’s impulse to try the door (у меня был секундный порыв проверить, /открыта ли/ дверь), three steps aside were needed at the most (нужно было /сделать/ не более трех шагов в сторону) — though I was sure enough in my heart that it would open to me (хотя я был довольно = вполне уверен в глубине души, что она откроется для меня; *in one’s heart* — в глубине души: «в своем сердце») — and then I thought that doing so might delay me on the way to that appointment (и тогда я подумал, что /если я сделаю/ это, возможно, задержит меня на пути к тому свиданию) in which I thought my honour was involved (в котором, я считал, была затронута моя честь; *to involve* — *втягивать, вовлекать; касаться, затрагивать*). Afterwards I was sorry for my punctuality (впоследствии я пожалел о моей пунктуальности) — I might at least have peeped in I thought (я мог бы, по крайней мере, заглянуть, думал я), and waved a hand to those panthers (и помахать рукой тем пантерам), but I knew enough by this time not to seek again belatedly that (но я знал достаточно к этому времени, чтобы снова запоздало не искать то) which is not found by seeking (что не найти /простым/ поиском). Yes, that time made me very sorry (да, тот раз очень огорчил меня)...

though [ðəu], honour [ˈɒnə], knew [nju:]

“I had just a moment’s impulse to try the door, three steps aside were needed at the most — though I was sure enough in my heart that it would open to me — and then I thought that doing so might delay me on the way to that appointment in which I thought my honour was involved. Afterwards I was sorry for my punctuality — I might at least have peeped in I thought, and waved a hand to those panthers, but I knew enough by this time not to seek again belatedly that which is not found by seeking. Yes, that time made me very sorry...

“Years of hard work after that and never a sight of the door (годы упорного труда после этого — и ни разу вида двери). It’s only recently it has come back to me (лишь недавно она вернулась ко мне; *recently* — *недавно; на днях, в последнее время*). With it there has come a sense as though some thin tarnish had spread itself over my world (с ней пришло чувство, словно какой-то тонкий налет растекся по моему миру; *tarnish* — *тонкий налет, пленка; тусклость*). I began to think of it as a sorrowful and bitter thing that I should never see that door again (я начал думать об этом, как о печальном и мучительном обстоятельстве, что я никогда не увижу больше той двери). Perhaps I was suffering a little from overwork (может быть, я страдал немного от переутомления) — perhaps it was what I’ve heard spoken of as the feeling of forty (возможно, это было то, о чем говорят как о кризисе среднего возраста: «ощущении сорока лет»). I don’t know (не знаю). But certainly the keen brightness that makes effort easy has gone out of things recently (но безусловно, интенсивная яркость, которая облегчает усилия, в последнее время исчезла из вещей = из окружающего мира), and that just at a time with all these new political developments (и это как раз совпало со всеми этими новыми политическими событиями; *at a time* — *разом, одновременно, сразу*) — when I ought to be working (когда мне нужно было работать). Odd, isn’t it (странно, не так ли)? But I do begin to find life toilsome (но я все-таки начинаю находить жизнь утомительной), its rewards, as I come near them, cheap (/a/ ее награды, когда я приближаюсь к ним = *при приближении*, — ничтожными). I began a

little while ago to want the garden quite badly (некоторое время назад я начал очень сильно нуждаться в саде). Yes — and I’ve seen it three times (да, и я видел это три раза).”

spread [spred], certainly [ˈsə:tnlɪ], recently [ˈri:sntlɪ]

“Years of hard work after that and never a sight of the door. It’s only recently it has come back to me. With it there has come a sense as though some thin tarnish had spread itself over my world. I began to think of it as a sorrowful and bitter thing that I should never see that door again. Perhaps I was suffering a little from overwork — perhaps it was what I’ve heard spoken of as the feeling of forty. I don’t know. But certainly the keen brightness that makes effort easy has gone out of things recently, and that just at a time with all these new political developments — when I ought to be working. Odd, isn’t it? But I do begin to find life toilsome, its rewards, as I come near them, cheap. I began a little while ago to want the garden quite badly. Yes — and I’ve seen it three times.”

“The garden (сад)?”

“No — the door (нет, дверь)! And I haven’t gone in (и я не вошел)!”

He leaned over the table to me (он склонился ко мне через стол), with an enormous sorrow in his voice as he spoke (с огромной печалью в голосе, когда он говорил /это/). “Thrice I have had my chance — THRICE (трижды у меня был шанс — ТРИЖДЫ)! If ever that door offers itself to me again (если когда-нибудь эта дверь предложит себя мне опять), I swore (я поклялся), I will go in out of this dust and heat (я войду в нее из этой суматохи и накала страстей; *dust* — пыль, прах, тлен; *суматоха*, *сумятица*; *heat* — жар, пыл; *гнев*, *пыл*), out of this dry glitter of vanity (из этой скучной тщеславной роскоши: «из сухого блеска тщеславия»; *to glitter* — блестеть, сверкать; *glitter* — яркий блеск, сверкание; *пышность*, *роскошь*), out of these toilsome futilities (из этой утомительной тщеты; *futility* — тщетность, бесполезность). I will go and

never return (я уйду и никогда не вернусь). This time I will stay (на этот раз я останусь /там/)... I swore it and when the time came (я поклялся в этом, и когда пришло время) — I DIDN'T GO (Я НЕ ВОШЕЛ).

“Three times in one year have I passed that door and failed to enter (три раза за один год я проходил мимо этой двери и не вошел; *to fail* — не исполнить, не сделать). Three times in the last year (три раза за прошлый год).

enormous [ɪˈnɔ:məs], swore [swɔ:], vanity [ˈvænitɪ]

“The garden?”

“No — the door! And I haven't gone in!”

He leaned over the table to me, with an enormous sorrow in his voice as he spoke. “Thrice I have had my chance — THRICE! If ever that door offers itself to me again, I swore, I will go in out of this dust and heat, out of this dry glitter of vanity, out of these toilsome futilities. I will go and never return. This time I will stay... I swore it and when the time came — I DIDN'T GO.

“Three times in one year have I passed that door and failed to enter. Three times in the last year.

“The first time was on the night of the snatch division on the Tenants' Redemption Bill (первый раз это было в вечер кратковременного раскола по поводу Закона о выкупе арендных земель; *snatch* — хватание, схватывание; хватка; короткий промежуток времени; *division* — деление, разделение; расхождение во мнениях, разногласия, противоречия), on which the Government was saved by a majority of three (при котором правительство было спасено большинством в три /голоса/). You remember (помнишь)? No one on our side (никто на нашей стороне) — perhaps very few on the opposite side (возможно, очень немногие на противоположной стороне) — expected the end that night (ожидали развязки в тот вечер). Then the debate collapsed like eggshells (потом дебаты хрустнули и раскололись, как яичная скорлупа;

debate — дебаты, дискуссия, обсуждение, прения; *collapse* — разрушаться, обваливаться, оседать; *потерпеть крах, неудачу*). I and Hotchkiss were dining with his cousin at Brentford (мы с Хотчиссом обедали у его кузена в Брентфорде; *cousin* — двоюродный брат, кузен; родственник), we were both unpaired (мы оба были без дам; *unpaired* — не имеющий пары), and we were called up by telephone (и нас вызвали по телефону), and set off at once in his cousin's motor (и /мы/ тотчас отправились в автомобиле его кузена). We got in barely in time (мы прибыли едва вовремя; *to get in* — прибывать), and on the way we passed my wall and door (а по дороге мы проехали мимо моей стены и двери) — livid in the moonlight (серовато-синей в лунном свете; *livid* — мертвенно-бледный; серовато-синий), blotched with hot yellow as the glare of our lamps lit it (пятнистой от резкого желтого света, когда яркий свет наших фар осветил ее), but unmistakable (но безошибочной/несомненной = несомненно это была она). 'My God!' cried I (о, Боже! — вскрикнул я). 'What?' said Hotchkiss (что? — спросил Хотчисс). 'Nothing (ничего)!' I answered, and the moment passed (ответил я, и момент миновал = был упущен; *to pass* — проходить, кончаться, прекращаться; исчезать).

tenant [ˈtenənt], government [ˈɡʌvənmənt], cousin [kʌzn]

“The first time was on the night of the snatch division on the Tenants’ Redemption Bill, on which the Government was saved by a majority of three. You remember? No one on our side — perhaps very few on the opposite side — expected the end that night. Then the debate collapsed like eggshells. I and Hotchkiss were dining with his cousin at Brentford, we were both unpaired, and we were called up by telephone, and set off at once in his cousin’s motor. We got in barely in time, and on the way we passed my wall and door — livid in the moonlight, blotched with hot yellow as the glare of our lamps lit it, but unmistakable. ‘My God!’ cried I. ‘What?’ said Hotchkiss. ‘Nothing!’ I answered, and the moment passed.

“‘I’ve made a great sacrifice (я принес великую жертву),’ I told the whip as I got in (сказал я парламентскому организатору партии, когда прибыл). ‘They all have (они все /принесли жертвы/),’ he said, and hurried by (сказал он и поспешил дальше).

“I do not see how I could have done otherwise then (я не знаю, как я мог поступить иначе тогда). And the next occasion was as I rushed to my father’s bedside to bid that stern old man farewell (а следующий случай был = произошел, когда я неся к одру отца, чтобы попрощаться с этим суровым стариком). Then, too, the claims of life were imperative (тогда тоже требования жизни были безоговорочны). But the third time was different (но в третий раз было иначе); it happened a week ago (это случилось неделю назад). It fills me with hot remorse to recall it (воспоминание об этом наполняет меня пылким раскаянием). I was with Gurker and Ralphs (я был с Гуркером и Ральфсом) — it’s no secret now you know that I’ve had my talk with Gurker (теперь это уже не секрет, ты знаешь, что у меня был разговор с Гуркером). We had been dining at Frobisher’s (мы обедали у Фробишера), and the talk had become intimate between us (и разговор между нами стал очень личным). The question of my place in the reconstructed ministry lay always just over the boundary of the discussion (вопрос о моем месте в новом: «реконструированном» министерстве лежал = стоял еще безусловно за границами обсуждения). Yes — yes (да, да). That’s all settled (это полностью / все согласовано / решено). It needn’t be talked about yet (об этом еще не нужно говорить), but there’s no reason to keep a secret from you (но нет причины скрывать это от тебя; *to keep a secret* — *держат в секрете*)... Yes — thanks! thanks (да, спасибо, спасибо)! But let me tell you my story (но позволь рассказать тебе мою историю).

otherwise [ˈʌdəwaɪz], imperative [ɪmˈperətɪv], intimate [ˈɪntɪmət]

“‘I’ve made a great sacrifice,’ I told the whip as I got in. ‘They all have,’ he said, and hurried by.

“I do not see how I could have done otherwise then. And the next occasion was as I rushed to my father’s bedside to bid that stern old man farewell. Then, too, the claims of life were imperative. But the third time was different; it happened a week ago. It fills me with hot remorse to recall it. I was with Gurker and Ralphs — it’s no secret now you know that I’ve had my talk with Gurker. We had been dining at Frobisher’s, and the talk had become intimate between us. The question of my place in the reconstructed ministry lay always just over the boundary of the discussion. Yes — yes. That’s all settled. It needn’t be talked about yet, but there’s no reason to keep a secret from you... Yes — thanks! thanks! But let me tell you my story.

“Then, on that night things were very much in the air (тогда, в тот вечер очень многое висело в воздухе; *to be in the air* — *быть в неопределенном положении, висеть в воздухе*). My position was a very delicate one (мое положение было очень щекотливым). I was keenly anxious to get some definite word from Gurker (мне очень хотелось получить какое-нибудь определенное слово от Гуркера), but was hampered by Ralphs’ presence (но мне мешало присутствие Ральфса; *to hamper* — *препятствовать, мешать /чему-л./*). I was using the best power of my brain (я использовал лучшую силу = *всю мощь моего мозга*) to keep that light and careless talk not too obviously directed to the point that concerns me (на поддержание этого легкого и беззаботного разговора, не слишком явно направленного на вопрос, который волнует меня). I had to (мне пришлось). Ralphs’ behaviour since has more than justified my caution (поведение Ральфса с тех пор более чем подтвердило мою осторожность)... Ralphs, I knew, would leave us beyond the Kensington High Street (Ральфс, я знал, покинет нас за Кенсингтон-Хай-Стрит, главной улицей Кенсингтона), and then I could surprise Gurker by a sudden frankness (и тогда я могу удивить Гуркера внезапной прямоотой). One has sometimes to resort to

these little devices (иногда приходится прибегать к этим мелким уловкам)... And then it was that in the margin of my field of vision I became aware once more of the white wall (и именно тогда краем глаза: «на краю моего поля зрения» я еще раз осознал = заметил белую стену; *to become aware of* — знать, сознать), the green door before us down the road (/и/ зеленую дверь перед нами на дороге).

delicate [ˈdelɪkət], anxious [ˈæŋkʃəs], caution [kəːʃn]

“Then, on that night things were very much in the air. My position was a very delicate one. I was keenly anxious to get some definite word from Gurker, but was hampered by Ralphs’ presence. I was using the best power of my brain to keep that light and careless talk not too obviously directed to the point that concerns me. I had to. Ralphs’ behaviour since has more than justified my caution... Ralphs, I knew, would leave us beyond the Kensington High Street, and then I could surprise Gurker by a sudden frankness. One has sometimes to resort to these little devices... And then it was that in the margin of my field of vision I became aware once more of the white wall, the green door before us down the road.

“We passed it talking (мы миновали ее, беседуя). I passed it (я прошел мимо нее). I can still see the shadow of Gurker’s marked profile (я все еще вижу тень четко очерченного профиля Гуркера; *marked* — поразительный, выдающийся; бросающийся в глаза; *to mark* — очерчивать границы), his opera hat tilted forward over his prominent nose (его складной цилиндр, наклоненный вперед над его торчащим носом; *prominent* — выступающий; торчащий, выдающийся), the many folds of his neck wrap going before my shadow and Ralphs’ as we sauntered past (многочисленные складки его шейного платка, двигающиеся впереди моей тени и /тени/ Ральфса, когда мы профланировали мимо; *to saunter* — гулять, прогуливаться, прохаживаться, фланировать).

“I passed within twenty inches of the door (я прошел в двадцати дюймах от двери). ‘If I say good-night to them, and go in (если я попрощаюсь с ними и войду),’ I asked myself (спросил я себя), ‘what will happen (что произойдет)?’ And I was all a-tingle for that word with Gurker (и я весь трепетал /в ожидании/ того разговора с Гуркером).

“I could not answer that question in the tangle of my other problems (я не мог ответить на тот вопрос в сплетении моих других проблем). ‘They will think me mad (они посчитают меня сумасшедшим),’ I thought (подумал я). ‘And suppose I vanish now (а предположим, я сейчас исчезну)! — Amazing disappearance of a prominent politician (поразительное исчезновение известного политика)!’ That weighed with me (это повлияло на мое решение; *to weigh with* — *влиять на /решение и т. п./*). A thousand inconceivably petty worldlinesses weighed with me in that crisis (тысяча невероятно мелких светских условностей повлияло на мое решение в этот критический момент; *crisis* — *критический, решительный момент; to conceive* — *полагать, размышлять; постигать; представлять себе; испытать, ощутить, почувствовать*)).”

profile [ˈprəʊfaɪl], saunter [ˈsɔːntə], thousand [ˈθaʊzənd], conceive [kənˈsiːv]

“We passed it talking. I passed it. I can still see the shadow of Gurker’s marked profile, his opera hat tilted forward over his prominent nose, the many folds of his neck wrap going before my shadow and Ralphs’ as we sauntered past.

“I passed within twenty inches of the door. ‘If I say good-night to them, and go in,’ I asked myself, ‘what will happen?’ And I was all a-tingle for that word with Gurker.

“I could not answer that question in the tangle of my other problems. ‘They will think me mad,’ I thought. ‘And suppose I vanish now! — Amazing

disappearance of a prominent politician!’ That weighed with me. A thousand inconceivably petty worldlinesses weighed with me in that crisis.”

Then he turned on me with a sorrowful smile, and, speaking slowly (затем он повернулся ко мне с печальной улыбкой и медленно сказал; *sorrow* — *горе, печаль, скорбь; грусть, сожаление*); “Here I am (/и/ вот я здесь)!” he said.

“Here I am (я здесь)!” he repeated (повторил он), “and my chance has gone from me (и мое счастье ушло от меня). Three times in one year the door has been offered me (три раза за один год дверь была предложена мне = дверь была передо мной) — the door that goes into peace (дверь, которая входит = *ведет* в гармонию; *peace* — *мир, покой; гармония, дружелюбие, дружелюбность, согласие*), into delight (к наслаждению), into a beauty beyond dreaming (к красоте за пределами мечтаний), a kindness no man on earth can know (к доброте, которая неизвестна ни одному человеку на земле). And I have rejected it, Redmond, and it has gone (а я отверг ее, Редмонд, и она исчезла) — ”

“How do you know (откуда ты это знаешь)?”

peace [pi:s], beyond [bi'jənd], know [nəu]

Then he turned on me with a sorrowful smile, and, speaking slowly; “Here I am!” he said.

“Here I am!” he repeated, “and my chance has gone from me. Three times in one year the door has been offered me — the door that goes into peace, into delight, into a beauty beyond dreaming, a kindness no man on earth can know. And I have rejected it, Redmond, and it has gone — ”

“How do you know?”

“I know (я знаю). I know (знаю). I am left now to work it out (мне остается: «я оставлен» теперь понять это; *to leave* — *оставлять, покидать; to work out*

— *решать /задачу/; отработать /долг и т. п./*), to stick to the tasks that held me so strongly when my moments came (*продолжить усердную работу с задачами, которые так сильно держали меня, когда наступали моменты; to stick to — продолжать усердно работать*). You say, I have success (*ты говоришь, я имею успех*) — this vulgar, tawdry, irksome, envied thing (*эту вульгарную, кричаще безвкусную, докучливую штуковину, которой завидуют; to envy — завидовать*). I have it (*/да/ имею*).” He had a walnut in his big hand (*в его большой руке был грецкий орех*). “If that was my success (*если бы это был мой успех*),” he said, and crushed it (*и раздробил его*), and held it out for me to see (*и протянул его мне, чтобы я увидел*).

tawdry [ˈtɔːdri], envied [ˈenvɪd], walnut [ˈwɔːlnʌt]

“I know. I know. I am left now to work it out, to stick to the tasks that held me so strongly when my moments came. You say, I have success — this vulgar, tawdry, irksome, envied thing. I have it.” He had a walnut in his big hand. “If that was my success,” he said, and crushed it, and held it out for me to see.

“Let me tell you something, Redmond (*Редмонд, позволь мне кое-что сказать тебе*). This loss is destroying me (*эта потеря разрушает меня*). For two months (*уже два месяца*), for ten weeks nearly now (*сейчас уже почти десять недель*), I have done no work at all (*я не выполняю совершенно никакой работы*), except the most necessary and urgent duties (*кроме самых необходимых и срочных обязанностей*). My soul is full of inappeasable regrets (*моя душа полна неудержимых/неутолимых сожалений; to appease — успокаивать; умиротворять, унимать, умирять*). At nights (*по ночам*) — when it is less likely I shall be recognised (*когда менее вероятно, что я буду признан*) — I go out (*я выхожу из дома: «наружу»*). I wander (*я брожу*). Yes (*да*). I wonder what people would think of that if they knew (*интересно, что подумали бы люди, если бы они узнали об этом*). A Cabinet Minister (*член совета*

министров), the responsible head of that most vital of all departments (ответственный глава самого важного из всех департаментов; *vital* — жизненный; /жизненно/ важный, насущный, существенный; необходимый), wandering alone (бродит один) — grieving (горюя) — sometimes near audibly lamenting (иногда почти вслух плачет/сокрушается; *to lament* — стенать, плакать; сокрушаться, горевать, горько жаловаться) — for a door, for a garden (о двери, о саде)!”

necessary [ˈnesəsəri], recognise [ˈrekəɡnaɪz], vital [vaɪtəl], lament [ləˈment]

“Let me tell you something, Redmond. This loss is destroying me. For two months, for ten weeks nearly now, I have done no work at all, except the most and urgent duties. My soul is full of inappeasable regrets. At nights — when it is less likely I shall be recognised — I go out. I wander. Yes. I wonder what people would think of that if they knew. A Cabinet Minister, the responsible head of that most vital of all departments, wandering alone — grieving — sometimes near audibly lamenting — for a door, for a garden!”

IV

I can see now his rather pallid face (я вижу /как/ сейчас его довольно бледное лицо), and the unfamiliar sombre fire that had come into his eyes (и незнакомый мрачный/унылый огонь, который появился в его глазах). I see him very vividly to-night (я вижу его очень отчетливо сегодня вечером). I sit recalling his words, his tones (я сижу, вспоминая его слова, его интонацию), and last evening’s Westminster Gazette still lies on my sofa (а вчерашняя вечерняя «Вестминстерская Газета» все еще лежит на моем диване), containing the notice of his death (содержащая = с заметкой о его смерти; *to contain* — содержать). At lunch to-day the club was busy with him and the

strange riddle of his fate (сегодня за ланчем клуб был занят = в клубе говорили о нем и о странной загадке его судьбы).

pallid [ˈpælɪd], contain [kənˈteɪn], death [deθ], busy [ˈbɪzi]

I can see now his rather pallid face, and the unfamiliar sombre fire that had come into his eyes. I see him very vividly to-night. I sit recalling his words, his tones, and last evening's Westminster Gazette still lies on my sofa, containing the notice of his death. At lunch to-day the club was busy with him and the strange riddle of his fate.

They found his body very early yesterday morning in a deep excavation near East Kensington Station (его тело нашли вчера ранним утром в глубоком котловане возле вокзала в Восточном Кенсингтоне). It is one of two shafts (это одна из двух шахт) that have been made in connection with an extension of the railway southward (которые были сделаны в связи с расширением железной дороги в южном направлении). It is protected from the intrusion of the public by a hoarding upon the high road (она защищена от вторжения людей временным забором на шоссе), in which a small doorway has been cut for the convenience of some of the workmen (в котором был прорублен небольшой дверной проем для удобства некоторых рабочих) who live in that direction (которые живут в том направлении). The doorway was left unfastened through a misunderstanding between two gangers (вход оставили незапертым из-за недоразумения между двумя десятниками/бригадирами; *to fasten* — *прикреплять, привязывать; связывать; запирать*), and through it he made his way (и через него-то он и пробрался; *to make one's way* — *продвигаться; пробираться*)...

intrusion [ɪnˈtruːʒn], hoarding [ˈhɔːdɪŋ], convenience [kənˈviːniəns], fasten [faːsn]

They found his body very early yesterday morning in a deep excavation near East Kensington Station. It is one of two shafts that have been made in connection with an extension of the railway southward. It is protected from the intrusion of the public by a hoarding upon the high road, in which a small doorway has been cut for the convenience of some of the workmen who live in that direction. The doorway was left unfastened through a misunderstanding between two gangers, and through it he made his way...

My mind is darkened with questions and riddles (мой ум затемнен вопросами и загадками = в моем разуме темно от вопросов и загадок; *to darken* — затемнять, скрывать; перестать видеть, ослепнуть; ослепить; *dark* — темный).

It would seem he walked all the way from the House that night (скорее всего, он прошел пешком весь путь от Палаты в тот вечер) — he has frequently walked home during the past Session (он часто ходил пешком домой во время прошлой сессии) — and so it is I figure his dark form coming along the late and empty streets, wrapped up, intent (/так я и представляю/ его темную фигуру, идущую вперед по поздним и пустынным улицам, закутанную, исполненную решимости; *to wrap up* — закутать). And then did the pale electric lights near the station cheat the rough planking into a semblance of white (а потом бледные электрические огни возле вокзала обманывают /его и превращают/ грубый штакетник в подобие белого цвета; *to cheat* — жульничать, мошенничать, ловчить, надувать; *planking* — ограждение котлована; доски, планки; обшивка досками)? Did that fatal unfastened door awaken some memory (пробудила ли та роковая незапертая дверь какое-то воспоминание)?

Was there, after all, ever any green door in the wall at all (в конце концов, была ли когда-нибудь вообще какая-то зеленая дверь в стене)?

frequently [ˈfri:kwəntli], rough [rʌf], fatal [ˈfeɪtəl]

My mind is darkened with questions and riddles.

It would seem he walked all the way from the House that night — he has frequently walked home during the past Session — and so it is I figure his dark form coming along the late and empty streets, wrapped up, intent. And then did the pale electric lights near the station cheat the rough planking into a semblance of white? Did that fatal unfastened door awaken some memory?

Was there, after all, ever any green door in the wall at all?

I do not know (я не знаю). I have told his story as he told it to me (я рассказал его историю так, как он рассказал ее мне). There are times (бывают моменты) when I believe (когда я считаю) that Wallace was no more than the victim of the coincidence between a rare but not unprecedented type of hallucination and a careless trap (что Уоллес оказался не более, чем жертвой совпадения между редким, но не беспрецедентным видом галлюцинации и ловушкой, оставленной по беспечности), but that indeed is not my profoundest belief (но это, на самом деле, не является моим самым глубоким убеждением = но в глубине души я так не думаю). You may think me superstitious if you will, and foolish (вы можете считать меня суеверным, если желаете, и безрассудным); but, indeed, I am more than half convinced that he had in truth (но, действительно, я более чем наполовину убежден в том, что он поистине обладал), an abnormal gift, and a sense, something (необычным даром и чувством, чем-то) — I know not what (я не знаю чем) — that in the guise of wall and door offered him an outlet (что под видом стены и двери предлагало ему выход; *in the guise of* — *под видом, под маской*), a secret and peculiar passage of escape into another and altogether more beautiful world (тайный и особый спасительный проход в другой и, в целом, в более прекрасный мир). At any rate, you will say (во всяком случае, вы скажете), it betrayed him in the end (что оно /это чувство/ предало его в конечном счете; *to betray* — *предавать; обманывать*). But did it betray him (но предало ли оно его /на самом деле/)? There you touch the inmost mystery of these dreamers (тут вы затрагиваете

глубочайшую тайну этих мечтателей), these men of vision and the imagination (этих людей с видениями и воображением).

coincidence [kəu'ɪnsɪdəns], profound [prə'faʊnd], superstitious
[,sju:pə'stɪʃəs]

I do not know. I have told his story as he told it to me. There are times when I believe that Wallace was no more than the victim of the coincidence between a rare but not unprecedented type of hallucination and a careless trap, but that indeed is not my profoundest belief. You may think me superstitious if you will, and foolish; but, indeed, I am more than half convinced that he had in truth, an abnormal gift, and a sense, something — I know not what — that in the guise of wall and door offered him an outlet, a secret and peculiar passage of escape into another and altogether more beautiful world. At any rate, you will say, it betrayed him in the end. But did it betray him? There you touch the inmost mystery of these dreamers, these men of vision and the imagination.

We see our world fair and common (мы видим наш мир ясным и простым; *common* — *общий, всеобщий; общепринятый, распространенный; обыкновенный, простой*), the hoarding and the pit (ограда и котлован). By our daylight standard (по нашему ясному стандарту; *daylight* — *дневной свет; прозрение, прояснение; открытость, доступность*) he walked out of security into darkness, danger and death (он вышел из безопасности во тьму, опасность и смерть). But did he see like that (но видел/понимал ли он /это/ так; *like that* — *так*)?

fair [feə], security [sɪ'kjʊərɪti], danger ['deɪndʒə]

We see our world fair and common, the hoarding and the pit. By our daylight standard he walked out of security into darkness, danger and death. But did he see like that?

The New Accelerator

Certainly, if ever a man found a guinea when he was looking for a pin it is my good friend Professor Gibberne (несомненно, если когда-нибудь какой-нибудь человек находил золотой: «гинею», когда он искал булавку, то это мой хороший друг профессор Гибберн). I have heard before of investigators overshooting the mark (я раньше слышал об исследователях, попавших куда выше, чем метили; *to overshoot the mark* — *взять выше/дальше цели*), but never quite to the extent that he has done (но почти никогда до такой степени, как он). He has really, this time at any rate (он действительно, на этот раз во всяком случае), without any touch of exaggeration in the phrase (без всякого намека на преувеличение в словах; *touch* — *малое количество чего-л.; чуточка, примесь, налет, оттенок, отсвет; phrase* — *фраза; манера, слог, стиль, язык*), found something to revolutionise human life (нашел кое-что, что коренным образом изменит человеческую жизнь; *to revolutionise* — *революционизировать; производить коренную ломку*). And that when he was simply seeking an all-round nervous stimulant to bring languid people up to the stresses of these pushful days (и это /случилось/, когда он просто искал комплексный стимулятор для нервов, который подстегнет вялых людей поспевать за нынешними напряженными днями; *to bring smb. up to smth.* — *доводить кого-л. до чего-л.; pushful* — *предприимчивый, сверхинициативный; пробивной, напористый; to push* — *толкать; push* — *толчок; толкание, тихание*). I have tasted the stuff now several times (я испробовал это вещество уже: «теперь» несколько раз), and I cannot do better than describe the effect the

thing had on me (и я не могу поступить лучше, чем описать воздействие, которое эта штука оказала на меня; *to have effect* — *подействовать, возыметь эффект*). That there are astonishing experiences in store for all in search of new sensations will become apparent enough (вы поймете: «станет довольно очевидно», что она таит поразительные впечатления для всех, кто ищет новых ощущений; *in search of* — *в поисках*).

guinea [ˈɡɪni], touch [tʌtʃ], search [sə:tʃ]

Certainly, if ever a man found a guinea when he was looking for a pin it is my good friend Professor Gibberne. I have heard before of investigators overshooting the mark, but never quite to the extent that he has done. He has really, this time at any rate, without any touch of exaggeration in the phrase, found something to revolutionise human life. And that when he was simply seeking an all-round nervous stimulant to bring languid people up to the stresses of these pushful days. I have tasted the stuff now several times, and I cannot do better than describe the effect the thing had on me. That there are astonishing experiences in store for all in search of new sensations will become apparent enough.

Professor Gibberne, as many people know (профессор Гибберн, как знают многие /люди/), is my neighbour in Folkestone (мой сосед в Фолкстоне). Unless my memory plays me a trick (если моя память мне не изменяет; *to play a trick* — *подшучивать, поддразнивать; разыгрывать*), his portrait at various ages has already appeared in The Strand Magazine (его портрет в разных возрастах уже появлялся в журнале «Стрэнд Мэгэзин») — I think late in 1899 (мне кажется, в конце 1899 года); but I am unable to look it up (но я не могу отыскать его) because I have lent that volume to some one who has never sent it back (потому что я одолжил этот номер кому-то, кто так и не вернул его). The reader may, perhaps, recall the high forehead and the singularly long black eyebrows that give such a Mephistophelian touch to his face (возможно, читатель вспомнит

высокий лоб и необычно длинные черные брови, которые придают такой мефистофелевский оттенок его лицу; *touch* — *штрих; характерная черта, отметина*). He occupies one of those pleasant little detached houses in the mixed style (он занимает один из тех симпатичных особнячков в смешанном стиле) that make the western end of the Upper Sandgate Road so interesting (которые делают таким интересным западный конец Верхней Дороги в Сэндгэйт).

neighbour [ˈneɪbə], various [ˈveəriəs], already [ɔ:lˈredɪ]

Professor Gibberne, as many people know, is my neighbour in Folkestone. Unless my memory plays me a trick, his portrait at various ages has already appeared in The Strand Magazine — I think late in 1899; but I am unable to look it up because I have lent that volume to some one who has never sent it back. The reader may, perhaps, recall the high forehead and the singularly long black eyebrows that give such a Mephistophelian touch to his face. He occupies one of those pleasant little detached houses in the mixed style that make the western end of the Upper Sandgate Road so interesting.

His is the one with the Flemish gables and the Moorish portico (его /дом/ это тот с фламандскими фронтонами и мавританским портиком), and it is in the little room with the mullioned bay window that he works when he is down here (и именно в небольшой комнате с многостворчатым эркером со стойками он работает, когда приезжает сюда; *down* — *означает движение от центра к периферии, из столицы в провинцию; mullion* — *средник /окна или двери/*), and in which of an evening we have so often smoked and talked together (и в которой вечерами мы так часто курили и беседовали друг с другом). He is a mighty jester (он большой шутник), but, besides, he likes to talk to me about his work (но, кроме этого, он любит разговаривать со мной о своей работе); he is one of those men who find a help and stimulus in talking (он один из тех людей, которые находят помощь и стимул в разговоре), and so I have been able to

follow the conception of the New Accelerator right up from a very early stage (так что я смог проследить замысел Нового Ускорителя непосредственно с очень ранней стадии). Of course, the greater portion of his experimental work is not done in Folkestone (разумеется, большая часть его экспериментальной работы делается не в Фолкстоне), but in Gower Street (а на Гоуэр-Стрит), in the fine new laboratory next to the hospital that he has been the first to use (в прекрасной новой лаборатории рядом с больницей, которой он первым стал пользоваться).

mullion [ˈmʌljən], mighty [ˈmaɪti], laboratory [ləˈbɒrətɹi]

His is the one with the Flemish gables and the Moorish portico, and it is in the little room with the mullioned bay window that he works when he is down here, and in which of an evening we have so often smoked and talked together. He is a mighty jester, but, besides, he likes to talk to me about his work; he is one of those men who find a help and stimulus in talking, and so I have been able to follow the conception of the New Accelerator right up from a very early stage. Of course, the greater portion of his experimental work is not done in Folkestone, but in Gower Street, in the fine new laboratory next to the hospital that he has been the first to use.

As every one knows (как всем известно), or at least as all intelligent people know (по крайней мере, как известно всем образованным людям), the special department in which Gibberne has gained so great and deserved a reputation among physiologists is the action of drugs upon the nervous system (особое ведомство, в котором Гибберн приобрел такую солидную и заслуженную репутацию среди физиологов, — это действие = изучение действия лекарств на нервную систему). Upon soporifics, sedatives, and anaesthetics he is, I am told, unequalled (мне говорили, что он непревзойден = является непревзойденным специалистом по снотворным, успокоительным и обезболивающим

средствам). He is also a chemist of considerable eminence (он также химик значительной величины; *eminence* — *высота; возвышенность; высокое положение*), and I suppose in the subtle and complex jungle of riddles (а я полагаю, что в коварных и запутанных дебрях загадок) that centres about the ganglion cell and the axis fibre (которые сосредоточены в нейроне и в нервных волокнах) there are little cleared places of his making (есть небольшие места, расчищенные его трудом), little glades of illumination (маленькие просеки и прогалины: «просеки просветления»), that, until he sees fit to publish his results, are still inaccessible to every other living man (которые, пока он не сочтет свои результаты подходящими для публикации, недоступны никому из смертных: «из других живых людей»). And in the last few years he has been particularly assiduous upon this question of nervous stimulants (а в последние несколько лет он был особенно усерден в вопросе нейростимуляторов), and already, before the discovery of the New Accelerator, very successful with them (и уже = *еще* до открытия Нового Ускорителя весьма преуспел с ними; *successful* — *преуспевающий; success* — *успех*). Medical science has to thank him for at least three distinct and absolutely safe invigorators of unrivalled value to practising men (медицинская наука должна поблагодарить его, по крайней мере, за три различных и абсолютно безопасных укрепляющих средства непревзойденной ценности для практикующих людей = врачей). In cases of exhaustion the preparation known as Gibberne's B Syrup has (в случаях истощения, препарат, известный как Сироп Гибберна Б), I suppose, saved more lives already than any lifeboat round the coast (я полагаю, спас уже больше жизней, чем любая спасательная шлюпка на всем побережье; *round* — *всюду, повсюду, на всем протяжении*).

special [ˈspeʃəl], anaesthetics [ˌænisˈθetiks], science [ˈsaɪəns]

As every one knows, or at least as all intelligent people know, the special department in which Gibberne has gained so great and deserved a reputation

among physiologists is the action of drugs upon the nervous system. Upon soporifics, sedatives, and anaesthetics he is, I am told, unequalled. He is also a chemist of considerable eminence, and I suppose in the subtle and complex jungle of riddles that centres about the ganglion cell and the axis fibre there are little cleared places of his making, little glades of illumination, that, until he sees fit to publish his results, are still inaccessible to every other living man. And in the last few years he has been particularly assiduous upon this question of nervous stimulants, and already, before the discovery of the New Accelerator, very successful with them. Medical science has to thank him for at least three distinct and absolutely safe invigorators of unrivalled value to practising men. In cases of exhaustion the preparation known as Gibberne's B Syrup has, I suppose, saved more lives already than any lifeboat round the coast.

“But none of these little things begin to satisfy me yet (но ни одна из этих мелочей меня не устраивает: «не удовлетворяет»),” he told me nearly a year ago (сказал он мне почти год назад). “Either they increase the central energy without affecting the nerves (либо они увеличивают центральную энергию = энергию центров, не воздействуя на нервы) or they simply increase the available energy by lowering the nervous conductivity (либо они просто увеличивают имеющуюся энергию путем понижения нервной проводимости); and all of them are unequal and local in their operation (и все они неодинаковы и локальны в своей работе = действуют неодинаково и локально/по месту). One wakes up the heart and viscera and leaves the brain stupefied (один /препарат/ пробуждает сердце и внутренние органы и оставляет мозг оцепеневшим; *viscera* — *внутренности*), one gets at the brain champagne fashion and does nothing good for the solar plexus (один = другой действует на мозг, как шампанское, и не делает ничего хорошего для солнечного сплетения), and what I want (а то, что мне нужно) — and what, if it's an earthly possibility, I mean to have (и то, что я намереваюсь получить, если есть малейшая возможность; *earthly* — *возможный; абсолютный, малейший*: «земной = на

/этой/ земле») — is a stimulant that stimulates all round (это стимулятор, который стимулирует все вокруг = все в целом), that wakes you up for a time from the crown of your head to the tip of your great toe (который пробуждает вас на некоторое время от макушки головы до кончика вашего большого пальца на ноге), and makes you go two (и заставляет вас действовать в два) — or even three (или даже в три /раза/ быстрее) — to everybody else's one (кого-либо другого). Eh (а)? That's the thing I'm after (вот к чему я стремлюсь; *to be after smth.* — *стараться получить что-л.*)."

energy [ˈenədʒɪ], viscera [ˈvisərə], champagne [ʃæmˈpeɪn]

"But none of these little things begin to satisfy me yet," he told me nearly a year ago. "Either they increase the central energy without affecting the nerves or they simply increase the available energy by lowering the nervous conductivity; and all of them are unequal and local in their operation. One wakes up the heart and viscera and leaves the brain stupefied, one gets at the brain champagne fashion and does nothing good for the solar plexus, and what I want — and what, if it's an earthly possibility, I mean to have — is a stimulant that stimulates all round, that wakes you up for a time from the crown of your head to the tip of your great toe, and makes you go two — or even three — to everybody else's one. Eh? That's the thing I'm after."

"It would tire a man (это же утомит человека)," I said.

"Not a doubt of it (никакого сомнения в этом). And you'd eat double or treble (а вы бы ели в два или три раза больше; *treble* — *тройное количество*) — and all that (и все такое). But just think what the thing would mean (но только подумайте, что бы это означало). Imagine yourself with a little phial like this (представьте себя с таким маленьким пузырьком)" — he held up a little bottle of green glass and marked his points with it (он поднял маленькую бутылочку из зеленого стекла и отмечал жестами с нею: «ею» важные мысли; *point* — *цель*,

намерение; важная мысль, заслуживающее внимание замечание) — “and in this precious phial is the power to think twice as fast (*и в этом драгоценном пузырьке находится = заключена сила, /для того чтобы/ думать в два раза скорее*), move twice as quickly (*двигаться в два раза быстрее*), do twice as much work in a given time (*выполнять в два раза больше работы за данное время*) as you could otherwise do (*чем вы могли бы иначе выполнить*).”

“But is such a thing possible (*но возможно ли такое*)?”

double [dʌbl], imagine [ɪˈmædʒɪn], phial [ˈfaɪəl]

“It would tire a man,” I said.

“Not a doubt of it. And you’d eat double or treble — and all that. But just think what the thing would mean. Imagine yourself with a little phial like this” — he held up a little bottle of green glass and marked his points with it — “and in this precious phial is the power to think twice as fast, move twice as quickly, do twice as much work in a given time as you could otherwise do.”

“But is such a thing possible?”

“I believe so (*полагаю, что да*). If it isn’t, I’ve wasted my time for a year (*если нет, /то/ я напрасно тратил время в течение года*). These various preparations of the hypophosphites, for example (*эти различные препараты из гипофосфитов, например*), seem to show that something of the sort (*кажется, показывают, что нечто подобное*)... Even if it was only one and a half times as fast it would do (*даже если бы это было лишь в полтора раза быстрее, этого было бы достаточно*).”

“It WOULD do (*это было бы ОЧЕНЬ недурно; it will do — подойдет, годится; неплохо, недурно*),” I said.

“If you were a statesman in a corner, for example (*если бы вы были политиком в затруднительном положении: «в углу = загнанным в угол», например*), time rushing up against you (*/а при этом/ время неслоь /работая/*

против вас; *to rush* — *мчатся, нестись; подгонять, торопить*), something urgent to be done, eh (и нужно срочно что-то делать, а)?”

“He could dose his private secretary (он мог бы дать дозу /вашего препарата/ своему личному секретарю),” I said.

example [ɪgˈzɑːmpl], urgent [ˈɜːdʒənt], private [ˈpraɪvɪt]

“I believe so. If it isn’t, I’ve wasted my time for a year. These various preparations of the hypophosphites, for example, seem to show that something of the sort . . . Even if it was only one and a half times as fast it would do.”

“It WOULD do,” I said.

“If you were a statesman in a corner, for example, time rushing up against you, something urgent to be done, eh?”

“He could dose his private secretary,” I said.

“And gain — double time (и выиграть двойное время). And think if YOU, for example (а подумайте, если бы ВЫ, например), wanted to finish a book (захотели бы закончить книгу).”

“Usually (обычно),” I said, “I wish I’d never begun ’em (я сожалею, что когда-то начал их: «я желаю, /чтобы/ я никогда не начинал их»).”

“Or a doctor, driven to death (или врачу, загнанному до полусмерти; *to drive smb. to death* — не давать кому-л. передышки, загнать кого-л. до полусмерти), wants to sit down and think out a case (нужно сесть и продумать до конца случай заболевания; *to think out* — додумать до конца; добраться до сути). Or a barrister (или адвокат) — or a man cramming for an examination (или человек, зубрящий = занимающийся зубрежкой к экзамену; *to cram* — готовиться к экзамену, зубрить; *cram* — еда для откорма птиц, скота на убой).”

“Worth a guinea a drop (стоит гинеею капля = по гинее за каплю),” said I, “and more to men like that (и больше таким людям = и /даже/ дороже для таких людей).”

“And in a duel, again (и опять же на дуэли),” said Gibberne, “where it all depends on your quickness in pulling the trigger (где все зависит от вашей быстроты при нажатии курка).”

usually [ˈjuːzuəl], death [deθ], duel [ˈdjuːəl]

“And gain — double time. And think if YOU, for example, wanted to finish a book.”

“Usually,” I said, “I wish I’d never begun ’em.”

“Or a doctor, driven to death, wants to sit down and think out a case. Or a barrister — or a man cramming for an examination.”

“Worth a guinea a drop,” said I, “and more to men like that.”

“And in a duel, again,” said Gibberne, “where it all depends on your quickness in pulling the trigger.”

“Or in fencing (или в фехтовании),” I echoed (поддакнул я).

“You see (видите ли),” said Gibberne, “if I get it as an all-round thing it will really do you no harm at all (если я получу это = если у меня получится универсальное средство, оно фактически не причинит вам никакого вреда вообще) — except perhaps to an infinitesimal degree it brings you nearer old age (за исключением, возможно, бесконечно малой степени, на которую оно приблизит вашу старость). You will just have lived twice to other people’s once (вы просто проживете в два раза больше, чем остальные) —”

except [ɪkˈsept], other [ʌðə], once [wʌns]

“Or in fencing,” I echoed.

“You see,” said Gibberne, “if I get it as an all-round thing it will really do you no harm at all — except perhaps to an infinitesimal degree it brings you nearer old age. You will just have lived twice to other people’s once —”

“I suppose (я полагаю),” I meditated (стал размышлять я), “in a duel (на дуэли) — it would be fair (/разве/ это было бы честно)?”

“That’s a question for the seconds (это вопрос для секундантов),” said Gibberne.

I harked back further (я возвратился в мыслях еще дальше; *to hark back* — *возвращаться /в мыслях/, вспоминать; to hark* — *охот. пускаться в погоню, преследовать*). “And you really think such a thing IS possible (и вы действительно считаете, что такое возможно)?” I said.

“As possible (так же возможно),” said Gibberne, and glanced at something that went throbbing by the window (сказал Гибберн и посмотрел на что-то, что, трясясь, проехало у окна), “as a motor-bus (как автобус). As a matter of fact (собственно говоря) —”

question [ˈkwestʃən], further [ˈfəːðə], glance [glɑːns]

“I suppose,” I meditated, “in a duel — it would be fair?”

“That’s a question for the seconds,” said Gibberne.

I harked back further. “And you really think such a thing IS possible?” I said.

“As possible,” said Gibberne, and glanced at something that went throbbing by the window, “as a motor-bus. As a matter of fact —”

He paused and smiled at me deeply (он замолчал и серьезно улыбнулся мне), and tapped slowly on the edge of his desk with the green phial (и постучал медленно по краю своего письменного стола зеленым пузырьком). “I think I know the stuff (мне кажется, я знаю = *мне известно* это вещество).... Already I’ve got something coming (кое-что уже готовится: «приближается»)." The

nervous smile upon his face betrayed the gravity of his revelation (нервная улыбка на его лице выдала важность его откровения). He rarely talked of his actual experimental work (он редко говорил о своей текущей экспериментальной работе) unless things were very near the end (если только дело не было очень близко к завершению). “And it may be, it may be (и оно может быть, оно может быть) — I shouldn’t be surprised (я бы не удивился) — it may even do the thing at a greater rate than twice (оно, возможно, будет делать дело на скорости большей = ускорять более, чем в два раза).”

nervous [ˈnə:vəs], actual [ˈæktʃuəl], surprise [səˈpraɪz]

He paused and smiled at me deeply, and tapped slowly on the edge of his desk with the green phial. “I think I know the stuff.... Already I’ve got something coming.” The nervous smile upon his face betrayed the gravity of his revelation. He rarely talked of his actual experimental work unless things were very near the end. “And it may be, it may be — I shouldn’t be surprised — it may even do the thing at a greater rate than twice.”

“It will be rather a big thing (это будет весьма большое дело),” I hazarded (отважился /сказать/ я; *big thing* — большое, многообещающее дело).

“It will be, I think, rather a big thing (да, я думаю, весьма большое дело).”

But I don’t think he quite knew (но мне кажется, что он не совсем понимал) what a big thing it was to be, for all that (насколько большим делом это станет; *for all that* — несмотря на все это, при всем этом, все же, тем не менее).

hazard [ˈhæzəd], quite [kwaɪt], knew [nju:]

“It will be rather a big thing,” I hazarded.

“It will be, I think, rather a big thing.”

But I don’t think he quite knew what a big thing it was to be, for all that.

I remember we had several talks about the stuff after that (я помню, что у нас было несколько бесед об этом веществе после того). “The New Accelerator” he called it (он назвал его «Новым Ускорителем»), and his tone about it grew more confident on each occasion (и его тон в отношении него с каждым случаем становился все более уверенным). Sometimes he talked nervously of unexpected physiological results its use might have (иногда он нервно говорил о неожиданных физиологических результатах, которые может иметь его использование), and then he would get a little unhappy (и тогда он становился немного подавленным); at others he was frankly mercenary (в другие моменты: «разы» он был откровенно корыстен), and we debated long and anxiously how the preparation might be turned to commercial account (и мы спорили долго и беспокойно о том, как можно было бы использовать препарат в своих коммерческих интересах; *to turn smth. to account* – использовать что-л. в своих интересах). “It’s a good thing (это хорошее дело),” said Gibberne, “a tremendous thing (потрясающее дело). I know I’m giving the world something (я знаю, что даю миру что-то), and I think it only reasonable we should expect the world to pay (и думаю, что просто справедливо ожидать, что мир заплатит). The dignity of science is all very well (честь/достоинство науки — это все очень здорово), but I think somehow I must have the monopoly of the stuff for, say, ten years (но мне кажется, что так или иначе я должен получить монополию на это средство, скажем, на десять лет). I don’t see why ALL the fun in life should go to the dealers in ham (я не понимаю, с какой стати все радости в жизни должны достаться торговцам ветчиной).”

result [rɪˈzʌlt], anxiously [ˈæŋksɪəslɪ], commercial [kəˈmɜːʃəl]

I remember we had several talks about the stuff after that. “The New Accelerator” he called it, and his tone about it grew more confident on each occasion. Sometimes he talked nervously of unexpected physiological results its

use might have, and then he would get a little unhappy; at others he was frankly mercenary, and we debated long and anxiously how the preparation might be turned to commercial account. “It’s a good thing,” said Gibberne, “a tremendous thing. I know I’m giving the world something, and I think it only reasonable we should expect the world to pay. The dignity of science is all very well, but I think somehow I must have the monopoly of the stuff for, say, ten years. I don’t see why ALL the fun in life should go to the dealers in ham.”

My own interest in the coming drug certainly did not wane in the time (мой собственный интерес в отношении многообещающего лекарства, разумеется, не ослабевал со временем). I have always had a queer little twist towards metaphysics in my mind (у меня в мозгах всегда был странный сдвиг в сторону метафизики; *twist* — *изгиб, поворот*). I have always been given to paradoxes about space and time (я всегда был склонен к парадоксам пространства и времени; *given* — *склонный, предрасположенный /к чему-л./; подверженный /чему-л./*), and it seemed to me that Gibberne was really preparing no less than the absolute acceleration of life (и мне показалось, что Гибберн в самом деле готовит не меньше, чем абсолютное ускорение жизни). Suppose a man repeatedly dosed with such a preparation (предположим человек получал бы регулярную дозу такого препарата): he would live an active and record life indeed (он прожил бы активную и полную событий жизнь; *record* — *характеристика, биография /профессиональная и т. д./; досье, собрание фактов, данных /о ком-л./*), but he would be an adult at eleven (но он бы был взрослым в одиннадцать), middle-aged at twenty-five (среднего возраста в двадцать пять), and by thirty well on the road to senile decay (а к тридцати уже на пути к старческому угасанию; *well* — *сильно, очень, в высокой степени*). It seemed to me (мне казалось) that so far Gibberne was only going to do for any one who took his drug (что пока Гибберн собирается лишь сделать для любого, кто принимает его лекарство) exactly what Nature has done for the Jews and Orientals (в точности то, что Природа сделала для евреев и жителей Востока),

who are men in their teens and aged by fifty (которые /уже/ мужчины в подростковом возрасте и старики к пятидесяти /годам/; *teens* — возраст от 13 до 19 лет /включительно/), and quicker in thought and act than we are all the time (и всегда соображают и действуют быстрее, чем мы; *thought* — мысль; мышление; размышление). The marvel of drugs has always been great to my mind (чудо лекарств всегда меня поражало: «было удивительным для моего разума»); you can madden a man, calm a man (вы можете свести человека с ума /или/ успокоить человека), make him incredibly strong and alert or a helpless log (сделать его невероятно сильным и проворным или беспомощным бревном), quicken this passion and allay that (разжечь эту страсть и подавить ту), all by means of drugs (исключительно посредством лекарств; *by means of* — посредством), and here was a new miracle to be added to this strange armoury of phials the doctors use (а тут было новое чудо, которое добавится в этот необычный арсенал пузырьков, которым пользуются врачи; *armoury* — склад оружия, арсенал)! But Gibberne was far too eager upon his technical points to enter very keenly into my aspect of the question (но Гибберн был слишком увлечен своими техническими моментами, чтобы очень сильно вникнуть в мою точку зрения на вопрос; *aspect* — аспект, подход, сторона вопроса; взгляд).

metaphysics [ˌmetəˈfɪzɪks], adult [ˈædʌlt], calm [kɑ:m]

My own interest in the coming drug certainly did not wane in the time. I have always had a queer little twist towards metaphysics in my mind. I have always been given to paradoxes about space and time, and it seemed to me that Gibberne was really preparing no less than the absolute acceleration of life. Suppose a man repeatedly dosed with such a preparation: he would live an active and record life indeed, but he would be an adult at eleven, middle-aged at twenty-five, and by thirty well on the road to senile decay. It seemed to me that so far Gibberne was only going to do for any one who took his drug exactly what Nature has done for

the Jews and Orientals, who are men in their teens and aged by fifty, and quicker in thought and act than we are all the time. The marvel of drugs has always been great to my mind; you can madden a man, calm a man, make him incredibly strong and alert or a helpless log, quicken this passion and allay that, all by means of drugs, and here was a new miracle to be added to this strange armoury of phials the doctors use! But Gibberne was far too eager upon his technical points to enter very keenly into my aspect of the question.

It was the 7th or 8th of August (было седьмое или восьмое августа) when he told me the distillation (когда он сказал мне, что дистилляция) that would decide his failure or success for a time was going forward as we talked (которая решит его крах или успех, /уже/ некоторое время длится: «продвигается вперед», пока мы говорим), and it was on the 10th that he told me the thing was done (а десятого /числа/ он сказал мне, что дело сделано) and the New Accelerator a tangible reality in the world (и Новый Ускоритель — вещественная реальность в мире; *tangible* — осязаемый; *вещественный*, *материальный*). I met him as I was going up the Sandgate Hill towards Folkestone (я встретил его, когда поднимался по Сэндгэйт-Хилл к Фолкстону) — I think I was going to get my hair cut (мне кажется, я собирался постричься; *to have/get one's hair cut* — *постричься*), and he came hurrying down to meet me (а он спешил вниз мне навстречу) — I suppose he was coming to my house to tell me at once of his success (полагаю, что он шел к моему дому, чтобы рассказать мне сразу о своем успехе; *at once* — *сразу же, тотчас же, немедленно*). I remember that his eyes were unusually bright and his face flushed (я помню, что его глаза были необычно радостными, а его лицо — воодушевленным; *to flush* — *забить струей, обильно потечь, хлынуть; приливать к какой-л. части тела /особенно лицу, о крови/; вспыхнуть, покраснеть*), and I noted even then the swift alacrity of his step (и я уже тогда заметил стремительное проворство = *стремительность* его походки; *even* — *точно, ровно, как раз*).

August [ˈɔːɡəst], success [səkˈses], alacrity [əˈlækrɪtɪ]

It was the 7th or 8th of August when he told me the distillation that would decide his failure or success for a time was going forward as we talked, and it was on the 10th that he told me the thing was done and the New Accelerator a tangible reality in the world. I met him as I was going up the Sandgate Hill towards Folkestone — I think I was going to get my hair cut, and he came hurrying down to meet me — I suppose he was coming to my house to tell me at once of his success. I remember that his eyes were unusually bright and his face flushed, and I noted even then the swift alacrity of his step.

“It’s done (готово; *done* — *сделанный; выполненный; законченный*),” he cried (воскликнул он), and gripped my hand (и схватил меня за руку), speaking very fast (разговаривая очень быстро); “it’s more than done (более, чем готово). Come up to my house and see (приходи ко мне и увидишь).”

“Really (правда)?”

“Really (правда)!” he shouted (крикнул он). “Incredibly (невероятно)! Come up and see (приходи и посмотри).”

“And it does (и он делает = ускоряет) — twice (в два раза)?

fast [fɑːst], done [dʌn], shout [ʃaʊt]

“It’s done,” he cried, and gripped my hand, speaking very fast; “it’s more than done. Come up to my house and see.”

“Really?”

“Really!” he shouted. “Incredibly! Come up and see.”

“And it does — twice?

“It does more, much more (он ускоряет больше, гораздо больше). It scares me (это пугает меня). Come up and see the stuff (приди и посмотри на это вещество). Taste it (попробуй его)! Try it (испытай его)! It’s the most amazing stuff on earth (это самое удивительное вещество на земле).” He gripped my arm (он схватил мою руку) and, walking at such a pace that he forced me into a trot (идя с такой скоростью, что мне пришлось чуть ли не бежать; *to force* — *принуждать*; *trot* — *рысь*; *быстрый шаг*), went shouting with me up the hill (шел и кричал = *громко говоря*, со мной /вверх/ на холм). A whole charabancful of people turned and stared at us in unison after the manner of people in chars-a-banc (все пассажиры автобуса повернулись и уставились на нас как один, как это бывает с пассажирами шарабанов; *charabanc* — *автобус /для экскурсий/*; *шарабан*; *after the manner* — *по способу*; *char à bancs* — *фр. шарабан: «повозка со скамейками»*). It was one of those hot, clear days (это был один из тех жарких, ясных дней) that Folkestone sees so much of (которых так много видит Фолкстон), every colour incredibly bright and every outline hard (/когда/ все цвета невероятно яркие, а все контуры контрастные). There was a breeze, of course (конечно был = *дул легкий ветерок*), but not so much breeze as sufficed under these conditions to keep me cool and dry (но не так много = *но не такой сильный* ветерок, которого было бы достаточно в данных условиях, чтобы мне было прохладно и чтобы я не потел: «сохранить меня прохладным и сухим»). I panted for mercy (я, запыхавшись, попросил пощады; *to pant* — *часто и тяжело дышать, задыхаться*; *mercy* — *милосердие; жалость, сожаление, сострадание*).

earth [ə:θ], charabanc [ˈʃærəbæŋ], suffice [səˈfaɪs]

“It does more, much more. It scares me. Come up and see the stuff. Taste it! Try it! It’s the most amazing stuff on earth.” He gripped my arm and, walking at such a pace that he forced me into a trot, went shouting with me up the hill. A whole charabancful of people turned and stared at us in unison after the manner of

people in chars-a-banc. It was one of those hot, clear days that Folkestone sees so much of, every colour incredibly bright and every outline hard. There was a breeze, of course, but not so much breeze as sufficed under these conditions to keep me cool and dry. I panted for mercy.

“I’m not walking fast, am I (я иду не слишком быстро, а)?” cried Gibberne (крикнул Гибберн), and slackened his pace to a quick march (и снизил скорость до быстрого шага).

“You’ve been taking some of this stuff (ты принимал = принял немного этого вещества),” I puffed (пропыхтел я).

“No (нет),” he said. “At the utmost a drop of water that stood in a beaker (максимум каплю воды, которая находилась в мензурке; *at the utmost* — самое большее) from which I had washed out the last traces of the stuff (из которой я вымыл последние следы вещества). I took some last night, you know (знаешь, я выпил немного вчера вечером). But that is ancient history, now (но это давняя история, теперь).”

“And it goes twice (и оно ускоряет в два раза)?” I said, nearing his doorway in a grateful perspiration (спросил я, приближаясь ко входу в его дом, сильно вспотев; *doorway* — дверной проем, пролет, раствор двери; вход в помещение; портал; *grateful* — плодородный, богатый, благодатный).

utmost [ˈʌtməʊst], ancient [ˈeɪnfənt], night [naɪt]

“I’m not walking fast, am I?” cried Gibberne, and slackened his pace to a quick march.

“You’ve been taking some of this stuff,” I puffed.

“No,” he said. “At the utmost a drop of water that stood in a beaker from which I had washed out the last traces of the stuff. I took some last night, you know. But that is ancient history, now.”

“And it goes twice?” I said, nearing his doorway in a grateful perspiration.

“It goes a thousand times, many thousand times (он ускоряет в тысячу раз, во много тысяч раз)!” cried Gibberne (воскликнул Гибберн), with a dramatic gesture (резким жестом), flinging open his Early English carved oak gate (распахнув свою резную дубовую дверь в раннеанглийском архитектурном стиле).

“Phew (уф)!” said I, and followed him to the door (сказал я и последовал за ним к двери).

“I don’t know how many times it goes (не знаю, во сколько раз оно ускоряет),” he said, with his latch-key in his hand (с дверным ключом в руке; *latch-key* — *ключ от американского замка*).

“And you (а ты) —”

“It throws all sorts of light on nervous physiology (оно проливает новый: «всяческий» свет на нервную физиологию), it kicks the theory of vision into a perfectly new shape (оно отбрасывает = *преобразует* теорию зрения в совершенно новую форму; *to kick* — *ударять ногой, пинать; отбрасывать; высоко подбрасывать, швырять*)!.. Heaven knows how many thousand times (Бог знает во сколько тысяч раз). We’ll try all that after (мы займемся всем этим после) — The thing is to try the stuff now (прежде всего надо сейчас испытать вещество; *thing* — *дело, обстоятельство, случай, факт; ситуация, положение дел*).”

gesture [ˈdʒestʃə], theory [ˈθiəri], phew [fju:], heaven [hevɪn]

“It goes a thousand times, many thousand times!” cried Gibberne, with a dramatic gesture, flinging open his Early English carved oak gate.

“Phew!” said I, and followed him to the door.

“I don’t know how many times it goes,” he said, with his latch-key in his hand.

“And you —”

“It throws all sorts of light on nervous physiology, it kicks the theory of vision into a perfectly new shape!.. Heaven knows how many thousand times. We’ll try all that after — The thing is to try the stuff now.”

“Try the stuff (испытать вещество)?” I said, as we went along the passage (спросил я, когда мы шли по коридору).

“Rather (конечно, да),” said Gibberne, turning on me in his study (поворачиваясь ко мне в своем кабинете). “There it is in that little green phial there (вот оно в том маленьком зеленом пузырьке)! Unless you happen to be afraid (если ты, конечно, не боишься: «разве что ты боишься»; *to happen* — *оказываться /случайно/; посчастливиться; to be afraid* — *бояться*)?”

I am a careful man by nature (я по натуре осторожный человек), and only theoretically adventurous (и безрассудно смел лишь теоретически = в отношении теорий; *adventure* — *приключение*). I WAS afraid (я /действительно/ боялся). But on the other hand there is pride (но с другой стороны, есть /такая штука как/ самолюбие; *pride* — *гордость, самолюбие*).

“Well,” I haggled (ну, — стал торговаться я; *to haggle* — *вздорить, пререкаться; спорить /по мелочам/; придираться; торговаться*). “You say you’ve tried it (ты /же/ говоришь, /уже/ испробовал его)?”

passage [ˈpæsiɪdʒ], afraid [əˈfreɪd], adventurous [ədˈventʃərəs]

“Try the stuff?” I said, as we went along the passage.

“Rather,” said Gibberne, turning on me in his study. “There it is in that little green phial there! Unless you happen to be afraid?”

I am a careful man by nature, and only theoretically adventurous. I WAS afraid. But on the other hand there is pride.

“Well,” I haggled. “You say you’ve tried it?”

“I’ve tried it (я испробовал его),” he said, “and I don’t look hurt by it, do I (и я не выгляжу = *и непохоже*, чтобы оно причинило мне вред, не так ли; *to hurt* — *причинять вред, ущерб*)? I don’t even look livery and I FEEL (даже непохоже, чтобы у меня было расстройство печени, а ЧУВСТВУЮ я себя; *livery* — *напоминающий по цвету или консистенции печень*; *связанный с расстройством или болезнью печени, предполагающий расстройство печени*) —”

I sat down (я сел). “Give me the potion (дай мне зелье; *potion* — *доза лекарства или яда; зелье, снадобье*),” I said. “If the worst comes to the worst (в худшем случае; *if the worst comes to the worst* — *в худшем случае, если случится самое худшее, на худой конец*) it will save having my hair cut (мне не придется стричься: «избавит меня от стрижки»), and that I think is one of the most hateful duties of a civilised man (а это, я думаю, одна из самых ненавистных обязанностей цивилизованного человека). How do you take the mixture (как нужно принимать микстуру)?”

“With water (с водой),” said Gibberne, whacking down a carafe (постучав по графину).

livery [ˈlɪvri], worst [wɜːst], carafe [kəˈræf]

“I’ve tried it,” he said, “and I don’t look hurt by it, do I? I don’t even look livery and I FEEL —”

I sat down. “Give me the potion,” I said. “If the worst comes to the worst it will save having my hair cut, and that I think is one of the most hateful duties of a civilised man. How do you take the mixture?”

“With water,” said Gibberne, whacking down a carafe.

He stood up in front of his desk and regarded me in his easy chair (он встал перед письменным столом и посмотрел на меня /сидящего/ в его удобном кресле); his manner was suddenly affected by a touch of the Harley Street

specialist (внезапно в его поведении появился тон врача: «специалиста с Харли-Стрит /улица с большим количеством врачебных кабинетов/). “It’s rum stuff, you know (знаешь, это необычное лекарство; *rum* — странный, чудной, подозрительный),” he said.

I made a gesture with my hand (я сделал жест рукой = я отмахнулся).

“I must warn you in the first place (во-первых, я должен предупредить тебя) as soon as you’ve got it down to shut your eyes (как только ты примешь его, закрой глаза), and open them very cautiously in a minute or so’s time (и открывай их очень осторожно через минуту или около того). One still sees (все еще видишь = зрение не пропадает). The sense of vision is a question of length of vibration (чувство зрения — это следствие длин волн: «продолжительности колебания»), and not of multitude of impacts (а не их количества: «множества импульсов»); but there’s a kind of shock to the retina (но есть = *происходит* своего рода удар по сетчатке), a nasty giddy confusion just at the time (неприятное чувство головокружения с помрачением сознания только в момент принятия: «только в это время»; *giddy* — вызывающий головокружение; *confusion* — спутанность сознания, помрачение сознания), if the eyes are open (если глаза открыты). Keep ’em shut (держи их закрытыми).”

specialist [ˈspeʃəlist], retina [ˈretinə], giddy [ˈɡɪdi]

He stood up in front of his desk and regarded me in his easy chair; his manner was suddenly affected by a touch of the Harley Street specialist. “It’s rum stuff, you know,” he said.

I made a gesture with my hand.

“I must warn you in the first place as soon as you’ve got it down to shut your eyes, and open them very cautiously in a minute or so’s time. One still sees. The sense of vision is a question of length of vibration, and not of multitude of impacts;

but there's a kind of shock to the retina, a nasty giddy confusion just at the time, if the eyes are open. Keep 'em shut."

"Shut (закрытыми)," I said. "Good (хорошо)!"

"And the next thing is, keep still (и следующее, не шевелись; *to keep still* — вести себя тихо; молчать; не шевелиться). Don't begin to whack about (не ерзай; *to whack* — ударять; наносить звонкие удары; *to whack about* — ерзать). You may fetch something a nasty rap if you do (ты можешь здорово ушибиться, если будешь делать = ерзать; *to fetch* — ударять, бить; *something* — до некоторой степени, несколько, немного; *rap* — легкий удар; стук).

Remember you will be going several thousand times faster than you ever did before (помни, что ты будешь двигаться в несколько тысяч раз быстрее, чем ты двигался до этого), heart, lungs, muscles, brain (сердце, легкие, мускулы, мозг) — everything — and you will hit hard without knowing it (все — и ты будешь наносить сильные удары, не зная этого = неосознанно; *to hit hard* — сильно ударять). You won't know it, you know (знаешь, ты не будешь осознавать это). You'll feel just as you do now (ты будешь чувствовать себя, как сейчас). Only everything in the world will seem to be going ever so many thousand times slower (только покажется, что все в мире будет двигаться во много тысяч раз медленнее) than it ever went before (чем двигалось раньше). That's what makes it so deuced queer (вот, что делает это таким ужасно странным = вот из-за чего это так ужасно странно; *deuced* — чертовски, ужасно; *deuce* — двойка, два очка /при игре в карты и кости/; черт, дьявол, бес /в проклятиях, ругательствах, как эмоционально-усилительное восклицание/: /the/ *deuce take it!* — черт побери!)."

nasty [ˈnɑːsti], heart [hɑːt], muscles [ˈmʌslz], deuced [djuːst]

"Shut," I said. "Good!"

“And the next thing is, keep still. Don’t begin to whack about. You may fetch something a nasty rap if you do. Remember you will be going several thousand times faster than you ever did before, heart, lungs, muscles, brain — everything — and you will hit hard without knowing it. You won’t know it, you know. You’ll feel just as you do now. Only everything in the world will seem to be going ever so many thousand times slower than it ever went before. That’s what makes it so deuced queer.”

“Lor’ (Господи),” I said. “And you mean (и ты хочешь сказать) —”

“You’ll see (увидишь),” said he, and took up a little measure (и поднял маленькую мензурку; *measure* — *мера, мерка, эталон*). He glanced at the material on his desk (он посмотрел на принадлежности на письменном столе; *material* — *принадлежности; набор инструментов, принадлежностей; боеприпасы; боевая техника*). “Glasses (стаканы),” he said, “water (вода). All here (все здесь). Mustn’t take too much for the first attempt (нельзя принимать слишком много на первый раз: «для первой попытки»).”

The little phial glucked out its precious contents (маленький пузырек выбулькал свое драгоценное содержимое = драгоценное содержимое с бульканьем вылилось из маленького пузырька).

“Don’t forget what I told you (не забудь, что я тебе сказал),” he said, turning the contents of the measure into a glass in the manner of an Italian waiter measuring whisky (выливая содержимое мензурки в стакан в манере итальянского официанта, отмеряющего виски). “Sit with the eyes tightly shut and in absolute stillness for two minutes (посиди с плотно закрытыми глазами и в абсолютной неподвижности две минуты),” he said. “Then you will hear me speak (потом ты услышишь, как я говорю).”

measure [ˈmeʒə], material [məˈtɪəriəl], tightly [ˈtaɪtli]

“Lor’,” I said. “And you mean —”

“You’ll see,” said he, and took up a little measure. He glanced at the material on his desk. “Glasses,” he said, “water. All here. Mustn’t take too much for the first attempt.”

The little phial glucked out its precious contents.

“Don’t forget what I told you,” he said, turning the contents of the measure into a glass in the manner of an Italian waiter measuring whisky. “Sit with the eyes tightly shut and in absolute stillness for two minutes,” he said. “Then you will hear me speak.”

He added an inch or so of water to the little dose in each glass (он добавил один дюйм воды или около того к маленькой дозе в каждом стакане).

“By-the-by (кстати),” he said, “don’t put your glass down (не клади свой стакан). Keep it in your hand and rest your hand on your knee (держи его в руке, а руку положи на колено; *to rest* — *отдыхать, давать отдых, покой; класть, положить; опереть*). Yes — so (да, так). And now (а теперь) —”

He raised his glass (он поднял стакан).

“The New Accelerator (/за/ Новый Ускоритель),” I said.

“The New Accelerator (/за/ Новый Ускоритель),” he answered (ответил он), and we touched glasses and drank (и мы чокнулись стаканами и выпили), and instantly I closed my eyes (и тотчас я закрыл глаза).

each [i:tʃ], glass [glɑ:s], answer [ˈɑ:nsə]

He added an inch or so of water to the little dose in each glass.

“By-the-by,” he said, “don’t put your glass down. Keep it in your hand and rest your hand on your knee. Yes — so. And now —”

He raised his glass.

“The New Accelerator,” I said.

“The New Accelerator,” he answered, and we touched glasses and drank, and instantly I closed my eyes.

You know that blank non-existence into which one drops when one has taken “gas (знаете, то абсолютное небытие, в которое погружаешься, когда получаешь «наркоз»).” For an indefinite interval it was like that (на протяжении неопределенного промежутка времени это было так). Then I heard Gibberne telling me to wake up (потом я услышал, как Гибберн велит мне пробуждаться), and I stirred and opened my eyes (и я зашевелился и открыл глаза). There he stood as he had been standing, glass still in hand (он стоял там, где стоял прежде, все еще со стаканом в руке). It was empty, that was all the difference (он был пуст, что было всей = единственной разницей).

“Well (ну)?” said I.

“Nothing out of the way (ничего необычного; *out of the way* — необычный, странный)?”

“Nothing (ничего). A slight feeling of exhilaration, perhaps (возможно, легкое чувство возбуждения). Nothing more (больше ничего).”

“Sounds (звуки)?”

existence [ɪgˈzɪstəns], indefinite [ɪnˈdefɪnət], exhilaration [ɪgˌzɪləˈreɪʃən]

You know that blank non-existence into which one drops when one has taken “gas.” For an indefinite interval it was like that. Then I heard Gibberne telling me to wake up, and I stirred and opened my eyes. There he stood as he had been standing, glass still in hand. It was empty, that was all the difference.

“Well?” said I.

“Nothing out of the way?”

“Nothing. A slight feeling of exhilaration, perhaps. Nothing more.”

“Sounds?”

“Things are still (все тихо: «вещи тихие»),” I said. “By Jove (Боже правый; *by Jove* — клянусь Юпитером! ей-богу!; *Боже мой!*)! yes (да)! They ARE still

(/действительно/ ТИХО). Except the sort of faint pat, patter (кроме какой-то слабой капли/слабого постукивания; *patter* — стук /дождевых капель/; топотание, легкий топот, шуршание, шлепание, шебуриение), like rain falling on different things (словно дождь падает на разные предметы = словно стук дождя по разным предметам; *to fall* — падать, идти /об осадках; расширительно о звездах, метеоритах и т. п./). What is it (что это)?”

“Analysed sounds (разложившиеся /на составляющие/ звуки; *to analyse* — анализировать, исследовать, разбирать; разлагать),” I think he said (мне кажется, сказал он), but I am not sure (но я не уверен). He glanced at the window (он взглянул на окно). “Have you ever seen a curtain before a window fixed in that way before (ты когда-нибудь раньше видел занавеску перед окном, закрепленную таким образом)?”

I followed his eyes (я проследил за его взглядом), and there was the end of the curtain, frozen, as it were, corner high, in the act of flapping briskly in the breeze (и там был край занавеса, словно застывший, с поднятым углом в момент оживленного трепыхания на ветру).

“No (нет),” said I; “that’s odd (это необычно).”

sure [ʃuə], eye [aɪ], high [haɪ]

“Things are still,” I said. “By Jove! yes! They ARE still. Except the sort of faint pat, patter, like rain falling on different things. What is it?”

“Analysed sounds,” I think he said, but I am not sure. He glanced at the window. “Have you ever seen a curtain before a window fixed in that way before?”

I followed his eyes, and there was the end of the curtain, frozen, as it were, corner high, in the act of flapping briskly in the breeze.

“No,” said I; “that’s odd.”

“And here (а вот = это),” he said, and opened the hand that held the glass (и раскрыл кисть руки, которая держала стакан). Naturally I winced, expecting the

glass to smash (естественно я вздрогнул, ожидая, что стакан разобьется; *to wince* — *вздрагивать, морщиться /например, от боли/*). But so far from smashing it did not even seem to stir (но куда там разбиться: «так далеко от разбития», он, казалось, даже не шевельнулся); it hung in mid-air — motionless (он повис неподвижно посреди воздуха = в воздухе).

“Roughly speaking (грубо говоря),” said Gibberne, “an object in these latitudes falls 16 feet in the first second (предмет в этих = *наших* широтах падает /со скоростью/ 16 футов в первую секунду). This glass is falling 16 feet in a second now (этот стакан падает сейчас /со скоростью/ 16 футов в секунду). Only, you see, it hasn’t been falling yet for the hundredth part of a second (только, видишь ли, он еще не падает /и/ сотую долю секунды). That gives you some idea of the pace of my Accelerator (это дает некоторое представление о силе: «темпе» моего Ускорителя; *pace* — *шаг; длина шага; скорость, темп*).” And he waved his hand round and round (и он помахал рукой со всех сторон; *round and round* — *кругом; со всех сторон*), over and under the slowly sinking glass (над и под медленно опускающимся стаканом). Finally, he took it by the bottom (наконец, он взял его за доньшко), pulled it down (потянул его вниз), and placed it very carefully on the table (и очень аккуратно поставил его на стол). “Eh (что скажешь; *eh* — *вот как!, не правда ли? /ожидание согласия; надежда на сочувствие слушающего/*)?” he said to me, and laughed (сказал он мне и засмеялся).

open [əʊpən], roughly [ˈrʌfli], eh [eɪ], laugh [lɑ:f]

“And here,” he said, and opened the hand that held the glass. Naturally I winced, expecting the glass to smash. But so far from smashing it did not even seem to stir; it hung in mid-air — motionless.

“Roughly speaking,” said Gibberne, “an object in these latitudes falls 16 feet in the first second. This glass is falling 16 feet in a second now. Only, you see, it hasn’t been falling yet for the hundredth part of a second. That gives you some

idea of the pace of my Accelerator.” And he waved his hand round and round, over and under the slowly sinking glass. Finally, he took it by the bottom, pulled it down, and placed it very carefully on the table. “Eh?” he said to me, and laughed.

“That seems all right (все вроде в порядке),” I said, and began very gingerly to raise myself from my chair (и начал очень осторожно подниматься со стула). I felt perfectly well (я чувствовал себя прекрасно: «совершенно хорошо»), very light and comfortable (очень легким и спокойным; *comfortable* — уютный, удобный; расслабленный, спокойный; лишенный напряженности), and quite confident in my mind (и полностью уверенным в своих мыслительных способностях). I was going fast all over (я двигался быстро повсюду = все у меня работало быстро). My heart, for example, was beating a thousand times a second (мое сердце, например, билось /с частотой/ в тысячу ударов: «раз» в секунду), but that caused me no discomfort at all (но это совершенно не доставляло мне дискомфорта). I looked out of the window (я выглянул из окна). An immovable cyclist, head down and with a frozen puff of dust behind his driving-wheel (неподвижный велосипедист, наклонив голову, и с застывшим облаком пыли за задним: «ведущим» колесом; *to drive* — гнать), scorched to overtake a galloping char-a-banc that did not stir (неся, чтобы обогнать быстрый омнибус, который не двигался). I gaped in amazement at this incredible spectacle (я открыл рот в изумлении от этого невероятного зрелища). “Gibberne,” I cried (Гибберн, — воскликнул я), “how long will this confounded stuff last (на сколько хватит этого адского: «проклятого» зелья; *to confound* — мешать; смущать; проклипать; *to last* — длиться; хватать, быть достаточным)?”

heart [hɑ:t], immovable [ɪ'mu:vəbl], cyclist [ˈsaɪklist]

“That seems all right,” I said, and began very gingerly to raise myself from my chair. I felt perfectly well, very light and comfortable, and quite confident in

my mind. I was going fast all over. My heart, for example, was beating a thousand times a second, but that caused me no discomfort at all. I looked out of the window. An immovable cyclist, head down and with a frozen puff of dust behind his driving-wheel, scorched to overtake a galloping char-a-banc that did not stir. I gaped in amazement at this incredible spectacle. “Gibberne,” I cried, “how long will this confounded stuff last?”

“Heaven knows (Бог /его/ знает)!” he answered (ответил он). “Last time I took it I went to bed and slept it off (в последний раз, когда я принимал его, я лег спать и избавился от него с помощью сна; *to sleep off* — *избавиться с помощью сна /от чего-л./*). I tell you (скажу тебе), I was frightened (я испугался). It must have lasted some minutes (наверное, его хватило на несколько минут: «это должно было продлиться несколько минут»), I think (я думаю) — it seemed like hours (это показалось часами). But after a bit it slows down rather suddenly, I believe (но, кажется, спустя немного времени оно прекращает действие: «снижает скорость» довольно неожиданно).”

I was proud to observe (я с гордостью отметил; *to observe* — *понять, осознать, отметить /что-л./*) that I did not feel frightened (что мне не было страшно: «не чувствовал испуганным») — I suppose because there were two of us (думаю, потому что нас было двое). “Why shouldn’t we go out (почему бы нам не выйти на улицу)?” I asked (спросил я).

frightened [ˈfraɪtənd], minute [ˈmɪnɪt], observe [əbˈzə:v]

“Heaven knows!” he answered. “Last time I took it I went to bed and slept it off. I tell you, I was frightened. It must have lasted some minutes, I think — it seemed like hours. But after a bit it slows down rather suddenly, I believe.”

I was proud to observe that I did not feel frightened — I suppose because there were two of us. “Why shouldn’t we go out?” I asked.

“Why not (почему бы и нет)?”

“They’ll see us (они увидят нас = нас увидят).”

“Not they (не они = нет). Goodness, no (Боже мой, нет)! Why, we shall be going a thousand times faster than the quickest conjuring trick that was ever done (ведь мы будем двигаться в тысячу раз быстрее самого быстрого волшебного трюка = фокуса, который когда-нибудь совершался; *to conjure* — *молить, заклинать; заниматься колдовством, магией; показывать фокусы*). Come along (идем/пошли; *to come along* — *идти вслед за /кем-л./; спешить*)! Which way shall we go (каким путем = как пойдем)? Window, or door (/через/ окно или /через/ дверь)?”

And out by the window we went (и мы вышли на улицу через окно).

conjuring [kənˈdʒʊərɪŋ], ever [ˈevə], door [dɔ:]

“Why not?”

“They’ll see us.”

“Not they. Goodness, no! Why, we shall be going a thousand times faster than the quickest conjuring trick that was ever done. Come along! Which way shall we go? Window, or door?”

And out by the window we went.

Assuredly of all the strange experiences that I have ever had (несомненно из всех необычайных впечатлений, которые я когда-нибудь получал), or imagined, or read of other people having or imagining (или представлял себе или читал о том, как другие люди получают или представляют себе), that little raid I made with Gibberne on the Folkestone Leas (эта небольшая вылазка, которую я совершил с Гибберном по Фолкстон-Лиз), under the influence of the New Accelerator (под воздействием Нового Ускорителя), was the strangest and maddest of all (была самой необычайной и безумной из всех). We went out by his gate into the road (мы вышли через его калитку на дорогу), and there we

made a minute examination of the statuesque passing traffic (и там мы минуту созерцали застывшее движение; *traffic* — движение; транспорт; *passing* — проходящий /мимо/). The tops of the wheels and some of the legs of the horses of this char-a-banc (верхние части колес и некоторые из ног лошадей этого омнибуса), the end of the whip-lash and the lower jaw of the conductor (кончик бича и нижняя челюсть кондуктора) — who was just beginning to yawn (который как раз начинал зевать) — were perceptibly in motion (двигались заметно), but all the rest of the lumbering conveyance seemed still (но все остальное у тяжело движущегося транспортного средства казалось неподвижным; *to convey* — перевозить). And quite noiseless except for a faint rattling that came from one man's throat (и совершенно бесшумным, за исключением слабого дребезжания, которое исходило из горла одного человека)!

imagine [ɪˈmædʒɪn], statuesque [ˌstætʃuˈesk], jaw [dʒɔː]

Assuredly of all the strange experiences that I have ever had, or imagined, or read of other people having or imagining, that little raid I made with Gibberne on the Folkestone Leas, under the influence of the New Accelerator, was the strangest and maddest of all. We went out by his gate into the road, and there we made a minute examination of the statuesque passing traffic. The tops of the wheels and some of the legs of the horses of this char-a-banc, the end of the whip-lash and the lower jaw of the conductor — who was just beginning to yawn — were perceptibly in motion, but all the rest of the lumbering conveyance seemed still. And quite noiseless except for a faint rattling that came from one man's throat!

And as parts of this frozen edifice there were a driver, you know, and a conductor, and eleven people (и частью этого застывшего сооружения были кучер, знаете ли, и кондуктор, и одиннадцать человек)! The effect as we walked about the thing began by being madly queer (впечатление, когда мы

обходили это /всё/, вначале было очень необычным; *to begin* — *начинать/ся/*), and ended by being disagreeable (а в конце оказалось неприятным; *to end* — *оканчивать/ся/*). There they were (там были они), people like ourselves and yet not like ourselves (/такие же/ люди, как мы, и однако непохожие на нас), frozen in careless attitudes (застывшие в беспечных позах), caught in mid-gesture (захваченные на незаконченном жесте: «полужесте»). A girl and a man smiled at one another (девушка и мужчина улыбались друг другу), a leering smile that threatened to last for evermore (улыбкой искоса, которая грозила затянуться на вечные времена; *to leer* — *смотреть искоса; смотреть хитро, злобно или с вожделением; evermore* — *навек; навсегда; вечно*); a woman in a floppy capelline rested her arm on the rail and stared at Gibberne's house with the unwinking stare of eternity (женщина в мягком капоре оперлась рукой на поручень и пристально смотрела на дом Гибберна немигающим взглядом вечности; *stare* — *пристальный взгляд /широко открытыми глазами/*); a man stroked his moustache like a figure of wax (мужчина поглаживал ус, как восковая фигура), and another stretched a tiresome stiff hand with extended fingers towards his loosened hat (а еще один протянул утомляющую = медлительную /за которой скучно наблюдать/ окостеневшую руку с расставленными пальцами в направлении сползающей шляпы; *to tire* — *утомлять; уставать; to loosen* — *развязывать/ся/, распускаться; становиться свободнее, разъединяться*). We stared at them (мы пристально вглядывались в них), we laughed at them (мы смеялись над ними), we made faces at them (мы строили им рожи), and then a sort of disgust of them came upon us (а потом на нас нашло какое-то отвращение), and we turned away and walked round in front of the cyclist towards the Leas (и мы отвернулись, и прошли в обход перед велосипедистом в направлении к Лиз).

edifice [ˈedɪfɪs], caught [kɔ:t], moustache [məˈstaːʃ]

And as parts of this frozen edifice there were a driver, you know, and a conductor, and eleven people! The effect as we walked about the thing began by being madly queer, and ended by being disagreeable. There they were, people like ourselves and yet not like ourselves, frozen in careless attitudes, caught in mid-gesture. A girl and a man smiled at one another, a leering smile that threatened to last for evermore; a woman in a floppy capelline rested her arm on the rail and stared at Gibberne's house with the unwinking stare of eternity; a man stroked his moustache like a figure of wax, and another stretched a tiresome stiff hand with extended fingers towards his loosened hat. We stared at them, we laughed at them, we made faces at them, and then a sort of disgust of them came upon us, and we turned away and walked round in front of the cyclist towards the Leas.

“Goodness (Боже мой)!” cried Gibberne, suddenly (воскликнул вдруг Гибберн); “look there (посмотри туда)!”

He pointed, and there at the tip of his finger (он показал, и там на кончике его пальца) and sliding down the air with wings flapping slowly and at the speed of an exceptionally languid snail (скользящая по воздуху с медленно машущими крылышками и со скоростью исключительно медлительной улитки) — was a bee (была пчела).

And so we came out upon the Leas (и вот мы вышли на Лиз). There the thing seemed madder than ever (там ситуация казалась еще более ненормальной). The band was playing in the upper stand (оркестр играл на верхнем месте = на возвышении), though all the sound it made for us was a low-pitched, wheezy rattle (хотя все звучание, которое он производил, было для нас низким, сиплым дребезжанием), a sort of prolonged last sigh that passed at times into a sound (какой-то продолжительный предсмертный: «последний» вздох, который временами переходил в звук) like the slow, muffled ticking of some monstrous clock (подобный неспешному, приглушенному тиканью каких-то гигантских часов). Frozen people stood erect, strange, silent, self-conscious-looking dummies (застывшие люди стояли вертикально — странные,

безмолвные, похожие на обладающих сознанием манекенов) hung unstably in mid-stride (зависшие неустойчиво на половине шага), promenading upon the grass (гуляющие по траве).

though [ðəu], self-conscious [ˈselfˈkɒnʃəs], promenade [ˌprɒmiˈnɑːd]

“Goodness!” cried Gibberne, suddenly; “look there!”

He pointed, and there at the tip of his finger and sliding down the air with wings flapping slowly and at the speed of an exceptionally languid snail — was a bee.

And so we came out upon the Leas. There the thing seemed madder than ever. The band was playing in the upper stand, though all the sound it made for us was a low-pitched, wheezy rattle, a sort of prolonged last sigh that passed at times into a sound like the slow, muffled ticking of some monstrous clock. Frozen people stood erect, strange, silent, self-conscious-looking dummies hung unstably in mid-stride, promenading upon the grass.

I passed close to a little poodle dog suspended in the act of leaping (я прошел рядом с маленьким пуделем, застывшим: «зависшим» в момент прыжка), and watched the slow movement of his legs as he sank to earth (и понаблюдал за медленным движением его ног, когда он опускался на землю). “Lord, look here (Господи, посмотри сюда)!” cried Gibberne (воскликнул Гибберн), and we halted for a moment before a magnificent person in white faint-striped flannels, white shoes, and a Panama hat (и мы остановились на минуту перед внушительным человеком в белых фланелевых брюках в едва заметную полоску, белых туфлях и в панаме), who turned back to wink at two gaily dressed ladies he had passed (который обернулся, чтобы подмигнуть двум ярко разодетым дамам, мимо которых он прошел). A wink, studied with such leisurely deliberation as we could afford (подмигивание, изучаемое с такой неторопливой медлительностью, какую мы могли позволить себе), is an

unattractive thing (/оказалось/ непривлекательным явлением; *to attract* — *привлекать*). It loses any quality of alert gaiety (оно теряет всякое качество живой веселости), and one remarks that the winking eye does not completely close (и замечаешь, что подмигивающий глаз полностью не закрывается), that under its drooping lid appears the lower edge of an eyeball and a little line of white (что под его закрывающимся веком появляется нижний край глазного яблока и черточка /глазного/ белка). “Heaven give me memory (Боже, дай мне память = не дай забыть),” said I, “and I will never wink again (и я никогда больше не буду подмигивать).”

halt [hɔ:lt], shoe [ʃu:], leisurely [ˈleɪʒəli]

I passed close to a little poodle dog suspended in the act of leaping, and watched the slow movement of his legs as he sank to earth. “Lord, look here!” cried Gibberne, and we halted for a moment before a magnificent person in white faint-striped flannels, white shoes, and a Panama hat, who turned back to wink at two gaily dressed ladies he had passed. A wink, studied with such leisurely deliberation as we could afford, is an unattractive thing. It loses any quality of alert gaiety, and one remarks that the winking eye does not completely close, that under its drooping lid appears the lower edge of an eyeball and a little line of white. “Heaven give me memory,” said I, “and I will never wink again.”

“Or smile (или улыбаться),” said Gibberne, with his eye on the lady’s answering teeth (направив взгляд на отвечающие зубы дамы = на зубы дамы в ответной улыбке).

“It’s infernally hot, somehow (почему-то ужасно жарко; *infernally* — *очень, ужасно, крайне*),” said I. “Let’s go slower (давай пойдем медленнее).”

“Oh, come along (ах, идем!)” said Gibberne.

We picked our way among the bath-chairs in the path (мы продвигались осторожно среди кресел на колесах на дорожке). Many of the people sitting in

the chairs seemed almost natural in their passive poses (многие из людей, сидевших в креслах, казались почти естественными в своих пассивных позах), but the contorted scarlet of the bandsmen was not a restful thing to see (но искаженный ярко-красный цвет /лиц/ оркестрантов не был успокоительным явлением, чтобы видеть = не был успокаивающим зрелищем). A purple-faced little gentleman was frozen in the midst of a violent struggle to refold his newspaper against the wind (невысокий багроволицый джентльмен застыл в разгаре яростной борьбы по сворачиванию своей газеты на ветру); there were many evidences that all these people in their sluggish way were exposed to a considerable breeze (было много свидетельств того, что все эти люди в замедленном состоянии находились на сильном ветру; *to be exposed to the rain/sun/wind* — *находиться под дождём/на солнце/на ветру*; *considerable* — *большой, немалый*), a breeze that had no existence so far as our sensations went (на ветру, который не существовал, насколько это касалось наших ощущений).

bath [bɑːθ], almost [ˈɔːlməʊst], evidence [ˈeɪdəns]

“Or smile,” said Gibberne, with his eye on the lady’s answering teeth.

“It’s infernally hot, somehow,” said I. “Let’s go slower.”

“Oh, come along!” said Gibberne.

We picked our way among the bath-chairs in the path. Many of the people sitting in the chairs seemed almost natural in their passive poses, but the contorted scarlet of the bandsmen was not a restful thing to see. A purple-faced little gentleman was frozen in the midst of a violent struggle to refold his newspaper against the wind; there were many evidences that all these people in their sluggish way were exposed to a considerable breeze, a breeze that had no existence so far as our sensations went.

We came out and walked a little way from the crowd (мы вышли и отошли недалеко от толпы), and turned and regarded it (/и/ повернулись и рассмотрели ее). To see all that multitude (видеть всю эту массу) changed, to a picture, smitten rigid, as it were (превратившуюся в картину, пораженную неподвижностью, так сказать; *to smite* — поражать /о болезни/; охватывать, поражать /страстью и т. п./), into the semblance of realistic wax (в подобие реалистичных восковых скульптур; *wax* — изделие из воска: свеча, скульптура и т. п.), was impossibly wonderful (было невероятно: «невозможно» изумительно). It was absurd, of course (конечно, это было глупо); but it filled me with an irrational, an exultant sense of superior advantage (но это наполняло меня беспричинным, ликующим чувством превосходящего преимущества = превосходства). Consider the wonder of it (примите во внимание изумление от этого; *to consider* — принимать во внимание, учитывать)! All that I had said, and thought, and done (все, что я сказал, подумал и сделал) since the stuff had begun to work in my veins had happened (с тех пор, как начало действовать лекарство в моих венах, произошло), so far as those people, so far as the world in general went, in the twinkling of an eye (насколько это касалось этих людей и /всего/ мира в целом, в мгновение ока). “The New Accelerator —” I began (Новый Ускоритель, — начал я), but Gibberne interrupted me (но Гибберн перебил меня).

multitude [ˈmʌltɪtju:d], exultant [ɪɡˈzʌltənt], advantage [ədˈvɑːntɪdʒ]

We came out and walked a little way from the crowd, and turned and regarded it. To see all that multitude changed, to a picture, smitten rigid, as it were, into the semblance of realistic wax, was impossibly wonderful. It was absurd, of course; but it filled me with an irrational, an exultant sense of superior advantage. Consider the wonder of it! All that I had said, and thought, and done since the stuff had begun to work in my veins had happened, so far as those people, so far as the

world in general went, in the twinkling of an eye. “The New Accelerator —” I began, but Gibberne interrupted me.

“There’s that infernal old woman (вот эта чертова старуха; *infernal* — *адский; чертов; проклятый*)!” he said.

“What old woman (какая старуха)?”

“Lives next door to me (живет по соседству со мной; *next door* — *по соседству, рядом*),” said Gibberne. “Has a lapdog that yaps (имеет = у нее комнатная собачка, которая пронзительно тявкает). Gods (боги = *Боже*)! The temptation is strong (соблазн силен = какой сильный соблазн!)”

woman [ˈwʊmən], door [dɔ:], strong [strɒŋ]

“There’s that infernal old woman!” he said.

“What old woman?”

“Lives next door to me,” said Gibberne. “Has a lapdog that yaps. Gods! The temptation is strong!”

There is something very boyish and impulsive about Gibberne at times (временами у Гибберна бывает = *вырывается что-то мальчишеское и импульсивное*). Before I could expostulate with him he had dashed forward (прежде чем я смог образумить его, он бросился вперед; *to expostulate* — *уещевать, уговаривать, стараться образумить, усовестить*), snatched the unfortunate animal out of visible existence (выхватил несчастное животное из видимой жизни; *to snatch out* — *вырывать, выхватывать*), and was running violently with it towards the cliff of the Leas (и неистово побежал с ней к обрыву Лиз). It was most extraordinary (это было крайне удивительно; *extraordinary* — *необычный, странный; удивительный*). The little brute, you know, didn’t bark or wriggle or make the slightest sign of vitality (животинка, знаете ли, не лаяла, не изгибалась и не подавала малейших признаков жизни;

brute — животное). It kept quite stiffly in an attitude of somnolent repose (*она оставалась совершенно одеревенелой, будто спала: «в позе дремлющего покоя»*), and Gibberne held it by the neck (*а Гибберн держал ее за шею*). It was like running about with a dog of wood (*это было похоже на бег = он словно бежал с деревянной собакой*). “Gibberne,” I cried, “put it down (*Гибберн, — крикнул я, — отпусти ее!*)” Then I said something else (*потом я сказал что-то еще*). “If you run like that, Gibberne (*Гибберн, если ты будешь так бегать*),” I cried (*крикнул я*), “you’ll set your clothes on fire (*ты подожжешь одежду = у тебя загорится одежда; to set smth. on fire — поджигать что-л.*). Your linen trousers are going brown as it is (*твои льняные брюки и так /уже/ коричневеют = тлеют/подгорают; brown — загорелый, смуглый; поджаренный, подрумяненный!*)”

unfortunate [ʌnˈfɔːtʃnɪt], vitality [vaɪˈtælɪti], linen [ˈlɪnɪn]

There is something very boyish and impulsive about Gibberne at times. Before I could expostulate with him he had dashed forward, snatched the unfortunate animal out of visible existence, and was running violently with it towards the cliff of the Leas. It was most extraordinary. The little brute, you know, didn’t bark or wriggle or make the slightest sign of vitality. It kept quite stiffly in an attitude of somnolent repose, and Gibberne held it by the neck. It was like running about with a dog of wood. “Gibberne,” I cried, “put it down!” Then I said something else. “If you run like that, Gibberne,” I cried, “you’ll set your clothes on fire. Your linen trousers are going brown as it is!”

He clapped his hand on his thigh and stood hesitating on the verge (*он похлопал рукой себя по бедру и стал, колеблясь, на краю /обрыва/*). “Gibberne,” I cried, coming up (*Гибберн, — крикнул я, подходя*), “put it down (*опусти ее*). This heat is too much (*температура слишком высока: «жара слишком сильная»*)! It’s our running so (*это от нашего бега*)! Two or three miles

a second (две-три мили в секунду)! Friction of the air (сила трения воздуха; *friction — трение*)!”

“What (что)?” he said, glancing at the dog (глядя на собачку; *to glance — бросить взгляд; взглянуть мельком*).

thigh [θaɪ], verge [vɜːdʒ], air [eə]

He clapped his hand on his thigh and stood hesitating on the verge.

“Gibberne,” I cried, coming up, “put it down. This heat is too much! It’s our running so! Two or three miles a second! Friction of the air!”

“What?” he said, glancing at the dog.

“Friction of the air (сила трения воздуха),” I shouted (прокричал я).

“Friction of the air (сила трения воздуха). Going too fast (слишком быстро двигаемся). Like meteorites and things (как метеориты и тому подобное). Too hot (слишком жарко). And, Gibberne! Gibberne (и, Гибберн, Гибберн)! I’m all over pricking and a sort of perspiration (меня всего покалывает, и я весь в поту). You can see people stirring slightly (ты видишь, люди слегка шевелятся). I believe the stuff’s working off (полагаю, вещество перестает действовать; *to work off — освободиться, отделаться от чего-л.; закончить работу над чем-л.*)! Put that dog down (опусти эту собаку).”

“Eh (а)?” he said.

“It’s working off (оно перестает действовать),” I repeated (повторил я).

“We’re too hot and the stuff’s working off (нам слишком жарко, а лекарство прекращает свое действие)! I’m wet through (я насквозь мокрый).”

meteorite [ˈmiːtɪəraɪt], stir [stɜː], believe [bɪˈliːv]

“Friction of the air,” I shouted. “Friction of the air. Going too fast. Like meteorites and things. Too hot. And, Gibberne! Gibberne! I’m all over pricking

and a sort of perspiration. You can see people stirring slightly. I believe the stuff's working off! Put that dog down.”

“Eh?” he said.

“It's working off,” I repeated. “We're too hot and the stuff's working off! I'm wet through.”

He stared at me (он уставился на меня). Then at the band (потом на оркестр), the wheezy rattle of whose performance was certainly going faster (хрипящее дребезжание звучание: «исполнение» которого несомненно становилось быстрее). Then with a tremendous sweep of the arm he hurled the dog away from him (затем потрясающим взмахом руки он отшвырнул собачонку прочь от себя) and it went spinning upward, still inanimate, and hung at last over the grouped parasols of a knot of chattering people (и она полетела кувыряясь вверх, все еще безжизненная, и наконец повисла над скучившимися зонтиками группы болтающих людей). Gibberne was gripping my elbow (Гибберн схватил меня за локоть). “By Jove!” he cried (ей-богу! — крикнул он). “I believe — it is (точно, кончается)! A sort of hot pricking and — yes (какое-то горячее покалывание и — да). That man's moving his pocket-handkerchief (тот мужчина достает: «двигает» носовым платком)! Perceptibly (заметно). We must get out of this sharp (нам нужно быстро убираться отсюда).”

whose [hu:z], inanimate [ɪn'ænimət], handkerchief ['hæŋkətʃi:f]

He stared at me. Then at the band, the wheezy rattle of whose performance was certainly going faster. Then with a tremendous sweep of the arm he hurled the dog away from him and it went spinning upward, still inanimate, and hung at last over the grouped parasols of a knot of chattering people. Gibberne was gripping my elbow. “By Jove!” he cried. “I believe — it is! A sort of hot pricking and —

yes. That man's moving his pocket-handkerchief! Perceptibly. We must get out of this sharp."

But we could not get out of it sharply enough (но мы не могли убраться оттуда достаточно быстро: «резко»). Luckily, perhaps (может быть, к счастью)! For we might have run (ибо мы, возможно, побежали бы), and if we had run (а если бы мы побежали) we should, I believe, have burst into flames (мы бы, полагаю, загорелись; *to burst into flames* — *воспламеняться, загораться, зажигаться*; *to burst* — *лопаться; разрываться; взрываться*; *to burst out* — *вспыхивать*). Almost certainly we should have burst into flames (почти наверняка мы бы загорелись)! You know we had neither of us thought of that (знаете, ни один из нас не подумал об этом)... But before we could even begin to run the action of the drug had ceased (но прежде чем мы смогли даже начать бег, действие снадобья прекратилось). It was the business of a minute fraction of a second (это было делом мельчайшей доли секунды; *minute* — *минута; мелкий, мельчайший*). The effect of the New Accelerator passed like the drawing of a curtain (действие Нового Ускорителя прошло, словно задернули занавес), vanished in the movement of a hand (исчезло моментально: «в движение руки»).

enough [ɪˈnʌf], neither [ˈnaɪðə], drawing [ˈdrɔːɪŋ]

But we could not get out of it sharply enough. Luckily, perhaps! For we might have run, and if we had run we should, I believe, have burst into flames. Almost certainly we should have burst into flames! You know we had neither of us thought of that... But before we could even begin to run the action of the drug had ceased. It was the business of a minute fraction of a second. The effect of the New Accelerator passed like the drawing of a curtain, vanished in the movement of a hand.

I heard Gibberne's voice in infinite alarm (я услышал тревожный голос Гибберна). "Sit down (сядь)," he said, and flop, down upon the turf at the edge of the Leas I sat (и плюх — я уселся на дерн на краю обрыва Лиз) — scorching as I sat (обжегшись, когда садился). There is a patch of burnt grass there still where I sat down (там, куда я сел, до сих пор есть небольшой участок сгоревшей травы; *patch* — пятно неправильной формы; небольшой участок земли). The whole stagnation seemed to wake up as I did so (вся безжизненность: «стагнация», казалось, пробудилась, когда я сделал так = сел), the disarticulated vibration of the band rushed together into a blast of music (расчлененная вибрация оркестра стремительно слилась в оглушительную музыку; *to rush* — бросаться, мчаться, нестись, устремляться; *blast* — сильный порыв ветра; громкая нота; *to blast* — оглушать /чересчур громким звуком/), the promenaders put their feet down and walked their ways (гуляющие опустили ноги и пошли своей дорогой), the papers and flags began flapping (газеты и флаги начали колыхаться), smiles passed into words (улыбки перешли в слова), the winker finished his wink and went on his way complacently (подмигивающий закончил подмигивание и пошел своей дорогой, довольный собой), and all the seated people moved and spoke (а все сидящие люди задвигались и заговорили).

infinite [ˈɪnfɪtɪ], disarticulate [dɪsɑːˈtɪkjələɪt], promenader [prəmɪˈnɑːdə]

I heard Gibberne's voice in infinite alarm. "Sit down," he said, and flop, down upon the turf at the edge of the Leas I sat — scorching as I sat. There is a patch of burnt grass there still where I sat down. The whole stagnation seemed to wake up as I did so, the disarticulated vibration of the band rushed together into a blast of music, the promenaders put their feet down and walked their ways, the papers and flags began flapping, smiles passed into words, the winker finished his wink and went on his way complacently, and all the seated people moved and spoke.

The whole world had come alive again (весь мир снова ожил), was going as fast as we were (он двигался так же быстро, как мы), or rather we were going no faster than the rest of the world (или, лучше сказать, мы не двигались быстрее остального мира). It was like slowing down as one comes into a railway station (это было похоже на торможение, когда подъезжаешь к железнодорожной станции). Everything seemed to spin round for a second or two (секунду-две, казалось, все кружилось), I had the most transient feeling of nausea (у меня возникло самое скоротечное ощущение тошноты), and that was all (и это было все). And the little dog which had seemed to hang for a moment (а псинка, которая, казалось, висела минуту /в воздухе/) when the force of Gibberne's arm was expended (когда была израсходована сила от руки Гибберна) fell with a swift acceleration clean through a lady's parasol (провалилась со стремительным ускорением прямо через зонтик одной дамы; *clean* — вполне, полностью, совершенно, совсем, начисто, напроць)!

station [ˈsteɪʃən], transient [ˈtrænzɪənt], parasol [ˈpærəsəl]

The whole world had come alive again, was going as fast as we were, or rather we were going no faster than the rest of the world. It was like slowing down as one comes into a railway station. Everything seemed to spin round for a second or two, I had the most transient feeling of nausea, and that was all. And the little dog which had seemed to hang for a moment when the force of Gibberne's arm was expended fell with a swift acceleration clean through a lady's parasol!

That was the saving of us (это было наше спасение). Unless it was for one corpulent old gentleman in a bath-chair (если бы не один полный старый господин в кресле на колесах), who certainly did start at the sight of us and afterwards regarded us at intervals with a darkly suspicious eye (который определенно вздрогнул при виде нас, а потом посматривал на нас время от времени неодобрительно-подозрительным взглядом; *at intervals* — время от

времени; *darkly* — тайно, скрытно, в секрете, втайне; незаметно для других; мрачно; угрюмо, хмуро; зловеще; неодобрительно), and, finally, I believe, said something to his nurse about us (и в конечном счете, полагаю, сказал что-то своей сиделке о нас), I doubt if a solitary person remarked our sudden appearance among them (я сомневаюсь, чтобы хоть один человек заметил наше внезапное появление среди них; *solitary* — единственный). Plop (хлоп)! We must have appeared abruptly (наверное, мы появились неожиданно). We ceased to smoulder almost at once (мы почти сразу перестали тлеть), though the turf beneath me was uncomfortably hot (хотя дерн подо мной был неуютно горячим).

corpulent [ˈkɔ:pjʊlənt], suspicious [sə'spiʃəs], doubt [daʊt]

That was the saving of us. Unless it was for one corpulent old gentleman in a bath-chair, who certainly did start at the sight of us and afterwards regarded us at intervals with a darkly suspicious eye, and, finally, I believe, said something to his nurse about us, I doubt if a solitary person remarked our sudden appearance among them. Plop! We must have appeared abruptly. We ceased to smoulder almost at once, though the turf beneath me was uncomfortably hot.

The attention of every one (внимание всех) — including even the Amusements' Association band (включая даже оркестр Ассоциации развлечений), which on this occasion, for the only time in its history, got out of tune (который по такому случаю единственный раз за свою историю сфальшивил; *out of tune* — фальшиво: «вне мелодии») — was arrested by the amazing fact (был остановлен изумительным случаем), and the still more amazing yapping and uproar caused by the fact (и еще более поразительным тявканьем и гамом, вызванными тем) that a respectable, over-fed lap-dog sleeping quietly to the east of the bandstand (что приличная, перекормленная комнатная собачка, спокойно спавшая на востоке от оркестрового подиума)

should suddenly fall through the parasol of a lady on the west (вдруг провалилась сквозь зонтик дамы на западе = в западной части) — in a slightly singed condition due to the extreme velocity of its movements through the air (в слегка подпаленном состоянии из-за чрезвычайной скорости ее движения по воздуху). In these absurd days, too, when we are all trying to be as psychic, and silly, and superstitious as possible (/и это/ в наши-то абсурдные дни, когда мы все пытаемся быть как можно паранормальнее, слабоумнее и суевернее; *psychic* — медиум; паранормальное явление)!

occasion [ə'keɪʒən], uproar [ˈʌprɔː], velocity [vɪ'ləsɪti], psychic [ˈsaɪkɪk]

The attention of every one — including even the Amusements' Association band, which on this occasion, for the only time in its history, got out of tune — was arrested by the amazing fact, and the still more amazing yapping and uproar caused by the fact that a respectable, over-fed lap-dog sleeping quietly to the east of the bandstand should suddenly fall through the parasol of a lady on the west — in a slightly singed condition due to the extreme velocity of its movements through the air. In these absurd days, too, when we are all trying to be as psychic, and silly, and superstitious as possible!

People got up and trod on other people (люди вставали и наступали друг на друга: «на других»; *to tread* — топтать, наступать, давить), chairs were overturned (переворачивались стулья), the Leas policeman ran (прибежал местный полицейский). How the matter settled itself I do not know (не знаю, как уладилось дело) — we were much too anxious to disentangle ourselves from the affair (мы были слишком озабочены тем, чтобы выпутаться из этой истории; *affair* — происшествие, инцидент, история, дело) and get out of range of the eye of the old gentleman in the bath-chair to make minute inquiries (и оказаться вне досягаемости взора старого господина в кресле на колесах, чтобы наводить подробные справки; *to make inquiries* — наводить справки). As soon

as we were sufficiently cool and sufficiently recovered from our giddiness and nausea and confusion of mind to do so (как только мы достаточно остыли и достаточно оправились от головокружения, и тошноты, и неразберихи в уме) we stood up and, skirting the crowd (мы встали и, обходя толпу стороной; *to skirt* — обходить кругом, идти вдоль края, обходить стороной; уклоняться /от чего-л./; избегать), directed our steps back along the road below the Metropole towards Gibberne's house (направили наши шаги назад по дороге ниже Метрополя к дому Гибберна). But amidst the din I heard very distinctly the gentleman (но среди шума я услышал очень четко, как джентльмен) who had been sitting beside the lady of the ruptured sunshade (который сидел возле дамы с разорванным зонтиком от солнца) using quite unjustifiable threats and language to one of those chair-attendants (использовал совершенно неправоммерные угрозы и язык в отношении одного из тех служителей) who have "Inspector" written on their caps (у которых на шлемах написано «инспектор»). "If you didn't throw the dog (если не вы бросили собаку)," he said, "who DID (кто же: «кто сделал»)?"

policeman [pə'li:smən], inquiry [ɪn'kwaiəɹɪ], nausea [ˈnɔ:siə]

People got up and trod on other people, chairs were overturned, the Leas policeman ran. How the matter settled itself I do not know — we were much too anxious to disentangle ourselves from the affair and get out of range of the eye of the old gentleman in the bath-chair to make minute inquiries. As soon as we were sufficiently cool and sufficiently recovered from our giddiness and nausea and confusion of mind to do so we stood up and, skirting the crowd, directed our steps back along the road below the Metropole towards Gibberne's house. But amidst the din I heard very distinctly the gentleman who had been sitting beside the lady of the ruptured sunshade using quite unjustifiable threats and language to one of those chair-attendants who have "Inspector" written on their caps. "If you didn't throw the dog," he said, "who DID?"

The sudden return of movement and familiar noises (внезапное возвращение движения и знакомых звуков), and our natural anxiety about ourselves (и наше естественное беспокойство о себе) (our clothes were still dreadfully hot (наша одежда была еще ужасно горячая), and the fronts of the thighs of Gibberne's white trousers were scorched a drabbish brown (а колени: «передние /части/ бедер» белых брюк Гибберна были подпалены до темновато-коричневого цвета)), prevented the minute observations I should have liked to make on all these things (помешали детальным наблюдениям, которые мне хотелось бы сделать за всеми этими вещами = за всем этим). Indeed, I really made no observations of any scientific value on that return (в самом деле, я действительно не сделал никаких наблюдений научной ценности в тот момент: «по возвращении тогда»). The bee, of course, had gone (пчела, разумеется, улетела). I looked for that cyclist (я искал /взглядом/ того велосипедиста), but he was already out of sight (но он был уже за пределами видимости) as we came into the Upper Sandgate Road (когда мы вступили на Верхней Сэндгэйт-Роуд) or hidden from us by traffic (или /был/ скрыт от нас движением); the char-a-banc, however, with its people now all alive and stirring (/от/ омнибуса, однако, с его людьми, теперь полностью живыми и деятельными), was clattering along at a spanking pace almost abreast of the nearer church (раздавался стук копыт /лошадей, которые двигались/ резвым шагом почти у ближайшей церкви; *to clatter* — *сильно гремять, грохотать*; *to clatter along* — *топать; стучать копытами /о лошади/*).

anxiety [æŋ'zaɪəti], dreadful ['dredful], value ['vælju:]

The sudden return of movement and familiar noises, and our natural anxiety about ourselves (our clothes were still dreadfully hot, and the fronts of the thighs of Gibberne's white trousers were scorched a drabbish brown), prevented the minute observations I should have liked to make on all these things. Indeed, I

really made no observations of any scientific value on that return. The bee, of course, had gone. I looked for that cyclist, but he was already out of sight as we came into the Upper Sandgate Road or hidden from us by traffic; the char-a-banc, however, with its people now all alive and stirring, was clattering along at a spanking pace almost abreast of the nearer church.

We noted, however (однако мы заметили), that the window-sill on which we had stepped in getting out of the house was slightly singed (что подоконник, на который мы наступили, выбираясь из дома, был слегка опален), and that the impressions of our feet on the gravel of the path were unusually deep (и что отпечатки наших ступней на гравии дорожки были необыкновенно глубокие; *impression* — отпечаток, оттиск, след /результат физического контакта/).

So it was I had my first experience of the New Accelerator (/именно/ так я получил свое первое впечатление о Новом Ускорителе). Practically we had been running about and saying and doing all sorts of things in the space of a second or so of time (практически мы бегали и говорили, и делали всевозможные вещи в течении секунды или около того; *space* — интервал времени, промежуток). We had lived half an hour (мы прожили полчаса) while the band had played, perhaps, two bars (пока оркестр сыграл, может быть, два такта; *bar* — перекладина; стойка /в баре/; тактовая черта).

path [pɑ:θ], half [ha:f], hour [aʊə]

We noted, however, that the window-sill on which we had stepped in getting out of the house was slightly singed, and that the impressions of our feet on the gravel of the path were unusually deep.

So it was I had my first experience of the New Accelerator. Practically we had been running about and saying and doing all sorts of things in the space of a second or so of time. We had lived half an hour while the band had played, perhaps, two bars.

But the effect it had upon us was that the whole world had stopped for our convenient inspection (но воздействие, которое это оказало на нас, было = заключалось в том, что целый мир остановился ради нашего неспешного: «удобного» исследования). Considering all things, and particularly considering our rashness in venturing out of the house (с учетом всех обстоятельств и, в частности, с учетом нашей неосторожности при рискованном выходе из дома; *to venture out* — *рисковать выходить /навстречу опасности/*), the experience might certainly have been much more disagreeable than it was (опыт мог, безусловно, оказаться гораздо неприятнее, чем он был). It showed, no doubt, that Gibberne has still much to learn before his preparation is a manageable convenience (он, несомненно, показал, что Гибберну многое надо узнать, прежде чем его препарат будет более пригодным: «будет управляемым удобством»), but its practicability it certainly demonstrated beyond all cavil (но свою эффективность/практичность он, конечно, продемонстрировал вне всяких возражений; *cavil* — *придирки; крючкотворство, необоснованные возражения*).

certainly [ˈsə:tənli], learn [lɜ:n], cavil [kævl]

But the effect it had upon us was that the whole world had stopped for our convenient inspection. Considering all things, and particularly considering our rashness in venturing out of the house, the experience might certainly have been much more disagreeable than it was. It showed, no doubt, that Gibberne has still much to learn before his preparation is a manageable convenience, but its practicability it certainly demonstrated beyond all cavil.

Since that adventure he has been steadily bringing its use under control (со времени того приключения он /Гибберн/ постоянно улучшает его: «приводит его употребление под контроль»), and I have several times, and without the

slightest bad result, taken measured doses under his direction (и я несколько раз /и/ без малейшего плохого результата = *с неплохим результатом* принимал рассчитанные под его руководством дозы); though I must confess I have not yet ventured abroad again while under its influence (хотя должен признаться, что я еще не осмелился выходить из дому опять, /находясь/ под его воздействием; *abroad* — *вне дома, вне своего жилища; из дома*). I may mention, for example (например, я могу упомянуть), that this story has been written at one sitting and without interruption (что этот рассказ был написан за один присест и без перерыва), except for the nibbling of some chocolate, by its means (кроме приема небольшой порции шоколада, посредством его = с помощью Ускорителя; *nibbling* — *прием пищи малыми порциями; равномерный прием пищи; to nibble* — *грызть; обгрызать; щипать /траву/; откусывать, есть маленькими кусочками*). I began at 6.25 (я начал в 6.25), and my watch is now very nearly at the minute past the half-hour (а мои часы сейчас /показывают/ почти минуту после получаса = *половины*). The convenience of securing a long, uninterrupted spell of work in the midst of a day full of engagements cannot be exaggerated (невозможно преувеличить благоприятную возможность обеспечить долгий непрерываемый период работы посреди дня, заполненного делами; *engagement* — *дело, занятие*).

slight [slaɪt], measure ['meɪʒə], exaggerate [ɪg'zædʒəreɪt]

Since that adventure he has been steadily bringing its use under control, and I have several times, and without the slightest bad result, taken measured doses under his direction; though I must confess I have not yet ventured abroad again while under its influence. I may mention, for example, that this story has been written at one sitting and without interruption, except for the nibbling of some chocolate, by its means. I began at 6.25, and my watch is now very nearly at the minute past the half-hour. The convenience of securing a long, uninterrupted spell of work in the midst of a day full of engagements cannot be exaggerated.

Gibberne is now working at the quantitative handling of his preparation (Гибберн работает сейчас над количественным регулированием = *над дозировкой* своего препарата), with especial reference to its distinctive effects upon different types of constitution (с особым соотношением его характерных воздействий на различные типы телосложения). He then hopes to find a Retarder with which to dilute its present rather excessive potency (потом он надеется создать: «найти» Замедлитель, с помощью которого разбавлять его нынешнюю весьма чрезмерную эффективность; *potency* — *могущество, мощь, сила; действенность, результативность, эффективность*). The Retarder will, of course, have the reverse effect to the Accelerator (разумеется, Замедлитель будет оказывать воздействие, противоположное Ускорителю); used alone it should enable the patient to spread a few seconds over many hours of ordinary time (при использовании его отдельно он должен позволить пациенту растянуть несколько секунд на много часов обычного времени), — and so to maintain an apathetic inaction (и таким образом поддерживать апатичное бездействие), a glacier-like absence of alacrity (ледяное спокойствие: «отсутствие расторопности, как у ледника»; *alacrity* — *расторопность, проворство*), amidst the most animated or irritating surroundings (среди самого оживленного и раздражающего окружения). The two things together must necessarily work an entire revolution in civilised existence (оба вещества вместе должны неизбежно произвести целую революцию в цивилизованной жизни). It is the beginning of our escape from that Time Garment of which Carlyle speaks (это начало нашего избавления от того Одеяния Времени, о котором говорит Карлайл¹).

dilute [daɪˈlu:t], patient [ˈpeɪʃənt], spread [spred], alacrity [əˈlækrɪti]

¹ Томас Карлайл (1795 — 1881), английский философ и писатель, сформулировал «философию одежды», в соответствии с которой все явления окружающего мира предстают в виде ряда внешних, преходящих одеяний, за которыми пребывает божественная сущность — единственная реальность.

Gibberne is now working at the quantitative handling of his preparation, with especial reference to its distinctive effects upon different types of constitution. He then hopes to find a Retarder with which to dilute its present rather excessive potency. The Retarder will, of course, have the reverse effect to the Accelerator; used alone it should enable the patient to spread a few seconds over many hours of ordinary time, — and so to maintain an apathetic inaction, a glacier-like absence of alacrity, amidst the most animated or irritating surroundings. The two things together must necessarily work an entire revolution in civilised existence. It is the beginning of our escape from that Time Garment of which Carlyle speaks.

While this Accelerator will enable us to concentrate ourselves with tremendous impact upon any moment or occasion (в то время как Ускоритель позволит нам сосредоточиться с огромной силой на любом моменте или случае) that demands our utmost sense and vigour (который требует нашего предельного ума и силы/энергии; *sense* — чувство, ощущение; восприятие; ум, рассудок), the Retarder will enable us to pass in passive tranquillity through infinite hardship and tedium (Замедлитель позволит нам пережить в пассивной безмятежности периоды бесчисленных невзгод и скуки; *to pass through* — пройти сквозь; пережить). Perhaps I am a little optimistic about the Retarder (возможно, я несколько оптимистичен в отношении Замедлителя), which has indeed still to be discovered (который, на самом деле, еще нужно открыть), but about the Accelerator there is no possible sort of doubt whatever (но в отношении Ускорителя нет абсолютно никаких сомнений: «никакого сорта сомнений абсолютно»; *whatever* — никакой, совсем не, вообще не). Its appearance upon the market in a convenient, controllable, and assimilable form is a matter of the next few months (его появление на рынке в удобной, контролируемой и усваиваемой форме — дело нескольких следующих месяцев). It will be obtainable of all chemists and druggists (его можно будет приобрести у всех аптекарей и фармацевтов; *to obtain* — получать; добывать; приобретать), in small green bottles (в маленьких зеленых бутылочках), at a high but, considering

its extraordinary qualities (по высокой, но учитывая его исключительные качества), by no means excessive price (никоим образом не чрезмерной цене). Gibberne's Nervous Accelerator it will be called (он будет называться Нейро-Ускоритель Гибберна), and he hopes to be able to supply it in three strengths (и он надеется, что сможет поставлять его в трех концентрациях): one in 200, one in 900, and one in 2000 (один на 200, один на 900 и один на 2000), distinguished by yellow, pink, and white labels respectively (различаемых по желтой, розовой и белой наклейкам соответственно).

vigour [ˈvɪɡə], tedium [ˈtiːdʒəm], supply [səˈplaɪ]

While this Accelerator will enable us to concentrate ourselves with tremendous impact upon any moment or occasion that demands our utmost sense and vigour, the Retarder will enable us to pass in passive tranquillity through infinite hardship and tedium. Perhaps I am a little optimistic about the Retarder, which has indeed still to be discovered, but about the Accelerator there is no possible sort of doubt whatever. Its appearance upon the market in a convenient, controllable, and assimilable form is a matter of the next few months. It will be obtainable of all chemists and druggists, in small green bottles, at a high but, considering its extraordinary qualities, by no means excessive price. Gibberne's Nervous Accelerator it will be called, and he hopes to be able to supply it in three strengths: one in 200, one in 900, and one in 2000, distinguished by yellow, pink, and white labels respectively.

No doubt its use renders a great number of very extraordinary things possible (несомненно, его применение делает возможным множество невероятных вещей); for, of course, the most remarkable and, possibly, even criminal proceedings may be effected with impunity by thus dodging, as it were, into the interstices of time (ибо, конечно, самые замечательные и, возможно, даже преступные дела можно осуществить безнаказанно, прячась, таким образом,

так сказать, в промежутках времени; *to dodge* — *избегать, увертываться, уклоняться; прятаться*). Like all potent preparations it will be liable to abuse (подобно всем сильным препаратам, он будет уязвим для злоупотреблений; *liable* — *подверженный, склонный; доступный /чему-л./; уязвимый /для чего-л./; подлежащий*). We have, however, discussed this aspect of the question very thoroughly (однако мы очень тщательно обсудили эту сторону вопроса), and we have decided that this is purely a matter of medical jurisprudence and altogether outside our province (и мы решили, что это дело исключительно медицинской юриспруденции и совершенно вне нашей компетенции). We shall manufacture and sell the Accelerator (мы будем производить и продавать Ускоритель), and, as for the consequences (а что касается последствий) — we shall see (увидим/посмотрим).

extraordinary [ɪk'strɔ:dənri, ,ekstrə'ɔ:dənri], manufacture
[ˌmænju'fæktʃə], consequence [ˈkɒnsɪkwəns]

No doubt its use renders a great number of very extraordinary things possible; for, of course, the most remarkable and, possibly, even criminal proceedings may be effected with impunity by thus dodging, as it were, into the interstices of time. Like all potent preparations it will be liable to abuse. We have, however, discussed this aspect of the question very thoroughly, and we have decided that this is purely a matter of medical jurisprudence and altogether outside our province. We shall manufacture and sell the Accelerator, and, as for the consequences — we shall see.

The Star

(Звезда)

It was on the first day of the New Year that the announcement was made (в первый день Нового Года было сделано это объявление), almost simultaneously from three observatories (почти одновременно из трех обсерваторий), that the motion of the planet Neptune (что движение планеты Нептун), the outermost of all the planets that wheel about the sun (самой дальней из всех планет, которые вращаются вокруг солнца), had become very erratic (стало очень переменчивым; *erratic* — *переменчивый, изменчивый, непостоянный;двигающийся в неопределенном направлении*). Ogilvy had already called attention to a suspected retardation in its velocity in December (Огилви уже указывал: «привлекал внимание» на подозрительное снижение ее скорости в декабре). Such a piece of news was scarcely calculated to interest a world (такая новость вряд ли была рассчитана на то, что она заинтересует мир) the greater portion of whose inhabitants were unaware of the existence of the planet Neptune (большая часть жителей которого не подозревала о существовании планеты Нептун), nor outside the astronomical profession did the subsequent discovery of a faint remote speck of light in the region of the perturbed planet cause any very great excitement (не вызвало очень большого волнения вне астрономической профессии = *вне круга астрономов* и последующее открытие далекого слабого светового пятна в районе возмущенной планеты). Scientific people, however, found the intelligence remarkable enough (ученые, однако, сочли довольно поразительной эту информацию), even before it became known that the new body was rapidly growing larger and brighter (даже до того, как стало известно, что новое тело быстро растет и становится ярче), that its motion was quite different from the orderly progress of the planets (что его движение совершенно отличается от правильного продвижения планет), and that the deflection of Neptune and its satellite was becoming now of an unprecedented kind (и что девиация/отклонение Нептуна и его спутника становится сейчас беспрецедентной: «беспрецедентного вида»).

simultaneous [ˌsiməl'teɪniəs], observatory [əb'zə:vətɹɪ], region [ˈriːdʒən]

It was on the first day of the New Year that the announcement was made, almost simultaneously from three observatories, that the motion of the planet Neptune, the outermost of all the planets that wheel about the sun, had become very erratic. Ogilvy had already called attention to a suspected retardation in its velocity in December. Such a piece of news was scarcely calculated to interest a world the greater portion of whose inhabitants were unaware of the existence of the planet Neptune, nor outside the astronomical profession did the subsequent discovery of a faint remote speck of light in the region of the perturbed planet cause any very great excitement. Scientific people, however, found the intelligence remarkable enough, even before it became known that the new body was rapidly growing larger and brighter, that its motion was quite different from the orderly progress of the planets, and that the deflection of Neptune and its satellite was becoming now of an unprecedented kind.

Few people without a training in science can realise the huge isolation of the solar system (/лишь/ немногие люди без научного образования могут осознать огромную = страшную изоляцию солнечной системы). The sun with its specks of planets, its dust of planetoids, and its impalpable comets, swims in a vacant immensity that almost defeats the imagination (солнце со своими крупинками планет, своей пылью астероидов и неосязаемых комет плывет в безжизненной: «пустой/свободной» безмерности, которую практически невозможно вообразить; *to defeat* — наносить поражение; ликвидировать, аннулировать; *imagination* — воображение). Beyond the orbit of Neptune there is space (за пределами орбиты Нептуна есть = простирается космос), vacant so far as human observation has penetrated (безжизненный настолько далеко, насколько проникло человеческое наблюдение), without warmth or light or sound (без тепла, и света, и звука), blank emptiness (абсолютная пустота; *blank* — белый; бледный, бесцветный; пустой, чистый, неисписанный /например, о листе бумаги/; полный, чистейший, абсолютный), for twenty million times a

million miles (на миллион миль, помноженный на двадцать миллионов; *times* — *помноженный*). That is the smallest estimate of the distance to be traversed before the very nearest of the stars is attained (это наименьшее, по оценкам, расстояние, которое нужно преодолеть, прежде чем достигнешь самой ближайшей из звезд; *to traverse* — *пересекать, проходить, преодолевать, проезжать*).

isolation [ˌaɪsəˈleɪʃən], warmth [wɜːmθ], estimate [ˈestɪmət]

Few people without a training in science can realise the huge isolation of the solar system. The sun with its specks of planets, its dust of planetoids, and its impalpable comets, swims in a vacant immensity that almost defeats the imagination. Beyond the orbit of Neptune there is space, vacant so far as human observation has penetrated, without warmth or light or sound, blank emptiness, for twenty million times a million miles. That is the smallest estimate of the distance to be traversed before the very nearest of the stars is attained.

And, saving a few comets more unsubstantial than the thinnest flame (и за исключением нескольких комет, более бестелесных/нематериальных, чем самый тонкий язычок пламени; *saving* — *исключая, кроме, за исключением*), no matter had ever to human knowledge crossed this gulf of space (никакая материя, насколько известно человеку, никогда не пересекала эту бездну пространства), until early in the twentieth century this strange wanderer appeared (пока в начале двадцатого века не появился этот неизвестный скиталец; *wanderer* — *странник; скиталец; блуждающая звезда, планета*). A vast mass of matter it was (это была огромная масса вещества/материи), bulky, heavy, rushing without warning out of the black mystery of the sky into the radiance of the sun (громоздкая, тяжелая, мчащаяся без предупреждения из черного таинства неба в сияние солнца). By the second day it was clearly visible to any decent instrument (ко второму дню = на второй день она была ясно видима в

любой приличный телескоп: «инструмент»), as a speck with a barely sensible diameter (как пятнышко с едва различаемым диаметром), in the constellation Leo near Regulus (в созвездии Льва возле Регула). In a little while an opera glass could attain it (вскоре ее можно было достать = *разглядеть* в театральный бинокль; *in a little while* — *скоро, вскоре*).

unsubstantial [ˈʌnsəbˈstænʃəl], century [ˈsentʃəri], diameter [daɪˈæmɪtə]

And, saving a few comets more unsubstantial than the thinnest flame, no matter had ever to human knowledge crossed this gulf of space, until early in the twentieth century this strange wanderer appeared. A vast mass of matter it was, bulky, heavy, rushing without warning out of the black mystery of the sky into the radiance of the sun. By the second day it was clearly visible to any decent instrument, as a speck with a barely sensible diameter, in the constellation Leo near Regulus. In a little while an opera glass could attain it.

On the third day of the new year the newspaper readers of two hemispheres (на третий день нового года читатели газет двух полушарий) were made aware for the first time of the real importance of this unusual apparition in the heavens (узнали впервые об истинной важности этого необычайного явления в небесах; *to make aware of* — *осознавать*). “A Planetary Collision,” one London paper headed the news («Космическое столкновение» — /так/ озаглавила новость одна лондонская газета), and proclaimed Duchaine’s opinion that this strange new planet would probably collide with Neptune (и опубликовала мнение Дюшена, что эта неизвестная новая планета, вероятно, столкнется с Нептуном; *opinion* — *взгляд, мнение, убеждение; оценка*). The leader writers enlarged upon the topic (ведущие литераторы подробно остановились на этой теме); so that in most of the capitals of the world, on January 3rd, there was an expectation (так что в большинстве столиц мира 3-го января было = *царило ожидание*), however vague of some imminent phenomenon in the sky (хоть и

смутное, какого-то надвигающегося явления в небе; *imminent* — надвигающийся, близкий, грозящий, нависший, неотвратимый, неизбежный, неминуемый); and as the night followed the sunset round the globe (и по мере того, как ночь последовала за закатом вокруг земного шара), thousands of men turned their eyes skyward to see (тысячи людей обратили свои глаза к небу, чтобы увидеть) — the old familiar stars just as they had always been (старые знакомые звезды, в точности такими, как они были всегда).

hemisphere [ˈhemɪsfɪə], vague [veɪɡ], phenomenon [fɪˈnɒmɪnən]

On the third day of the new year the newspaper readers of two hemispheres were made aware for the first time of the real importance of this unusual apparition in the heavens. “A Planetary Collision,” one London paper headed the news, and proclaimed Duchaine’s opinion that this strange new planet would probably collide with Neptune. The leader writers enlarged upon the topic; so that in most of the capitals of the world, on January 3rd, there was an expectation, however vague of some imminent phenomenon in the sky; and as the night followed the sunset round the globe, thousands of men turned their eyes skyward to see — the old familiar stars just as they had always been.

Until it was dawn in London and Pollux setting and the stars overhead grown pale (пока не наступил рассвет в Лондоне, и не закатился Поллукс /созвездие Близнецов/, и не побледнели звезды над головой). The Winter’s dawn it was (это был зимний рассвет), a sickly filtering accumulation of daylight (едва пробивающееся: «нездоровое» скопление дневного света), and the light of gas and candles shone yellow in the windows to show where people were astir (а газовый свет и свечи светились желтым в окнах, чтобы показать, что: «где» люди проснулись: «на ногах»; *to shine* — светить/ся/). But the yawning policeman saw the thing (но зевающий полицейский увидел это: «эту вещь»), the busy crowds in the markets stopped agape (оживленные толпы на рынках

остановились, разинув рот; *to gape* — широко открывать рот; зевать), workmen going to their work betimes (рабочие, быстро идущие на работу: «на работу в положенное время/вовремя»), milkmen, the drivers of news-carts (молочники, возчики тачек с газетами), dissipation going home jaded and pale (повесы, возвращающиеся домой, обессиленные и бледные; *dissipation* — легкомысленные развлечения; беспутный образ жизни; *jaded* — измученный, изнуренный; обессиленный; пресытившийся. пресыщенный), homeless wanderers (бездомные бродяги), sentinels on their beats (часовые, совершающие обход; *be on the beat* — совершать обход; обходить дозором), and in the country, labourers trudging afield (а за городом труженики, тащившиеся с трудом по полю; *to trudge* — идти с трудом, устало тащиться), poachers slinking home (браконьеры, крадущиеся домой), all over the dusky quickening country it could be seen (по всей сумеречной оживающей местности можно было видеть это) — and out at sea by seamen watching for the day (и в открытом море /это могли видеть/ моряки, поджидающие день) — a great white star, come suddenly into the westward sky (огромную белую звезду, вдруг появившуюся внезапно в западной части неба; *westward* — направленный к западу, движущийся на запад)!

dawn [dɔːn], yawn [jɔːn], country [ˈkʌntri]

Until it was dawn in London and Pollux setting and the stars overhead grown pale. The Winter's dawn it was, a sickly filtering accumulation of daylight, and the light of gas and candles shone yellow in the windows to show where people were astir. But the yawning policeman saw the thing, the busy crowds in the markets stopped agape, workmen going to their work betimes, milkmen, the drivers of news-carts, dissipation going home jaded and pale, homeless wanderers, sentinels on their beats, and in the country, labourers trudging afield, poachers slinking home, all over the dusky quickening country it could be seen — and out at sea by

seamen watching for the day — a great white star, come suddenly into the westward sky!

Brighter it was than any star in our skies (она была ярче, чем любая другая звезда в наших небесах); brighter than the evening star at its brightest (ярче, чем вечерняя звезда в самом ярком состоянии). It still glowed out white and large, no mere twinkling spot of light (она сверкала еще, белая и большая, не просто мерцающее пятнышко света/блик), but a small round clear shining disc, an hour after the day had come (а небольшой круглый ясный сияющий диск, час после наступления дня/рассвета). And where science has not reached (и там, куда не добралась наука), men stared and feared (люди таращились и боялись), telling one another of the wars and pestilences (рассказывая друг другу о войнах и бедствиях; *pestilence* — /бубонная/ чума; мор; поветрие, эпидемия; что-л. пагубное; бедствие) that are foreshadowed by these fiery signs in the Heavens (которые предвещаемы этими огненными знаменами в Небесах). Sturdy Boers, dusky Hottentots, Gold Coast Negroes, Frenchmen, Spaniards, Portuguese, stood in the warmth of the sunrise watching the setting of this strange new star (крепкие буры, смуглые готтентоты, негры Золотого Берега /Гана/, французы, испанцы, португальцы стояли в тепле восхода, наблюдая за закатом этой чужой новой звезды).

science [ˈsaɪəns], pestilence [ˈpestɪləns], Portuguese [ˌpɔːtʃuˈɡiːz]

Brighter it was than any star in our skies; brighter than the evening star at its brightest. It still glowed out white and large, no mere twinkling spot of light, but a small round clear shining disc, an hour after the day had come. And where science has not reached, men stared and feared, telling one another of the wars and pestilences that are foreshadowed by these fiery signs in the Heavens. Sturdy Boers, dusky Hottentots, Gold Coast Negroes, Frenchmen, Spaniards, Portuguese, stood in the warmth of the sunrise watching the setting of this strange new star.

And in a hundred observatories there had been suppressed excitement (а в сотне обсерваторий было = *царило* сдержанное волнение), rising almost to shouting pitch (возрастая чуть ли не до высоты крика), as the two remote bodies had rushed together (когда оба далеких тела слились); and a hurrying to and fro (и суматоха тут и там; *to and fro* — *взад и вперед*; *туда и сюда*), to gather photographic apparatus and spectroscope (с целью собрать фотоаппаратуру и спектроскоп), and this appliance and that (и этот прибор и тот), to record this novel astonishing sight, the destruction of a world (чтобы запечатлеть это новое изумительное зрелище, разрушение мира). For it was a world (ибо это был мир), a sister planet of our earth (планета — сестра нашей земли), far greater than our earth indeed (конечно, гораздо больше нашей земли), that had so suddenly flashed into flaming death (так внезапно вспыхнула огненной смертью). Neptune it was, had been struck, fairly and squarely, by the strange planet from outer space (Нептун был поражен целиком и полностью чужой планетой из открытого космоса; *to strike* — *ударять/ся*; *атаковать*; *поражать*) and the heat of the concussion had incontinently turned two solid globes into one vast mass of incandescence (и жар столкновения тотчас обратил два твердых шара в одну огромную раскаленную массу).

appliance [ə'plaɪəns], death [deθ], incandescence [ˌɪnkæ'n'desəns]

And in a hundred observatories there had been suppressed excitement, rising almost to shouting pitch, as the two remote bodies had rushed together; and a hurrying to and fro, to gather photographic apparatus and spectroscope, and this appliance and that, to record this novel astonishing sight, the destruction of a world. For it was a world, a sister planet of our earth, far greater than our earth indeed, that had so suddenly flashed into flaming death. Neptune it was, had been struck, fairly and squarely, by the strange planet from outer space and the heat of the

concussion had incontinently turned two solid globes into one vast mass of incandescence.

Round the world that day (в тот день вокруг света), two hours before the dawn (за два часа до утренней зари), went the pallid great white star (прошла = пронеслась бледная огромная белая звезда), fading only as it sank westward and the sun mounted above it (исчезнув только, когда она опустилась на западе, а солнце поднялось над ней; *to sink* — *тонуть*; *погружаться*). Everywhere men marvelled at it (повсюду люди дивились ей), but of all those who saw it none could have marvelled more than those sailors (но из всех тех, кто видел ее, никто, возможно, не удивлялся больше, чем те моряки), habitual watchers of the stars (привычные наблюдатели за звездами), who far away at sea had heard nothing of its advent (которые далеко в море ничего не слышали о ее пришествии) and saw it now rise like a pigmy moon and climb zenithward and hang overhead and sink westward with the passing of the night (а теперь увидели, как она поднялась, словно миниатюрная луна, /и/ взошла в зенит, и повисла над головой, и опустилась к западу по мере прохождения ночи).

marvel [ˈmɑ:vəl], habitual [həˈbɪtʃuəl], zenithward [ˈzeniθwəd]

Round the world that day, two hours before the dawn, went the pallid great white star, fading only as it sank westward and the sun mounted above it. Everywhere men marvelled at it, but of all those who saw it none could have marvelled more than those sailors, habitual watchers of the stars, who far away at sea had heard nothing of its advent and saw it now rise like a pigmy moon and climb zenithward and hang overhead and sink westward with the passing of the night.

And when next it rose over Europe (а когда потом она взошла над Европой) everywhere were crowds of watchers on hilly slopes, on house-roofs, in open

spaces (повсюду были толпы наблюдателей — на склонах холмов, на крышах домов, на открытых пространствах), staring eastward for the rising of the great new star (вглядывающихся в восточном направлении в ожидании: «за» восхода огромной новой звезды). It rose with a white glow in front of it (она возшла с белым заревом перед ней), like the glare of a white fire (подобно ослепительному яркому свету белого пламени; *glare* — *ослепительный яркий свет; сияние; блеск*), and those who had seen it come into existence the night before cried out at the sight of it (и те, кто видел ее возникновение предыдущей ночью, завопил при виде этого; *to come into existence* — *возникнуть, обрести существование*). “It is larger (она больше),” they cried (воскликнули они). “It is brighter (она ярче!)” And, indeed the moon a quarter full and sinking in the west was in its apparent size beyond comparison (и действительно, луна на четверть полная и опускающаяся на западе, была по своему видимому размеру вне сравнения; *quarter* — *четверть; четвертая часть лунного периода*), but scarcely in all its breadth had it as much brightness now as the little circle of the strange new star (но едва ли по всей ее ширине у нее было столько же яркости теперь, как у малого круга чужой новой звезды).

quarter [ˈkwɔ:tə], scarcely [ˈskeəslɪ], breadth [bredθ]

And when next it rose over Europe everywhere were crowds of watchers on hilly slopes, on house-roofs, in open spaces, staring eastward for the rising of the great new star. It rose with a white glow in front of it, like the glare of a white fire, and those who had seen it come into existence the night before cried out at the sight of it. “It is larger,” they cried. “It is brighter!” And, indeed the moon a quarter full and sinking in the west was in its apparent size beyond comparison, but scarcely in all its breadth had it as much brightness now as the little circle of the strange new star.

“It is brighter (она ярче)!” cried the people clustering in the streets (кричали люди, толпясь на улицах). But in the dim observatories the watchers held their breath and peered at one another (а в сумрачных обсерваториях наблюдатели затаили дыхание и уставились друг на друга; *to peer* — *вглядываться, вперять взгляд*) IT IS NEARER (она ближе),” they said. “NEARER (БЛИЖЕ)!”

And voice after voice repeated (и один за другим: «голос за голосом» повторяли), “It is nearer (она ближе),” and the clicking telegraph took that up (а щелкающий телеграф подхватил это; *to take up* — *принять, подхватить*), and it trembled along telephone wires (и это завибрировало по телефонным проводам), and in a thousand cities grimy compositors fingered the type (и в тысяче больших городов чумазные наборщики набирали оттиск; *finger* — *палец; to finger* — *трогать, осязать; делать что-л. пальцами*). “It is nearer (она ближе).” Men writing in offices, struck with a strange realisation, flung down their pens (люди, писавшие в конторах, пораженные странным осознанием, отбросили свои ручки; *to fling* — *бросать, кидать, швырять*), men talking in a thousand places suddenly came upon a grotesque possibility in those words (люди, беседовавшие в тысяче мест, неожиданно осознали: «натолкнулись на» нелепую возможность /звучавшую/ в тех словах), “It is nearer (она ближе).”

breath [breθ], thousand [ˈθauzənd], grotesque [grəuˈtesk]

“It is brighter!” cried the people clustering in the streets. But in the dim observatories the watchers held their breath and peered at one another IT IS NEARER,” they said. “NEARER!”

And voice after voice repeated, “It is nearer,” and the clicking telegraph took that up, and it trembled along telephone wires, and in a thousand cities grimy compositors fingered the type. “It is nearer.” Men writing in offices, struck with a strange realisation, flung down their pens, men talking in a thousand places suddenly came upon a grotesque possibility in those words, “It is nearer.”

It hurried along wakening streets (эта вестъ: «это» спешила по пробуждающимся улицам), it was shouted down the frost-stilled ways of quiet villages (ее выкрикивали по успокоенным морозом дорогам тихих сел); men who had read these things from the throbbing tape stood in yellow-lit doorways shouting the news to the passers-by (люди, которые прочли это с телеграфной: «пульсирующей» ленты, стояли в освещенных желтым светом проемах, выкрикивая новость прохожим). “It is nearer (она ближе/приближается).” Pretty women, flushed and glittering, heard the news told jestingly between the dances (красивые женщины, раскрасневшиеся и блистающие, услышали новость, рассказанную в шутку между танцами), and feigned an intelligent interest they did not feel (и сделали вид понимающей заинтересованности, которой они не ощущали). “Nearer (ближе)! Indeed (действительно). How curious (как любопытно)! How very, very clever people must be to find out things like that (как, должно быть, очень, очень умны люди, чтобы узнать такое; *to find out* — узнать, разузнать, выяснить; понять; раскрыть /обман, тайну/)!”

quiet [ˈkwaɪət], feign [feɪn], curious [ˈkjʊəriəs]

It hurried along wakening streets, it was shouted down the frost-stilled ways of quiet villages; men who had read these things from the throbbing tape stood in yellow-lit doorways shouting the news to the passers-by. “It is nearer.” Pretty women, flushed and glittering, heard the news told jestingly between the dances, and feigned an intelligent interest they did not feel. “Nearer! Indeed. How curious! How very, very clever people must be to find out things like that!”

Lonely tramps faring through the wintry night murmured those words to comfort themselves — looking skyward (одинокие бродяги, странствующие в зимнюю ночь, шептали эти слова, чтобы утешить себя, глядя в небо). “It has need to be nearer (она должна быть ближе), for the night’s as cold as charity (ибо ночь так холодна, как благотворительность). Don’t seem much warmth from it

if it IS nearer, all the same (все равно не кажется, что от нее много тепла, если она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** ближе = ближе или нет, все равно она совсем не греет).”

“What is a new star to me (что мне новая звезда)?” cried the weeping woman kneeling beside her dead (воскликала плачущая женщина, стоя на коленях возле умершего).

word [wə:d], new [nju:], dead [ded]

Lonely tramps faring through the wintry night murmured those words to comfort themselves — looking skyward. “It has need to be nearer, for the night’s as cold as charity. Don’t seem much warmth from it if it IS nearer, all the same.”

“What is a new star to me?” cried the weeping woman kneeling beside her dead.

The schoolboy, rising early for his examination work (школьник, встав рано ради экзаменационной работы), puzzled it out for himself (/так/ решил для себя ее; *to puzzle out* — *разобраться; разгадать, найти решение*) — with the great white star shining broad and bright through the frost-flowers of his window (огромную белую звезду, светившую широко и ярко сквозь морозные узоры его окна; *flower* — *орнамент, украшение*). “Centrifugal, centripetal (центробежная, центростремительная),” he said, with his chin on his fist (говорил он, /подперев/ голову: «подбородок» кулаком). “Stop a planet in its flight (остановите летящую планету: «планету в полете»), rob it of its centrifugal force (отнимите у нее центробежную силу), what then (и что тогда)? Centripetal has it (у нее останется центростремительная /сила/), and down it falls into the sun (и она упадет на солнце)! And this (а это) — !

“Do WE come in the way? I wonder (интересно, /а не/ окажемся ли МЫ /у нее/ на пути) — ”

broad [brɔ:d], centripetal [ˌsentrɪˈpi:təl], wonder [ˈwʌndə]

The schoolboy, rising early for his examination work, puzzled it out for himself — with the great white star shining broad and bright through the frost-flowers of his window. “Centrifugal, centripetal,” he said, with his chin on his fist. “Stop a planet in its flight, rob it of its centrifugal force, what then? Centripetal has it, and down it falls into the sun! And this — !

“Do WE come in the way? I wonder — ”

The light of that day went the way of its brethren (свет того дня ушел вслед своим братьям: «дорогой своих братьев»), and with the later watches of the frosty darkness rose the strange star again (а с более поздними стражами = часами морозной тьмы снова вошла чужая звезда; *watch* — стража / часть ночи; *the watches of the night* — ночь, ночное время суток). And it was now so bright that the waxing moon seemed but a pale yellow ghost of itself (и теперь она была такой яркой, что восковая луна казалась лишь бледным желтым призраком самой себя), hanging huge in the sunset (висящей громадой / в лучах / заката). In a South African City a great man had married (в одном большом южноафриканском городе женился великий человек), and the streets were alight to welcome his return with his bride (и улицы были освещены, приветствуя его возвращение с невестой). “Even the skies have illuminated (даже небеса устроили иллюминацию),” said the flatterer (сказал подхалим/льстец; *to flatter* — льстить). Under Capricorn, two negro lovers, daring the wild beasts and evil spirits, for love of one another (под знаком Козерога влюбленная негритянская пара, пренебрегая дикими зверями и злыми духами, ради любви друг к другу; *to dare* — пренебрегать опасностью, рисковать; бросать вызов кому-л.), crouched together in a cane brake where the fire-flies hovered (склонилась друг к другу в тростниковой чаще, где порхали светлячки). “That is our star (это наша звезда),” they whispered (шептали они),

and felt strangely comforted by the sweet brilliance of its light (и чувствовали странное успокоение от ласкового блеска ее света).

brethren [ˈbreðrɪn], ghost [gəʊst], evil [ˈi:vəl]

The light of that day went the way of its brethren, and with the later watches of the frosty darkness rose the strange star again. And it was now so bright that the waxing moon seemed but a pale yellow ghost of itself, hanging huge in the sunset. In a South African City a great man had married, and the streets were alight to welcome his return with his bride. “Even the skies have illuminated,” said the flatterer. Under Capricorn, two negro lovers, daring the wild beasts and evil spirits, for love of one another, crouched together in a cane brake where the fire-flies hovered. “That is our star,” they whispered, and felt strangely comforted by the sweet brilliance of its light.

The master mathematician sat in his private room and pushed the papers from him (великий математик сидел в своей личной комнате = в своем личном кабинете и отодвинул от себя бумаги; *master* — главный, старший; основной, господствующий; искусный; квалифицированный). His calculations were already finished (его расчеты были уже окончены). In a small white phial there still remained a little of the drug that had kept him awake and active for four long nights (в маленьком белом пузырьке еще оставалось немного лекарства, которое поддерживало его бодрым и активным в течение четырех долгих ночей). Each day, serene, explicit, patient as ever, he had given his lecture to his students (каждый день, невозмутимый, точный, терпеливый, как всегда, он читал: «давал» лекцию своим студентам), and then had come back at once to this momentous calculation (а потом тотчас возвращался к этим важным расчетам; *momentous* — важный, имеющий важное значение, весомый, влиятельный). His face was grave, a little drawn and hectic from his drugged activity (его лицо было серьезным, немного вытянутым и лихорадочным от

деятельности под воздействием лекарства/допинга; *to drug* — оказывать воздействие, подобное наркотическому, на кого-л.; давать наркотики; употреблять наркотики). For some time he seemed lost in thought (некоторое время он казался погруженным в размышления; *lost in thought* — погруженный в размышления; *lost* — потерянный). Then he went to the window (затем он пошел к окну), and the blind went up with a click (и шторы со щелчком поднялись вверх; *blind* — слепой; любой предмет, заслоняющий свет). Half way up the sky (на полпути к вершине неба = к зениту), over the clustering roofs, chimneys and steeples of the city, hung the star (над теснящимися крышами, трубами и шпилями города висела звезда).

mathematician [ˌmæθɪməˈtɪʃən], private [ˈpraɪvɪt], chimney [ˈtʃɪmni]

The master mathematician sat in his private room and pushed the papers from him. His calculations were already finished. In a small white phial there still remained a little of the drug that had kept him awake and active for four long nights. Each day, serene, explicit, patient as ever, he had given his lecture to his students, and then had come back at once to this momentous calculation. His face was grave, a little drawn and hectic from his drugged activity. For some time he seemed lost in thought. Then he went to the window, and the blind went up with a click. Half way up the sky, over the clustering roofs, chimneys and steeples of the city, hung the star.

He looked at it as one might look into the eyes of a brave enemy (он посмотрел на нее, как, возможно, смотрят в глаза достойного врага; *brave* — храбрый, смелый; отличный, превосходный). “You may kill me (ты можешь убить меня),” he said after a silence (сказал он после молчания). “But I can hold you (но я могу вместить тебя) — and all the universe for that matter (и всю вселенную, коли на то пошло; *for that matter* — что касается этого; в этом отношении; коли на то пошло) — in the grip of this little brain (в понимании =

в этом небольшом мозгу; *grip* — хватка; понятливость; способность понять, схватить /суть дела/). I would not change (я бы не поменялся с тобой /местами/; *to change* — меняться, обмениваться /чем-л./). Even now (даже сейчас).”

He looked at the little phial (он посмотрел на маленький пузырек). “There will be no need of sleep again (больше не будет нужды спать),” he said. The next day at noon — punctual to the minute (на следующий день в полдень, с точностью до минуты), he entered his lecture theatre (он вошел в лекционный зал), put his hat on the end of the table as his habit was (положил свою шляпу на край стола, как привык), and carefully selected a large piece of chalk (и тщательно выбрал большой кусок мела).

enemy [ˈenɪmɪ], universe [ˈjuːnɪvɜːs], chalk [tʃɔːk]

He looked at it as one might look into the eyes of a brave enemy. “You may kill me,” he said after a silence. “But I can hold you — and all the universe for that matter — in the grip of this little brain. I would not change. Even now.”

He looked at the little phial. “There will be no need of sleep again,” he said. The next day at noon — punctual to the minute, he entered his lecture theatre, put his hat on the end of the table as his habit was, and carefully selected a large piece of chalk.

It was a joke among his students that he could not lecture without that piece of chalk to fumble in his fingers (среди его студентов была = бытовала шутка, что он не мог читать лекцию без этого куска мела, который он вертел пальцами; *to fumble* — мять, теребить /что-л./; *вертеть в руках*), and once he had been stricken to impotence by their hiding his supply (и /что/ однажды он не смог: «был поражен беспомощностью» /читать лекцию/, когда они припрятали его запас /мела/; *stricken* — пораженный /болезнью, горем и т. н./). He came and looked under his grey eyebrows at the rising tiers of young fresh

faces (он выступил и посмотрел из-под своих седых бровей на восходящие ряды молодых свежих лиц), and spoke with his accustomed studied commonness of phrasing (и заговорил со своей привычной нарочитой простотой формулирования = *привычно и нарочито просто формулируя мысли; common — обыкновенный, простой; phrasing — выражение, формулирование мысли*). “Circumstances have arisen — circumstances beyond my control (возникли обстоятельства — обстоятельства от меня не зависящие; *beyond control — выйти из-под контроля*),” he said and paused (сказал он и сделал паузу), “which will debar me from completing the course I had designed (которые препятствуют мне довести до конца курс, который я разработал; *to debar — воспрепятствовать, не допускать, предотвращать, препятствовать; to complete — завершать, заканчивать, кончать, оканчивать; осуществлять, доводить до конца*). It would seem, gentlemen, if I may put the thing clearly and briefly (по-видимому, господа, /если/ я могу изложить дело ясно и кратко), that — Man has lived in vain (/что/ человечество жило напрасно).”

piece [pi:s], eyebrow [ˈaɪbraʊ], circumstance [ˈsə:kəmstæns]

It was a joke among his students that he could not lecture without that piece of chalk to fumble in his fingers, and once he had been stricken to impotence by their hiding his supply. He came and looked under his grey eyebrows at the rising tiers of young fresh faces, and spoke with his accustomed studied commonness of phrasing. “Circumstances have arisen — circumstances beyond my control,” he said and paused, “which will debar me from completing the course I had designed. It would seem, gentlemen, if I may put the thing clearly and briefly, that — Man has lived in vain.”

The students glanced at one another (студенты мельком взглянули друг на друга; *to glance — бросить взгляд; взглянуть мельком, одним глазом*). Had they heard aright (они правильно слышали = не ослышались ли они)? Mad

(сумасшедший = не сошел ли он с ума)? Raised eyebrows and grinning lips there were (возникли поднятые брови и ухмыляющиеся губы = народ удивлялся и ухмылялся), but one or two faces remained intent upon his calm grey-fringed face (но одно-два лица = *но пара лиц* остались направленными = *продолжали пристально смотреть* на его спокойное, окаймленное сединой лицо; *intent* — сконцентрированный /на чем-л./, направленный /на что-л./; *внимательный, пристальный /о взгляде/*). “It will be interesting (будет интересно),” he was saying (говорил он), “to devote this morning to an exposition (посвятить сегодняшнее утро описанию), so far as I can make it clear to you (насколько я смогу прояснить вам /это/), of the calculations that have led me to this conclusion (расчетов, которые привели меня к этому выводу; *to lead* — *вести, приводить*). Let us assume (предположим) — ”

calm [kɑ:m], conclusion [kən'klu:ʒən], assume [ə'sju:m]

The students glanced at one another. Had they heard aright? Mad? Raised eyebrows and grinning lips there were, but one or two faces remained intent upon his calm grey-fringed face. “It will be interesting,” he was saying, “to devote this morning to an exposition, so far as I can make it clear to you, of the calculations that have led me to this conclusion. Let us assume — ”

He turned towards the blackboard (он повернулся к доске), meditating a diagram in the way that was usual to him (обдумывая схему, как обычно: «тем способом, который был обычен для него»; *diagram* — *диаграмма; график; схема, чертеж*). “What was that about ‘lived in vain (о чем это он — «жило напрасно»)?” whispered one student to another (прошептал один студент другому). “Listen (слушай),” said the other, nodding towards the lecturer (сказал другой, кивая в сторону лектора).

And presently they began to understand (а через некоторое время они начали понимать).

towards [tə'wɔ:dz], diagram ['daɪəgræm], usual ['ju:ʒuəl]

He turned towards the blackboard, meditating a diagram in the way that was usual to him. “What was that about ‘lived in vain?’” whispered one student to another. “Listen,” said the other, nodding towards the lecturer.

And presently they began to understand.

That night the star rose later (в ту ночь звезда взошла позже), for its proper eastward motion had carried it some way across Leo towards Virgo (ибо ее собственное движение в восточном направлении отнесло ее на некоторое расстояние через /созвездие/ Льва к /созвездию/ Девы), and its brightness was so great that the sky became a luminous blue as it rose (и ее яркость была так велика, что небо озарилось лазурью, когда она взошла), and every star was hidden in its turn (и все звезды скрылись по очереди; *turn* — *поворот* /*изменение движения*/, *оборот*, *виток*; *in turn* — *по очереди*), save only Jupiter near the zenith, Capella, Aldebaran, Sirius and the pointers of the Bear (за исключением лишь Юпитера, почти в зените, Капеллы, Альдебарана, Сириуса, а также Альфы и Беты Большой Медведицы; *the pointers of the Bear* — *альфа и бета Большой Медведицы* /*находятся на одной линии с Полярной звездой, по ним и находят Полярную звезду*/). It was very white and beautiful (она была очень белая и красивая). In many parts of the world that night a pallid halo encircled it about (во многих частях мира в ту ночь бледный ореол окружал ее). It was perceptibly larger (она была = *стала* заметно больше); in the clear refractive sky of the tropics it seemed as if it were nearly a quarter the size of the moon (в ясном преломляющемся небе тропиков казалось, что она как будто почти с четверть размера луны). The frost was still on the ground in England (в Англии иней еще был на земле), but the world was as brightly lit as if it were midsummer moonlight (но все: «мир» было так ярко освещено, словно это /был/ лунный свет середины лета; *midsummer* — *середина лета*; *летнее*

солнцестояние). One could see to read quite ordinary print by that cold clear light (было так светло: «можно было видеть», что можно было читать совершенно обычного /размера/ шрифт: «печать» при этом холодном ясном свете; *print* — *печатное издание; оттиск, отпечаток*), and in the cities the lamps burnt yellow and wan (а в больших городах лампы горели желтым и бледным светом).

Leo [ˈli:əu], Virgo [ˈvə:gəu], quite [kwaɪt]

That night the star rose later, for its proper eastward motion had carried it some way across Leo towards Virgo, and its brightness was so great that the sky became a luminous blue as it rose, and every star was hidden in its turn, save only Jupiter near the zenith, Capella, Aldebaran, Sirius and the pointers of the Bear. It was very white and beautiful. In many parts of the world that night a pallid halo encircled it about. It was perceptibly larger; in the clear refractive sky of the tropics it seemed as if it were nearly a quarter the size of the moon. The frost was still on the ground in England, but the world was as brightly lit as if it were midsummer moonlight. One could see to read quite ordinary print by that cold clear light, and in the cities the lamps burnt yellow and wan.

And everywhere the world was awake that night (и повсюду мир бодрствовал той ночью), and throughout Christendom a sombre murmur hung in the keen air over the country side like the belling of bees in the heather (а по всему христианскому миру в напряженной атмосфере над деревнями, подобно гудению пчел в вереске, повис унылый гул; *Christendom* — *христианский мир, христианские страны и народы, христиане; тирмир* — *слабый неясный шум; шорох; ворчание, ропот*), and this murmurous tumult grew to a clangour in the cities (и этот приглушенный шум возрос до лязга в больших городах). It was the tolling of the bells in a million belfry towers and steeples (это был колокольный звон в миллионе колоколен и башен),

summoning the people to sleep no more (призывавший людей больше не спать), to sin no more (больше не грешить), but to gather in their churches and pray (а собираться в своих церквях и молиться). And overhead, growing larger and brighter as the earth rolled on its way and the night passed, rose the dazzling star (а над головой, становясь больше и ярче по мере вращения земли по своей орбите и прохождения ночи, поднималась ослепительная звезда; *to dazzle* — слепить, ослеплять).

Christendom [ˈkrɪsəndəm], heather [ˈheðə], tower [ˈtauə]

And everywhere the world was awake that night, and throughout Christendom a sombre murmur hung in the keen air over the country side like the belling of bees in the heather, and this murmurous tumult grew to a clangour in the cities. It was the tolling of the bells in a million belfry towers and steeples, summoning the people to sleep no more, to sin no more, but to gather in their churches and pray. And overhead, growing larger and brighter as the earth rolled on its way and the night passed, rose the dazzling star.

And the streets and houses were alight in all the cities (а улицы и дома были освещены во всех городах), the shipyards glared (верфи сверкали), and whatever roads led to high country were lit and crowded all night long (и какие бы дороги ни вели к возвышенной местности, они были освещены и заполнены людьми всю ночь). And in all the seas about the civilised lands (и во всех морях вокруг цивилизованных земель), ships with throbbing engines, and ships with bellying sails, crowded with men and living creatures (корабли с гремящими: «бьющимися» двигателями и корабли с наполненными /ветром/ парусами, переполненные людьми и живыми существами), were standing out to ocean and the north (удалялись от берега к океану и на север; *to stand out* — удаляться). For already the warning of the master mathematician had been telegraphed all over the world (ибо предупреждение великого математика было

уже передано по телеграфу по всему миру), and translated into a hundred tongues (и переведено на сотню языков). The new planet and Neptune, locked in a fiery embrace (новая планета и Нептун, сцепленные в огненном объятии), were whirling headlong, ever faster and faster towards the sun (стремительно мчались, все быстрее и быстрее к солнцу). Already every second this blazing mass flew a hundred miles (уже за каждую секунду эта пылающая масса пролетала сотню миль), and every second its terrific velocity increased (и с каждой секундой ее ужасная скорость возрастала). As it flew now, indeed (если, конечно, она /будет/ лететь как сейчас), it must pass a hundred million of miles wide of the earth and scarcely affect it (она пройдет в ста миллионах миль в стороне от земли и едва ли повлияет на нее).

creature [ˈkri:tʃə], tongue [tʌŋ], every [ˈevri]

And the streets and houses were alight in all the cities, the shipyards glared, and whatever roads led to high country were lit and crowded all night long. And in all the seas about the civilised lands, ships with throbbing engines, and ships with bellying sails, crowded with men and living creatures, were standing out to ocean and the north. For already the warning of the master mathematician had been telegraphed all over the world, and translated into a hundred tongues. The new planet and Neptune, locked in a fiery embrace, were whirling headlong, ever faster and faster towards the sun. Already every second this blazing mass flew a hundred miles, and every second its terrific velocity increased. As it flew now, indeed, it must pass a hundred million of miles wide of the earth and scarcely affect it.

But near its destined path (но рядом с ее предначертанной траекторией), as yet only slightly perturbed (на данный момент лишь слегка потревоженная), spun the mighty planet Jupiter and his moons sweeping splendid round the sun (вращалась вокруг солнца могучая планета Юпитер и ее луны, стремительные и искрящиеся). Every moment now the attraction between the

fiery star and the greatest of the planets grew stronger (/и/ теперь с каждой секундой становилось сильнее притяжение между огненной звездой и самой большой из планет). And the result of that attraction (а результат этого притяжения)? Inevitably Jupiter would be deflected from its orbit into an elliptical path (неизбежно Юпитер отклонится от своей орбиты /и перейдет/ на эллиптическую траекторию), and the burning star, swung by his attraction wide of its sunward rush (а пылающая звезда, которую его притяжение качнет далеко от ее стремительного движения в сторону солнца), would “describe a curved path” and perhaps collide with, and certainly pass very close to, our earth («опишет криволинейную траекторию» и, возможно, столкнется с нашей землей, и = *но* непременно пройдет очень близко от нее). “Earthquakes, volcanic outbreaks, cyclones, sea waves, floods, and a steady rise in temperature to I know not what limit (землетрясения, вулканические извержения, циклоны, морские волны = *цунами*, наводнения и неуклонное повышение температуры, не знаю до какого предела)” — so prophesied the master mathematician (вот что: «так» напроорочил великий математик).

inevitably [i'nevɪtəblɪ], flood [flʌd], temperature [ˈtemprɪtʃə]

But near its destined path, as yet only slightly perturbed, spun the mighty planet Jupiter and his moons sweeping splendid round the sun. Every moment now the attraction between the fiery star and the greatest of the planets grew stronger. And the result of that attraction? Inevitably Jupiter would be deflected from its orbit into an elliptical path, and the burning star, swung by his attraction wide of its sunward rush, would “describe a curved path” and perhaps collide with, and certainly pass very close to, our earth. “Earthquakes, volcanic outbreaks, cyclones, sea waves, floods, and a steady rise in temperature to I know not what limit” — so prophesied the master mathematician.

And overhead, to carry out his words (а на небе, чтобы воплотить его слова = в подтверждение его слов), lonely and cold and livid (одинокая, холодная и мертвенно-бледная), blazed the star of the coming doom (блистала звезда грядущей гибели/Судного дня; *doom* — рок, судьба; гибель, смерть; день Страшного суда).

To many who stared at it that night until their eyes ached (многим, кто вглядывался в нее в ту ночь до боли в глазах; *to ache* — болеть, испытывать боль), it seemed that it was visibly approaching (казалось, что она заметно приближается). And that night, too, the weather changed (и в ту ночь также изменилась погода), and the frost that had gripped all Central Europe and France and England softened towards a thaw (и мороз, который уже охватил всю Центральную Европу, Францию и Англию, смягчился до оттепели).

ache [eɪk], approach [əˈprəʊtʃ], thaw [θɔː]

And overhead, to carry out his words, lonely and cold and livid, blazed the star of the coming doom.

To many who stared at it that night until their eyes ached, it seemed that it was visibly approaching. And that night, too, the weather changed, and the frost that had gripped all Central Europe and France and England softened towards a thaw.

But you must not imagine (но вы не должны думать; *to imagine* — воображать, представлять себе; допускать, полагать, думать) because I have spoken of people praying through the night and people going aboard ships and people fleeing toward mountainous country (потому что = раз я говорил о людях, молившихся всю ночь, и людях, поднимающихся на корабли, и людях, убегающих в горную местность) that the whole world was already in a terror because of the star (что весь мир был уже в ужасе из-за звезды). As a matter of fact (на самом деле), use and wont still ruled the world (обыкновение и привычка все еще правили миром), and save for the talk of idle moments and the

splendour of the night (и за исключением разговоров в праздные моменты, а также ночного сияния), nine human beings out of ten were still busy at their common occupations (девять человек из десяти все еще занимались своими обычными делами). In all the cities the shops (во всех больших городах магазины), save one here and there (кроме одного там и сям; *save* — за исключением, кроме), opened and closed at their proper hours (открывались и закрывались в обычное: «надлежащее» время), the doctor and the undertaker plied their trades (врачи и гробовщики усердно занимались своими ремеслами; *to ply* — упорно, усердно заниматься /чем-л./, много работать), the workers gathered in the factories, soldiers drilled, scholars studied, lovers sought one another, thieves lurked and fled, politicians planned their schemes (рабочие собирались на фабриках, солдаты занимались строевой подготовкой, ученики учились, влюбленные стремились друг к другу, воры крались и убегали, политики планировали свои интриги; *to drill* — обучать /строевой подготовке/; муштровать; проходить /строевую подготовку/; *to flee* — убежать, спастись бегством; *scheme* — интрига, махинация; козни, происки).

aboard [ə'bo:d], soldier ['səuldʒə], scheme [ski:m]

But you must not imagine because I have spoken of people praying through the night and people going aboard ships and people fleeing toward mountainous country that the whole world was already in a terror because of the star. As a matter of fact, use and wont still ruled the world, and save for the talk of idle moments and the splendour of the night, nine human beings out of ten were still busy at their common occupations. In all the cities the shops, save one here and there, opened and closed at their proper hours, the doctor and the undertaker plied their trades, the workers gathered in the factories, soldiers drilled, scholars studied, lovers sought one another, thieves lurked and fled, politicians planned their schemes.

The presses of the newspapers roared through the night (прессы газет гремели: «рычали» всю ночь), and many a priest of this church and that would not open his holy building to further what he considered a foolish panic (и многие священники этой церкви и той = той и другой церкви не открывали священное здание, чтобы не способствовать тому, что они считали глупой паникой). The newspapers insisted on the lesson of the year 1000 (газеты настаивали на уроке 1000 года) — for then, too, people had anticipated the end (ибо тогда люди тоже ожидали конца /света/). The star was no star (/та/ звезда оказалась не звездой) — mere gas (/а/ лишь газом) — a comet (кометой); and were it a star it could not possibly strike the earth (а будь она и звездой, она не смогла бы врезаться в землю). There was no precedent for such a thing (этому не было прецедентов). Common sense was sturdy everywhere, scornful, jesting (здравый смысл был силен повсюду, насмешливый, саркастический), a little inclined to persecute the obdurate fearful (призывавший даже наказать: «немного склонный к тому, чтобы преследовать» упрямых паникеров).

priest [pri:st], building [ˈbɪldɪŋ], panic [ˈpænik]

The presses of the newspapers roared through the night, and many a priest of this church and that would not open his holy building to further what he considered a foolish panic. The newspapers insisted on the lesson of the year 1000 — for then, too, people had anticipated the end. The star was no star — mere gas — a comet; and were it a star it could not possibly strike the earth. There was no precedent for such a thing. Common sense was sturdy everywhere, scornful, jesting, a little inclined to persecute the obdurate fearful.

That night, at seven-fifteen by Greenwich time (в тот вечер, в семь пятнадцать по Гринвичскому времени; *Greenwich Time* — *GMT* — *Гринвичское время, всемирное время*), the star would be at its nearest to Jupiter

(звезда окажется в самой ближайшей точке от Юпитера). Then the world would see the turn things would take (тогда мир увидит, какой оборот примут дела). The master mathematician's grim warnings were treated by many as so much mere elaborate self-advertisement (мрачные предостережения великого математика многими рассматривались просто как хорошо продуманная самореклама; *mere* — *простой, не более чем, всего лишь; абсолютный, совершенный, полный*). Common sense at last, a little heated by argument, signified its unalterable convictions by going to bed (наконец, здравый смысл, немного разгоряченный спором, выразил свою непоколебимую убежденность в том, что пошел спать; *to signify* — *выражать, показывать*). So, too, barbarism and savagery, already tired of the novelty (варварство и дикость = невежество и дикость, тоже уставшие от новостей), went about their nightly business (отправились по своим ночным делам), and save for a howling dog here and there (и за исключением воющего пса там и сям), the beast world left the star unheeded (мир зверей оставил звезду незамеченной = проигнорировал звезду; *unheeded* — *незамеченный, не принятый во внимание*).

elaborate [ɪˈləbreɪt], unalterable [ʌnˈɔːltərəbl], savagery [ˈsævɪdʒrɪ]

That night, at seven-fifteen by Greenwich time, the star would be at its nearest to Jupiter. Then the world would see the turn things would take. The master mathematician's grim warnings were treated by many as so much mere elaborate self-advertisement. Common sense at last, a little heated by argument, signified its unalterable convictions by going to bed. So, too, barbarism and savagery, already tired of the novelty, went about their nightly business, and save for a howling dog here and there, the beast world left the star unheeded.

And yet, when at last the watchers in the European States saw (и тем не менее, когда, наконец, наблюдатели в европейских странах увидели) the star rise, an hour later it is true (как восходит звезда, правда на час позже), but no

larger than it had been the night before (но не больше, чем она была предыдущим вечером), there were still plenty awake to laugh at the master mathematician (все еще было множество бодрствующих, чтобы посмеяться над великим математиком) — to take the danger as if it had passed (/и/ отнестись: «взять» к опасности, словно она миновала).

But hereafter the laughter ceased (но затем смех прекратился = вскоре насмешки стихли). The star grew (звезда выросла = стала расти) — it grew with a terrible steadiness hour after hour (она росла с ужасным постоянством час за часом), a little larger each hour (немного больше = немного увеличиваясь с каждым часом), a little nearer the midnight zenith (/придвигаясь/ ближе к полуденному зениту), and brighter and brighter (и /становясь/ ярче и ярче), until it had turned night into a second day (пока она не превратила ночь в день: «во второй день»). Had it come straight to the earth instead of in a curved path (если бы она полетела прямо к земле вместо криволинейной траектории), had it lost no velocity to Jupiter (она бы не потеряла скорости из-за Юпитера), it must have leapt the intervening gulf in a day (она бы перепрыгнула через промежуточную пропасть за день; *to leap* — перепрыгивать, перескакивать), but as it was it took five days altogether to come by our planet (но в данной ситуации ей понадобилось в целом пять дней, чтобы достичь нашей планеты; *as it was* — в данной ситуации, при сложившихся обстоятельствах; *altogether* — в общем, в целом; всего).

laugh [lɑ:f], straight [streɪt], instead [ɪn'sted]

And yet, when at last the watchers in the European States saw the star rise, an hour later it is true, but no larger than it had been the night before, there were still plenty awake to laugh at the master mathematician — to take the danger as if it had passed.

But hereafter the laughter ceased. The star grew — it grew with a terrible steadiness hour after hour, a little larger each hour, a little nearer the midnight

zenith, and brighter and brighter, until it had turned night into a second day. Had it come straight to the earth instead of in a curved path, had it lost no velocity to Jupiter, it must have leapt the intervening gulf in a day, but as it was it took five days altogether to come by our planet.

The next night it had become a third the size of the moon before it set to English eyes (следующей ночью она стала размером с треть луны, прежде чем предстала глазам англичан), and the thaw was assured (и оттепель была обеспечена). It rose over America near the size of the moon (она поднялась над Америкой размером почти с луну), but blinding white to look at, and HOT (но ослепительно белая, чтобы смотреть на нее = на нее невозможно было смотреть, и ЖАРКАЯ); and a breath of hot wind blew now with its rising and gathering strength (и дуновение = порыв жаркого ветра дул теперь при ее восхождении и набирании сил = когда она восходила и набирала силы; *to blow* — дуть), and in Virginia, and Brazil, and down the St. Lawrence valley (а в Виргинии, и Бразилии, и в долине вниз по течению реки Св. Лаврентия), it shone intermittently through a driving reek of thunder-clouds (она, пульсируя, светила сквозь сильные испарения грозовых туч), flickering violet lightning, and hail unprecedented (мерцающих фиолетовыми молниями и беспрецедентным градом). In Manitoba was a thaw and devastating floods (в Манитобе была оттепель и опустошительные наводнения). And upon all the mountains of the earth the snow and ice began to melt that night (а на всех горах земли в ту ночь начали таять снег и лед), and all the rivers coming out of high country flowed thick and turbid (и все реки, выходящие = спускающиеся с возвышенностей, текли обильно и мутно), and soon — in their upper reaches — with swirling trees and the bodies of beasts and men (и вскоре в верхних плесах /они перешли в потоки/ с кружащимися в водоворотах деревьями и телами животных и людей; *reach* — протягивание /руки/; размах; плес, колено реки). They rose steadily, steadily in the ghostly brilliance (они = реки поднимались неуклонно, постоянно в призрачном блеске), and came trickling over their

banks at last (и, наконец, перетекали через берега = вышли из берегов; *to trickle over* — *перетекать*; *to trickle* — *течь тонкой струйкой, сочиться*), behind the flying population of their valleys (/и хлынули/ вслед за удирающим населением их долин; *to fly* — *улетывать, удирать; спасаться бегством, убежать*).

violet [ˈvaɪəlɪt], mountain [ˈmaʊntɪn], valley [ˈvæli]

The next night it had become a third the size of the moon before it set to English eyes, and the thaw was assured. It rose over America near the size of the moon, but blinding white to look at, and HOT; and a breath of hot wind blew now with its rising and gathering strength, and in Virginia, and Brazil, and down the St. Lawrence valley, it shone intermittently through a driving reek of thunder-clouds, flickering violet lightning, and hail unprecedented. In Manitoba was a thaw and devastating floods. And upon all the mountains of the earth the snow and ice began to melt that night, and all the rivers coming out of high country flowed thick and turbid, and soon — in their upper reaches — with swirling trees and the bodies of beasts and men. They rose steadily, steadily in the ghostly brilliance, and came trickling over their banks at last, behind the flying population of their valleys.

And along the coast of Argentina and up the South Atlantic the tides were higher than had ever been in the memory of man (а вдоль побережья Аргентины и вверх по направлению к Южной Атлантике приливы были выше, чем были когда-нибудь в истории: «на памяти человека»), and the storms drove the waters in many cases scores of miles inland (и штормы несли воды во многих случаях на десятки миль в глубину континентов; *score* — *зарубка; счет; scores* — *большое количество чего-л.*), drowning whole cities (затопляя целые города). And so great grew the heat during the night that the rising of the sun was like the coming of a shadow (и такой сильной стала жара ночью, что восход солнца был подобен приходу тени). The earthquakes began and grew (начались

и усилились землетрясения) until all down America from the Arctic Circle to Cape Horn (пока по всей Америке от Северного Полярного Круга до мыса Горн), hillsides were sliding, fissures were opening, and houses and walls crumbling to destruction (не стали оползать склоны гор, раскрываться трещины, и осыпаться дома и стены, превращаясь в развалины; *to crumble* — сыпаться, осыпаться; обваливаться). The whole side of Cotopaxi slipped out in one vast convulsion (целая сторона Котопахи /вулкан в Андах/ сорвалась в одной огромной конвульсии), and a tumult of lava poured out so high and broad and swift and liquid that in one day it reached the sea (а поток лавы вылился = хлынул так высоко и широко, быстро и текуче = таким высоким и широким, быстрым и текучим потоком, что за один день достиг моря).

coast [kəʊst], drown [draʊn], fissure [ˈfɪʃə]

And along the coast of Argentina and up the South Atlantic the tides were higher than had ever been in the memory of man, and the storms drove the waters in many cases scores of miles inland, drowning whole cities. And so great grew the heat during the night that the rising of the sun was like the coming of a shadow. The earthquakes began and grew until all down America from the Arctic Circle to Cape Horn, hillsides were sliding, fissures were opening, and houses and walls crumbling to destruction. The whole side of Cotopaxi slipped out in one vast convulsion, and a tumult of lava poured out so high and broad and swift and liquid that in one day it reached the sea.

So the star, with the wan moon in its wake (так звезда с бледной луной, /которая следовала за ней/ по пятам), marched across the Pacific (прошла через Тихий океан), trailed the thunderstorms like the hem of a robe (потянула за собой грозы, как шлейф платья), and the growing tidal wave that toiled behind it (а растущая приливная волна, которая тяжело тащилась за ней; *to toil* — с трудом идти, тащиться), frothing and eager (пенящаяся и рвущаяся; *froth* —

пена), poured over island and island and swept them clear of men (*заливала остров за островом и смывала с них людей; to pour over — лить/ся/ поверх /чего-л./; переливать/ся/; переваливать через; to sweep — смывать, сметать; clear — чистый*). Until that wave came at last (*пока, наконец, эта волна не пришла*) — in a blinding light and with the breath of a furnace, swift and terrible it came (*в ослепительном свете и с дыханием печи она пришла, быстрая и ужасная*) — a wall of water, fifty feet high, roaring hungrily (*стена воды, в пятьдесят футов высотой, голодно ревущая*), upon the long coasts of Asia (*на длинные побережья Азии*), and swept inland across the plains of China (*и понеслась вглубь суши через равнины Китая; to sweep — нестись, мчаться, проноситься; inland — вглубь страны*).

pour [pɔ:], island [ˈaɪlənd], Asia [ˈeɪʃə]

So the star, with the wan moon in its wake, marched across the Pacific, trailed the thunderstorms like the hem of a robe, and the growing tidal wave that toiled behind it, frothing and eager, poured over island and island and swept them clear of men. Until that wave came at last — in a blinding light and with the breath of a furnace, swift and terrible it came — a wall of water, fifty feet high, roaring hungrily, upon the long coasts of Asia, and swept inland across the plains of China.

For a space the star, hotter now and larger and brighter than the sun in its strength, showed with pitiless brilliance the wide and populous country (*какое-то время звезда, теперь жарче, больше и ярче, чем солнце при /самой большой/ интенсивности, озаряла: «показывала» с безжалостным блеском обширную и густонаселенную страну; strength — сила; pity — жалость, сострадание*); towns and villages with their pagodas and trees (*города и поселки с их пагодами и деревьями*), roads, wide cultivated fields (*дороги, большие возделанные поля*), millions of sleepless people staring in helpless terror at the incandescent sky (*миллионы бессонных людей, пристально глядящих в беспомощном ужасе на*

свещающееся небо); and then, low and growing, came the murmur of the flood (и тогда, низкий и растущий, донесся ропот наводнения; *flood* — наводнение, потоп; половодье; наводок; разлив; подъем воды, прилив; поток). And thus it was with millions of men that night (и так это было с миллионами людей в ту ночь) — a flight nowhither (бегство в никуда), with limbs heavy with heat and breath fierce and scant (с вялыми от жары конечностями и дыханием неистовым и скудным; *scant* — скудный, недостаточный; ограниченный; *scant of breath* — задыхающийся), and the flood like a wall swift and white behind (и поток, как быстрая и белая стена позади = а за ними, как быстрая и белая стена, неся поток). And then death (а потом смерть).

field [fi:ld], limb [lɪm], heavy [ˈhevi]

For a space the star, hotter now and larger and brighter than the sun in its strength, showed with pitiless brilliance the wide and populous country; towns and villages with their pagodas and trees, roads, wide cultivated fields, millions of sleepless people staring in helpless terror at the incandescent sky; and then, low and growing, came the murmur of the flood. And thus it was with millions of men that night — a flight nowhither, with limbs heavy with heat and breath fierce and scant, and the flood like a wall swift and white behind. And then death.

China was lit glowing white (Китай был освещен раскаленным добела светом), but over Japan and Java and all the islands of Eastern Asia the great star was a ball of dull red fire (но над Японией, и Явой, и всеми островами Восточной Азии огромная звезда была шаром тускло-красного огня) because of the steam and smoke and ashes the volcanoes were spouting forth to salute its coming (из-за пара, дыма и пепла, которые извергали вулканы, приветствуя салютом ее приход). Above was the lava, hot gases and ash (вверху была лава, горячие газы и пепел), and below the seething floods (а внизу бурлящие потоки), and the whole earth swayed and rumbled with the earthquake shocks (и

вся земля колыхалась и грохотала от толчков землетрясений). Soon the immemorial snows of Thibet and the Himalaya were melting and pouring down by ten million deepening converging channels upon the plains of Burmah and Hindostan (вскоре древние снега Тибета и Гималаев стали таять и хлынули вниз десятками миллионов углубляющихся, сходящихся каналов на равнины Бирмы и Индостана). The tangled summits of the Indian jungles were aflame in a thousand places (спутанные верхушки индийских джунглей пылали в тысяче мест), and below the hurrying waters around the stems were dark objects that still struggled feebly and reflected the blood-red tongues of fire (а под несущимися потоками: «водами» вокруг стволов были темные предметы, которые все еще слабо боролись в свете: «отражая» кроваво-красных языков пламени). And in a rudderless confusion a multitude of men and women fled down the broad river-ways to that one last hope of men — the open sea (и в бесконтрольной неразберихе множество мужчин и женщин убегали вниз по течению широких речных путей к той единственной последней надежде людей — к открытому морю; *to flee* — *убегать, спасаться бегством*).

volcano [vɒl'keɪnəʊ], blood [blʌd], women ['wɪmɪn]

China was lit glowing white, but over Japan and Java and all the islands of Eastern Asia the great star was a ball of dull red fire because of the steam and smoke and ashes the volcanoes were spouting forth to salute its coming. Above was the lava, hot gases and ash, and below the seething floods, and the whole earth swayed and rumbled with the earthquake shocks. Soon the immemorial snows of Thibet and the Himalaya were melting and pouring down by ten million deepening converging channels upon the plains of Burmah and Hindostan. The tangled summits of the Indian jungles were aflame in a thousand places, and below the hurrying waters around the stems were dark objects that still struggled feebly and reflected the blood-red tongues of fire. And in a rudderless confusion a multitude

of men and women fled down the broad river-ways to that one last hope of men — the open sea.

Larger grew the star, and larger, hotter, and brighter with a terrible swiftness now (теперь звезда с ужасной быстротой становилась больше и больше, жарче и ярче). The tropical ocean had lost its phosphorescence (тропический океан потерял свое свечение), and the whirling steam rose in ghostly wreaths from the black waves that plunged incessantly (а кружащийся пар поднимался призрачными кольцами: «венками, венцами» от темных волн, которые непрерывно рвались вперед; *to plunge* — нырять, погружаться; бросаться, врываться; бросаться вперед), speckled with storm-tossed ships (усеянные швыряемыми штормами кораблями = кораблями, которых швыряли шторма; *to toss* — бросать, кидать, метать; отбрасывать, швырять; *to speckle* — испещрять, пятнать; *speckle* — крапинка, пятнышко).

grew [gru:], phosphorescence [ˌfɒsfəˈresns], wreath [ri:θ]

Larger grew the star, and larger, hotter, and brighter with a terrible swiftness now. The tropical ocean had lost its phosphorescence, and the whirling steam rose in ghostly wreaths from the black waves that plunged incessantly, speckled with storm-tossed ships.

And then came a wonder (а потом случилось чудо). It seemed to those who in Europe watched for the rising of the star that the world must have ceased its rotation (тем, кто в Европе наблюдал за восхождением звезды, показалось, что мир, должно быть, прекратил вращаться: «остановил вращение»). In a thousand open spaces of down and upland the people who had fled thither from the floods and the falling houses and sliding slopes of hill watched for that rising in vain (на тысяче открытых мест, на возвышенностях и плоскогорьях люди, которые убежали туда от наводнений, падающих домов и оползающих

склонов холмов, напрасно ожидали этого восхода). Hour followed hour through a terrible suspense (час следовал за часом в ужасной неопределенности; *suspense* — *неизвестность, неопределенность; беспокойство; тревога ожидания; нерешенность*; *to suspend* — *подвешивать; приостанавливать*), and the star rose not (а звезда не поднималась). Once again men set their eyes upon the old constellations they had counted lost to them forever (еще раз снова люди обратили своих взоры на старые созвездия, которые они считали потерянными для них навсегда). In England it was hot and clear overhead (в Англии было жарко и ясно в небе), though the ground quivered perpetually (хотя земля постоянно дрожала), but in the tropics, Sirius and Capella and Aldebaran showed through a veil of steam (но в тропиках сквозь завесу пара показались Сириус, Капелла и Альдебаран). And when at last the great star rose near ten hours late (а когда, наконец, огромная звезда поднялась почти на десять часов позже), the sun rose close upon it (солнце поднялось рядом с ней), and in the centre of its white heart was a disc of black (а в центре ее белой сердцевины был черный диск).

wonder [ˈwʌndə], quiver [ˈkwɪvə], perpetual [pəˈpetʃuəl]

And then came a wonder. It seemed to those who in Europe watched for the rising of the star that the world must have ceased its rotation. In a thousand open spaces of down and upland the people who had fled thither from the floods and the falling houses and sliding slopes of hill watched for that rising in vain. Hour followed hour through a terrible suspense, and the star rose not. Once again men set their eyes upon the old constellations they had counted lost to them forever. In England it was hot and clear overhead, though the ground quivered perpetually, but in the tropics, Sirius and Capella and Aldebaran showed through a veil of steam. And when at last the great star rose near ten hours late, the sun rose close upon it, and in the centre of its white heart was a disc of black.

Over Asia it was the star had begun to fall behind the movement of the sky (именно над Азией звезда начала замедлять движение по небу; *to fall behind* — *отставать; становиться хуже, снижать качество; запаздывать*), and then suddenly, as it hung over India, its light had been veiled (и потом вдруг, когда она висела над Индией, ее свет подернулся пеленой; *to veil* — *закрывать покрывалом, вуалью; носить покрывало, вуаль, паранджу; скрывать, прикрывать; маскировать, прятать*). All the plain of India from the mouth of the Indus to the mouths of the Ganges was a shallow waste of shining water that night (в ту ночь вся равнина Индии от устья Инда до устьев Ганга была мелким пустынным пространством сверкающей воды), out of which rose temples and palaces, mounds and hills, black with people (из которой поднимались храмы и дворцы, курганы и холмы, черные от людей). Every minaret was a clustering mass of people (каждый минарет был теснившейся массой людей = люди висели, как гроздь, на минаретах; *cluster* — *кисть, пучок, гроздь; to cluster* — *собираться группами, толпиться, тесниться*), who fell one by one into the turbid waters (которые падали один за другим в мутные воды), as heat and terror overcame them (когда жара и ужас изнуряли их; *to overcome* — *охватить, обуять; овладевать; истощать, ослаблять; изнурять*). The whole land seemed a-wailing and suddenly there swept a shadow across that furnace of despair (вся суша, казалось, стенала, и вдруг через это пекло отчаяния пронеслась тень), and a breath of cold wind, and a gathering of clouds, out of the cooling air (и дуновение холодного ветра, и скопление туч из остывающего воздуха). Men looking up, near blinded, at the star (люди, смотревшие вверх на звезду, почти ослепленные), saw that a black disc was creeping across the light (увидели, что черный диск наползает на свет). It was the moon, coming between the star and the earth (это была луна, проходящая между звездой и землей). And even as men cried to God at this respite (и когда люди воззвали к Богу при этой передышке), out of the East with a strange inexplicable swiftness sprang the sun (с Востока с необычной необъяснимой

быстротой вошло солнце). And then star, sun and moon rushed together across the heavens (а потом звезда, солнце и луна понеслись вместе через небеса).

movement [ˈmu:vmənt], furnace [ˈfə:nɪs], blind [blaɪnd]

Over Asia it was the star had begun to fall behind the movement of the sky, and then suddenly, as it hung over India, its light had been veiled. All the plain of India from the mouth of the Indus to the mouths of the Ganges was a shallow waste of shining water that night, out of which rose temples and palaces, mounds and hills, black with people. Every minaret was a clustering mass of people, who fell one by one into the turbid waters, as heat and terror overcame them. The whole land seemed a-wailing and suddenly there swept a shadow across that furnace of despair, and a breath of cold wind, and a gathering of clouds, out of the cooling air. Men looking up, near blinded, at the star, saw that a black disc was creeping across the light. It was the moon, coming between the star and the earth. And even as men cried to God at this respite, out of the East with a strange inexplicable swiftness sprang the sun. And then star, sun and moon rushed together across the heavens.

So it was that presently, to the European watchers, star and sun rose close upon each other (так это было = *получилось, что через некоторое время для европейских наблюдателей звезда и солнце поднялись возле друг друга*), drove headlong for a space and then slower (*мчались некоторое время стремительно, а потом медленнее; for a space — какое-то время*), and at last came to rest (*и наконец остановились; to come to rest — остановиться*), star and sun merged into one glare of flame at the zenith of the sky (*звезда и солнце слились в одно сияние пламени в зените неба*). The moon no longer eclipsed the star but was lost to sight in the brilliance of the sky (*луна больше не затемняла звезду, а пропала из виду в свечении неба*). And though those who were still alive regarded it for the most part with that dull stupidity (*и хотя те, кто был еще жив, смотрели на него /небо/ в основном с тем вялым отупением;*

dull — понурый, унылый, безрадостный, грустный; вялый; тупой, притупленный) that hunger, fatigue, heat and despair engender (которое порождают голод, усталость и отчаяние), there were still men who could perceive the meaning of these signs (были все-таки люди, которые смогли постигнуть смысл этих знамений). Star and earth had been at their nearest, had swung about one another, and the star had passed (звезда и земля уже были ближе всего /друг к другу/, качнулись друг возле друга, и звезда прошла мимо). Already it was receding, swifter and swifter (она уже удалялась, быстрее и быстрее), in the last stage of its headlong journey downward into the sun (на последней стадии ее безудержного путешествия по нисходящей линии к солнцу).

fatigue [fə'ti:g], perceive [pə'si:v], sign [sain]

So it was that presently, to the European watchers, star and sun rose close upon each other, drove headlong for a space and then slower, and at last came to rest, star and sun merged into one glare of flame at the zenith of the sky. The moon no longer eclipsed the star but was lost to sight in the brilliance of the sky. And though those who were still alive regarded it for the most part with that dull stupidity that hunger, fatigue, heat and despair engender, there were still men who could perceive the meaning of these signs. Star and earth had been at their nearest, had swung about one another, and the star had passed. Already it was receding, swifter and swifter, in the last stage of its headlong journey downward into the sun.

And then the clouds gathered (а потом собрались тучи), blotting out the vision of the sky (закрывая вид неба; *to blot out* — закрывать, скрывать, покрывать), the thunder and lightning wove a garment round the world (гром и молния ткали покров вокруг мира; *to weave* — ткать, плести); all over the earth was such a downpour of rain as men had never before seen (по всей земле был такой ливень, какого люди не видели никогда прежде), and where the

volcanoes flared red against the cloud canopy there descended torrents of mud (а там, где вулканы вспыхивали красным цветом на фоне облачного балдахина, спускались потоки грязи). Everywhere the waters were pouring off the land (повсюду воды стекали с суши), leaving mud-silted ruins (оставляя заваленные илом руины; *to silt* — засоряться илом), and the earth littered like a storm-worn beach with all that had floated (а землю заваленную мусором, будто какое-нибудь побережье после шторма всем, что всплыло), and the dead bodies of the men and brutes, its children (и мертвыми телами людей и животных, ее /земли/ детьми). For days the water streamed off the land (многие дни вода стекала с суши), sweeping away soil and trees and houses in the way (размывая почву, деревья и дома на пути), and piling huge dykes and scooping out titanic gullies over the country side (наваливая огромные дамбы и выкапывая гигантские рвы по сельской местности; *titanic* — колоссальный, титанический). Those were the days of darkness that followed the star and the heat (за звездой и жарой последовали дни тьмы). All through them, and for many weeks and months, the earthquakes continued (до конца их, и многие недели и месяцы продолжались землетрясения; *all through* — всё целиком, до конца).

ruin [ˈruːɪn], month [mʌnθ], continue [kənˈtɪnjuː]

And then the clouds gathered, blotting out the vision of the sky, the thunder and lightning wove a garment round the world; all over the earth was such a downpour of rain as men had never before seen, and where the volcanoes flared red against the cloud canopy there descended torrents of mud. Everywhere the waters were pouring off the land, leaving mud-silted ruins, and the earth littered like a storm-worn beach with all that had floated, and the dead bodies of the men and brutes, its children. For days the water streamed off the land, sweeping away soil and trees and houses in the way, and piling huge dykes and scooping out titanic gullies over the country side. Those were the days of darkness that followed

the star and the heat. All through them, and for many weeks and months, the earthquakes continued.

But the star had passed (но звезда уже прошла /мимо/), and men, hunger-driven and gathering courage only slowly (и люди, ведомые голодом и постепенно: «только медленно» набравшиеся мужества), might creep back to their ruined cities, buried granaries, and sodden fields (могли медленно возвращаться: «ползти» обратно в разрушенные города, к сожженным амбарам и промокшим полям; *sodden* — промокший, влажный). Such few ships as had escaped the storms of that time (те немногие корабли, которые спаслись от штормов того времени) came stunned and shattered and sounding their way cautiously through the new marks and shoals of once familiar ports (пришли поврежденные и побитые, осторожно замеряя глубину лотом на своем пути через новые ориентиры и отмели некогда знакомых портов; *to stun* — оглушать ударом; *оглушать, ошеломлять*). And as the storms subsided men perceived that everywhere the days were hotter than of yore (и когда штормы утихли, люди ощутили, что везде дни жарче, чем в былые дни; *yore* — бывшее; *to perceive* — воспринимать, понимать, осознавать; постигать; ощущать; различать, чувствовать), and the sun larger, and the moon, shrunk to a third of its former size, took now fourscore days between its new and new (/что/ солнце больше, а луне, съжившейся до трети ее бывшего размера, требовалось теперь восемьдесят дней от одной до другой фазы: «между ее новой и новой»; *to shrink* — уменьшаться, сокращаться; сжиматься, съезживаться; *fourscore* — восемьдесят; *score* — двадцать).

courage [ˈkʌrɪdʒ], bury [ˈberɪ], cautiously [ˈkɔːʃəslɪ]

But the star had passed, and men, hunger-driven and gathering courage only slowly, might creep back to their ruined cities, buried granaries, and sodden fields. Such few ships as had escaped the storms of that time came stunned and shattered

and sounding their way cautiously through the new marks and shoals of once familiar ports. And as the storms subsided men perceived that everywhere the days were hotter than of yore, and the sun larger, and the moon, shrunk to a third of its former size, took now fourscore days between its new and new.

But of the new brotherhood that grew presently among men (но о новых братских отношениях, которые возникли через некоторое время среди людей), of the saving of laws and books and machines (о спасении законов, книг и машин), of the strange change that had come over Iceland and Greenland and the shores of Baffin's Bay (о необычной перемене, которая произошла с Исландией, и Гренландией, и берегами Баффинова залива), so that the sailors coming there presently found them green and gracious (так что моряки, пришедшие туда некоторое время спустя, нашли их зелеными и благодатными), and could scarce believe their eyes (и едва могли поверить собственным глазам), this story does not tell (эта история не рассказывает). Nor of the movement of mankind now that the earth was hotter, northward and southward towards the poles of the earth (/не рассказывает она/ и о переселении: «перемещении» человечества сейчас, когда земля стала жарче, на север и юг к полюсам земли). It concerns itself only with the coming and the passing of the Star (она повествует лишь о появлении и прохождении Звезды; *to concern oneself with smth.* — интересоваться чем-л., заниматься чем-л.).

brotherhood [ˈbrʌðəhʊd], law [lɔ:], machine [məˈʃi:n]

But of the new brotherhood that grew presently among men, of the saving of laws and books and machines, of the strange change that had come over Iceland and Greenland and the shores of Baffin's Bay, so that the sailors coming there presently found them green and gracious, and could scarce believe their eyes, this story does not tell. Nor of the movement of mankind now that the earth was hotter,

northward and southward towards the poles of the earth. It concerns itself only with the coming and the passing of the Star.

The Martian astronomers (марсианские астрономы) — for there are astronomers on Mars (ибо на Марсе есть астрономы), although they are very different beings from men (хотя они очень отличаются от людей) — were naturally profoundly interested by these things (естественно, серьезно заинтересовались этими явлениями). They saw them from their own standpoint of course (они, конечно, видели = рассматривали их со своей точки зрения). “Considering the mass and temperature of the missile that was flung through our solar system into the sun (учитывая массу и температуру метательного снаряда, который был брошен через нашу солнечную систему в солнце),” one wrote (писал один), “it is astonishing what a little damage the earth, which it missed so narrowly, has sustained (поразительно, какой небольшой урон понесла земля, возле которой так близко он /снаряд/ прошел; *to miss* — промахнуться, не достичь цели). All the familiar continental markings and the masses of the seas remain intact (все привычные континентальные границы и массы морей остаются нетронутыми; *to mark* — отмечать, обозначать, размечать; ставить метки, вехи; очерчивать границы), and indeed the only difference seems to be a shrinkage of the white discoloration (и фактически единственным последствием: «одной разницей», кажется, является уменьшение белого пятна) (supposed to be frozen water (предполагается, что это замерзшая вода)) round either pole (вокруг обоих полюсов).” Which only shows how small the vastest of human catastrophes may seem, at a distance of a few million miles (что лишь демонстрирует, насколько небольшой может показаться крупнейшая из человеческих катастроф на расстоянии в несколько миллионов миль).

Martian [ˈmɑːʃən], Mars [mɑːz], missile [ˈmɪsaɪl]

The Martian astronomers — for there are astronomers on Mars, although they are very different beings from men — were naturally profoundly interested by these things. They saw them from their own standpoint of course. “Considering the mass and temperature of the missile that was flung through our solar system into the sun,” one wrote, “it is astonishing what a little damage the earth, which it missed so narrowly, has sustained. All the familiar continental markings and the masses of the seas remain intact, and indeed the only difference seems to be a shrinkage of the white discoloration (supposed to be frozen water) round either pole.” Which only shows how small the vastest of human catastrophes may seem, at a distance of a few million miles.

The Man Who Could Work Miracles

(Человек, который мог творить чудеса)

A PANTOUM IN PROSE

Пантум (малайское четверостишие) в прозе

It is doubtful whether the gift was innate (сомнительно, чтобы этот дар был врожденным). For my own part, I think it came to him suddenly (что касается меня, /то/ я считаю, что он сошел на него внезапно; *for one's part* — что касается кого-л., с чьей-л. стороны). Indeed, until he was thirty he was a sceptic (действительно, пока ему /не/ исполнилось тридцать /лет/, он был скептиком), and did not believe in miraculous powers (и не верил в сверхъестественные силы). And here, since it is the most convenient place (и тут, так как это — самое удобное место), I must mention that he was a little man (я должен упомянуть, что он был маленьким мужчиной = мужчиной маленького роста), and had eyes of a hot brown (и имел = у него были ярко-карие глаза), very erect red hair (очень торчащие рыжие волосы), a moustache with ends that he twisted

up (усы с кончиками, которые он подкручивал), and freckles (и веснушки). His name was George McWhirter Fotheringay (его звали Джордж Мак-Вертер Фозерингей) — not the sort of name by any means to lead to any expectation of miracles (никоим образом не такое имя, которое приводит к ожиданию чудес) — and he was clerk at Gomshott's (и он был клерком у Гомшота). He was greatly addicted to assertive argument (он был сильно предрасположен к напористому спору; *assertive* — *агрессивный, чрезмерно настойчивый, напористый; самоуверенный*). It was while he was asserting the impossibility of miracles that he had his first intimation of his extraordinary powers (именно в то время, как он доказывал невозможность чудес, он впервые получил намек на свои удивительные силы). This particular argument was being held in the bar of the Long Dragon (этот особый спор происходил в баре «Длинный Дракон»; *to hold* — *держат*; *собирать, созывать, проводить /собрание, совещание, ассамблею/*), and Toddy Beamish was conducting the opposition (и Тодди Бимиш вводил возражение = контраргументы) by a monotonous but effective "So *you* say (монотонным, но эффективным «это вы так считаете»)," that drove Mr. Fotheringay to the very limit of his patience (которое довело г-на Фозерингея до самых пределов его терпения; *to drive* — *знать; доводить*).

miraculous [mi' rækjʊləs], power [' paʊə], patience [' peɪʃəns]

It is doubtful whether the gift was innate. For my own part, I think it came to him suddenly. Indeed, until he was thirty he was a sceptic, and did not believe in miraculous powers. And here, since it is the most convenient place, I must mention that he was a little man, and had eyes of a hot brown, very erect red hair, a moustache with ends that he twisted up, and freckles. His name was George McWhirter Fotheringay — not the sort of name by any means to lead to any expectation of miracles — and he was clerk at Gomshott's. He was greatly addicted to assertive argument. It was while he was asserting the impossibility of miracles that he had his first intimation of his extraordinary powers. This particular

argument was being held in the bar of the Long Dragon, and Toddy Beamish was conducting the opposition by a monotonous but effective "So *you* say," that drove Mr. Fotheringay to the very limit of his patience.

There were present, besides these two (кроме этих двух присутствовали), a very dusty cyclist, landlord Cox (очень запыленный велосипедист, управляющий Кокс), and Miss Maybridge, the perfectly respectable and rather portly barmaid of the Dragon (и мисс Мейбридж, в полной мере респектабельная и весьма представительная барменша «Дракона»). Miss Maybridge was standing with her back to Mr. Fotheringay (мисс Мейбридж стояла спиной к г-ну Фозерингею), washing glasses (моя стаканы); the others were watching him (остальные наблюдали за ним), more or less amused by the present ineffectiveness of the assertive method (более или менее позабавленные нынешней неэффективностью напористого метода). Goaded by the Torres Vedras tactics of Mr. Beamish (подстрекаемый тактикой г-на Бимиша /в стиле/ Торреса Ведраса), Mr. Fotheringay determined to make an unusual rhetorical effort (г-н Фозерингей решил сделать необычную риторическую попытку). "Look here, Mr. Beamish (послушайте, м-р Бимиш)," said Mr. Fotheringay (сказал м-р Фозерингей). "Let us clearly understand what a miracle is (давайте четко выясним, что такое чудо). It's something contrariwise to the course of nature (это нечто противоречащее естественному порядку вещей; *the course of nature* — естественный, нормальный порядок вещей), done by power of will (совершаемое силой воли), something what couldn't happen without being specially willed (нечто, что не могло бы случиться без особого проявления воли; *to will* — проявлять волю; желать, хотеть)."

rather [ˈrɑːðə], glass [glɑːs], assertive [əˈsɜːtɪv]

There were present, besides these two, a very dusty cyclist, landlord Cox, and Miss Maybridge, the perfectly respectable and rather portly barmaid of the Dragon.

Miss Maybridge was standing with her back to Mr. Fotheringay, washing glasses; the others were watching him, more or less amused by the present ineffectiveness of the assertive method. Goaded by the Torres Vedras tactics of Mr. Beamish, Mr. Fotheringay determined to make an unusual rhetorical effort. "Look here, Mr. Beamish," said Mr. Fotheringay. "Let us clearly understand what a miracle is. It's something contrariwise to the course of nature, done by power of will, something what couldn't happen without being specially willed."

"So *you* say (это вы так считаете)," said Mr. Beamish, repulsing him (сказал м-р Бимиш, опровергая его).

Mr. Fotheringay appealed to the cyclist (м-р Фозерингей обратился к велосипедисту), who had hitherto been a silent auditor (который доселе был молчаливым слушателем), and received his assent (и получил его одобрение) — given with a hesitating cough and a glance at Mr. Beamish (данное /в форме/ сомневающегося покашливания и взгляда на м-ра Бимиша). The landlord would express no opinion (управляющий не выражал никакого мнения), and Mr. Fotheringay, returning to Mr. Beamish (и м-р Фозерингей, вновь обратившись к м-ру Бимишу), received the unexpected concession of a qualified assent to his definition of a miracle (получил неожиданную уступку /в виде/ сделанного с оговоркой согласия с его определением чуда).

cough [kɒf], receive [rɪ'si:v], miracle ['mɪrəkl]

"So *you* say," said Mr. Beamish, repulsing him.

Mr. Fotheringay appealed to the cyclist, who had hitherto been a silent auditor, and received his assent — given with a hesitating cough and a glance at Mr. Beamish. The landlord would express no opinion, and Mr. Fotheringay, returning to Mr. Beamish, received the unexpected concession of a qualified assent to his definition of a miracle.

"For instance (например)," said Mr. Fotheringay (сказал м-р Фозерингей), greatly encouraged (очень приободренный). "Here would be a miracle (вот было бы чудо). That lamp, in the natural course of nature (та лампа при естественном порядке вещей), couldn't burn like that upset-down (не могла бы гореть так, вверх ногами), could it, Beamish (не так ли, Бимиш)?"

"You say it couldn't (ВЫ говорите, /что/ не могла бы)," said Beamish (сказал Бимиш).

"And you (а вы)?" said Fotheringay (спросил Фозерингей). "You don't mean to say — eh (вы не хотите /так/ сказать, а)?"

"No (нет)," said Beamish reluctantly (сказал неохотно Бимиш). "No, it couldn't (нет, не могла бы)."

encourage [ɪnˈkʌrɪdʒ], course [kɔ:s], nature [ˈneɪtʃə]

"For instance," said Mr. Fotheringay, greatly encouraged. "Here would be a miracle. That lamp, in the natural course of nature, couldn't burn like that upset-down, could it, Beamish?"

"You say it couldn't," said Beamish.

"And you?" said Fotheringay. "You don't mean to say — eh?"

"No," said Beamish reluctantly. "No, it couldn't."

"Very well (очень хорошо)," said Mr. Fotheringay (сказал м-р Фозерингей). "Then here comes someone (затем сюда приходит некто), as it might be me (/как/ это мог бы быть я), along here (вот сюда), and stands as it might be here (и становится, допустим, здесь), and says to that lamp (и говорит этой лампе), as I might do (как мог бы я), collecting all my will (собрав всю мою волю) — Turn upset-down without breaking (перевернись вверх ногами, не ломаясь), and go on burning steady (и продолжай гореть ровно), and — Hullo (и — ой)!"

It was enough to make anyone say (этого было достаточно, чтобы заставить сказать кого угодно) "Hullo (ой)!" The impossible, the incredible, was

visible to them all (невозможное, невероятное было видимо им всем). The lamp hung inverted in the air (лампа повисла перевернутой в воздухе), burning quietly with its flame pointing down (спокойно горя пламенем, направленным вниз). It was as solid, as indisputable as ever a lamp was (она была такой основательной, такой неопровержимой, какой только была лампа), the prosaic common lamp of the Long Dragon bar (прозаичная, обычная лампа бара «Длинный Дракон»).

might [maɪt], break [breɪk], steady [ˈstedɪ]

"Very well," said Mr. Fotheringay. "Then here comes someone, as it might be me, along here, and stands as it might be here, and says to that lamp, as I might do, collecting all my will — Turn upset-down without breaking, and go on burning steady, and — Hullo!"

It was enough to make anyone say "Hullo!" The impossible, the incredible, was visible to them all. The lamp hung inverted in the air, burning quietly with its flame pointing down. It was as solid, as indisputable as ever a lamp was, the prosaic common lamp of the Long Dragon bar.

Mr. Fotheringay stood with an extended forefinger and the knitted brows of one anticipating a catastrophic smash (м-р Фозерингей стоял с вытянутым указательным пальцем и с нахмуренными бровями одного = человека, предчувствующего катастрофическое падение; *to knit* — *вязать*; *хмурить /брови/*). The cyclist, who was sitting next the lamp (велосипедист, который сидел ближе всех к лампе), ducked and jumped across the bar (отпрянул и прыгнул через стойку). Everybody jumped (все подскочили), more or less (более или менее). Miss Maybridge turned and screamed (мисс Мейбридж повернулась и завизжала). For nearly three seconds the lamp remained still (почти три секунды лампа оставалась неподвижной). A faint cry of mental distress came from Mr. Fotheringay (от м-ра Фозерингея пришел = донесся

слабый крик внутренней боли; *mental* — интеллектуальный, умственный; *внутренний* /происходящий в сознании/. "I can't keep it up (я больше не могу удерживать ее вверху)," he said, "any longer." He staggered back (он отошел, шатаясь, назад; *to stagger* — идти шатаясь), and the inverted lamp suddenly flared (и перевернутая лампа вдруг вспыхнула), fell against the corner of the bar (упала на угол стойки), bounced aside (отскочила в сторону), smashed upon the floor (разбилась на полу), and went out (и погасла; *to go out* — гаснуть, тухнуть).

knit [nit], against [ə'genst], floor [flo:]

Mr. Fotheringay stood with an extended forefinger and the knitted brows of one anticipating a catastrophic smash. The cyclist, who was sitting next the lamp, ducked and jumped across the bar. Everybody jumped, more or less. Miss Maybridge turned and screamed. For nearly three seconds the lamp remained still. A faint cry of mental distress came from Mr. Fotheringay. "I can't keep it up," he said, "any longer." He staggered back, and the inverted lamp suddenly flared, fell against the corner of the bar, bounced aside, smashed upon the floor, and went out.

It was lucky it had a metal receiver (повезло, что у нее был металлический резервуар), or the whole place would have been in a blaze (иначе бы все помещение оказалось бы в огне; *blaze* — яркий огонь, пламя). Mr. Cox was the first to speak (первым заговорил м-р Кокс), and his remark, shorn of needless excrescences (и его высказывание, лишенное ненужных излишеств), was to the effect that Fotheringay was a fool (было по поводу того, что Фозерингей /был/ дурак). Fotheringay was beyond disputing even so fundamental a proposition as that (Фозерингей и не собирался: «был далек от того, чтобы» оспаривать даже такое существенное заявление, как это)! He was astonished beyond measure at the thing that had occurred (он был изумлен сверх меры тем, что произошло). The subsequent conversation threw absolutely no light on the matter so far as

Fotheringay was concerned (последующая беседа не пролила абсолютно никакого света на предмет, насколько это касалось Фозерингея; *to throw* — *бросать*); the general opinion not only followed Mr. Cox very closely but very vehemently (общее мнение не только очень близко соответствовало взглядам м-ра Кокса, но /и/ очень страстно поддерживало его; *to follow* — *разделять взгляды, поддерживать*). Everyone accused Fotheringay of a silly trick (все обвиняли Фозерингея в глупой шутке), and presented him to himself as a foolish destroyer of comfort and security (и выставляли его перед ним же глупым разрушителем отдыха и безопасности). His mind was in a tornado of perplexity (его ум оказался в смерче/вихре недоумения; *perplexity* — *недоумение; растерянность; смущение*), he was himself inclined to agree with them (он сам был склонен согласиться с ними), and he made a remarkably ineffectual opposition to the proposal of his departure (и он оказал удивительно слабое сопротивление предложению о его уходе = и он не особо сопротивлялся, когда ему предложили уйти).

measure [ˈmeɪʒə], occur [əˈkɜː], departure [diˈpɑːtʃə]

It was lucky it had a metal receiver, or the whole place would have been in a blaze. Mr. Cox was the first to speak, and his remark, shorn of needless excrescences, was to the effect that Fotheringay was a fool. Fotheringay was beyond disputing even so fundamental a proposition as that! He was astonished beyond measure at the thing that had occurred. The subsequent conversation threw absolutely no light on the matter so far as Fotheringay was concerned; the general opinion not only followed Mr. Cox very closely but very vehemently. Everyone accused Fotheringay of a silly trick, and presented him to himself as a foolish destroyer of comfort and security. His mind was in a tornado of perplexity, he was himself inclined to agree with them, and he made a remarkably ineffectual opposition to the proposal of his departure.

He went home flushed and heated (он пошел домой покрасневший и раздраженный), coat-collar crumpled, eyes smarting, and ears red (со смятым воротником пиджака, болевшими глазами и покрасневшими ушами). He watched each of the ten street lamps nervously as he passed it (он смотрел нервно на каждый из десяти уличных фонарей, проходя мимо него). It was only when he found himself alone in his little bedroom in Church Row (лишь когда он оказался один в своей маленькой спальне на Черч-Роу; *to find oneself* — *очутиться, оказаться*) that he was able to grapple seriously with his memories of the occurrence, and ask (он смог серьезно разобраться со своими воспоминаниями о происшествии и спросить; *to grapple with* — *пытаться преодолеть /затруднение/, разрешить /задачу/; to grapple* — *зацепить, схватить, ухватить, захватить /крюком/*), "What on earth happened (что же все-таки произошло; *on earth* — *же, все-таки: «на земле»*)?"

eye [aɪ], watch [wɒtʃ], occurrence [ə'kɪrəns]

He went home flushed and heated, coat-collar crumpled, eyes smarting, and ears red. He watched each of the ten street lamps nervously as he passed it. It was only when he found himself alone in his little bedroom in Church Row that he was able to grapple seriously with his memories of the occurrence, and ask, "What on earth happened?"

He had removed his coat and boots (он /уже/ снял пиджак и ботинки), and was sitting on the bed with his hands in his pockets (и сидел на кровати с руками в карманах = засунув руки в карманы) repeating the text of his defence for the seventeenth time (повторяя текст своей защиты в семнадцатый раз), "I didn't want the confounded thing to upset (я не хотел, чтобы эта проклятая штуковина перевернулась; *to upset* — *переворачиваться*)," when it occurred to him (когда ему в голову пришло; *to occur* — *происходить, случаться, совершаться; приходить на ум*) that at the precise moment he had said the commanding words

(что именно в тот момент, когда он сказал свой приказ: «приказывающие слова») he had inadvertently willed the thing he said (он нечаянно пожелал того, что сказал), and that when he had seen the lamp in the air (и что когда он увидел лампу в воздухе) he had felt that it depended on him (он почувствовал, что от него зависит; *to feel* — *чувствовать*) to maintain it there without being clear how this was to be done (удерживать ее там, не зная точно, как это сделать). He had not a particularly complex mind (он имел = у него было не особенно развитое мышление; *complex* — *комплексный, составной; сложный*), or he might have stuck for a time at that "inadvertently willed (иначе он, возможно, прицепился бы на некоторое время к тому /выражению/ «нечаянно пожелал»)," embracing, as it does, the abstrusest problems of voluntary action (охватывающему глубокомысленнейшие проблемы волевого акта; *to embrace* — *охватывать, видеть; принимать*); but as it was, the idea came to him with a quite acceptable haziness (но при сложившихся обстоятельствах мысль пришла к нему со вполне приемлемой неясностью; *hazy* — *туманный, затуманенный, подернутый дымкой; неясный, смутный*). And from that, following, as I must admit, no clear logical path (а так как отсюда, как я должен признать, не следует никакого ясного логического образа действий; *path* — *линия поведения; образ действий*), he came to the test of experiment (он перешел к экспериментальной проверке).

inadvertently [ˌɪnədˈvɜːtəntli], abstruse [æbˈstruːs], path [pɑːθ]

He had removed his coat and boots, and was sitting on the bed with his hands in his pockets repeating the text of his defence for the seventeenth time, "I didn't want the confounded thing to upset," when it occurred to him that at the precise moment he had said the commanding words he had inadvertently willed the thing he said, and that when he had seen the lamp in the air he had felt that it depended on him to maintain it there without being clear how this was to be done. He had not a particularly complex mind, or he might have stuck for a time at that

"inadvertently willed," embracing, as it does, the abstrusest problems of voluntary action; but as it was, the idea came to him with a quite acceptable haziness. And from that, following, as I must admit, no clear logical path, he came to the test of experiment.

He pointed resolutely to his candle and collected his mind (он решительно указал /пальцем/ на свечу и собрал свое желание), though he felt he did a foolish thing (хотя он чувствовал, что делает глупость). "Be raised up (поднимись)," he said (сказал он). But in a second that feeling vanished (но через секунду это чувство исчезло). The candle was raised (свеча поднялась: «была поднята»), hung in the air one giddy moment (повисла в воздухе на одно головокружительное мгновение), and as Mr. Fotheringay gasped (а когда м-р Фозерингей открыл /от удивления/ рот), fell with a smash on his toilet-table (упала с грохотом на его туалетный столик), leaving him in darkness save for the expiring glow of its wick (оставив его в темноте за исключением /света от/ догорающего отблеска ее фитилька; *save for* — за исключением, кроме).

resolutely [ˈrezəlu:tli], giddy [ˈɡɪdi], glow [gləʊ]

He pointed resolutely to his candle and collected his mind, though he felt he did a foolish thing. "Be raised up," he said. But in a second that feeling vanished. The candle was raised, hung in the air one giddy moment, and as Mr. Fotheringay gasped, fell with a smash on his toilet-table, leaving him in darkness save for the expiring glow of its wick.

For a time Mr. Fotheringay sat in the darkness (некоторое время м-р Фозерингей сидел в темноте), perfectly still (совершенно неподвижно). "It did happen, after all (в конце концов, это все-таки случилось)," he said (сказал он). "And 'ow I'm to explain it I *don't* know (а как мне это объяснить, я не знаю)." He sighed heavily (он тяжело вздохнул), and began feeling in his pockets for a match

(и начал нащупывать в своих карманах спичку). He could find none (он не мог найти ни одной), and he rose and groped about the toilet-table (и он поднялся и стал обыскивать на ощупь туалетный столик; *to rise — подниматься*). "I wish I had a match (жаль, что у меня нет спички: «я желаю, я имел спичку»)," he said (сказал он). He resorted to his coat (он обратился = *потянулся к своему пиджаку*), and there was none there (и там не было ни одной /спички/), and then it dawned upon him (и тогда до него дошло) that miracles were possible even with matches (что чудеса возможны даже со спичками). He extended a hand and scowled at it in the dark (он вытянул руку и сердито посмотрел на нее в темноте; *to scowl — смотреть сердито, бросать сердитый взгляд*). "Let there be a match in that hand (пусть в этой руке будет спичка)," he said (сказал он). He felt some light object fall across his palm and his fingers closed upon a match (он ощутил, как некий легкий предмет упал ему на ладонь, и его пальцы сомкнулись на спичке).

sigh [saɪ], dawn [dɔːn], scowl [skaʊl]

For a time Mr. Fotheringay sat in the darkness, perfectly still. "It did happen, after all," he said. "And 'ow *I'm* to explain it I *don't* know." He sighed heavily, and began feeling in his pockets for a match. He could find none, and he rose and groped about the toilet-table. "I wish I had a match," he said. He resorted to his coat, and there was none there, and then it dawned upon him that miracles were possible even with matches. He extended a hand and scowled at it in the dark. "Let there be a match in that hand," he said. He felt some light object fall across his palm and his fingers closed upon a match.

After several ineffectual attempts to light this (после нескольких бесплодных попыток зажечь ее), he discovered it was a safety match (он обнаружил, что это безопасная спичка /можно было зажечь только о специальную коробку/). He threw it down (он бросил ее; *to throw down —*

сбрасывать, бросать), and then it occurred to him that he might have willed it lit (а потом ему пришло на ум, что он мог бы захотеть, чтобы она загорелась; *lit* — *зажженный*; *to light* — *зажигать*). He did (он сделал = он пожелал), and perceived it burning in the midst of his toilet-table mat (и различил, как она горит посредине коврика перед его туалетным столиком). He caught it up hastily (он поспешно схватил ее; *to catch up* — *быстро схватить, подхватить*), and it went out (и она потухла). His perception of possibilities enlarged (его осознание возможностей усилилось), and he felt for and replaced the candle in its candlestick (и он нащупал и заменил свечу в подсвечнике). "Here! *you* be lit (эй, ТЫ, зажгись)," said Mr. Fotheringay (сказал м-р Фозерингей), and forthwith the candle was flaring (и тотчас свеча ярко загорелась), and he saw a little black hole in the toilet-cover (и он увидел маленькую черную дырочку в чехле туалетного столика), with a wisp of smoke rising from it (с тоненьким дымком, поднимающимся от нее). For a time he stared from this to the little flame and back (некоторое время он переводил пристальный взгляд с него на маленькое пламя и обратно), and then looked up and met his own gaze in the looking-glass (а потом он поднял взор и встретил свой собственный взгляд в зеркале). By this help he communed with himself in silence for a time (с этой помощью = с помощью него он пообщался с собой в тишине некоторое время).

several [ˈsevrəl], discover [dɪˈskʌvə], safety [ˈseɪftɪ]

After several ineffectual attempts to light this, he discovered it was a safety match. He threw it down, and then it occurred to him that he might have willed it lit. He did, and perceived it burning in the midst of his toilet-table mat. He caught it up hastily, and it went out. His perception of possibilities enlarged, and he felt for and replaced the candle in its candlestick. "Here! *you* be lit," said Mr. Fotheringay, and forthwith the candle was flaring, and he saw a little black hole in the toilet-cover, with a wisp of smoke rising from it. For a time he stared from this

to the little flame and back, and then looked up and met his own gaze in the looking-glass. By this help he communed with himself in silence for a time.

"How about miracles now (как теперь насчет чудес)?" said Mr. Fotheringay at last (сказал наконец м-р Фозерингей), addressing his reflection (обращаясь к своему отражению).

The subsequent meditations of Mr. Fotheringay were of a severe but confused description (последующие размышления м-ра Фозерингея были скрупулезного, но беспорядочного рода). So far, he could see it was a case of pure willing with him (пока он видел, /что/ с ним это случай чистого волеизъявления). The nature of his experiences so far disinclined him for any further experiments (характер его впечатлений до настоящего времени отбил у него охоту для дальнейших экспериментов; *to disincline* — лишать желания, стремления, склонности; *отбивать охоту*), at least until he had reconsidered them (по крайней мере, пока он /не/ пересмотрит их). But he lifted a sheet of paper (но он поднял лист бумаги), and turned a glass of water pink and then green (и превратил стакан воды в розовый, а потом в зеленый цвет), and he created a snail (и он сотворил улитку), which he miraculously annihilated (которую он чудесным образом уничтожил), and got himself a miraculous new tooth-brush (и приобрел себе чудотворную новую зубную щетку). Somewhere in the small hours he had reached the fact (где-то в первые часы после полуночи он постиг то; *the small hours* — предрассветные часы; *первые часы после полуночи*) that his will-power must be of a particularly rare and pungent quality (что его сила воли должна быть особенно редкого и интенсивного качества; *pungent* — колющий, острый; резкий, сильный, пронзительный /о боли, чувствах/; интересный, привлекательный), a fact of which he had indeed had inklings before (факт, который он заподозрил несомненно прежде; *to have/get an inkling of smth.* — заподозрить что-л.; *inkling* — намек /на что-л./; легкое подозрение; слабое представление /of — о чем-л./), but no certain assurance (но без определенной уверенности).

pungent [ˈpʌndʒənt], quality [ˈkwɒlɪtɪ], certain [ˈsəːtən]

"How about miracles now?" said Mr. Fotheringay at last, addressing his reflection.

The subsequent meditations of Mr. Fotheringay were of a severe but confused description. So far, he could see it was a case of pure willing with him. The nature of his experiences so far disinclined him for any further experiments, at least until he had reconsidered them. But he lifted a sheet of paper, and turned a glass of water pink and then green, and he created a snail, which he miraculously annihilated, and got himself a miraculous new tooth-brush. Somewhere in the small hours he had reached the fact that his will-power must be of a particularly rare and pungent quality, a fact of which he had indeed had inklings before, but no certain assurance.

The scare and perplexity of his first discovery was now qualified by pride in this evidence of singularity and by vague intimations of advantage (внезапный испуг и растерянность от его первого открытия были теперь смягчены гордостью = смягчила гордость этим свидетельством своеобразия и смутными намеками на выгоду). He became aware that the church clock was striking one (он отдал себе отчет, что церковные часы бьют час /ночи/; *to become aware* — осознать, отдавать себе отчет), and as it did not occur to him (и так как ему не пришло на ум) that his daily duties at Gomshott's might be miraculously dispensed with (что от своих ежедневных обязанностей у Гомшота можно освободиться волшебным образом; *to dispense* — освобождать /от обязательства/), he resumed undressing (он продолжал раздеваться), in order to get to bed without further delay (чтобы лечь спать без дальнейших задержек). As he struggled to get his shirt over his head (когда он старался изо всех сил стянуть свою рубашку через голову), he was struck with a brilliant idea (его поразила блестящая мысль). "Let me be in bed (пусть я буду

в постели)," he said (сказал он), and found himself so (и очутился так = там). "Undressed (раздетым)," he stipulated (поставил он условие); and, finding the sheets cold (и, найдя простыни холодными = ощутив холод простыней), added hastily (поспешно добавил), "and in my nightshirt (и в моей ночной рубашке) — ho, in a nice soft woollen nightshirt (эй, в хорошей мягкой шерстяной ночной рубашке). Ah (ах)!" he said with immense enjoyment (сказал он с огромным удовольствием; *immense* — безмерный, очень большой, огромный). "And now let me be comfortably asleep (а теперь пусть я буду уютно = спокойно спать; *comfortable* — расслабленный, спокойный; лишенный напряженности)..."

evidence [ˈevidəns], vague [veɪɡ], advantage [ədˈvɑːntɪdʒ]

The scare and perplexity of his first discovery was now qualified by pride in this evidence of singularity and by vague intimations of advantage. He became aware that the church clock was striking one, and as it did not occur to him that his daily duties at Gomshott's might be miraculously dispensed with, he resumed undressing, in order to get to bed without further delay. As he struggled to get his shirt over his head, he was struck with a brilliant idea. "Let me be in bed," he said, and found himself so. "Undressed," he stipulated; and, finding the sheets cold, added hastily, "and in my nightshirt — ho, in a nice soft woollen nightshirt. Ah!" he said with immense enjoyment. "And now let me be comfortably asleep..."

He awoke at his usual hour and was pensive all through breakfast-time (он проснулся в свое обычное время и был задумчивым на протяжении всего времени завтрака; *to awake* — просыпаться), wondering whether his over-night experience might not be a particularly vivid dream (спрашивая себя, не могут ли быть его ночные впечатления особенно ярким сном; *vivid* — живой, яркий; пылкий; ясный, четкий, отчетливый). At length his mind turned again to cautious experiments (наконец, его ум обратился снова к осторожным

экспериментам). For instance, he had three eggs for breakfast (например, он съел три яйца на завтрак); two his landlady had supplied (два подала его хозяйка), good, but shoppy (хорошие, но магазинные), and one was a delicious fresh goose-egg (а одно было вкусным свежим гусиным яйцом), laid, cooked, and served by his extraordinary will (отложенным, сваренным и поданным его необычайной волей). He hurried off to Gomshott's in a state of profound but carefully concealed excitement (он поспешил к Гомшоту в состоянии сильного, но осмотрительно скрываемого волнения), and only remembered the shell of the third egg when his landlady spoke of it that night (и вспомнил о скорлупе третьего яйца, лишь когда его хозяйка заговорила об этом в тот вечер). All day he could do no work because of this astonishing new self-knowledge (весь день он не мог выполнять никакой работы из-за этого поразительного нового знания о себе), but this caused him no inconvenience (но это не доставило ему никакого неудобства), because he made up for it miraculously in his last ten minutes (потому что он наверстал это чудесным образом за последние десять минут; *to make up for* — *наверстывать, компенсировать*).

hour [aʊə], wonder [ˈwʌndə], cautious [ˈkɔːʃəs]

He awoke at his usual hour and was pensive all through breakfast-time, wondering whether his over-night experience might not be a particularly vivid dream. At length his mind turned again to cautious experiments. For instance, he had three eggs for breakfast; two his landlady had supplied, good, but shoppy, and one was a delicious fresh goose-egg, laid, cooked, and served by his extraordinary will. He hurried off to Gomshott's in a state of profound but carefully concealed excitement, and only remembered the shell of the third egg when his landlady spoke of it that night. All day he could do no work because of this astonishing new self-knowledge, but this caused him no inconvenience, because he made up for it miraculously in his last ten minutes.

As the day wore on (по мере того как день медленно тянулся; *to wear on* — *медленно тянуться /о времени/*) his state of mind passed from wonder to elation (его состояние души перешло от удивления к восторгу; *elation* — *приподнятое настроение, восторг, бурная радость, ликование; энтузиазм; эйфория*), albeit the circumstances of his dismissal from the Long Dragon were still disagreeable to recall (хотя обстоятельства его изгнания из «Длинного Дракона» было все еще неприятно вспоминать), and a garbled account of the matter (а искаженное сообщение об этом деле) that had reached his colleagues (которое дошло до его коллег) led to some badinage (привело к некоторому подшучиванию). It was evident he must be careful how he lifted frangible articles (было очевидно, /что/ он должен /был/ быть осторожен /в том/, как он поднимает хрупкие предметы) but in other ways his gift promised more and more (но в других отношениях, его дар обещал /все/ больше и больше) as he turned it over in his mind (по мере того, как он обдумывал это в уме; *to turn over* — *обдумать: «переворачивать»*). He intended among other things to increase his personal property by unostentatious acts of creation (он намеревался среди прочего увеличить свою личную собственность не бросающимися в глаза актами творения; *ostentatious* — *показной; внешний, нарочитый; хвастливый; ostentation* — *уст. показ, демонстрация; показное проявление /чего-л./; хвастовство; выставление напоказ, рисовка*). He called into existence a pair of very splendid diamond studs (он пробудил: «вызвал» к жизни пару очень роскошных алмазных запонок), and hastily annihilated them again (и поспешно уничтожил их снова) as young Gomshott came across the counting-house to his desk (когда молодой Гомшот прошел через контору к его столу; *counting-house* — *канцелярия, контора; бухгалтерия /помещение/*).

albeit [ə:l'bi:t], circumstance [ˈsə:kəmstæns], unostentatious
[ˈʌn, ɔstən'teɪʃəs]

As the day wore on his state of mind passed from wonder to elation, albeit the circumstances of his dismissal from the Long Dragon were still disagreeable to recall, and a garbled account of the matter that had reached his colleagues led to some badinage. It was evident he must be careful how he lifted frangible articles, but in other ways his gift promised more and more as he turned it over in his mind. He intended among other things to increase his personal property by unostentatious acts of creation. He called into existence a pair of very splendid diamond studs, and hastily annihilated them again as young Gomshott came across the counting-house to his desk.

He was afraid young Gomshott might wonder (он боялся, /что/ молодой Гомшот может поинтересоваться) how he had come by them (как они ему достались; *to come by* — доставать, достигать, приобретать, находить). He saw quite clearly the gift required caution and watchfulness in its exercise (он совершенно ясно понял, что дар требует осторожности и бдительности в применении), but so far as he could judge (но пока, насколько он мог судить) the difficulties attending its mastery would be no greater than those (трудности, сопутствующие совершенному владению им, были не больше тех) he had already faced in the study of cycling (с которыми он уже сталкивался в учебе езды на велосипеде = когда учился ездить на велосипеде). It was that analogy, perhaps, quite as much as the feeling that he would be unwelcome in the Long Dragon (может быть, до некоторой степени именно это сходство, как и чувство, что он будет нежелателен в «Длинном Драконе»), that drove him out after supper into the lane beyond the gasworks (выгнало его после ужина в переулок за газовый завод; *to drive* — подгонять, подталкивать; гнать), to rehearse a few miracles in private (чтобы отрепетировать несколько чудес наедине).

cycling [ˈsaɪklɪŋ], rehearse [rɪˈhɜ:s], private [ˈpraɪvɪt]

He was afraid young Gomshott might wonder how he had come by them. He saw quite clearly the gift required caution and watchfulness in its exercise, but so far as he could judge the difficulties attending its mastery would be no greater than those he had already faced in the study of cycling. It was that analogy, perhaps, quite as much as the feeling that he would be unwelcome in the Long Dragon, that drove him out after supper into the lane beyond the gasworks, to rehearse a few miracles in private.

There was possibly a certain want of originality in his attempts (наверное, в его попытках был определенный недостаток оригинальности), for, apart from his will-power, Mr. Fotheringay was not a very exceptional man (ибо не считая силы воли, м-р Фозерингей был не очень исключительным = был довольно заурядным человеком). The miracle of Moses' rod came to his mind (чудо жезла Моисея пришло ему на ум), but the night was dark and unfavourable to the proper control of large miraculous snakes (но ночь была темной и неблагоприятной для надлежащего контроля за большими чудотворными змеями). Then he recollected the story of "Tannhaeuser" that he had read on the back of the Philharmonic programme (тогда он вспомнил историю «Тангейзера», которую он прочел на обороте филармонической программки). That seemed to him singularly attractive and harmless (она показалась ему особенно привлекательной и безвредной). He stuck his walking-stick (он воткнул свою трость) — a very nice Poona-Penang lawyer (очень хорошую /трость/ из розового дерева, /которая известна под названием/ «Адвокат из Пенанга»¹; *poon* — розовое дерево /*Calophyllum*/) — into the turf that edged the footpath (в дерн, который окаймлял тротуар), and commanded the dry wood to blossom (и приказал сухой деревяшке расцвести).

unfavourable [ˈʌnˈfeɪvərəbl], philharmonic [ˌfɪlɑːˈmɒnɪk], lawyer [ˈlɔːjə]

¹ Разновидность толстой трости с луковичеобразным набалдашником, которая пользовалась популярностью в Англии в конце XIX века.

There was possibly a certain want of originality in his attempts, for, apart from his will-power, Mr. Fotheringay was not a very exceptional man. The miracle of Moses' rod came to his mind, but the night was dark and unfavourable to the proper control of large miraculous snakes. Then he recollected the story of "Tannhaeuser" that he had read on the back of the Philharmonic programme. That seemed to him singularly attractive and harmless. He stuck his walking-stick — a very nice Poona-Penang lawyer — into the turf that edged the footpath, and commanded the dry wood to blossom.

The air was immediately full of the scent of roses (воздух тотчас наполнился ароматом роз), and by means of a match he saw for himself (и с помощью спички он увидел сам) that this beautiful miracle was indeed accomplished (что это прекрасное чудо действительно свершилось). His satisfaction was ended by advancing footsteps (его удовлетворение было прервано приближающимися шагами). Afraid of a premature discovery of his powers (боясь преждевременного раскрытия его сил), he addressed the blossoming stick hastily (он поспешно обратился к цветущей трости): "Go back (вернись; *to go back* — *возвращаться*; *возвращаться к прежнему состоянию, образу действий*)." What he meant was "Change back (он имел в виду: изменись назад; *to mean* — *иметь в виду*);" but of course he was confused (но, конечно, он запутался). The stick receded at a considerable velocity (трость удалилась с изрядной скоростью), and incontinently came a cry of anger and a bad word from the approaching person (и тотчас раздался гневный крик и ругательство: «нехорошее слово» от приближающегося человека). "Who are you throwing brambles at, you fool (эй, ты, придурок, в кого это ты бросаешься ежевикой)?" cried a voice (воскликнул голос). "That got me on the shin (она попала мне по голени)."

immediately [ɪ'miːdiətli], premature [ˌpre'mætjuə], recede [ri'siːd]

The air was immediately full of the scent of roses, and by means of a match he saw for himself that this beautiful miracle was indeed accomplished. His satisfaction was ended by advancing footsteps. Afraid of a premature discovery of his powers, he addressed the blossoming stick hastily: "Go back." What he meant was "Change back;" but of course he was confused. The stick receded at a considerable velocity, and incontinently came a cry of anger and a bad word from the approaching person. "Who are you throwing brambles at, you fool?" cried a voice. "That got me on the shin."

"I'm sorry, old chap (извини, старина)," said Mr. Fotheringay, and then, realising the awkward nature of the explanation (а затем, осознав затруднительный характер = затруднительность объяснения), caught nervously at his moustache (ухватился нервно за ус; *to catch at* — ухватиться за что-л.). He saw Winch, one of the three Immering constables, advancing (он увидел, как надвигается Винч, один из трех констеблей Иммеринга).

"What d'yer mean by it (что вы хотите этим сказать; *to mean* — думать, подразумевать; иметь в виду)?" asked the constable (спросил констебль). "Hullo! it's you, is it (эй, это вы)? The gent that broke the lamp at the Long Dragon (джентльмен, который разбил лампу в «Длинном Драконе»)!"

"I don't mean anything by it (я ничего не хочу этим сказать)," said Mr. Fotheringay. "Nothing at all (совершенно ничего)."

awkward [ˈɔːkwəd], moustache [məˈstaːʃ], advancing [ədˈvɑːnsɪŋ]

"I'm sorry, old chap," said Mr. Fotheringay, and then, realising the awkward nature of the explanation, caught nervously at his moustache. He saw Winch, one of the three Immering constables, advancing.

"What d'yer mean by it?" asked the constable. "Hullo! it's you, is it? The gent that broke the lamp at the Long Dragon!"

"I don't mean anything by it," said Mr. Fotheringay. "Nothing at all."

"What d'yer do it for then (тогда для чего вы это делаете)?"

"Oh, bother (вот, досада)!" said Mr. Fotheringay.

"Bother indeed (в самом деле, досада)! D'yer know that stick hurt (вы знаете, что эта палка причинила боль)? What d'yer do it for, eh (для чего вы это делаете, а)?"

For the moment Mr. Fotheringay could not think what he had done it for (в данный момент м-р Фозерингей не мог придумать, для чего он это сделал). His silence seemed to irritate Mr. Winch (его молчание, казалось, раздражало м-ра Винча). "You've been assaulting the police, young man, this time (на этот раз, молодой человек, вы напали = совершили нападение на полицейского). That's what *you* done (вот, что вы сделали)."

"Look here, Mr. Winch (послушайте, м-р Винч)," said Mr. Fotheringay, annoyed and confused (раздраженный и запутавшийся), "I'm sorry, very (я сожалею, очень). The fact is (дело в том, что) — "

"Well (ну)?"

assault [ə'sɔ:lt], police [pə'li:s], young [jʌŋ]

"What d'yer do it for then?"

"Oh, bother!" said Mr. Fotheringay.

"Bother indeed! D'yer know that stick hurt? What d'yer do it for, eh?"

For the moment Mr. Fotheringay could not think what he had done it for. His silence seemed to irritate Mr. Winch. "You've been assaulting the police, young man, this time. That's what *you* done."

"Look here, Mr. Winch," said Mr. Fotheringay, annoyed and confused, "I'm sorry, very. The fact is — "

"Well?"

He could think of no way but the truth (он не мог придумать никакого выхода, кроме правды). "I was working a miracle (я творил чудо)." He tried to speak in an off-hand way (он попытался говорить без комплексов = небрежно; *off-hand* — импровизированный, сделанный без подготовки, экспромтом; бесцеремонный, без комплексов), but try as he would he couldn't (но как он ни старался, у него /это/ не получалось).

"Working a — (творил)! 'Ere, don't you talk rot (эй, не говорите = не несите чушь; *rot* — чушь, вздор, чепуха). Working a miracle, indeed (творил чудо, как же)! Miracle (чудо)! Well, that's downright funny (ну, это прямо смешно)! Why, you's the chap that don't believe in miracles (ну да, ты — парень, который не верит в чудеса)... Fact is, this is another of your silly conjuring tricks (дело в том, что это еще одна из твоих глупых магических выходов = один из твоих фокусов; *to conjure* — заниматься колдовством, магией; показывать фокусы) — that's what this is (вот что это). Now, I tell you (ну, /вот что/ я тебе скажу) — "

truth [tru:θ], believe [bi'li:v], conjure [ˈkʌndʒə]

He could think of no way but the truth. "I was working a miracle." He tried to speak in an off-hand way, but try as he would he couldn't.

"Working a — ! 'Ere, don't you talk rot. Working a miracle, indeed! Miracle! Well, that's downright funny! Why, you's the chap that don't believe in miracles... Fact is, this is another of your silly conjuring tricks — that's what this is. Now, I tell you — "

But Mr. Fotheringay never heard what Mr. Winch was going to tell him (но м-р Фозерингей так и не услышал, что собирался сказать ему м-р Винч). He realised he had given himself away (он понял, что он выдал себя), flung his valuable secret to all the winds of heaven (разгласил свой ценный секрет всем небесным ветрам; *to fling* — бросать, швырять; *to fling smth. to the winds* —

забыть всякую осторожность, забыть о чем-л.). A violent gust of irritation swept him to action (*неистовый взрыв гнева понес = побудил его к действию; to sweep — нести, выносить*). He turned on the constable swiftly and fiercely (*он быстро и яростно повернулся к констеблю*). "Here (*эй*)," he said, "I've had enough of this, I have (*мне это надоело, да*)! I'll show you a silly conjuring trick, I will (*я покажу тебе глупый фокус, покажу*)! Go to Hades (*убирайся в ад; Hades — ад, геенна, преисподняя*)! Go, now (*убирайся, ну*)!"

He was alone (*он был один*)!

valuable [*ˈvæljuəbl*], secret [*ˈsi:kɹɪt*], heaven [*hevɪn*]

But Mr. Fotheringay never heard what Mr. Winch was going to tell him. He realised he had given himself away, flung his valuable secret to all the winds of heaven. A violent gust of irritation swept him to action. He turned on the constable swiftly and fiercely. "Here," he said, "I've had enough of this, I have! I'll show you a silly conjuring trick, I will! Go to Hades! Go, now!"

He was alone!

Mr. Fotheringay performed no more miracles that night (*м-р Фозерингей в тот вечер больше не совершал чудес*), nor did he trouble to see what had become of his flowering stick (*и не озаботился узнать, что стало с его цветущей тростью*). He returned to the town (*он вернулся в город*), scared and very quiet (*испуганный и очень тихий*), and went to his bedroom (*и пошел в свою спальню*). "Lord!" he said (*Боже!*), "it's a powerful gift (*это могучий дар*) — an extremely powerful gift (*чрезвычайно могучий дар*). I didn't hardly mean as much as that (*я вряд ли хотел всего этого*). Not really (*в самом деле, нет*)... I wonder what Hades is like (*интересно, каков ад*)!"

He sat on the bed taking off his boots (*он сидел на кровати, снимая ботинки = и снимал ботинки; to take off — снимать*). Struck by a happy thought he transferred the constable to San Francisco (*осененный счастливой мыслью, он*

переправил констебля в Сан-Франциско; *to strike* — *поражать, производить впечатление*), and without any more interference with normal causation went soberly to bed (и без всякого более вмешательства в нормальную причинную связь лег благоразумно спать). In the night he dreamt of the anger of Winch (ночью ему приснился гнев Винча).

trouble [ˈtrʌbl], flowering [ˈflaʊərɪŋ], interference [ˌɪntəˈfɪərəns]

Mr. Fotheringay performed no more miracles that night, nor did he trouble to see what had become of his flowering stick. He returned to the town, scared and very quiet, and went to his bedroom. "Lord!" he said, "it's a powerful gift — an extremely powerful gift. I didn't hardly mean as much as that. Not really... I wonder what Hades is like!"

He sat on the bed taking off his boots. Struck by a happy thought he transferred the constable to San Francisco, and without any more interference with normal causation went soberly to bed. In the night he dreamt of the anger of Winch.

The next day Mr. Fotheringay heard two interesting items of news (на следующий день м-р Фозерингей услышал две интересные новости; *item* — *отдельный предмет /в списке и т. п./*). Someone had planted a most beautiful climbing rose against the elder Mr. Gomshott's private house in the Lullaborough Road (кто-то посадил очень красивую степную розу перед частным домом старшего м-ра Гомшота на Луллаборо-Роуд; *private house* — *одноквартирный дом; собственный дом*; *climbing* — *вьющийся*; *climbing rose* = *prairie rose* — *роза степная /Rosa setigera/*), and the river as far as Rawling's Mill was to be dragged for Constable Winch (а в поисках /тела/ констебля Винча собирались протралить реку аж до мельницы Ролинга; *to drag* — *искать с помощью трала*; *to drag for a body* — *искать тело*).

Mr. Fotheringay was abstracted and thoughtful all that day (м-р Фозерингей был рассеян и задумчив весь этот день), and performed no miracles except

certain provisions for Winch (и не совершил никаких чудес, за исключением некоторых мер предосторожности против Винча), and the miracle of completing his day's work with punctual perfection in spite of all the bee-swarm of thoughts that hummed through his mind (и чуда с завершением его работы за день с пунктуальной безупречностью, несмотря на весь пчелиный рой мыслей, которые жужжали = неслись с жужжанием через его ум). And the extraordinary abstraction and meekness of his manner was remarked by several people (а чрезвычайная рассеянность и кротость его поведения была замечена несколькими людьми), and made a matter for jesting (и дала повод для шуток; *to make a matter* — вызвать шум, волнение). For the most part he was thinking of Winch (в основном он думал о Винче; *for the most part* — главным образом; большей частью; в основном; в целом).

beautiful [ˈbju:tɪfʊl], thoughtful [ˈθɔ:tɪfʊl], punctual [ˈpʌŋktʃuəl]

The next day Mr. Fotheringay heard two interesting items of news. Someone had planted a most beautiful climbing rose against the elder Mr. Gomshott's private house in the Lullaborough Road, and the river as far as Rawling's Mill was to be dragged for Constable Winch.

Mr. Fotheringay was abstracted and thoughtful all that day, and performed no miracles except certain provisions for Winch, and the miracle of completing his day's work with punctual perfection in spite of all the bee-swarm of thoughts that hummed through his mind. And the extraordinary abstraction and meekness of his manner was remarked by several people, and made a matter for jesting. For the most part he was thinking of Winch.

On Sunday evening he went to chapel (в воскресенье вечером он пошел в церковь/на богослужение; *chapel* — капелла, часовня, молельня; неангликанская церковь; богослужение), and oddly enough (и довольно странно), Mr. Maydig, who took a certain interest in occult matters (м-р Мэйдиг,

который проявлял определенный интерес к оккультным вопросам; *to take interest* — *проявлять интерес, интересоваться*), preached about "things that are not lawful (прочитал проповедь о «делах, которые незаконны»)." Mr. Fotheringay was not a regular chapelgoer (м-р Фозерингей не был постоянным прихожанином), but the system of assertive scepticism (но система позитивного скептицизма), to which I have already alluded (на которую я уже ссылаясь), was now very much shaken (была теперь очень сильно поколеблена = очень сильно пошатнулась; *to shake* — *трясти; ослабить, колебать*). The tenor of the sermon threw an entirely new light on these novel gifts (содержание проповеди пролило совершенно новый свет на эти необычные дары; *to throw* — *бросать, отбрасывать; to throw light on smth.* — *проливать свет на что-л.*), and he suddenly decided to consult Mr. Maydig immediately after the service (и он вдруг решил посоветоваться с м-ром Мэйдигом сразу после службы). So soon as that was determined (как только это было решено), he found himself wondering why he had not done so before (он обнаружил себя удивляющимся = он удивился, почему он не сделал этого прежде; *to find oneself* — *оказаться, очутиться*).

enough [ɪˈnʌf], threw [θru:], wonder [ˈwʌndə]

On Sunday evening he went to chapel, and oddly enough, Mr. Maydig, who took a certain interest in occult matters, preached about "things that are not lawful." Mr. Fotheringay was not a regular chapelgoer, but the system of assertive scepticism, to which I have already alluded, was now very much shaken. The tenor of the sermon threw an entirely new light on these novel gifts, and he suddenly decided to consult Mr. Maydig immediately after the service. So soon as that was determined, he found himself wondering why he had not done so before.

Mr. Maydig, a lean, excitable man with quite remarkably long wrists and neck (м-р Мэйдиг, худощавый, легковозбудимый мужчина с совершенно

удивительно длинными запястьями и шеей), was gratified at a request for a private conversation from a young man (был польщен просьбой о конфиденциальной беседе от молодого человека; *private* — *частный*; *личный*, *персональный*, *приватный*; *конфиденциальный*, *секретный*, *тайный*) whose carelessness in religious matters was a subject for general remark in the town (несерьезность которого в религиозных вопросах была предметом всеобщих высказываний в городе; *careless* — *беззаботный*; *беспечный*; *легкомысленный*, *несерьезный*). After a few necessary delays (после нескольких необходимых задержек), he conducted him to the study of the manse (он провел его в кабинет дома = в доме пастора; *manse* — *дом пастора*), which was contiguous to the chapel (который примыкал к церкви; *contiguous* — *соприкасающийся*; *смежный*; *граничащий*, *прилегающий*), seated him comfortably (усадил его с удобством), and, standing in front of a cheerful fire (и стоя перед ярким огнем /в камине/) — his legs threw a Rhodian arch of shadow on the opposite wall (/при этом/ его ноги отбрасывали тень Родосской арки на противоположную стену) — requested Mr. Fotheringay to state his business (попросил м-ра Фозерингея изложить свое дело).

request [rɪˈkwest], religious [rɪˈlɪdʒəs], contiguous [kənˈtɪɡjuəs], shadow [ˈʃædəu]

Mr. Maydig, a lean, excitable man with quite remarkably long wrists and neck, was gratified at a request for a private conversation from a young man whose carelessness in religious matters was a subject for general remark in the town. After a few necessary delays, he conducted him to the study of the manse, which was contiguous to the chapel, seated him comfortably, and, standing in front of a cheerful fire — his legs threw a Rhodian arch of shadow on the opposite wall — requested Mr. Fotheringay to state his business.

At first Mr. Fotheringay was a little abashed (сначала м-р Фозерингей немного растерялся; *to be abashed* — смеяться, растеряться), and found some difficulty in opening the matter (и обнаружил некоторое затруднение в начале дела = с чего начать; *to open* — открывать; начинать). "You will scarcely believe me, Mr. Maydig, I am afraid (боюсь, вы вряд ли поверите мне, м-р Мэйдиг)" — and so forth for some time (и так далее в течение некоторого времени). He tried a question at last (наконец, он испробовал вопрос = попробовал начать с вопроса), and asked Mr. Maydig his opinion of miracles (и спросил у м-ра Мэйдига его мнение о чудесах).

Mr. Maydig was still saying "Well" in an extremely judicial tone (м-р Мэйдиг все еще говорил «ну» крайне критическим тоном), when Mr. Fotheringay interrupted again (когда м-р Фозерингей снова перебил): "You don't believe, I suppose (вы не верите, я полагаю), that some common sort of person (что какой-то обычный человек) — like myself, for instance (как я, например) — as it might be sitting here now (как = который, возможно, сидит здесь сейчас), might have some sort of twist inside him (возможно, имеет некую характерную особенность внутри него; *twist* — изгиб, поворот; характерная особенность; отличительная черта /ума, характера и т. п.; часто неодобр./) that made him able to do things by his will (которая сделала его способным творить дела = чудеса силой воли)."

extremely [iks' tri:mlɪ], judicial [dʒu:' dɪʃəl], interrupt [, ɪntə' rʌpt]

At first Mr. Fotheringay was a little abashed, and found some difficulty in opening the matter. "You will scarcely believe me, Mr. Maydig, I am afraid" — and so forth for some time. He tried a question at last, and asked Mr. Maydig his opinion of miracles.

Mr. Maydig was still saying "Well" in an extremely judicial tone, when Mr. Fotheringay interrupted again: "You don't believe, I suppose, that some common

sort of person — like myself, for instance — as it might be sitting here now, might have some sort of twist inside him that made him able to do things by his will."

"It's possible (возможно)," said Mr. Maydig. "Something of the sort, perhaps, is possible (что-то подобное, вероятно, возможно)."

"If I might make free with something here (если бы я мог = мне разрешили вольно обращаться с чем-нибудь здесь; *to make free with smth.* — *вольно обращаться с чем-л., позволять себе вольности с чем-л.*), I think I might show you by a sort of experiment (я думаю, я мог бы продемонстрировать вам опытным путем; *sort* — *манера, образ, стиль*)," said Mr. Fotheringay. "Now, take that tobacco-jar on the table, for instance (ну, возьмем, к примеру, ту банку с табаком на столе). What I want to know (что я хочу знать) is whether what I am going to do with it is a miracle or not (так это является ли то, что я сделаю с ней, чудом или нет). Just half a minute, Mr. Maydig, please (всего лишь полминуты, м-р Мэйдиг, пожалуйста)."

He knitted his brows (он нахмурил брови), pointed to the tobacco-jar and said (указал на банку с табаком и сказал): "Be a bowl of vi'lets (будь вазой с фиалками; *vi'lets* = *violets*)."

The tobacco-jar did as it was ordered (банка с табаком сделала, как ей было приказано).

whether [ˈweðə], half [ha:f], brow [brau]

"It's possible," said Mr. Maydig. "Something of the sort, perhaps, is possible."

"If I might make free with something here, I think I might show you by a sort of experiment," said Mr. Fotheringay. "Now, take that tobacco-jar on the table, for instance. What I want to know is whether what I am going to do with it is a miracle or not. Just half a minute, Mr. Maydig, please."

He knitted his brows, pointed to the tobacco-jar and said: "Be a bowl of vi'lets."

The tobacco-jar did as it was ordered.

Mr. Maydig started violently at the change (м-р Мэйдиг сильно вздрогнул при перемене), and stood looking from the thaumaturgist to the bowl of flowers (и стоял, глядя = переводя взгляд с чудотворца на вазу с цветами). He said nothing (он ничего не сказал). Presently he ventured to lean over the table and smell the violets (через некоторое время он осмелился наклониться над столом и понюхать фиалки); they were fresh-picked and very fine ones (они были недавно сорванными и очень красивыми). Then he stared at Mr. Fotheringay again (затем он уставился на м-ра Фозерингея опять).

"How did you do that (как вы это сделали)?" he asked (спросил он).

Mr. Fotheringay pulled his moustache (м-р Фозерингей потянул себя за ус). "Just told it (только сказал это) — and there you are (и готово). Is that a miracle, or is it black art, or what is it (это чудо, или черная магия, или что это)? And what do you think's the matter with me (и что вы думаете со мной /такое/)? That's what I want to ask (вот, что = о чем я хочу спросить)."

thaumaturgist [ˈθɔ:mətə:dʒɪst], venture [ˈventʃə], violet [ˈvaɪələɪt]

Mr. Maydig started violently at the change, and stood looking from the thaumaturgist to the bowl of flowers. He said nothing. Presently he ventured to lean over the table and smell the violets; they were fresh-picked and very fine ones. Then he stared at Mr. Fotheringay again.

"How did you do that?" he asked.

Mr. Fotheringay pulled his moustache. "Just told it — and there you are. Is that a miracle, or is it black art, or what is it? And what do you think's the matter with me? That's what I want to ask."

"It's a most extraordinary occurrence (это исключительно удивительный случай)."

"And this day last week I knew no more that I could do things like that than you did (и в этот день на прошлой неделе я знал не больше, чем вы, о том, что могу творить такие дела). It came quite sudden (это пришло совершенно неожиданно). It's something odd about my will (что-то странное с моей силой воли), I suppose (я полагаю), and that's as far as I can see (и это насколько я могу понять)."

"Is that — the only thing (это единственное). Could you do other things besides that (вы могли бы сделать другие вещи = что-то другое кроме этого)?"

"Lord, yes (Господи, да)!" said Mr. Fotheringay. "Just anything (совершенно = да все, что угодно)." He thought, and suddenly recalled a conjuring entertainment he had seen (он подумал и вдруг вспомнил концерт с фокусами, который он видел). "Here!" he pointed (эй! — указал он), "change into a bowl of fish (превратись в банку с рыбами) — no, not that (нет, не это) — change into a glass bowl full of water with goldfish swimming in it (превратись в стеклянную банку полную воды с золотыми рыбками, плавающими в ней). That's better (это лучше)! You see that, Mr. Maydig (видите это, м-р Мэйдиг)?"

extraordinary [ˌɛkstrəˈɔːdənrɪ], occurrence [əˈkʌrəns], entertainment [ˌentəˈteɪnmənt]

"It's a most extraordinary occurrence."

"And this day last week I knew no more that I could do things like that than you did. It came quite sudden. It's something odd about my will, I suppose, and that's as far as I can see."

"Is that — the only thing. Could you do other things besides that?"

"Lord, yes!" said Mr. Fotheringay. "Just anything." He thought, and suddenly recalled a conjuring entertainment he had seen. "Here!" he pointed, "change into a bowl of fish — no, not that — change into a glass bowl full of water with goldfish swimming in it. That's better! You see that, Mr. Maydig?"

"It's astonishing (изумительно). It's incredible (невероятно). You are either a most extraordinary (вы тоже исключительно удивительный)... But no (но нет) — "

"I could change it into anything (я мог бы превратить это во что угодно)," said Mr. Fotheringay. "Just anything (просто во что угодно). Here! be a pigeon, will you (эй, будь голубем, пожалуйста)?"

In another moment a blue pigeon was fluttering round the room and making Mr. Maydig duck every time it came near him (в следующее мгновение синий голубь порхал по комнате и заставлял м-ра Мэйдига наклоняться каждый раз, как приближался к нему; *to duck* — *наклониться, нагнуться*). "Stop there, will you (остановись-ка там)?" said Mr. Fotheringay; and the pigeon hung motionless in the air (и голубь завис неподвижно в воздухе). "I could change it back to a bowl of flowers (я мог бы превратить его обратно в вазу с цветами)," he said, and after replacing the pigeon on the table worked that miracle (и, вернув голубя на стол, сотворил это чудо). "I expect you will want your pipe in a bit (я полагаю, вам через некоторое время понадобится ваша трубка)," he said, and restored the tobacco-jar (сказал он и восстановил табакерку).

either [ˈaɪðə], pigeon [ˈpɪdʒɪn], another [əˈnʌðə]

"It's astonishing. It's incredible. You are either a most extraordinary... But no — "

"I could change it into anything," said Mr. Fotheringay. "Just anything. Here! be a pigeon, will you?"

In another moment a blue pigeon was fluttering round the room and making Mr. Maydig duck every time it came near him. "Stop there, will you?" said Mr. Fotheringay; and the pigeon hung motionless in the air. "I could change it back to a bowl of flowers," he said, and after replacing the pigeon on the table worked that

miracle. "I expect you will want your pipe in a bit," he said, and restored the tobacco-jar.

Mr. Maydig had followed all these later changes in a sort of ejaculatory silence (м-р Мэйдиг следил за всеми этими более поздними изменениями в некоем красноречивом молчании; *to ejaculate* — *извергать, выбрасывать; восклицать, вскрикивать /от удивления/*). He stared at Mr. Fotheringay and in a very gingerly manner picked up the tobacco-jar (он уставился на м-ра Фозерингея и очень осторожно поднял банку с табаком), examined it, replaced it on the table (осмотрел ее, снова поставил ее на стол). "Well!" was the only expression of his feelings (ну /уж!/ — было единственное выражение его чувств).

ejaculatory [ɪˈdʒækjuleɪtəri], gingerly [ˈdʒɪndʒəli], examine [ɪɡˈzæmɪn]

Mr. Maydig had followed all these later changes in a sort of ejaculatory silence. He stared at Mr. Fotheringay and in a very gingerly manner picked up the tobacco-jar, examined it, replaced it on the table. "Well!" was the only expression of his feelings.

"Now, after that it's easier to explain what I came about (ну, после этого легче объяснить, по какому поводу я пришел)," said Mr. Fotheringay; and proceeded to a lengthy and involved narrative of his strange experiences (и приступил к многословному и запутанному изложению своих необычных впечатлений; *to involve* — *втягивать, вовлекать; запутывать*), beginning with the affair of the lamp in the Long Dragon and complicated by persistent allusions to Winch (начинающихся с происшествия с лампой в «Длинном Драконе» и осложненных постоянными упоминаниями о Винче; *persistent* — *настойчивый, упорный; стойкий; устойчивый; постоянный*). As he went on (по мере того, как он продолжал), the transient pride Mr. Maydig's consternation

had caused passed away (временная гордость, которую вызвал испуг м-ра Мэйдига, исчезла); he became the very ordinary Mr. Fotheringay of everyday intercourse again (он снова стал тем самым обыкновенным м-ром Фозерингеем ежедневных общений = с которым общались каждый день). Mr. Maydig listened intently (м-р Мэйдиг слушал внимательно), the tobacco-jar in his hand (с коробкой табака в руке), and his bearing changed also with the course of the narrative (и его поведение тоже менялось с течением рассказа). Presently, while Mr. Fotheringay was dealing with the miracle of the third egg (через некоторое время, когда м-р Фозерингей рассматривал чудо = рассказывал о чуде с третьим яйцом; *to deal with* — иметь дело с, рассматривать, трактовать), the minister interrupted with a fluttering, extended hand (священник перебил /его/ дрожащей вытянутой рукой; *to flutter* — махать или бить крыльями; перепархивать; дрожать от волнения).

narrative [ˈnærətɪv], experience [ɪkˈspɪəriəns], transient [ˈtrænzɪənt]

"Now, after that it's easier to explain what I came about," said Mr. Fotheringay; and proceeded to a lengthy and involved narrative of his strange experiences, beginning with the affair of the lamp in the Long Dragon and complicated by persistent allusions to Winch. As he went on, the transient pride Mr. Maydig's consternation had caused passed away; he became the very ordinary Mr. Fotheringay of everyday intercourse again. Mr. Maydig listened intently, the tobacco-jar in his hand, and his bearing changed also with the course of the narrative. Presently, while Mr. Fotheringay was dealing with the miracle of the third egg, the minister interrupted with a fluttering, extended hand.

"It is possible (это возможно)," he said. "It is credible (это вероятно). It is amazing, of course (это изумительно, конечно), but it reconciles a number of amazing difficulties (но это урегулирует ряд изумительных разногласий). The power to work miracles is a gift (способность творить чудеса — это дар) — a

peculiar quality like genius or second sight (необычное свойство, как гениальность или ясновидение); hitherto it has come very rarely and to exceptional people (до сих пор оно приходило очень редко и к необыкновенным людям). But in this case (но в этом случае)...I have always wondered at the miracles of Mahomet (я всегда удивлялся чудесам Магомета), and at Yogi's miracles (и чудесам йоги), and the miracles of Madame Blavatsky (и чудесам госпожи Блаватской). But, of course (но, конечно) — Yes, it is simply a gift (да, это просто дар)! It carries out so beautifully the arguments of that great thinker (он так прекрасно проводит в жизнь = *подтверждает* аргументы этого великого мыслителя)" — Mr. Maydig's voice sank (голос м-ра Мэйдига понизился; *to sink* — *опускаться, понижаться*) — "his Grace the Duke of Argyll (его Светлости герцога Аргайллского). Here we plumb some profounder law (здесь мы постигаем некий более глубокий закон; *to plumb* — *отчетливо постигать /глубину чего-л., какого-л. состояния/; проникать /в смысл, тайну чего-л./; plumb* — *кусочек свинца на леске, используемый с разными целями /как отвес, как лот/; to plumb* — *бросать лот, измерять глубину /лотом и т. п./*) — deeper than the ordinary laws of nature (более глубокий, чем обычные законы природы). Yes — yes (да — да). Go on (продолжайте). Go on (продолжайте)!"

peculiar [pɪˈkjuːliə], genius [ˈdʒiːniəs], plumb [plʌm]

"It is possible," he said. "It is credible. It is amazing, of course, but it reconciles a number of amazing difficulties. The power to work miracles is a gift — a peculiar quality like genius or second sight; hitherto it has come very rarely and to exceptional people. But in this case...I have always wondered at the miracles of Mahomet, and at Yogi's miracles, and the miracles of Madame Blavatsky. But, of course — Yes, it is simply a gift! It carries out so beautifully the arguments of that great thinker" — Mr. Maydig's voice sank — "his Grace the Duke of Argyll.

Here we plumb some profounder law — deeper than the ordinary laws of nature.
Yes — yes. Go on. Go on!"

Mr. Fotheringay proceeded to tell of his misadventure with Winch (м-р Фозерингей приступил к рассказу о несчастном случае с Винчем), and Mr. Maydig, no longer overawed or scared (а м-р Мэйдиг, больше не испытывающий благоговейного страха и испуга; *to overawe* — *держат в благоговейном страхе; внушать благоговейный страх*), began to jerk his limbs about and interject astonishment (начал дергать конечностями и вставлять /выражения/ удивления). "It's this what troubled me most (именно это тревожило меня больше всего)," proceeded Mr. Fotheringay (продолжал /говорить/ м-р Фозерингей); "it's this I'm most migitly in want of advice for (именно по этому поводу мне крайне незамедлительно нужен совет; *to be in want of smth.* — *нуждаться в чем-либо*; *migitly* = *immediately* — *немедленно, тотчас же*); of course he's at San Francisco (несомненно, он в Сан-Франциско) — wherever San Francisco may be (где бы ни был Сан-Франциско) — but of course it's awkward for both of us (но, конечно, это неловко для нас обоих), as you'll see, Mr. Maydig (как вы поймете, м-р Мэйдиг). I don't see how he can understand what has happened (я не понимаю, как он может осознать, что произошло), and I daresay he's scared and exasperated something tremendous (и я полагаю, он испуган и разгневан до некоторой степени ужасно; *to daresay* — *полагать, думать, считать*), and trying to get at me (и пытается добраться до меня). I daresay he keeps on starting off to come here (я полагаю, он упорствует = *прилагает силы к тому, чтобы /отправиться/ прибыть сюда*; *to keep on* — *продолжить действовать, упорствовать*). I send him back, by a miracle, every few hours (я отправляю его обратно, чудом, каждые несколько часов), when I think of it (когда вспоминаю об этом; *to think of* — *вспоминать*).

overawe [əʊver'ɔ:], limb [lim], awkward [ˈɔ:kwəd]

Mr. Fotheringay proceeded to tell of his misadventure with Winch, and Mr. Maydig, no longer overawed or scared, began to jerk his limbs about and interject astonishment. "It's this what troubled me most," proceeded Mr. Fotheringay; "it's this I'm most migitly in want of advice for; of course he's at San Francisco — wherever San Francisco may be — but of course it's awkward for both of us, as you'll see, Mr. Maydig. I don't see how he can understand what has happened, and I daresay he's scared and exasperated something tremendous, and trying to get at me. I daresay he keeps on starting off to come here. I send him back, by a miracle, every few hours, when I think of it.

And, of course (и, разумеется), that's a thing he won't be able to understand (это — обстоятельство, которое он не сможет понять), and it's bound to annoy him (и это непременно допечет его; *to annoy* — *досаждать; докучать, донимать, допекать, надоедать, раздражать*); and, of course (и, само собой), if he takes a ticket every time (если он каждый раз будет брать билет) it will cost him a lot of money (это будет стоить ему много денег = *это обойдется ему в копеечку*). I done the best I could for him (я сделал для него все, что мог), but, of course (но, конечно), it's difficult for him to put himself in my place (ему трудно поставить себя на мое место). I thought afterwards (я думал впоследствии) that his clothes might have got scorched, you know (что его одежда, знаете ли, могла обгореть) — if Hades is all it's supposed to be (если Ад — в точности такой, каким его представляют: «каким он предполагается быть»); *to suppose* — *допускать, думать, полагать, предполагать*) — before I shifted him (прежде чем я переместил его). In that case I suppose they'd have locked him up in San Francisco (в этом случае я полагаю, его посадили в тюрьму в Сан-Франциско; *to lock up* — *сажать в тюрьму; заключать в сумасшедший дом*). Of course I willed him a new suit of clothes on him directly I thought of it (разумеется, я пожелал ему новый костюм /на нем/ сразу же, как вспомнил об этом). But, you see (но видите ли), I'm already in a deuce of a tangle (я уже так запутался; *a deuce of* — *ужасно, очень; деусе* — *двойка, два*

очка /при игре в карты и кости/; черт, дьявол, бес /в проклятиях, ругательствах, как эмоционально-усилительное восклицание/; *tangle* — путаница, беспорядок) — "

money [ˈmʌni], suit [sju:t], deuce [dju:s]

And, of course, that's a thing he won't be able to understand, and it's bound to annoy him; and, of course, if he takes a ticket every time it will cost him a lot of money. I done the best I could for him, but, of course, it's difficult for him to put himself in my place. I thought afterwards that his clothes might have got scorched, you know — if Hades is all it's supposed to be — before I shifted him. In that case I suppose they'd have locked him up in San Francisco. Of course I willed him a new suit of clothes on him directly I thought of it. But, you see, I'm already in a deuce of a tangle — "

Mr. Maydig looked serious (м-р Мэйдиг выглядел серьезным). "I see you are in a tangle (я вижу, вы запутались). Yes, it's a difficult position (да, это трудное положение). How you are to end it (как вы намерены закончить это)..." He became diffuse and inconclusive (он стал рассеянным и не договорил; *inconclusive* — неокончательный; безрезультативный; незавершенный).

"However, we'll leave Winch for a little and discuss the larger question (однако оставим Винча на некоторое время и обсудим более важный: «широкий» вопрос). I don't think this is a case of the black art or anything of the sort (я не думаю, что это дело черной магии или чего-либо подобного; *case* — случай; обстоятельство, положение; дело, факт). I don't think there is any taint of criminality about it at all, Mr. Fotheringay (я не думаю, что во всем этом есть налет преступности = нечто преступное) — none whatever (абсолютно ничего), unless you are suppressing material facts (если только вы не скрываете существенных фактов). No, it's miracles (нет, это чудеса) — pure miracles

(чистейшие чудеса) — miracles, if I may say so, of the very highest class (чудеса, если я могу так сказать, высочайшего класса)."

inconclusive [ˌɪnkənˈkluːsɪv], criminality [krɪmɪˈnæləti], material [məˈtɪəriəl]

Mr. Maydig looked serious. "I see you are in a tangle. Yes, it's a difficult position. How you are to end it..." He became diffuse and inconclusive.

"However, we'll leave Winch for a little and discuss the larger question. I don't think this is a case of the black art or anything of the sort. I don't think there is any taint of criminality about it at all, Mr. Fotheringay — none whatever, unless you are suppressing material facts. No, it's miracles — pure miracles — miracles, if I may say so, of the very highest class."

He began to pace the hearthrug and gesticulate (он начал расхаживать по коврику перед камином и жестикулировать), while Mr. Fotheringay sat with his arm on the table and his head on his arm (в то время как м-р Фозерингей сидел с рукой = *положив руку на стол, а голову на руку*), looking worried (выглядев озабоченным). "I don't see how I'm to manage about Winch (я не пойму, как мне управиться с Винчем)," he said.

"A gift of working miracles — apparently a very powerful gift (дар творить чудеса — несомненно, очень могущественный дар)," said Mr. Maydig, "will find a way about Winch (найдет способ /управиться/ с Винчем) — never fear (не беспокойтесь). My dear sir (мой милостивый государь), you are a most important man (вы очень важный человек) — a man of the most astonishing possibilities (человек самый изумительных возможностей). As evidence, for example (как свидетельство, например; *evidence* — *доказательство, свидетельство; явность, очевидность*)! And in other ways (и в других отношениях), the things you may do (то, что вы можете сделать)..."

hearthrug [ˈhɑ:θrʌg], manage [ˈmænɪdʒ], example [ɪgˈzɑ:mpəl]

He began to pace the hearthrug and gesticulate, while Mr. Fotheringay sat with his arm on the table and his head on his arm, looking worried. "I don't see how I'm to manage about Winch," he said.

"A gift of working miracles — apparently a very powerful gift," said Mr. Maydig, "will find a way about Winch — never fear. My dear sir, you are a most important man — a man of the most astonishing possibilities. As evidence, for example! And in other ways, the things you may do..."

"Yes, *I've* thought of a thing or two (да, я придумал одну вещь или две = пару вещей; *to think of* — *придумать*)," said Mr. Fotheringay. "But — some of the things came a bit twisty (но некоторые из этих вещей = кое-что из этого получилось немного не так; *twisty* — *непорядочный, нечестный; уклончивый, неуловимый; ловкий*; *to twist* — *крутить, сплести/ся/; виться, изгибать/ся/*). You saw that fish at first (вы видели ту рыбу вначале)? Wrong sort of bowl and wrong sort of fish (не та банка и не та рыба: «неправильный вид/разновидность банки...» /не то, что было задумано/). And I thought I'd ask someone (и я подумал, что спрошу кого-нибудь)."

"A proper course (правильная линия поведения)," said Mr. Maydig, "a very proper course (очень правильная линия поведения) — altogether the proper course (совершенно правильная линия поведения)." He stopped and looked at Mr. Fotheringay (он остановился и посмотрел на м-ра Фозерингея). "It's practically an unlimited gift (это, практически, безграничный дар; *unlimited* — *безграничный, неограниченный; абсолютный, бесконечный, беспредельный*). Let us test your powers, for instance (давайте испытаем ваши силы, например). If they really *are* (если они действительно) ... If they really are all they seem to be (если они действительно в точности /такие, какими/ они кажутся)."

wrong [rɒŋ], course [kɔ:s], altogether [ˌɔ:ltəˈgeðə]

"Yes, *I've* thought of a thing or two," said Mr. Fotheringay. "But — some of the things came a bit twisty. You saw that fish at first? Wrong sort of bowl and wrong sort of fish. And I thought I'd ask someone."

"A proper course," said Mr. Maydig, "a very proper course — altogether the proper course." He stopped and looked at Mr. Fotheringay. "It's practically an unlimited gift. Let us test your powers, for instance. If they really *are* ... If they really are all they seem to be."

And so, incredible as it may seem (и так, каким бы невероятным это ни показалось), in the study of the little house behind the Congregational Chapel (в кабинете маленького домика за Конгрегационалистской Церковью), on the evening of Sunday, Nov. 10, 1896 (воскресным вечером, 10 ноября, 1896 года), Mr. Fotheringay, egged on and inspired by Mr. Maydig, began to work miracles (м-р Фозерингей, подстрекаемый и вдохновленный м-ром Мэйдигом, начал творить чудеса; *to egg on* — *науськивать, подстрекать; провоцировать*). The reader's attention is specially and definitely called to the date (внимание читателя специально и явно обращено на эту дату; *to call smb.'s attention to smth.* — *обращать чье-л. внимание на что-л.*). He will object, probably has already objected (он будет возражать, вероятно, уже возразил), that certain points in this story are improbable (что некоторые моменты в этой истории невероятны), that if any things of the sort already described had indeed occurred (что если бы какие-нибудь уже описанные подобные события произошли действительно), they would have been in all the papers at that time (они бы уже оказались во всех газетах в то время). The details immediately following he will find particularly hard to accept (непосредственно следующие подробности он найдет особенно трудными, чтобы допустить /их/ = ему будет особенно трудно допустить; *to accept* — *допускать, признавать*), because among other things they involve the conclusion (потому что между всего прочего они включают вывод) that he or she, the reader in question (что он или она, кто бы ни читал: «данный

читатель»), must have been killed in a violent and unprecedented manner more than a year ago (должно быть, был убит насильственным и беспрецедентным образом более года назад). Now a miracle is nothing if not improbable (чудо есть ничто, если не невероятное = раз это чудо, то оно должно быть невероятным), and as a matter of fact the reader *was* killed in a violent and unprecedented manner in 1896 (и на самом деле читатель /действительно/ был убит насильственным и беспрецедентным образом в 1896 году). In the subsequent course of this story that will become perfectly clear and credible (в последующем ходе данной повести это станет совершенно ясно и правдоподобно), as every right-minded and reasonable reader will admit (как признает всякий разумный и здравомыслящий читатель).

specially [ˈspeʃəli], question [ˈkwestʃən], subsequent [ˈsʌbsɪkwənt]

And so, incredible as it may seem, in the study of the little house behind the Congregational Chapel, on the evening of Sunday, Nov. 10, 1896, Mr. Fotheringay, egged on and inspired by Mr. Maydig, began to work miracles. The reader's attention is specially and definitely called to the date. He will object, probably has already objected, that certain points in this story are improbable, that if any things of the sort already described had indeed occurred, they would have been in all the papers at that time. The details immediately following he will find particularly hard to accept, because among other things they involve the conclusion that he or she, the reader in question, must have been killed in a violent and unprecedented manner more than a year ago. Now a miracle is nothing if not improbable, and as a matter of fact the reader *was* killed in a violent and unprecedented manner in 1896. In the subsequent course of this story that will become perfectly clear and credible, as every right-minded and reasonable reader will admit.

But this is not the place for the end of the story (но это не место для конца рассказа = но это не конец рассказа), being but little beyond the hither side of

the middle (а лишь немного дальше за серединой = больше половины; *hither* — сюда; ближний, расположенный ближе). And at first the miracles worked by Mr. Fotheringay were timid little miracles (и сначала чудеса, творимые м-ром Фозерингеем, были лишь робкими незначительными чудесами) — little things with the cups and parlour fitments (мелочами с чашками и предметами обстановки гостиной), as feeble as the miracles of Theosophists (такими ничтожными, как чудеса теософов), and, feeble as they were (и хотя они были ничтожными), they were received with awe by his collaborator (они были приняты = восприняты с благоговейным страхом его собеседником: «сорработником»). He would have preferred to settle the Winch business out of hand (он бы предпочел уладить дело с Винчем сразу; *out of hand* — без подготовки, сразу; экспромтом), but Mr. Maydig would not let him (но м-р Мэйдиг не позволял ему). But after they had worked a dozen of these domestic trivialities (но после того как они сотворили дюжину этих домашних пустяков; *triviality* — незначительность, несерьезность), their sense of power grew (их ощущение силы выросло), their imagination began to show signs of stimulation (их фантазия начала проявлять признаки возбуждения), and their ambition enlarged (а их честолюбие усилилось: «возросло»). Their first larger enterprise was due to hunger and the negligence of Mrs. Minchin, Mr. Maydig's housekeeper (их первое крупное предприятие было = произошло вследствие голода и невнимательности миссис Минчин, домработницы м-ра Мэйдига; *due to* — благодаря; вследствие, в результате, из-за). The meal to which the minister conducted Mr. Fotheringay was certainly ill-laid and uninviting as refreshment for two industrious miracle-workers (еда, к которой священник привел = на которую священник пригласил м-ра Фозерингея, была, конечно, плохо приготовлена и неаппетитна в качестве подкрепления для двух усердных чудотворцев); but they were seated (но они сидели), and Mr. Maydig was descanting in sorrow rather than in anger upon his housekeeper's shortcomings (и м-р Мэйдиг высказывал критические замечания скорее с печалью, нежели с гневом, по поводу недостатков своей домработницы), before it occurred to Mr.

Fotheringay that an opportunity lay before him (прежде чем м-ру Фозерингею пришло на ум, что перед ним простирается = *раскрывается* одна возможность; *to lie* — *лежать*; *простирается*). "Don't you think, Mr. Maydig (не считаете ли вы, м-р Мэйдиг)," he said, "if it isn't a liberty, I (что это /не/ будет вольностью /с моей стороны/, если я) — "

timid [ˈtɪmɪd], receive [rɪˈsi:v], dozen [ˈdɒzn]

But this is not the place for the end of the story, being but little beyond the hither side of the middle. And at first the miracles worked by Mr. Fotheringay were timid little miracles — little things with the cups and parlour fitments, as feeble as the miracles of Theosophists, and, feeble as they were, they were received with awe by his collaborator. He would have preferred to settle the Winch business out of hand, but Mr. Maydig would not let him. But after they had worked a dozen of these domestic trivialities, their sense of power grew, their imagination began to show signs of stimulation, and their ambition enlarged. Their first larger enterprise was due to hunger and the negligence of Mrs. Minchin, Mr. Maydig's housekeeper. The meal to which the minister conducted Mr. Fotheringay was certainly ill-laid and uninviting as refreshment for two industrious miracle-workers; but they were seated, and Mr. Maydig was descanting in sorrow rather than in anger upon his housekeeper's shortcomings, before it occurred to Mr. Fotheringay that an opportunity lay before him. "Don't you think, Mr. Maydig," he said, "if it isn't a liberty, I — "

"My dear Mr. Fotheringay (мой дорогой м-р Фозерингей)! Of course (разумеется)! No — I didn't think (нет, я не считал = не считаю)."

Mr. Fotheringay waved his hand (м-р Фозерингей взмахнул рукой). "What shall we have (что поедим)?" he said, in a large, inclusive spirit (сказал он в щедром, открытом ко всему: «включающем все» расположении духа), and, at Mr. Maydig's order (и по заказу м-ра Мэйдига), revised the supper very

thoroughly (очень основательно пересмотрел ужин). "As for me (что касается меня)," he said, eyeing Mr. Maydig's selection (разглядывая выбор м-ра Мэйдига), "I am always particularly fond of a tankard of stout and a nice Welsh rarebit (я всегда очень люблю высокую кружку крепкого портера и хорошую гренку с сыром; *Welsh rarebit* — *греники по-валлийски /с расплавленным сыром/*), and I'll order that (и я это закажу). I ain't much given to Burgundy (я не очень склонен к бургундскому; *ain't = am not, have not, do not*)," and forthwith stout and Welsh rarebit promptly appeared at his command (и тотчас быстро по его команде появились портер и гренка с сыром). They sat long at their supper (они долго сидели за ужином), talking like equals (беседуя как равные), as Mr. Fotheringay presently perceived (как через некоторое время осознал м-р Фозерингей), with a glow of surprise and gratification (с удивительной и радостной оживленностью), of all the miracles they would presently do (обо всех чудесах, /которые/ они вскоре совершат). "And, by-the-by, Mr. Maydig (а, кстати, м-р Мэйдиг)," said Mr. Fotheringay, "I might perhaps be able to help you (я, возможно, смог бы вам помочь) — in a domestic way (в плане дома/домашнего хозяйства)."

inclusive [ɪnˈkluːsɪv], thoroughly [ˈθʌrəli], equal [ˈiːkwəl]

"My dear Mr. Fotheringay! Of course! No — I didn't think."

Mr. Fotheringay waved his hand. "What shall we have?" he said, in a large, inclusive spirit, and, at Mr. Maydig's order, revised the supper very thoroughly. "As for me," he said, eyeing Mr. Maydig's selection, "I am always particularly fond of a tankard of stout and a nice Welsh rarebit, and I'll order that. I ain't much given to Burgundy," and forthwith stout and Welsh rarebit promptly appeared at his command. They sat long at their supper, talking like equals, as Mr. Fotheringay presently perceived, with a glow of surprise and gratification, of all the miracles they would presently do. "And, by-the-by, Mr. Maydig," said Mr. Fotheringay, "I might perhaps be able to help you — in a domestic way."

"Don't quite follow (не совсем понял; *to follow* — *следовать за; слушать, следить /за развитием мысли/*)," said Mr. Maydig, pouring out a glass of miraculous old Burgundy (наливая бокал чудотворного старого бургундского).

Mr. Fotheringay helped himself to a second Welsh rarebit out of vacancy (м-р Фозерингей взял себе вторую гренку с сыром из пустоты; *to help oneself to smth.* — *положить себе, взять себе, угоститься чем-л.*), and took a mouthful (и взял = *откусил* кусок). "I was thinking (я подумал)," he said, "I might be able (*chum, chum*) to work (*chum, chum*) a miracle with Mrs. Minchin (*chum, chum*) (/что/ я, вероятно, смог бы (чавк-чавк) сотворить (чавк-чавк) чудо с миссис Минчин (чавк-чавк)) — make her a better woman (сделать ее более хорошей женщиной)."

Mr. Maydig put down the glass and looked doubtful (м-р Мэйдиг поставил бокал и выглядел сомневающимся = и принял сомневающийся вид).

"She's (она) — She strongly objects to interference, you know, Mr. Fotheringay (знаете, м-р Фозерингей, она решительно возражает против вмешательства). And (a) — as a matter of fact (собственно говоря) — it's well past eleven and she's probably in bed and asleep (уже далеко за одиннадцать, и она, вероятно, в постели и спит). Do you think, on the whole (вы думаете, в целом) — "

pour [pɔ:], doubtful [ˈdaʊtful], interference [ˌɪntəˈfɪərəns]

"Don't quite follow," said Mr. Maydig, pouring out a glass of miraculous old Burgundy.

Mr. Fotheringay helped himself to a second Welsh rarebit out of vacancy, and took a mouthful. "I was thinking," he said, "I might be able (*chum, chum*) to work (*chum, chum*) a miracle with Mrs. Minchin (*chum, chum*) — make her a better woman."

Mr. Maydig put down the glass and looked doubtful.

"She's — She strongly objects to interference, you know, Mr. Fotheringay. And — as a matter of fact — it's well past eleven and she's probably in bed and asleep. Do you think, on the whole — "

Mr. Fotheringay considered these objections (м-р Фозерингей обдумал эти возражения). "I don't see that it shouldn't be done in her sleep (не думаю, что это нельзя/не стоит сделать в ее сне = пока она спит)."

For a time Mr. Maydig opposed the idea (некоторое время м-р Мэйдиг противился этой идее), and then he yielded (а потом он уступил). Mr. Fotheringay issued his orders (м-р Фозерингей отдал приказы), and a little less at their ease, perhaps (и, возможно, немного менее непринужденно; *at one's ease* — свободно, удобно, непринужденно), the two gentlemen proceeded with their repast (два джентльмена продолжили трапезу). Mr. Maydig was enlarging on the changes he might expect in his housekeeper next day (м-р Мэйдиг вдавался в подробности об изменениях, которые он может ожидать в своей экономке на следующий день), with an optimism (с оптимизмом), that seemed even to Mr. Fotheringay's supper senses a little forced and hectic (который показался даже восприятию м-р Фозерингея после ужина немного вымученным и лихорадочно возбужденным), when a series of confused noises from upstairs began (когда началась серия беспорядочных = неясных шумов с верхнего этажа). Their eyes exchanged interrogations (их глаза обменялись вопросами = они обменялись вопросительными взглядами), and Mr. Maydig left the room hastily (а м-р Мэйдиг поспешно покинул комнату). Mr. Fotheringay heard him calling up to his housekeeper and then his footsteps going softly up to her (м-р Фозерингей слышал, как он позвал свою экономку наверх, а потом его шаги тихо поднимающиеся = его тихие шаги наверх к ней).

yield [ji:ld], issue [ˈɪʃu:], series [ˈsiəri:z]

Mr. Fotheringay considered these objections. "I don't see that it shouldn't be done in her sleep."

For a time Mr. Maydig opposed the idea, and then he yielded. Mr. Fotheringay issued his orders, and a little less at their ease, perhaps, the two gentlemen proceeded with their repast. Mr. Maydig was enlarging on the changes he might expect in his housekeeper next day, with an optimism, that seemed even to Mr. Fotheringay's supper senses a little forced and hectic, when a series of confused noises from upstairs began. Their eyes exchanged interrogations, and Mr. Maydig left the room hastily. Mr. Fotheringay heard him calling up to his housekeeper and then his footsteps going softly up to her.

In a minute or so the minister returned (через минуту или около того священник вернулся), his step light, his face radiant (легким шагом и с сияющим лицом). "Wonderful (удивительно)!" he said, "and touching (и трогательно)! Most touching (очень трогательно)!"

He began pacing the hearthrug (он начал расхаживать по коврику перед камином). "A repentance (раскаяние) — a most touching repentance (очень трогательное раскаяние) — through the crack of the door (сквозь щель в двери). Poor woman (бедная женщина)! A most wonderful change (исключительно удивительная перемена)! She had got up (она встала). She must have got up at once (она, наверное, встала сразу). She had got up out of her sleep to smash a private bottle of brandy in her box (он пробудилась ото сна, чтобы разбить собственную бутылку бренди в своем сундуке = из своего сундука; *to smash* — *разбивать вдребезги*). And to confess it too (и к тому же признаться в этом)!... But this gives us (но это дает нам) — it opens (это открывает) — a most amazing vista of possibilities (исключительно изумительную перспективу возможностей). If we can work this miraculous change in *her* (если мы можем сотворить эту чудодейственную перемену в ней)..."

touching [ˈtʌtʃɪŋ], once [wʌns], private [ˈpraɪvɪt]

In a minute or so the minister returned, his step light, his face radiant.

"Wonderful!" he said, "and touching! Most touching!"

He began pacing the hearthrug. "A repentance — a most touching repentance — through the crack of the door. Poor woman! A most wonderful change! She had got up. She must have got up at once. She had got up out of her sleep to smash a private bottle of brandy in her box. And to confess it too!... But this gives us — it opens — a most amazing vista of possibilities. If we can work this miraculous change in *her*..."

"The thing's unlimited seemingly (эта штука, по-видимому, безгранична)," said Mr. Fotheringay. "And about Mr. Winch (а что касается м-ра Винча) — "

"Altogether unlimited (совершенно безгранична)." And from the hearthrug Mr. Maydig (и с коврика перед камином м-р Мэйдиг), waving the Winch difficulty aside (отмахнувшись от затруднения с Винчем; *to wave aside* — не принимать /во внимание и т. п./; *отмахнуться* /от чего-либо/), unfolded a series of wonderful proposals (развернул ряд замечательных предложений; *to unfold* — развертывать/ся/; *раскрывать/ся/*) — proposals he invented as he went along (предложений, которые он придумал, пока развивал /тему/; *to go along* — продвигаться; развиваться).

Now what those proposals were does not concern the essentials of this story (на данный момент то, какими были эти предложения, не касается сути этой истории). Suffice it that they were designed in a spirit of infinite benevolence (достаточно /сказать/, что они были задуманы в духе безграничной благотворительности; *suffice it to say* — достаточно сказать; *benevolence* — благожелательность, доброжелательность; благотворительность, филантропия, щедрость), the sort of benevolence that used to be called post-prandial (такой благотворительности, которую раньше называли послеобеденной). Suffice it, too (также достаточно /сказать/), that the problem of Winch remained unsolved (что проблема Винча осталась неразрешенной).

Nor is it necessary to describe how far that series got to its fulfilment
(необязательно также описывать, как далеко до своего исполнения дошел
этот ряд = зашло исполнение этого ряда предложений). There were astonishing
changes (были = произошли поразительные перемены).

essential [ɪˈsenʃəl], design [dɪˈzaɪn], benevolence [bɪˈnevələns]

"The thing's unlimited seemingly," said Mr. Fotheringay. "And about Mr. Winch — "

"Altogether unlimited." And from the hearthrug Mr. Maydig, waving the Winch difficulty aside, unfolded a series of wonderful proposals — proposals he invented as he went along.

Now what those proposals were does not concern the essentials of this story. Suffice it that they were designed in a spirit of infinite benevolence, the sort of benevolence that used to be called post-prandial. Suffice it, too, that the problem of Winch remained unsolved. Nor is it necessary to describe how far that series got to its fulfilment. There were astonishing changes.

The small hours found Mr. Maydig and Mr. Fotheringay careering across the chilly market square under the still moon (первые: «маленькие» часы после полуночи застали м-ра Мэйдига и м-ра Фозерингея быстро идущими через холодную рыночную площадь под неподвижной луной), in a sort of ecstasy of thaumaturgy (в каком-то экстазе чудотворчества), Mr. Maydig all flap and gesture (м-р Мэйдиг весь возбужденный и жестикулирующий; *flap* — хлопок, шлепок, удар /чем-л. гибким и широким/; возбуждение; тревога, беспокойство; пола, подол /одежды/), Mr. Fotheringay short and bristling (/a/ м-р Фозерингей — невысокий и взъерошенный; *bristle* — щетина; *to bristle* — ошестиниться; подниматься дыбом; рассердиться; рассвирепеть; разойтись /эмоционально/), and no longer abashed at his greatness (и больше не смущался своего могущества). They had reformed every drunkard in the

Parliamentary division (они исправили каждого пьяницу = *всех пьяниц* в округе /для выборов в парламент/; *division* — *административный или избирательный округ*), changed all the beer and alcohol to water (превратили все пиво и спиртные напитки в воду; *alcohol* — *алкоголь, спирт; спиртные напитки*) (Mr. Maydig had overruled Mr. Fotheringay on this point (м-р Мэйдиг взял верх над м-р Фозерингеем по этому пункту; *to overrule* — *брать верх, одержать победу*)); they had, further, greatly improved the railway communication of the place (затем они значительно улучшили железнодорожное сообщение города), drained Flinder's swamp (осушили Флиндерово болото), improved the soil of One Tree Hill (улучшили почву Холма с Одним Деревом), and cured the vicar's wart (и вылечили бородавку у викария). And they were going to see what could be done with the injured pier at South Bridge (и они собирались подумать, что можно сделать с поврежденной опорой у Южного Моста; *pier* — *бык /моста/, опора моста*). "The place (город)," gasped Mr. Maydig (тяжело дыша, сказал м-р Мэйдиг; *to gasp* — *дышать с трудом, задыхаться; ловить воздух*), "won't be the same place tomorrow (не будет таким же = *станет другим* завтра). How surprised and thankful everyone will be (как удивлены и благодарны будут все)!" And just at that moment the church clock struck three (и как раз в этот момент часы церкви пробили три /часа/; *to strike* — *бить*).

career [kə'riə], square [skweə], improve [im'pru:v]

The small hours found Mr. Maydig and Mr. Fotheringay careering across the chilly market square under the still moon, in a sort of ecstasy of thaumaturgy, Mr. Maydig all flap and gesture, Mr. Fotheringay short and bristling, and no longer abashed at his greatness. They had reformed every drunkard in the Parliamentary division, changed all the beer and alcohol to water (Mr. Maydig had overruled Mr. Fotheringay on this point); they had, further, greatly improved the railway communication of the place, drained Flinder's swamp, improved the soil of One

Tree Hill, and cured the vicar's wart. And they were going to see what could be done with the injured pier at South Bridge. "The place," gasped Mr. Maydig, "won't be the same place to-morrow. How surprised and thankful everyone will be!" And just at that moment the church clock struck three.

"I say (послушайте)," said Mr. Fotheringay, "that's three o'clock (/это/ три часа)! I must be getting back (мне нужно возвращаться). I've got to be at business by eight (я должен быть на работе к восьми). And besides, Mrs. Wimms (и кроме того, миссис Уимс) — "

"We're only beginning (мы только начинаем)," said Mr. Maydig, full of the sweetness of unlimited power (полный сладости = преисполненный сладостью безграничной власти). "We're only beginning (мы только начинаем). Think of all the good we're doing (подумайте обо всем хорошем, /что/ мы делаем). When people wake (когда люди проснутся) — "

"But (но) — ," said Mr. Fotheringay.

Mr. Maydig gripped his arm suddenly (вдруг м-р Мэйдиг схватил его руку). His eyes were bright and wild (его глаза были сияющие и неистовые = его глаза сияли неистовым огнем). "My dear chap (мой дорогой друг)," he said, "there's no hurry (не нужно спешить). Look (смотрите)" — he pointed to the moon at the zenith (он показал на луну в зените) — "Joshua (Иисус Навин /как следует из ветхозаветной книги Иисуса Навина, он словом остановил ход солнца и луны/)"

bright [braɪt], wild [waɪld], zenith [ˈzenɪθ]

"I say," said Mr. Fotheringay, "that's three o'clock! I must be getting back. I've got to be at business by eight. And besides, Mrs. Wimms — "

"We're only beginning," said Mr. Maydig, full of the sweetness of unlimited power. "We're only beginning. Think of all the good we're doing. When people wake — "

"But —," said Mr. Fotheringay.

Mr. Maydig gripped his arm suddenly. His eyes were bright and wild. "My dear chap," he said, "there's no hurry. Look" — he pointed to the moon at the zenith — "Joshua!"

"Joshua (Иисус Навин)?" said Mr. Fotheringay.

"Joshua (Иисус Навин)," said Mr. Maydig. "Why not (почему бы и нет)? Stop it (остановите ее)."

Mr. Fotheringay looked at the moon (м-р Фозерингей посмотрел на луну).

"That's a bit tall (это высокогато)," he said, after a pause (сказал он после паузы).

"Why not (почему бы и нет)?" said Mr. Maydig. "Of course it doesn't stop (конечно, она не остановится). You stop the rotation of the earth, you know (знаете, вы остановите вращение земли). Time stops (остановится время). It isn't as if we were doing harm (мы же никому вреда не нанесем)."

"H'm (м-да)!" said Mr. Fotheringay. "Well," he sighed (хорошо, — вздохнул он), "I'll try (я попробую). Here (эй)!"

pause [pɔːz], earth [əːθ], sigh [saɪ]

"Joshua?" said Mr. Fotheringay.

"Joshua," said Mr. Maydig. "Why not? Stop it."

Mr. Fotheringay looked at the moon.

"That's a bit tall," he said, after a pause.

"Why not?" said Mr. Maydig. "Of course it doesn't stop. You stop the rotation of the earth, you know. Time stops. It isn't as if we were doing harm."

"H'm!" said Mr. Fotheringay. "Well," he sighed, "I'll try. Here!"

He buttoned up his jacket and addressed himself to the habitable globe (он застегнул пиджак на все пуговицы и обратился к населенному земному шару),

with as good an assumption of confidence as lay in his power (с таким предположением уверенности, каковая заключалась в его силе). "Jest stop rotating, will you (немедленно прекрати-ка вращаться; *jest = just* — немедленно, непосредственно, безотлагательно)?" said Mr. Fotheringay.

Incontinently he was flying head over heels through the air at the rate of dozens of miles a minute (тотчас он оказался летящим кубарем в воздухе со скоростью дюжин = десятков миль в минуту; *head over heels* — вверх тормашками, вверх ногами, кубарем). In spite of the innumerable circles he was describing per second (несмотря на бесчисленные круги, /которые/ он описывал в секунду), he thought (он /продолжал/ думать); for thought is wonderful (ибо мысль /есть/ замечательная /вещь/) — sometimes as sluggish as flowing pitch (иногда /она/ медленная, как текущая смола; *sluggish* — пассивный, вялый; медленный, неторопливый; медлительный, ленивый; притупленный /о восприятии/, медленно соображающий), sometimes as instantaneous as light (иногда мгновенная, как свет). He thought in a second, and willed (он подумал секунду и пожелал). "Let me come down safe and sound (пусть я спущусь целым и невредимым). Whatever else happens, let me down safe and sound (что бы ни случилось, пусть я спущусь целым и невредимым)."

minute [ˈmɪnɪt], innumerable [ɪˈnju:mərəbl], instantaneous [ɪnstənˈteɪniəs]

He buttoned up his jacket and addressed himself to the habitable globe, with as good an assumption of confidence as lay in his power. "Jest stop rotating, will you?" said Mr. Fotheringay.

Incontinently he was flying head over heels through the air at the rate of dozens of miles a minute. In spite of the innumerable circles he was describing per second, he thought; for thought is wonderful — sometimes as sluggish as flowing pitch, sometimes as instantaneous as light. He thought in a second, and willed. "Let me come down safe and sound. Whatever else happens, let me down safe and sound."

He willed it only just in time (он пожелал это как раз вовремя), for his clothes, heated by his rapid flight through the air (ибо его одежда, нагретая быстрым полетом по воздуху), were already beginning to singe (уже начинала опаляться). He came down with a forcible, but by no means injurious, bump in what appeared to be a mound of fresh-turned earth (он спустился путем вынужденной, но никоим образом не губительной посадки в то, что, по-видимому, было холмом свежевспаханной земли). A large mass of metal and masonry (большая масса металла и каменной кладки), extraordinarily like the clock-tower in the middle of the market square (необычайным образом похожая на башню с часами посередине рыночной площади), hit the earth near him (ударила в землю возле него), ricocheted over him (срикошетила через него), and flew into stonework, bricks, and cement, like a bursting bomb (и влетела в каменные кладки, кирпичи и цемент, как разрывная бомба). A hurtling cow hit one of the larger blocks and smashed like an egg (несущаяся корова ударилась в один из более крупных кусков и разбилась, как яйцо). There was a crash (был = раздался грохот) that made all the most violent crashes of his past life seem like the sound of falling dust (который сделал = от которого все самые сильные шумы его прошлой жизни показались звуком падающей пыли), and this was followed by a descending series of lesser crashes (и за этим последовал нисходящий ряд более мелких шумов /от ударов/). A vast wind roared throughout earth and heaven (громадный = страшный ветер ревел по всей земле и небесам), so that he could scarcely lift his head to look (так что он едва мог поднять голову, чтобы посмотреть). For a while he was too breathless and astonished (некоторое время он был слишком запыхавшимся и изумленным) even to see where he was or what had happened (чтобы даже понять, где он находится, или что произошло). And his first movement was to feel his head and reassure himself that his streaming hair was still his own (и его первым движением было ощупать свою голову и убедиться, что его развевающиеся волосы /являются/ все еще его собственными).

flight [flaɪt], ricochet [ˈrɪkəʃeɪ], heaven [ˈhevən]

He willed it only just in time, for his clothes, heated by his rapid flight through the air, were already beginning to singe. He came down with a forcible, but by no means injurious, bump in what appeared to be a mound of fresh-turned earth. A large mass of metal and masonry, extraordinarily like the clock-tower in the middle of the market square, hit the earth near him, ricocheted over him, and flew into stonework, bricks, and cement, like a bursting bomb. A hurtling cow hit one of the larger blocks and smashed like an egg. There was a crash that made all the most violent crashes of his past life seem like the sound of falling dust, and this was followed by a descending series of lesser crashes. A vast wind roared throughout earth and heaven, so that he could scarcely lift his head to look. For a while he was too breathless and astonished even to see where he was or what had happened. And his first movement was to feel his head and reassure himself that his streaming hair was still his own.

"Lord (Господи)!" gasped Mr. Fotheringay (открыл от удивления рот м-р Фозерингей), scarce able to speak for the gale (едва способный говорить из-за бури), "I've had a squeak (я чуть не погиб; *squeak* — писк, визг; сильное приближение к какой-л. опасной ситуации)! What's gone wrong (что пошло не так)? Storms and thunder (бури и гром). And only a minute ago a fine night (и только минуту назад прекрасная ночь). It's Maydig set me on to this sort of thing (это Мэйдиг подбил меня на это = такое дело; *to set on* — подстрекать /к чему-л./, подбивать /на что-л./). What a wind (какой ветер)! If I go on fooling in this way (если я буду продолжать забавляться таким образом; *to go on* — продолжать; *to fool* — дурачиться, шутить, забавляться) I'm bound to have a thundering accident (я обязательно попаду в ужасную катастрофу)!...

"Where's Maydig (где Мэйдиг)?

"What a confounded mess everything's in (в каком все отъявленном = ужасном беспорядке; *mess* — беспорядок; путаница, неразбериха; грязь)!"

squeak [skwi:k], bound [baund], confounded [kən'faundɪd]

"Lord!" gasped Mr. Fotheringay, scarce able to speak for the gale, "I've had a squeak! What's gone wrong? Storms and thunder. And only a minute ago a fine night. It's Maydig set me on to this sort of thing. *What* a wind! If I go on fooling in this way I'm bound to have a thundering accident!...

"Where's Maydig?

"What a confounded mess everything's in!"

He looked about him so far as his flapping jacket would permit (он огляделся, насколько ему позволял его развевающийся пиджак). The appearance of things was really extremely strange (вид вещей = всего был действительно чрезвычайно странный = действительно все выглядело крайне необычно). "The sky's all right anyhow (как бы там ни было, с небом все нормально)," said Mr. Fotheringay. "And that's about all that is all right (и это почти все, с чем порядок). And even there it looks like a terrific gale coming up (и даже там, похоже, приближается ужасный ураган). But there's the moon overhead (но вверху луна; *overhead* — наверху, вверху; выше; над головой; на небе). Just as it was just now (в точности как было только что). Bright as midday (ярко, как в полдень). But as for the rest (но что касается остального) — Where's the village (где поселок)? Where's (где) — where's anything (где хоть что-нибудь)? And what on earth set this wind a-blowing (и что же вызвало этот дующий ветер; *on earth* — же, просто, только, всё-таки)? I didn't order no wind (я не заказывал ветра)."

extremely [iks'tri:mli], strange [streɪndʒ], village [ˈvɪlɪdʒ]

He looked about him so far as his flapping jacket would permit. The appearance of things was really extremely strange. "The sky's all right anyhow," said Mr. Fotheringay. "And that's about all that is all right. And even there it looks like a terrific gale coming up. But there's the moon overhead. Just as it was just now. Bright as midday. But as for the rest — Where's the village? Where's — where's anything? And what on earth set this wind a-blowing? I didn't order no wind."

Mr. Fotheringay struggled to get to his feet in vain (м-р Фозерингей напрасно старался изо всех сил подняться на ноги; *in vain* — *напрасно*), and after one failure (и после одной неудачной попытки; *failure* — *неудавшееся дело, неудача, неуспех, провал*; *to fail* — *потерпеть неудачу; не иметь успеха*), remained on all fours, holding on (остался стоять на четвереньках, /пытаясь хоть как-то/ удержаться; *to hold on* — *держаться*). He surveyed the moonlit world to leeward (он внимательно осмотрел освещенный луной мир с подветренной стороны), with the tails of his jacket streaming over his head (при этом фалды его пиджака развевались у него над головой). "There's something seriously wrong (что-то серьезно не так)," said Mr. Fotheringay. "And what it is — goodness knows (а что именно — кто ж его знает; *goodness knows!* — *кто его знает!*; *goodness* — *добродота; великодушие; используется в качестве междометия для выражения удивления, изумления, потрясения — чтобы не употреблять все слово God: My goodness! — Боже мой!*)."

survey [sə:'veɪ], leeward ['li:wəd], head [hed]

Mr. Fotheringay struggled to get to his feet in vain, and after one failure, remained on all fours, holding on. He surveyed the moonlit world to leeward, with the tails of his jacket streaming over his head. "There's something seriously wrong," said Mr. Fotheringay. "And what it is — goodness knows."

Far and wide nothing was visible in the white glare through the haze of dust (со всех сторон не было видно ничего в белом сиянии сквозь пыльную дымку) that drove before a screaming gale (которая неслась перед воющей бурей) but tumbled masses of earth and heaps of inchoate ruins (кроме рухнувших масс земли и груд зарождающихся развалин; *far and wide* — повсюду; *всесторонне*; *nothing... but* — ничего... кроме), no trees, no houses, no familiar shapes (никаких деревьев, никаких домов, никаких знакомых очертаний), only a wilderness of disorder (лишь пустыня хаоса), vanishing at last into the darkness beneath the whirling columns and streamers (в конце концов исчезающая в темноте под вихревыми колоннами и столбами северного сияния), the lightnings and thunderings of a swiftly rising storm (молниями и громом быстро нарастающего шторма). Near him in the livid glare was something that might once have been an elm-tree (возле него в мертвенно-бледном сиянии было нечто, что, возможно, когда-то было вязом), a smashed mass of splinters (разбитая вдребезги груда щепок), shivered from boughs to base (расколота от сучьев до основания), and further a twisted mass of iron girders (а дальше искривленная масса железных балок) — only too evidently the viaduct (просто слишком очевидно виадук) — rose out of the piled confusion (поднимался из нагроможденной неразберихи; *to rise* — подниматься).

inchoate [ˈɪnkəueɪt], bough [bau], girder [ˈgəːdə]

Far and wide nothing was visible in the white glare through the haze of dust that drove before a screaming gale but tumbled masses of earth and heaps of inchoate ruins, no trees, no houses, no familiar shapes, only a wilderness of disorder, vanishing at last into the darkness beneath the whirling columns and streamers, the lightnings and thunderings of a swiftly rising storm. Near him in the livid glare was something that might once have been an elm-tree, a smashed mass of splinters, shivered from boughs to base, and further a twisted mass of iron girders — only too evidently the viaduct — rose out of the piled confusion.

You see (видите ли), when Mr. Fotheringay had arrested the rotation of the solid globe (когда м-р Фозерингей остановил вращение твердого земного шара), he had made no stipulation concerning the trifling movables upon its surface (он не сделал оговорки в отношении незначительного движимого имущества на его поверхности). And the earth spins so fast (а земля вращается так быстро) that the surface at its equator is travelling at rather more than a thousand miles an hour (что поверхность на ее экваторе движется /со скоростью/ немногим более одной тысячи миль в час), and in these latitudes at more than half that pace (а в наших широтах свыше половины от этой скорости = со скоростью более пятисот миль в час). So that the village (так что поселок), and Mr. Maydig, and Mr. Fotheringay (и м-р Мэйдиг и м-р Фозерингей), and everybody and everything had been jerked violently forward at about nine miles per second (все и всё были резко и сильно брошены вперед со скоростью около девяти миль в секунду; *to jerk* — резко толкать, дергать, бросать) — that is to say (то есть), much more violently than if they had been fired out of a cannon (гораздо сильнее, чем если бы ими выстрелили из пушки). And every human being, every living creature, every house, and every tree (и каждый человек, каждое живое существо, каждый дом и каждое дерево) — all the world as we know it (весь мир, как мы его знаем = который мы знаем) — had been so jerked and smashed and utterly destroyed (был брошен так резко и разбит, и уничтожен дотла; *utterly* — весьма, крайне, очень, чрезвычайно). That was all (это было все).

movables [ˈmu:vəblz], equator [ɪˈkweɪtə], surface [ˈsə:fɪs]

You see, when Mr. Fotheringay had arrested the rotation of the solid globe, he had made no stipulation concerning the trifling movables upon its surface. And the earth spins so fast that the surface at its equator is travelling at rather more than a thousand miles an hour, and in these latitudes at more than half that pace. So that

the village, and Mr. Maydig, and Mr. Fotheringay, and everybody and everything had been jerked violently forward at about nine miles per second — that is to say, much more violently than if they had been fired out of a cannon. And every human being, every living creature, every house, and every tree — all the world as we know it — had been so jerked and smashed and utterly destroyed. That was all.

These things Mr. Fotheringay did not, of course, fully appreciate (разумеется, м-р Фозерингей не оценил полностью этих вещей = этого; *to appreciate* — оценивать, /высоко/ ценить; понимать, принимать во внимание). But he perceived that his miracle had miscarried (но он понял, что это чудо не удалось; *to miscarry* — потерпеть неудачу /о человеке/; не ладиться /о бизнесе/), and with that a great disgust of miracles came upon him (а от этого его охватило великое отвращение к чудесам; *to come upon* — лечь бременем на /чью-л./ плечи, охватывать /кого-л./, случаться /с кем-л./). He was in darkness now (он оказался теперь в темноте), for the clouds had swept together and blotted out his momentary glimpse of the moon (ибо тучи простерлись /сливаясь/ вместе и закрыли кратковременный проблеск луны), and the air was full of fitful struggling tortured wraiths of hail (и воздух был полон = наполнился судорожно сражающимися мучимыми = в мучениях духами града; *wraith* — дух /кого-л./, являющийся незадолго до смерти или вскоре после нее; видение). A great roaring of wind and waters filled earth and sky (сильный рев ветра и потоки воды заполнили землю и небо), and peering under his hand through the dust and sleet to windward (и, выглядывая из-под руки сквозь пыль и ледяной дождь с наветренной стороны; *sleet* — дождь со снегом; мокрый снег; ледяной дождь; крупа; гололёд), he saw by the play of the lightnings a vast wall of water pouring towards him (он увидел благодаря действию = вспышкам молний безбрежную стену воды, выливающуюся = катящуюся в его сторону; *vast* — обширный, громадный; безбрежный, пространный).

torture [ˈtɔ:tʃə], wraith [reɪθ], roaring [ˈrɔ:rɪŋ]

These things Mr. Fotheringay did not, of course, fully appreciate. But he perceived that his miracle had miscarried, and with that a great disgust of miracles came upon him. He was in darkness now, for the clouds had swept together and blotted out his momentary glimpse of the moon, and the air was full of fitful struggling tortured wraiths of hail. A great roaring of wind and waters filled earth and sky, and peering under his hand through the dust and sleet to windward, he saw by the play of the lightnings a vast wall of water pouring towards him.

"Maydig (Мэйдиг)!" screamed Mr. Fotheringay's feeble voice amid the elemental uproar (завопил слабый голос м-ра Фозерингея среди стихийного шума = шума стихий). "Here! — Maydig (эй! Мэйдиг)!"

"Stop (остановись)!" cried Mr. Fotheringay to the advancing water (крикнул м-р Фозерингей наступающей воде). "Oh, for goodness' sake, stop (о, ради Бога, остановись)!"

"Just a moment (минутку)," said Mr. Fotheringay to the lightnings and thunder (сказал м-р Фозерингей молниям и грому). "Stop jest a moment while I collect my thoughts (остановитесь лишь на минутку, пока я соберу свои мысли = соберусь с мыслями)... And now what shall I do (и что мне теперь делать)?" he said. "What *shall* I do (что /же/ мне делать)? Lord (Господи)! I wish Maydig was about (жаль, что Мэйдига нет рядом: «я желаю, чтобы Мэйдиг был рядом»)."

uproar [ˈʌprɔː], water [ˈwɔːtə], lightning [ˈlaɪtnɪŋ]

"Maydig!" screamed Mr. Fotheringay's feeble voice amid the elemental uproar. "Here! — Maydig!"

"Stop!" cried Mr. Fotheringay to the advancing water. "Oh, for goodness' sake, stop!"

"Just a moment," said Mr. Fotheringay to the lightnings and thunder. "Stop jest a moment while I collect my thoughts... And now what shall I do?" he said. "What *shall* I do? Lord! I wish Maydig was about."

"I know (я знаю)," said Mr. Fotheringay. "And for goodness' sake let's have it right *this* time (и ради Бога, давайте на ЭТОТ раз сделаем все правильно)."

He remained on all fours (он остался на четвереньках), leaning against the wind (сопротивляясь: «опираясь на» ветру), very intent to have everything right (полный решимости все исправить; *intent* — *полный решимости; настойчиво стремящийся*).

"Ah (ах)!" he said. "Let nothing what I'm going to order happen until I say 'Off (пусть ничего из того, что я прикажу, не происходит, пока я не скажу «пошел/давай»)!...Lord (Господи)! I wish I'd thought of that before (жаль, что я не подумал об этом раньше)!"

right [raɪt], nothing [ˈnʌθɪŋ], said [sed]

"I know," said Mr. Fotheringay. "And for goodness' sake let's have it right *this* time."

He remained on all fours, leaning against the wind, very intent to have everything right.

"Ah!" he said. "Let nothing what I'm going to order happen until I say 'Off!'...Lord! I wish I'd thought of that before!"

He lifted his little voice against the whirlwind (он повысил свой небольшой = *слабый* голос на фоне урагана), shouting louder and louder in the vain desire to hear himself speak (крича громче и громче в напрасном желании услышать себя: «услышать, как он говорит»). "Now then (а ну-ка)! — here goes (начнем; *here goes* — *начнем, приступим*)! Mind about that what I said just now (помни о том, что я только что сказал). In the first place (во-первых), when all I've got to

say is done (когда все, что я должен сказать, будет сделано), let me lose my miraculous power (пусть я потеряю мою чудотворную силу), let my will become just like anybody else's will (пусть моя воля будет в точности такой, как воля любого другого /человека/), and all these dangerous miracles be stopped (и все эти ужасные чудеса прекратятся). I don't like them (они мне не нравятся). I'd rather I didn't work 'em (я предпочел бы не совершать их). Ever so much (никогда вообще). That's the first thing (это во-первых). And the second is (а во-вторых) — let me be back just before the miracles begin (пусть я вернусь назад, как раз /во время/ до начала чудес); let everything be just as it was before that blessed lamp turned up (пусть все будет в точности так же, как было, пока не перевернулась та проклятая лампа). It's a big job (это большая работа), but it's the last (но она последняя). Have you got it (ты понял это)? No more miracles (больше никаких чудес), everything as it was (все как было) — me back in the Long Dragon just before I drank my half-pint (/и/ я опять в «Длинном Драконе» как раз перед тем, как я выпил мои полпинты). That's it (вот так)! Yes (да)."

dangerous [ˈdeɪndʒərəs], lose [luːz], half [hɑːf]

He lifted his little voice against the whirlwind, shouting louder and louder in the vain desire to hear himself speak. "Now then! — here goes! Mind about that what I said just now. In the first place, when all I've got to say is done, let me lose my miraculous power, let my will become just like anybody else's will, and all these dangerous miracles be stopped. I don't like them. I'd rather I didn't work 'em. Ever so much. That's the first thing. And the second is — let me be back just before the miracles begin; let everything be just as it was before that blessed lamp turned up. It's a big job, but it's the last. Have you got it? No more miracles, everything as it was — me back in the Long Dragon just before I drank my half-pint. That's it! Yes."

He dug his fingers into the mould (он засунул пальцы в рыхлую землю), closed his eyes, and said "Off (закрыв глаза и сказал «давай»)!"

Everything became perfectly still (все стало абсолютно неподвижным). He perceived that he was standing erect (он понял, что он стоит вертикально; *to perceive* — *воспринимать, понимать, осознавать; постигать*).

"So *you* say," said a voice (это ВЫ так считаете, — сказал голос).

He opened his eyes (он открыл глаза). He was in the bar of the Long Dragon (он был в баре «Длинный Дракон»), arguing about miracles with Toddy Beamish (споря = и спорил о чудесах с Тодди Бимишем). He had a vague sense of some great thing forgotten that instantaneously passed (у него было = возникло смутное чувство, что он забыл что-то великое / удивительное, которое = но это чувство мгновенно прошло). You see that, except for the loss of his miraculous powers (видите ли, за исключением потери его чудотворных сил), everything was back as it had been (все вернулось, как было), his mind and memory therefore were now just as they had been at the time when this story began (его ум и память, таким образом, были теперь в точности такими, как они были в то время, когда началась эта история). So that he knew absolutely nothing of all that is told here (так что он не знал абсолютно ничего обо всем, что рассказано здесь) — knows nothing of all that is told here to this day (не знает ничего о том, что рассказано здесь, до сего дня). And among other things, of course (и между прочим, разумеется), he still did not believe in miracles (он по-прежнему не верил в чудеса).

mould [məʊld], erect [ɪ'rekt], absolutely [ˈæbsəlu:tli]

He dug his fingers into the mould, closed his eyes, and said "Off!"

Everything became perfectly still. He perceived that he was standing erect.

"So *you* say," said a voice.

He opened his eyes. He was in the bar of the Long Dragon, arguing about miracles with Toddy Beamish. He had a vague sense of some great thing forgotten

that instantaneously passed. You see that, except for the loss of his miraculous powers, everything was back as it had been, his mind and memory therefore were now just as they had been at the time when this story began. So that he knew absolutely nothing of all that is told here — knows nothing of all that is told here to this day. And among other things, of course, he still did not believe in miracles.

"I tell you (я вам говорю) that miracles, properly speaking, can't possibly happen (что чудеса, говоря в узком смысле слова, не могут случаться никоим образом)," he said, "whatever you like to hold (что бы вы ни утверждали; *to hold* — *держатъ; полагать, считать; /официально/ утверждать, устанавливать*). And I'm prepared to prove it up to the hilt (и я готов полностью доказать это; *up to the hilt* — *вполне, целиком, полностью: «до рукоятки»*)."

"That's what *you* think (это ВЫ так думаете)," said Toddy Beamish, and "Prove it if you can (и докажите, если можете)."

"Look here, Mr. Beamish (послушайте, м-р Бимиш)," said Mr. Fotheringay. "Let us clearly understand what a miracle is (давайте четко выясним, что такое чудо). It's something contrariwise to the course of nature (это нечто противоречащее естественному порядку вещей; *the course of nature* — *естественный, нормальный порядок вещей*) done by power of Will (совершаемое силой Воли)..."

prove [pru:v], contrariwise [kən'treəriwaɪz], course [kɔ:s]

"I tell you that miracles, properly speaking, can't possibly happen," he said, "whatever you like to hold. And I'm prepared to prove it up to the hilt."

"That's what *you* think," said Toddy Beamish, and "Prove it if you can."

"Look here, Mr. Beamish," said Mr. Fotheringay. "Let us clearly understand what a miracle is. It's something contrariwise to the course of nature done by power of Will..."

The Empire Of The Ants

(Империя муравьев)

When Captain Gerilleau received instructions to take his new gunboat (когда капитан Жерийо получил распоряжение вести его новую канонерскую лодку: «лодку с пушкой»), the *Benjamin Constant*, to Badama on the Batemo arm of the Guaramadema («Бенжамен Констан», в Бадаму на ответвлении Батемо /реки/ Гуарамадемы) and there assist the inhabitants against a plague of ants (и там помочь жителям против нашествия муравьев; *plague* — мор, эпидемия, чума /нашествие любой болезни, сопровождающейся высокой смертностью/; горе, бедствие; наплыв, нашествие, многочисленное вторжение), he suspected the authorities of mockery (он заподозрил власти в насмешке /над ним/; *to mock* — насмехаться; высмеивать, осмеивать; глумиться, издеваться). His promotion had been romantic and irregular (его продвижение по службе было романтическим и неравномерным), the affections of a prominent Brazilian lady and the captain's liquid eyes had played a part in the process (любовь известной бразильской дамы и ясные/чистые глаза капитана сыграли роль в этом процессе; *liquid* — жидкий; прозрачный, ясный, чистый, светлый), and the *Diario* and *O Futuro* had been lamentably disrespectful in their comments (и «Дьяриу» и «У Футуру» были ужасно: «плачевно» неуважительны в своих комментариях). He felt he was to give further occasion for disrespect (он чувствовал, что ему предстоит дать еще один повод для неуважения).

receive [rɪ'si:v], plague [pleɪg], authority [ɔ:'θɔ:ritɪ]

When Captain Gerilleau received instructions to take his new gunboat, the *Benjamin Constant*, to Badama on the Batemo arm of the Guaramadema and there assist the inhabitants against a plague of ants, he suspected the authorities of mockery. His promotion had been romantic and irregular, the affections of a prominent Brazilian lady and the captain's liquid eyes had played a part in the process, and the *Diario* and *O Futuro* had been lamentably disrespectful in their comments. He felt he was to give further occasion for disrespect.

He was a Creole (он был креолом), his conceptions of etiquette and discipline were pure-blooded Portuguese (его представления об этикете и дисциплине были чистокровно португальские), and it was only to Holroyd (и только Холройду), the Lancashire engineer who had come over with the boat (инженеру из Ланкашира, который перешел на лодку), and as an exercise in the use of English (и в качестве упражнения в употреблении английского языка = практики по английскому языку) — his "th" sounds were very uncertain (звучание его «th» было очень неопределенным) — that he opened his heart (он излил свою душу; *to open one's heart to smb.* — *излить свои чувства, открыть свою душу кому-л.: «открыть свое сердце кому-л.»*).

"It is in effect (это, в сущности, для того)," he said, "to make me absurd (чтобы сделать меня смешным = из меня посмешище)! What can a man do against ants (что может сделать человек с муравьями)? Dey come, dey go (они приходят, они уходят = как пришли, так и уйдут; *dey* = *they*)."

"They say (говорят)," said Holroyd, "that these don't go (что эти не уходят). That chap you said was a Sambo (тот парень, вы говорили, был из самбо /презрительное прозвище потомка индейца и негра/) — "

"Zambo (замбо); — it is a sort of mixture of blood (это вид полукровки: «смесь крови»)."

etiquette [ˈetiket], use [ju:s], blood [blʌd]

He was a Creole, his conceptions of etiquette and discipline were pure-blooded Portuguese, and it was only to Holroyd, the Lancashire engineer who had come over with the boat, and as an exercise in the use of English — his "th" sounds were very uncertain — that he opened his heart.

"It is in effect," he said, "to make me absurd! What can a man do against ants? Dey come, dey go."

"They say," said Holroyd, "that these don't go. That chap you said was a Sambo — "

"Zambo; — it is a sort of mixture of blood."

"Sambo (/ну, да/ самбо). He said the people are going (он сказал, что люди уходят)!"

The captain smoked fretfully for a time (капитан раздражительно курил некоторое время). "Dese tings 'ave to happen (эти вещи должны случаться; *dese* = *these*; 'ave = *have*)," he said at last (сказал он наконец). "What is it (что это)? Plagues of ants and suchlike as God wills (нашествия муравьев и тому подобное по воле Божьей). Dere was a plague in Trinidad (было нашествие в Тринидаде) — the little ants that carry leaves (маленькие муравьи, которые носят = *съедают* листья). Orl der orange-trees (/со/ всех их апельсиновых деревьев; *orl* = *all*; *der* = *their*), all der mangoes (/со/ всех их манговых деревьев)! What does it matter (что это значит = ну, и что; *to matter* — *иметь значение; значить*)? Sometimes ant armies come into your houses (иногда армии муравьев входят в ваши дома) — fighting ants (боевые муравьи; *to fight* — *сражаться*); a different sort (/это/ другой вид). You go and they clean the house (вы уходите, и они вычищают дом). Then you come back again (потом вы снова возвращаетесь); — the house is clean, like new (дом чист, как новенький)! No cockroaches (никаких тараканов), no fleas (никаких блох), no jiggers in the floor (никаких клещей в полу)."

captain [ˈkæptɪn], houses [ˈhaʊzɪz], fight [faɪt]

"Sambo. He said the people are going!"

The captain smoked fretfully for a time. "Dese tings 'ave to happen," he said at last. "What is it? Plagues of ants and suchlike as God wills. Dere was a plague in Trinidad — the little ants that carry leaves. Orl der orange-trees, all der mangoes! What does it matter? Sometimes ant armies come into your houses — fighting ants; a different sort. You go and they clean the house. Then you come back again; — the house is clean, like new! No cockroaches, no fleas, no jiggers in the floor."

"That Sambo chap (этот парень самбо)," said Holroyd, "says these are a different sort of ant (говорит, что это другой вид муравья)."

The captain shrugged his shoulders (капитан пожал плечами), fumed, and gave his attention to a cigarette (выпустил дым и сосредоточился на сигарете: «дал внимание сигарете»).

Afterwards he reopened the subject (впоследствии он возобновил тему). "My dear 'Olroyd, what am I to do about dese infernal ants (мой дорогой Олройд, что мне делать с этими проклятыми муравьями)?"

shoulder [ˈʃəuldə], afterwards [ˈɑːftəwədz], infernal [ɪnˈfəːnəl]

"That Sambo chap," said Holroyd, "says these are a different sort of ant."

The captain shrugged his shoulders, fumed, and gave his attention to a cigarette.

Afterwards he reopened the subject. "My dear 'Olroyd, what am I to do about dese infernal ants?"

The captain reflected (капитан задумался; *to reflect* — *раздумывать, размышлять*). "It is ridiculous (это нелепо/смешно)," he said. But in the afternoon he put on his full uniform and went ashore (но во второй половине дня он надел полную форму и пошел на берег; *to go ashore* — *сходить на берег*;

ashore — к берегу, на берег/у/, and jars and boxes came back to the ship (и на корабль вернулись кувшины и ящики) and subsequently he did (а позже /и/ он; *subsequently* — впоследствии, позднее). And Holroyd sat on deck in the evening coolness and smoked profoundly and marvelled at Brazil (а Холройд сидел на палубе в вечерней прохладе и глубоко курил = курил, глубоко затягиваясь, и восхищался Бразилией; *to marvel* — изумляться, удивляться; восторгаться, восхищаться). They were six days up the Amazon (они уже плыли: «были» шесть дней вверх по течению Амазонки), some hundreds of miles from the ocean (в нескольких сотнях миль от океана), and east and west of him there was a horizon like the sea (а на востоке и западе от него был горизонт, как в море), and to the south nothing but a sand-bank island with some tufts of scrub (а на юг ничего, кроме острова с песчаными отмелями с несколькими пучками чахлой растительности; *scrub* — невысокий кустарник, низкая поросль; низкорослая, чахлая растительность). The water was always running like a sluice (вода все время текла как из промывного водослива; *sluice* — шлюз; рудопромывальный желоб; промывное или водосливное отверстие), thick with dirt (мутная от грязи; *thick* — мутный /о жидкости/; вязкий, густой), animated with crocodiles and hovering birds (оживленная крокодилами и парящими /над ней/ птицами; *to hover* — парить, реять), and fed by some inexhaustible source of tree trunks (и питаемая неким неиссякаемым источником древесных стволов = по реке плыли многочисленные бревна); and the waste of it, the headlong waste of it, filled his soul (и эта тщета: «трата бесцельная», безрассудная тщета этого наполняла его душу).

ridiculous [rɪˈdɪkjʊləs], ocean [ˈəʊʃən], island [ˈaɪlənd]

The captain reflected. "It is ridiculous," he said. But in the afternoon he put on his full uniform and went ashore, and jars and boxes came back to the ship and subsequently he did. And Holroyd sat on deck in the evening coolness and smoked profoundly and marvelled at Brazil. They were six days up the Amazon, some

hundreds of miles from the ocean, and east and west of him there was a horizon like the sea, and to the south nothing but a sand-bank island with some tufts of scrub. The water was always running like a sluice, thick with dirt, animated with crocodiles and hovering birds, and fed by some inexhaustible source of tree trunks; and the waste of it, the headlong waste of it, filled his soul.

The town of Alemquer (городок Аленкер), with its meagre church (со своей небольшой церквушкой), its thatched sheds for houses (крытыми соломой сараями вместо домов), its discoloured ruins of ampler days (выцветшими развалинами более богатых дней; *ample* — просторный; обширный; богатый, изобильный, обильный), seemed a little thing lost in this wilderness of Nature (казался мелочью = мелкой монетой, затерянной в этой глухомани Природы; *wilderness* — дикая природа; дикая местность; глухомань), a sixpence dropped on Sahara (шестипенсовиком, упавшим на /песок/ Сахары). He was a young man (он был молодым человеком), this was his first sight of the tropics (это был его первый визит: «взгляд» в тропики), he came straight from England (он приехал напрямик из Англии), where Nature is hedged, ditched, and drained (где Природа ограждена изгородями, окопана канавами и осушаема), into the perfection of submission (до состояния полного подчинения), and he had suddenly discovered the insignificance of man (и он вдруг раскрыл ничтожность: «незначительность» человека; *significance* — значение; значительность). For six days they had been steaming up from the sea by unfrequented channels (на протяжении шести дней они шли под парами вверх по течению реки от моря по редко посещаемым протокам; *to frequent* — часто посещать, бывать); and man had been as rare as a rare butterfly (и человек был так редок = встречался так редко, как редкая бабочка). One saw one day a canoe (однажды увидели каноэ), another day a distant station (в другой день далекий пост), the next no men at all (на следующий вообще ни одного человека). He began to perceive that man is indeed a rare animal (он начал осознавать, что человек — действительно редкое животное), having but a precarious hold upon this land

(имеющее лишь непрочное убежище/шаткую власть на этой земле; *precarious* — ненадежный, непрочный; шаткий; зависящий от непредвиденных обстоятельств; *hold* — убежище, укрытие; берлога, нора; власть, влияние).

meagre [ˈmi:gə], ruin [ˈru:ɪn], canoe [kəˈnu:]

The town of Alemquer, with its meagre church, its thatched sheds for houses, its discoloured ruins of ampler days, seemed a little thing lost in this wilderness of Nature, a sixpence dropped on Sahara. He was a young man, this was his first sight of the tropics, he came straight from England, where Nature is hedged, ditched, and drained, into the perfection of submission, and he had suddenly discovered the insignificance of man. For six days they had been steaming up from the sea by unfrequented channels; and man had been as rare as a rare butterfly. One saw one day a canoe, another day a distant station, the next no men at all. He began to perceive that man is indeed a rare animal, having but a precarious hold upon this land.

He perceived it more clearly as the days passed (он осознал это более ясно с течением дней: «по мере того, как дни проходили»), and he made his devious way to the Batemo (и он окольными путями продвигался к Батемо; *to make one's way* — продвигаться, пробираться; *devious* — окольный, кружной, обходной), in the company of this remarkable commander (в обществе этого замечательного капитана корабля; *commander* — капитан морского судна, капитан корабля), who ruled over one big gun (который властвовал над одной большой пушкой), and was forbidden to waste his ammunition (и /которому/ было запрещено напрасно расходовать боезапас; *to forbid* — запрещать; *ammunition* — боеприпасы, снаряды, патроны; подрывные средства; боезапас). Holroyd was learning Spanish industriously (Холройд старательно учил испанский), but he was still in the present tense and substantive stage of speech (но он все еще был на настоящем времени и субстантивной стадии

речи = на той стадии, когда речь состоит из существительных; *substantive* — *имя существительное*), and the only other person who had any words of English was a negro stoker (и единственным другим человеком, который знал какие-то слова из английского языка, был негр-кочегар; *stoker* — *кочегар; истопник, котельный машинист*), who had them all wrong (который их все путал). The second in command was a Portuguese, da Cunha (заместителем командира = *помощником капитана* был португалец, да Кунья), who spoke French (который говорил по-французски), but it was a different sort of French from the French Holroyd had learnt in Southport (но это был французский, отличавшийся от того французского, который Холройд учил в Саутпорте; *sort* — *вид, сорт, тип, разновидность, класс, разряд*), and their intercourse was confined to politenesses and simple propositions about the weather (и их общение было ограничено = *ограничивалось* формулами вежливости и простыми высказываниями о погоде; *politeness* — *вежливость, учтивость, необходимость*). And the weather, like everything else in this amazing new world (а погода, как все остальное в этом изумительном новом свете), the weather had no human aspect (погода не ориентировалась на человека; *aspect* — *аспект, подход, сторона; направление /по странам света/, ориентация*), and was hot by night and hot by day (и была жаркой ночью и жаркой днем), and the air steam (а воздушные испарения/потоки), even the wind was hot steam (/и/ даже ветер, были горячим паром), smelling of vegetation in decay (пахнущим гниющей растительностью; *decay* — *гниение, разложение*): and the alligators and the strange birds (и аллигаторы, и необычные птицы), the flies of many sorts and sizes (мухи многих видов и размеров), the beetles, the ants, the snakes and monkeys (жуки, муравьи, змеи и обезьяны) seemed to wonder (казалось, удивлялись) what man was doing in an atmosphere (что делает человек в атмосфере) that had no gladness in its sunshine and no coolness in its night (которая не имеет = *не приносит* никакой радости в солнечном свете и никакой прохлады ночью).

perceive [pə'si:v], devious ['di:vɪəs], Portuguese [ˌ pɔ:tju'gi:z]

He perceived it more clearly as the days passed, and he made his devious way to the Batemo, in the company of this remarkable commander, who ruled over one big gun, and was forbidden to waste his ammunition. Holroyd was learning Spanish industriously, but he was still in the present tense and substantive stage of speech, and the only other person who had any words of English was a negro stoker, who had them all wrong. The second in command was a Portuguese, da Cunha, who spoke French, but it was a different sort of French from the French Holroyd had learnt in Southport, and their intercourse was confined to politenesses and simple propositions about the weather. And the weather, like everything else in this amazing new world, the weather had no human aspect, and was hot by night and hot by day, and the air steam, even the wind was hot steam, smelling of vegetation in decay: and the alligators and the strange birds, the flies of many sorts and sizes, the beetles, the ants, the snakes and monkeys seemed to wonder what man was doing in an atmosphere that had no gladness in its sunshine and no coolness in its night.

To wear clothing was intolerable (носить одежду было невыносимо), but to cast it aside was to scorch by day (но отбросить ее было = означало обгореть днем), and expose an ampler area to the mosquitoes by night (и подставить под атаки москитов более просторную площадь ночью; *to expose* — подвергать /опасности; воздействию непогоды;/ оставлять без защиты); to go on deck by day was to be blinded by glare and to stay below was to suffocate (выйти на палубу днем было = означало ослепнуть от яркого света, а остаться внизу означало задохнуться). And in the daytime came certain flies (и в дневное время прилетали некоторые мухи), extremely clever and noxious about one's wrist and ankle (чрезвычайно сообразительные и пагубные для запястий и лодыжек; *noxious* — вредный, вредоносный, нездоровый, пагубный, гибельный, ядовитый). Captain Gerilleau, who was Holroyd's sole distraction from these

physical distresses (капитан Жерийо, который был единственным отвлечением Холройда от этих физических страданий), developed into a formidable bore (превратился в жуткого зануду), telling the simple story of his heart's affections day by day (рассказывавшего простую историю его любовных походов: «сердечной любви/привязанности» день за днем), a string of anonymous women (вереница безымянных женщин), as if he was telling beads (как будто он перебирал четки; *to tell beads* — *перебирать четки*).

mosquito [mɒs'ki:təu], noxious ['nɒksjəs], anonymous [ə'nɒnɪməs]

To wear clothing was intolerable, but to cast it aside was to scorch by day, and expose an ampler area to the mosquitoes by night; to go on deck by day was to be blinded by glare and to stay below was to suffocate. And in the daytime came certain flies, extremely clever and noxious about one's wrist and ankle. Captain Gerilleau, who was Holroyd's sole distraction from these physical distresses, developed into a formidable bore, telling the simple story of his heart's affections day by day, a string of anonymous women, as if he was telling beads.

Sometimes he suggested sport (иногда он предлагал охоту: *sport* — *спорт; охота*), and they shot at alligators (и они стреляли по аллигаторам), and at rare intervals they came to human aggregations in the waste of trees (и в редкие моменты они добивались до человеческих скоплений в зарослях; *waste* — *пустошь, пустынное/незаселенное пространство, пустырь*), and stayed for a day or so (и оставались на день или около того), and drank and sat about (и пили и сидели, ничего не делая; *to sit about* — *рассиживаться без дела*), and, one night, danced with Creole girls (а однажды ночью танцевали с креольскими девушками), who found Holroyd's poor elements of Spanish (которые сочли скудные азы испанского у Холройда; *to find* — *найти; считать, полагать, признавать*), without either past tense or future (и без прошедшего времени, и без будущего), amply sufficient for their purposes (вполне достаточными для

своих целей; *amply* — обильно, богато; достаточно, много, полно, щедро). But these were mere luminous chinks in the long grey passage of the streaming river (но это были не более, чем просветы: «светлые щели» в длинном сером течении непрерывно движущейся реки), up which the throbbing engines beat (вверх по которой продвигались против течения гремящие/пульсирующие двигатели; *to beat up* — продвигаться против ветра, против течения). A certain liberal heathen deity (некое великодушное языческое божество), in the shape of a demi-john (в форме большой оплетенной бутылки), held seductive court aft (устраивало обольстительный прием для своих поклонников на корме; *to hold court* — собирать своих поклонников, устраивать прием для своих почитателей: «держат двор»; *aft* — в кормовой части; в/на корме), and, it is probable, forward (и, вероятно, на носу корабля; *forward* — на носу корабля).

either [ˈaɪðə], heathen [ˈhiːðən], court [kɔːt]

Sometimes he suggested sport, and they shot at alligators, and at rare intervals they came to human aggregations in the waste of trees, and stayed for a day or so, and drank and sat about, and, one night, danced with Creole girls, who found Holroyd's poor elements of Spanish, without either past tense or future, amply sufficient for their purposes. But these were mere luminous chinks in the long grey passage of the streaming river, up which the throbbing engines beat. A certain liberal heathen deity, in the shape of a demi-john, held seductive court aft, and, it is probable, forward.

But Gerilleau learnt things about the ants (однако Жерийо узнавал факты о муравьях; *to learn* — учить/ся; узнавать), more things and more (больше и больше /фактов/), at this stopping-place and that (на этой остановке и на той), and became interested in his mission (и заинтересовался своей миссией).

"Dey are a new sort of ant (они — новый вид муравьев)," he said. "We have got to be (мы должны быть) — what do you call it (как вы называете это)? — entomologie (энтомологией)? Big (большие). Five centimetres (пять сантиметров)! Some bigger (некоторые /даже/ больше)! It is ridiculous (смешно). We are like the monkeys — sent to pick insects (нас, как обезьян, послали собирать насекомых)... But dey are eating up the country (а они пожирают /всю/ местность/страну)."

He burst out indignantly (он воскликнул с возмущением). "Suppose — suddenly, there are complications with Europe (представьте — вдруг возникнут осложнения с Европой). Here am I (а я тут) — soon we shall be above the Rio Negro (скоро мы будем выше Риу-Негру) — and my gun, useless (а моя пушка бесполезна)!"

centimetre [ˈsenti, mi:tə], country [ˈkʌntri], above [əˈbʌv]

But Gerilleau learnt things about the ants, more things and more, at this stopping-place and that, and became interested in his mission.

"Dey are a new sort of ant," he said. "We have got to be — what do you call it? — entomologie? Big. Five centimetres! Some bigger! It is ridiculous. We are like the monkeys — sent to pick insects... But dey are eating up the country."

He burst out indignantly. "Suppose — suddenly, there are complications with Europe. Here am I — soon we shall be above the Rio Negro — and my gun, useless!"

He nursed his knee and mused (он охватил руками колено и задумался; *to nurse* — нянчить; *питать, кормить /ребенка/; охватывать руками*).

"Dose people who were dere at de dancing place (те люди, которые были там на месте танцев), dey 'ave come down (они спустились по реке; *to come down* — спускаться; *приезжать из столицы на периферию, из центра на окраину*). Dey 'ave lost all they got (они потеряли все, что у них было; *to loose*

— *терять, проигрывать*). De ants come to deir house one afternoon (*однажды после полудня муравьи пришли в их дом*). Everyone run out (*все выбежали*). You know when de ants come one must (*вы знаете, когда приходят муравьи, нужно /убегать/*) — everyone runs out and they go over the house (*все выбегают, а они наполняют дом; to go over — переходить; переполнять*). If you stayed they'd eat you (*если бы вы остались, они бы вас съели*). See (*понятно*)? Well, presently dey go back (*ну, через некоторое время они возвращаются*); dey say (*они говорят*), 'The ants 'ave gone (*муравьи ушли*).' ... De ants 'aven't gone (*а эти муравьи не ушли*). Dey try to go in (*они пробуют войти*) — de son, 'e goes in (*сын, он входит*). De ants fight (*муравьи сражаются*)."

knee [ni:], afternoon [ˈɑ:ftəˈnu:n], fight [fait]

He nursed his knee and mused.

"Dose people who were dere at de dancing place, dey 'ave come down. Dey 'ave lost all they got. De ants come to deir house one afternoon. Everyone run out. You know when de ants come one must — everyone runs out and they go over the house. If you stayed they'd eat you. See? Well, presently dey go back; dey say, 'The ants 'ave gone.' ... De ants 'aven't gone. Dey try to go in — de son, 'e goes in. De ants fight."

"Swarm over him (*лезут на него роем; to swarm — толпиться; роиться; лезть, карабкаться*)?"

"Bite 'im (*кусают его*). Presently he comes out again — screaming and running (*некоторое время спустя он снова выбегает с визгом*). He runs past them to the river (*он бежит мимо них к реке*). See (*понятно*)? He gets into de water and drowns de ants — yes (*он забирается в воду и топит муравьев — да*)." Gerilleau paused (*Жерийо сделал паузу = замолчал*), brought his liquid eyes close to Holroyd's face (*приблизил свои ясные глаза к лицу Холройда; close — близко*), tapped Holroyd's knee with his knuckle (*похлопал суставом*

пальца по колену Холройда). "That night he dies (в ту ночь он умирает), just as if he was stung by a snake (в точности так, как будто его ужалила змея; *to sting* — *жалить*)."

swarm [swɔ:m], drown [draun], knuckle [nʌkl]

"Swarm over him?"

"Bite 'im. Presently he comes out again — screaming and running. He runs past them to the river. See? He gets into de water and drowns de ants — yes." Gerilleau paused, brought his liquid eyes close to Holroyd's face, tapped Holroyd's knee with his knuckle. "That night he dies, just as if he was stung by a snake."

"Poisoned — by the ants (отравленный муравьями)?"

"Who knows (кто знает)?" Gerilleau shrugged his shoulders (Жерийо пожал плечами). "Perhaps they bit him badly (может быть, они сильно его покусали; *to bite* — *кусать*)... When I joined dis service I joined to fight men (когда я поступил на эту службу, я поступил, чтобы воевать с людьми). Dese things, dese ants, dey come and go (эти твари, эти муравьи, они приходят и уходят). It is no business for men (это не дело для мужчин)."

who [hu:], service [ˈsə:vɪs], business [ˈbɪznəs]

"Poisoned — by the ants?"

"Who knows?" Gerilleau shrugged his shoulders. "Perhaps they bit him badly... When I joined dis service I joined to fight men. Dese things, dese ants, dey come and go. It is no business for men."

After that he talked frequently of the ants to Holroyd (после этого он часто беседовал о муравьях с Холройдом), and whenever they chanced to drift against any speck of humanity in that waste of water and sunshine and distant trees (и

когда бы им ни удавалось подобраться к какому-нибудь человеческому жилью: «какой-нибудь частице человечества» на этих просторах воды, солнца и далеких деревьев; *to drift* — *сноситься, смещаться, сдвигаться по ветру, по течению, дрейфовать*), Holroyd's improving knowledge of the language enabled him to recognise the ascendant word *Saueba* (улучшающиеся знания языка у Холройда позволяли ему распознать преобладающее слово *Сауэба*; *to recognise* — *узнавать, опознавать; распознавать; ascendant* — *восходящий, поднимающийся; господствующий, превалирующий, преобладающий; ascendant position* — *господствующее положение*), more and more completely dominating the whole (все более и более основательно доминирующее над всем = во всей речи).

frequently [ˈfri:kwəntli], improving [ɪmˈpruːvɪŋ], knowledge [ˈnɒlɪdʒ],
ascendant [əˈsendənt]

After that he talked frequently of the ants to Holroyd, and whenever they chanced to drift against any speck of humanity in that waste of water and sunshine and distant trees, Holroyd's improving knowledge of the language enabled him to recognise the ascendant word *Saueba*, more and more completely dominating the whole.

He perceived the ants were becoming interesting (он понял, что муравьи становятся интересны), and the nearer he drew to them the more interesting they became (и чем ближе он думал о них: «подбирался к ним», тем интереснее они становились; *to draw* — *подходить, приближаться*). Gerilleau abandoned his old themes almost suddenly (чуть ли не вдруг Жерийо оставил свои старые темы), and the Portuguese lieutenant became a conversational figure (а португалец-лейтенант стал словоохотливой личностью); he knew something about the leaf-cutting ant (он кое-что знал о муравье-листорезе), and expanded his knowledge (и излагал свои знания; *to expand* — *растягивать, расширять*;

излагать дело в подробностях, раскрывать суть дела). Gerilleau sometimes rendered what he had to tell to Holroyd (иногда Жерийо переводил то, что тому пришлось сказать, Холройду; *to render* — отдавать, передавать; переводить /на другой язык/). He told of the little workers that swarm and fight (он поведал о маленьких рабочих, которые собираются роем и сражаются; *to swarm* — роиться; собираться стаями или косяками), and the big workers that command and rule (и больших рабочих, которые командуют и правят), and how these latter always crawled to the neck and how their bites drew blood (и как эти последние всегда ползли к шее, и как их укусы больно кровоточили; *to draw blood* — устроить кровопускание). He told how they cut leaves and made fungus beds (он рассказывал, как они срезают листья и делают кладки из древесной губки; *fungus* — гриб; плесень; древесная губка; *bed* — кровать; фундамент; кладка), and how their nests in Caracas are sometimes a hundred yards across (и как их гнезда в Каракасе бывают иногда в сотню ярдов в поперечнике). Two days the three men spent disputing whether ants have eyes (два дня трое мужчин потратили на спор о том, есть ли у муравьев глаза). The discussion grew dangerously heated on the second afternoon (на второй день после полудня дискуссия стала опасно разгоряченной; *to grow* — расти; становиться), and Holroyd saved the situation by going ashore in a boat to catch ants and see (и Холройд спас ситуацию, отправившись на берег в лодке, чтобы поймать муравьев и убедиться). He captured various specimens and returned (он захватил /в плен/ несколько экземпляров и вернулся), and some had eyes and some hadn't (и у некоторых были глаза, а у некоторых — нет). Also, they argued, do ants bite or sting (еще они поспорили, кусают ли муравьи или жалят)?

theme [θi:m], lieutenant [lef'tenənt], specimen ['spesimin]

He perceived the ants were becoming interesting, and the nearer he drew to them the more interesting they became. Gerilleau abandoned his old themes almost

suddenly, and the Portuguese lieutenant became a conversational figure; he knew something about the leaf-cutting ant, and expanded his knowledge. Gerilleau sometimes rendered what he had to tell to Holroyd. He told of the little workers that swarm and fight, and the big workers that command and rule, and how these latter always crawled to the neck and how their bites drew blood. He told how they cut leaves and made fungus beds, and how their nests in Caracas are sometimes a hundred yards across. Two days the three men spent disputing whether ants have eyes. The discussion grew dangerously heated on the second afternoon, and Holroyd saved the situation by going ashore in a boat to catch ants and see. He captured various specimens and returned, and some had eyes and some hadn't. Also, they argued, do ants bite or sting?

"Dese ants (у этих муравьев)," said Gerilleau, after collecting information at a rancho (собрав информацию на ферме), "have big eyes (большие глаза). They don't run about blind (они не бегают взад и вперед слепыми = вслепую; *to run about* — *суетиться, бегать взад и вперед*) — not as most ants do (не так, как большинство муравьев). No (нет)! Dey get in corners and watch what you do (они забираются в уголки и наблюдают за тем, что вы делаете)."

"And they sting (и они жалят)?" asked Holroyd (спросил Холройд).

"Yes (да). Dey sting (они жалят). Dere is poison in the sting (в жале есть яд)." He meditated (он подумал). "I do not see what men can do against ants (я не знаю, что могут люди сделать против муравьев; *to see* — *видеть; понимать, знать*). Dey come and go (они приходят и уходят)."

"But these don't go (но эти не уходят)."

"They will (уйдут)," said Gerilleau.

rancho [ˈrɑːntʃəu], blind [blaɪnd], poison [pɔɪzn]

"Dese ants," said Gerilleau, after collecting information at a rancho, "have big eyes. They don't run about blind — not as most ants do. No! Dey get in corners and watch what you do."

"And they sting?" asked Holroyd.

"Yes. Dey sting. Dere is poison in the sting." He meditated. "I do not see what men can do against ants. Dey come and go."

"But these don't go."

"They will," said Gerilleau.

Past Tamandu there is a long low coast of eighty miles without any population (за Таманду есть длинное низкое побережье в восемьдесят миль без населения), and then one comes to the confluence of the main river and the Batemo arm like a great lake (а затем подходишь к месту слияния главной реки и рукава Батему, похожему на большое озеро), and then the forest came nearer (и тогда лес приблизился), came at last intimately near (наконец приблизился вплотную). The character of the channel changes (характер русла меняется), snags abound (попадают в большом количестве коряги; *snag* — *коряга, топляк; to abound* — *иметься в большом числе*), and the Benjamin Constant moored by a cable that night (и в ту ночь «Бенжамен Констан» пришвартовался на якорную цепь), under the very shadow of dark trees (в самой тени темных деревьев). For the first time for many days came a spell of coolness (в первый раз за много дней наступил период прохлады; *spell* — *заклинание, чары; промежуток времени, срок, период*), and Holroyd and Gerilleau sat late (и Холройд и Жерийо сидели допоздна), smoking cigars and enjoying this delicious sensation (курят сигары и наслаждаясь этим приятным ощущением). Gerilleau's mind was full of ants and what they could do (мозг Жерийо был полон = занят муравьями и тем, что они могут сделать). He decided to sleep at last (наконец он решил поспать), and lay down on a mattress on deck (и улегся на матрасе на палубе), a man hopelessly perplexed (безнадежно озадаченный человек), his last words, when he already seemed asleep, were to ask (его

последними словами, когда он уже казался спящим, был вопрос), with a flourish of despair (с цветистым выражением безысходности), "What can one do with ants (что можно сделать с муравьями)?... De whole thing is absurd (вся эта затея нелепа)."

confluence [ˈkɒnfluəns], moor [mɔː, muə], delicious [dɪˈlɪʃəs]

Past Tamandu there is a long low coast of eighty miles without any population, and then one comes to the confluence of the main river and the Batemo arm like a great lake, and then the forest came nearer, came at last intimately near. The character of the channel changes, snags abound, and the *Benjamin Constant* moored by a cable that night, under the very shadow of dark trees. For the first time for many days came a spell of coolness, and Holroyd and Gerilleau sat late, smoking cigars and enjoying this delicious sensation. Gerilleau's mind was full of ants and what they could do. He decided to sleep at last, and lay down on a mattress on deck, a man hopelessly perplexed, his last words, when he already seemed asleep, were to ask, with a flourish of despair, "What can one do with ants?... De whole thing is absurd."

Holroyd was left to scratch his bitten wrists (Холройда оставили чесать свои искусанные запястья), and meditate alone (и размышлять в одиночестве).

He sat on the bulwark and listened to the little changes in Gerilleau's breathing (он сел на фальшборт и прислушивался к небольшим изменениям в дыхании Жерийо) until he was fast asleep (пока тот не заснул; *to fall/be asleep* — *заснуть*), and then the ripple and lap of the stream took his mind (а потом рябь и плеск потока захватили его ум), and brought back that sense of immensity (и вернули то чувство необъятности) that had been growing upon him since first he had left Para and come up the river (которое росло в нем с тех пор, как он впервые покинул Пару и поднялся = *стал подниматься* вверх по реке). The monitor showed but one small light (корабль демонстрировал лишь один

небольшой огонек; *monitor* – *монитор* /*маленький военный корабль для бомбардировки прибрежных районов*/), and there was first a little talking forward and then stillness (и сначала на носу немного говорили, а потом /наступила/ тишина). His eyes went from the dim black outlines of the middle works of the gunboat towards the bank (его глаза переходили от неясных черных контуров центральных сооружений канонерской лодки к берегу), to the black overwhelming mysteries of forest (к темным несметным/непомерным: «опрокидывающим, одолевающим» тайнам леса), lit now and then by a fire-fly (освещаемого время от времени летучим светляком; *to light* — *освещать, светить*), and never still from the murmur of alien and mysterious activities (и никогда тихого = *не затихающего* от неясных шумов чуждой и таинственной деятельности)...

bulwark [ˈbulwək], overwhelming [ˌəʊvəˈwelmɪŋ], alien [ˈeɪliən]

He sat on the bulwark and listened to the little changes in Gerilleau's breathing until he was fast asleep, and then the ripple and lap of the stream took his mind, and brought back that sense of immensity that had been growing upon him since first he had left Para and come up the river. The monitor showed but one small light, and there was first a little talking forward and then stillness. His eyes went from the dim black outlines of the middle works of the gunboat towards the bank, to the black overwhelming mysteries of forest, lit now and then by a fire-fly, and never still from the murmur of alien and mysterious activities...

It was the inhuman immensity of this land that astonished and oppressed him (именно нечеловеческая беспредельность этой земли поражала и подавляла его). He knew the skies were empty of men (он знал, что в небесах нет людей: «пусты от людей»), the stars were specks in an incredible vastness of space (звезды — это точки в невероятной безбрежности космоса); he knew the ocean was enormous and untamable (он знал, что океан огромен и неукротим), but in

England he had come to think of the land as man's (но в Англии он стал считать сушу /принадлежащей/ человеку; *to think of* — *полагать, считать; представлять себе, воображать*). In England it is indeed man's (в Англии она действительно человека = принадлежит человеку), the wild things live by sufferance (дикие твари живут по разрешению/по милости; *sufferance* — *позволение, разрешение*), grow on lease (растут по договору об аренде; *lease* — *аренда, сдача внаем; наем; договор об аренде*), everywhere the roads, the fences, and absolute security runs (повсюду дороги, заборы, и царит абсолютная безопасность). In an atlas, too, the land is man's (в /печатном/ атласе тоже суша принадлежит человеку), and all coloured to show his claim to it (и вся раскрашена, чтобы показать его притязание на нее) — in vivid contrast to the universal independent blueness of the sea (в ярком контрасте с глобальной независимой синевой моря). He had taken it for granted (он считал /это/ в порядке вещей; *to take for granted* — *воспринимать как само собой разумеющееся; считать в порядке вещей*) that a day would come when everywhere about the earth (что наступит день, когда всюду на земле), plough and culture, light tramways and good roads, an ordered security, would prevail (будут преобладать пашни и возделанные почвы, освещенные трамвайные линии и хорошие дороги, контролируемая безопасность; *ordered* — *упорядоченный; предопределенный; управляемый; предписанный*). But now, he doubted (но теперь он засомневался).

absolute [ˈæbsəlu:t], colour [ˈklɒlə], plough [plau]

It was the inhuman immensity of this land that astonished and oppressed him. He knew the skies were empty of men, the stars were specks in an incredible vastness of space; he knew the ocean was enormous and untamable, but in England he had come to think of the land as man's. In England it is indeed man's, the wild things live by sufferance, grow on lease, everywhere the roads, the fences, and absolute security runs. In an atlas, too, the land is man's, and all coloured to show

his claim to it — in vivid contrast to the universal independent blueness of the sea. He had taken it for granted that a day would come when everywhere about the earth, plough and culture, light tramways and good roads, an ordered security, would prevail. But now, he doubted.

This forest was interminable (этот лес был бесконечным), it had an air of being invincible (у него был непобедимый вид), and Man seemed at best an infrequent precarious intruder (и Человек казался, в лучшем случае, редким и случайным гостем; *precarious* — ненадежный, непрочный; шаткий; зависящий от непредвиденных обстоятельств). One travelled for miles (можно было пройти мили: «человек проходил мили»), amidst the still, silent struggle of giant trees (среди тихой безмолвной борьбы гигантских деревьев), of strangulating creepers (всеудушающих лиан; *creeper* — ползучее растение; ползучий побег; лиана), of assertive flowers (агрессивных цветов), everywhere the alligator, the turtle, and endless varieties of birds and insects seemed at home (повсюду аллигаторы, черепахи и бессчетные разновидности птиц и насекомых казались /у себя/ дома), dwelt irreplaceably (обитали невытесняемо = никто не мог их вытеснить; *to dwell* — жить, обитать, находиться, пребывать; *to replace* — вытеснять; занимать чье-л. место) — but man, man at most held a footing upon resentful clearings (но человек, человек в лучшем случае удерживал прочное положение на возмущенных рощистях/полянах; *to resent* — негодовать, возмущаться; обижаться), fought weeds (сражался с сорняками), fought beasts and insects for the barest foothold (воевал со зверями и насекомыми за малейшую пядь земли), fell a prey to snake and beast, insect and fever (падал жертвой змей и зверей, насекомого и лихорадки; *to fall a prey to smb.* — пасть жертвой кого-л.), and was presently carried away (и через некоторое время умирал; *to carry away* — унести чью-л. жизнь, свести в могилу). In many places down the river he had been manifestly driven back (во многих местах вниз по течению реки его явно оттеснили), this deserted creek or that preserved the name of a *casa* (этот покинутый ручей или тот сохраняли

название «casa» /исп./норм. «дом»/), and here and there ruinous white walls and a shattered tower enforced the lesson (и там и сям разрушенные белые стены и развалившаяся башня/крепость закрепляли /в сознании/ урок). The puma, the jaguar, were more the masters here (пума, ягуар были здесь более хозяевами)...

interminable [ɪn'tə:mɪnəbl], precarious [prɪ'keəriəs], fever ['fi:və]

This forest was interminable, it had an air of being invincible, and Man seemed at best an infrequent precarious intruder. One travelled for miles, amidst the still, silent struggle of giant trees, of strangulating creepers, of assertive flowers, everywhere the alligator, the turtle, and endless varieties of birds and insects seemed at home, dwelt irreplaceably — but man, man at most held a footing upon resentful clearings, fought weeds, fought beasts and insects for the barest foothold, fell a prey to snake and beast, insect and fever, and was presently carried away. In many places down the river he had been manifestly driven back, this deserted creek or that preserved the name of a *casa*, and here and there ruinous white walls and a shattered tower enforced the lesson. The puma, the jaguar, were more the masters here...

Who were the real masters (кто были настоящие хозяева)?

In a few miles of this forest there must be more ants than there are men in the whole world (на нескольких милях этого леса должно быть больше муравьев, чем существует людей во всем мире)! This seemed to Holroyd a perfectly new idea (это показалось Холройду совершенно новой идеей). In a few thousand years men had emerged from barbarism to a stage of civilisation (за несколько тысяч лет люди поднялись от варварства до цивилизованного уровня: «стадии цивилизации») that made them feel lords of the future and masters of the earth (что заставило их почувствовать себя владыками будущего и хозяевами земли)! But what was to prevent the ants evolving also (но что могло помешать муравьям также развиваться)? Such ants as one knew lived in little communities of

a few thousand individuals (известные типы муравьев: «такие муравьи, которых знали» жили в небольших сообществах из нескольких тысяч особей), made no concerted efforts against the greater world (не делали = не прилагали согласованных усилий против большего мира). But they had a language, they had an intelligence (но у них был язык, у них был интеллект)! Why should things stop at that any more than men had stopped at the barbaric stage (что если: «почему» дело не остановится на этом, как не задержались люди на варварской стадии)? Suppose presently the ants began to store knowledge (предположим, спустя некоторое время муравьи начнут накапливать знания), just as men had done by means of books and records (в точности так, как поступил человек с помощью книг и записей), use weapons (пользоваться оружием), form great empires (создавать великие империи), sustain a planned and organised war (поддерживать = вести планомерную и организованную войну; *to sustain* — *поддерживать; способствовать; обеспечивать; нести, выносить*)?

emerge [ɪ'mə:dʒ], language ['læŋgwɪdʒ], weapon ['wepən]

Who were the real masters?

In a few miles of this forest there must be more ants than there are men in the whole world! This seemed to Holroyd a perfectly new idea. In a few thousand years men had emerged from barbarism to a stage of civilisation that made them feel lords of the future and masters of the earth! But what was to prevent the ants evolving also? Such ants as one knew lived in little communities of a few thousand individuals, made no concerted efforts against the greater world. But they had a language, they had an intelligence! Why should things stop at that any more than men had stopped at the barbaric stage? Suppose presently the ants began to store knowledge, just as men had done by means of books and records, use weapons, form great empires, sustain a planned and organised war?

Things came back to him that Gerilleau had gathered about these ants they were approaching (к нему пришли на память вещи = *то*, что Жерийо узнал: «собрал» об этих муравьях, к которым они приближались; *to come back* — *приходить на память, вспоминаться*). They used a poison like the poison of snakes (они использовали яд, подобный яду змей). They obeyed greater leaders even as the leaf-cutting ants do (они повиновались более крупным командирам в точности, как муравьи-листорезы). They were carnivorous (они были плотоядны), and where they came they stayed (и они оставались там, куда приходили)...

The forest was very still (в лесу было очень тихо). The water lapped incessantly against the side (вода непрерывно плескалась о борт; *side* — *сторона; борт /судна/*). About the lantern overhead there eddied a noiseless whirl of phantom moths (вокруг фонаря над головой клубился бесшумный вихрь призрачных мотыльков).

Gerilleau stirred in the darkness and sighed (Жерийо зашевелился в темноте и вздохнул). "What can one do (что можно сделать)?" he murmured (пробормотал он), and turned over and was still again (и перевернулся, и снова затих).

Holroyd was roused from meditations that were becoming sinister by the hum of a mosquito (Холройд пробудился от раздумий, которые становились мрачными — жужжал москит).

approach [ə'prəʊtʃ], carnivorous [kɑ:'nɪvərəs], sinister ['sɪnɪstə]

Things came back to him that Gerilleau had gathered about these ants they were approaching. They used a poison like the poison of snakes. They obeyed greater leaders even as the leaf-cutting ants do. They were carnivorous, and where they came they stayed...

The forest was very still. The water lapped incessantly against the side. About the lantern overhead there eddied a noiseless whirl of phantom moths.

Gerilleau stirred in the darkness and sighed. "What can one *do*?" he murmured, and turned over and was still again.

Holroyd was roused from meditations that were becoming sinister by the hum of a mosquito.

II

The next morning Holroyd learnt (следующим утром Холройд узнал) they were within forty kilometres of Badama (что они находятся в пределах сорока километров от Бадамы), and his interest in the banks intensified (и его интерес к берегам усилился). He came up whenever an opportunity offered to examine his surroundings (он поднимался /на палубу/, когда бы ни представлялась возможность, чтобы обследовать окрестности). He could see no signs of human occupation whatever (он не видел абсолютно никаких признаков человеческой деятельности), save for a weedy ruin of a house and the green-stained facade of the long-deserted monastery at Moju (за исключением заросших сорняками развалин дома и позеленевшего фасада давно покинутого монастыря в Можу), with a forest tree growing out of a vacant window space (с диким: «лесным» деревом, растущим из пустого окна), and great creepers netted across its vacant portals (и огромными ползучими растениями, переплетшимися в его пустых порталах). Several flights of strange yellow butterflies with semi-transparent wings crossed the river that morning (несколько стай необычных желтых бабочек с полупрозрачными крылышками пересекли реку в то утро), and many alighted on the monitor and were killed by the men (и многие приземлились на судно и были убиты матросами; *men* — солдаты, рядовые; *матросы*). It was towards afternoon that they came upon the derelict *cuberta* (они наткнулись на брошенную «куберту» /тип лодки/ ко второй половине дня).

examine [ɪg'zæmɪn], sign [saɪn], derelict [ˈderəlɪkt]

The next morning Holroyd learnt they were within forty kilometres of Badama, and his interest in the banks intensified. He came up whenever an opportunity offered to examine his surroundings. He could see no signs of human occupation whatever, save for a weedy ruin of a house and the green-stained facade of the long-deserted monastery at Moju, with a forest tree growing out of a vacant window space, and great creepers netted across its vacant portals. Several flights of strange yellow butterflies with semi-transparent wings crossed the river that morning, and many alighted on the monitor and were killed by the men. It was towards afternoon that they came upon the derelict *cuberta*.

She did not at first appear to be derelict (сначала она не казалась брошенной; *she* = *boat* — все суда и корабли — женского рода); both her sails were set and hanging slack in the afternoon calm (оба ее паруса были поставлены и вяло висели в послеполуденном штиле), and there was the figure of a man sitting on the fore planking beside the shipped sweeps (и там была = виднелась фигура мужчины, сидящего на переднем настиле рядом со вставленными в уключины веслами; *to ship* — вставлять весла в уключины; *sweep* — длинное весло). Another man appeared to be sleeping face downwards on the sort of longitudinal bridge (еще один человек, казалось, спит лицом вниз на продольном мостике того типа) these big canoes have in the waist (как у этих больших каноэ на шкафуте). But it was presently apparent (но некоторое время спустя стало очевидно), from the sway of her rudder and the way she drifted into the course of the gunboat (по качанию руля и тому, как она = куберта сместилась по течению на курс канонерки; *to drift* — смещаться по течению, дрейфовать), that something was out of order with her (что с ней что-то не в порядке; *out of order* — не в порядке). Gerilleau surveyed her through a field-glass (Жерийо следил за ней в полевой бинокль), and became interested in the queer darkness of the face of the sitting man (и заинтересовался странным темным цветом лица сидящего человека), a red-faced man he seemed (он

казался краснолицым), without a nose (без носа) — crouching he was rather than sitting (он скорее скорчился, нежели сидел), and the longer the captain looked (и чем дольше капитан смотрел) the less he liked to look at him (тем меньше ему хотелось смотреть на него), and the less able he was to take his glasses away (и тем менее он был в состоянии отвести бинокль; *to be able* — мочь, быть в состоянии).

longitudinal [lɒndʒɪˈtjuːdɪnəl], field-glass [ˈfiːld, glaːs], crouch [kraʊtʃ]

She did not at first appear to be derelict; both her sails were set and hanging slack in the afternoon calm, and there was the figure of a man sitting on the fore planking beside the shipped sweeps. Another man appeared to be sleeping face downwards on the sort of longitudinal bridge these big canoes have in the waist. But it was presently apparent, from the sway of her rudder and the way she drifted into the course of the gunboat, that something was out of order with her. Gerilleau surveyed her through a field-glass, and became interested in the queer darkness of the face of the sitting man, a red-faced man he seemed, without a nose — crouching he was rather than sitting, and the longer the captain looked the less he liked to look at him, and the less able he was to take his glasses away.

But he did so at last (но наконец он сделал = отвел бинокль), and went a little way to call up Holroyd (и отошел недалеко, чтобы позвать вверх = снизу Холройда). Then he went back to hail the cuberta (затем он вернулся, чтобы окликнуть куберту). He hailed her again (он окликнул ее снова), and so she drove past him (и так она прошла мимо него). Santa Rosa stood out clearly as her name (/на ней/ четко выделялось ее название «Санта-Роза»; *to stand out* — выделяться, выступать).

As she came by and into the wake of the monitor (когда она прошла мимо и /вошла/ в кильватер военного корабля; *in the wake of* — в кильватере чего-л.), she pitched a little (она немного качнулась по килю; *to pitch* — подвергаться

килевой качке /о корабле/), and suddenly the figure of the crouching man collapsed (и вдруг фигура скорчившегося мужчины осела/упала) as though all its joints had given way (как будто всего его суставы не выдержали; *to give way* — *уступать, сдаваться, поддаваться, не выдержать, рухнуть, падать*). His hat fell off (его шляпа спала), his head was not nice to look at (на его голову было неприятно смотреть), and his body flopped lax and rolled out of sight behind the bulwarks (а его тело расслабленно шлепнулось и укатилось из поля зрения за фальшборт; *out of sight* — *вне пределов видимости*).

though [ðəu], sight [saɪt], behind [bi'haɪnd]

But he did so at last, and went a little way to call up Holroyd. Then he went back to hail the cuberta. He hailed her again, and so she drove past him. Santa Rosa stood out clearly as her name.

As she came by and into the wake of the monitor, she pitched a little, and suddenly the figure of the crouching man collapsed as though all its joints had given way. His hat fell off, his head was not nice to look at, and his body flopped lax and rolled out of sight behind the bulwarks.

"Caramba (карамба)!" cried Gerilleau (воскликнул Жерийо), and resorted to Holroyd forthwith (и тотчас обратился к Холройду).

Holroyd was half-way up the companion (Холройд был на полпути к товарищу). "Did you see dat (вы видели это)?" said the captain (спросил капитан).

"Dead (/он/ мертв)!" said Holroyd. "Yes (да). You'd better send a boat aboard (вам лучше послать на борт лодку). There's something wrong (там что-то не так)."

"Did you — by any chance — see his face (вы случайно /не/ видели лицо)?"

"What was it like (какое оно было)?"

"It was — ugh (оно было — тьфу; *ugh* — тьфу!; *ah!* /выражает омерзение, отвращение/)! — I have no words (у меня нет слов)." And the captain suddenly turned his back on Holroyd and became an active and strident commander (и капитан внезапно повернулся спиной к Холройду и стал деятельным и жестким командиром; *strident* — резкий, скрипучий).

companion [kəm'pænjən], aboard [ə'bɔ:d], ugh [uh]

"Caramba!" cried Gerilleau, and resorted to Holroyd forthwith.

Holroyd was half-way up the companion. "Did you see dat?" said the captain.

"Dead!" said Holroyd. "Yes. You'd better send a boat aboard. There's something wrong."

"Did you — by any chance — see his face?"

"What was it like?"

"It was — ugh! — I have no words." And the captain suddenly turned his back on Holroyd and became an active and strident commander.

The gunboat came about (канонерка развернулась; *to come about* — поворачивать, разворачиваться, делать поворот /о лодке, корабле/), steamed parallel to the erratic course of the canoe (пошла на парах параллельно изменчивому курсу каноэ; *to steam* — двигаться с помощью пара), and dropped the boat with Lieutenant da Cunha and three sailors to board her (и спустила шлюпку с лейтенантом да Куньей и тремя матросами, чтобы они взошли на ее борт). Then the curiosity of the captain made him draw up almost alongside (затем любопытство капитана заставило его придвинуться почти борт о борт; *alongside* — борт о борт; у борта, у стенки; вдоль /чего-л./, параллельно) as the lieutenant got aboard (когда лейтенант поднялся на борт), so that the whole of the Santa Rosa, deck and hold, was visible to Holroyd (так что вся «Санта-Роза», палуба и трюм — были видны Холройду).

erratic [ɪˈrætɪk], course [kɔ:s], curiosity [ˌkjuəriˈɒsəti]

The gunboat came about, steamed parallel to the erratic course of the canoe, and dropped the boat with Lieutenant da Cunha and three sailors to board her. Then the curiosity of the captain made him draw up almost alongside as the lieutenant got aboard, so that the whole of the Santa Rosa, deck and hold, was visible to Holroyd.

He saw now clearly (теперь он четко видел) that the sole crew of the vessel was these two dead men (что единственной командой судна были эти двое мертвецов), and though he could not see their faces (и хотя он не мог видеть их лиц), he saw by their outstretched hands (он увидел по их вытянутым рукам), which were all of ragged flesh (которые были все = состояли исключительно из клочьев плоти), that they had been subjected to some strange exceptional process of decay (что они подверглись некому странному и необычному процессу разложения). For a moment his attention concentrated on those two enigmatical bundles of dirty clothes and laxly flung limbs (на минуту его внимание сосредоточилось на тех двух загадочных узлах из грязной одежды и безвольно: «расслабленно» разбросанных конечностей), and then his eyes went forward to discover the open hold piled high with trunks and cases (а потом его взгляд передвинулся вперед и обнаружил открытый трюм, загроможденный доверху сундуками и чемоданами), and aft (и к кормовой части; *aft* — в кормовой части, в корме, на корме; по направлению к корме; за кормой), to where the little cabin gaped inexplicably empty (туда, где необъяснимой пустотой зияла маленькая каюта). Then he became aware (потом он понял; *to become aware* — осознать) that the planks of the middle decking were dotted with moving black specks (что обшивка средней палубы была усеяна движущимися черными точками; *speck* — пятно, пятнышко, крапинка, точка).

crew [kru:], dead [ded], aware [ə'weə]

He saw now clearly that the sole crew of the vessel was these two dead men, and though he could not see their faces, he saw by their outstretched hands, which were all of ragged flesh, that they had been subjected to some strange exceptional process of decay. For a moment his attention concentrated on those two enigmatical bundles of dirty clothes and laxly flung limbs, and then his eyes went forward to discover the open hold piled high with trunks and cases, and aft, to where the little cabin gaped inexplicably empty. Then he became aware that the planks of the middle decking were dotted with moving black specks.

His attention was riveted by these specks (его внимание было поглощено этими точками; *to rivet* — *поглощать /внимание/; приковывать, устремлять /взор/*). They were all walking in directions radiating from the fallen man in a manner (они все расхаживали по направлениям, лучеобразно расходящимся от упавшего мужчины так; *manner* — *способ, образ действий, манера*) — the image came unsought to his mind (этот образ невольно пришел ему на ум; *unsought* — *непрошенный; незатребованный*) — like the crowd dispersing from a bull-fight (как толпа, рассеивающаяся после боя быков).

He became aware of Gerilleau beside him (он почувствовал /присутствие/ Жерийо рядом с собой). "Сапо (капу /капитан/)," he said, "have you your glasses (у вас есть бинокль)? Can you focus as closely as those planks there (можете вы навести резкость как можно ближе к той обшивке)?"

Gerilleau made an effort, grunted, and handed him the glasses (Жерийо сделал усилие, проворчал /что-то/ и вручил ему бинокль).

rivet [ˈrivɪt], unsought [ˈʌnˈsɔ:t], effort [ˈefət]

His attention was riveted by these specks. They were all walking in directions radiating from the fallen man in a manner — the image came unsought to his mind — like the crowd dispersing from a bull-fight.

He became aware of Gerilleau beside him. "Capo," he said, "have you your glasses? Can you focus as closely as those planks there?"

Gerilleau made an effort, grunted, and handed him the glasses.

There followed a moment of scrutiny (последовала минута внимательного осмотра). "It's ants (это муравьи)," said the Englishman (сказал англичанин), and handed the focused field-glass back to Gerilleau (и вернул наведенный полевой бинокль Жерийо).

His impression of them was of a crowd of large black ants (его впечатление о них было как о толпе больших черных муравьев), very like ordinary ants except for their size (очень похожих на обычных муравьев за исключением их размера), and for the fact that some of the larger of them bore a sort of clothing of grey (и того /факта/, что некоторые более крупные из них носили своего рода одежду серого цвета; *to bear* — *носить*). But at the time his inspection was too brief for particulars (но в тот момент его осмотр был слишком краток, /чтобы заметить/ детали; *particular* — *частность; деталь, подробность, тонкость*). The head of Lieutenant da Cunha appeared over the side of the cuberta (голова лейтенанта да Куньи появилась за бортом куберты), and a brief colloquy ensued (и последовал краткий диалог; *to ensue* — *следовать; последовательно случаться; colloquy* — *беседа, разговор, собеседование; диалог*).

scrutiny [ˈskru:tɪnɪ], brief [bri:f], colloquy [ˈkɒləkwɪ]

There followed a moment of scrutiny. "It's ants," said the Englishman, and handed the focused field-glass back to Gerilleau.

His impression of them was of a crowd of large black ants, very like ordinary ants except for their size, and for the fact that some of the larger of them bore a sort

of clothing of grey. But at the time his inspection was too brief for particulars. The head of Lieutenant da Cunha appeared over the side of the cuberta, and a brief colloquy ensued.

"You must go aboard (ты должен подняться на борт)," said Gerilleau.

The lieutenant objected that the boat was full of ants (лейтенант возразил /говоря/, что на лодке полно муравьев).

"You have your boots (у тебя есть сапоги)," said Gerilleau.

The lieutenant changed the subject (лейтенант сменил тему). "How did these men die (как умерли эти люди)?" he asked (спросил он).

object [əb'ɟekt], change [tʃeɪndʒ], subject [ˈsʌbdʒɪkt]

"You must go aboard," said Gerilleau.

The lieutenant objected that the boat was full of ants.

"You have your boots," said Gerilleau.

The lieutenant changed the subject. "How did these men die?" he asked.

Captain Gerilleau embarked upon speculations (капитан Жерийо начал высказывать предположения; *to embark* — начинать, вступать /в дело/) that Holroyd could not follow (которых Холройд не понял), and the two men disputed with a certain increasing vehemence (и двое мужчин заспорили с определенной растущей страстностью). Holroyd took up the field-glass and resumed his scrutiny (Холройд взял полевой бинокль и возобновил осмотр), first of the ants and then of the dead man amidships (сначала муравьев, а потом мертвеца посередине судна).

He has described these ants to me very particularly (он очень подробно описал мне этих муравьев).

dispute [dɪs'pju:t], vehemence [ˈvi:ɪməns], resume [rɪ'zju:m]

Captain Gerilleau embarked upon speculations that Holroyd could not follow, and the two men disputed with a certain increasing vehemence. Holroyd took up the field-glass and resumed his scrutiny, first of the ants and then of the dead man amidships.

He has described these ants to me very particularly.

He says they were as large as any ants he has ever seen (он говорит, они были больше любых муравьев, которых он когда-либо видел), black and moving with a steady deliberation very different from the mechanical fussiness of the common ant (черные и движущиеся со спокойной рассудительностью, очень отличающейся от механической суетливости обычного муравья). About one in twenty was much larger than its fellows (приблизительно один из двадцати был гораздо крупнее своих собратьев), and with an exceptionally large head (и с исключительно крупной головой). These reminded him at once of the master workers (они напомнили ему сразу старших рабочих = бригадиров; *master* — *главный, старший*) who are said to rule over the leaf-cutter ants (которые, говорят, руководят муравьями-листорезами); like them they seemed to be directing and co-ordinating the general movements (подобно им они, казалось, направляют и координируют основные перемещения; *movement* — *передвижение, перемещение; передислокация*). They tilted their bodies back in a manner altogether singular (они наклоняли свои тела назад совершенно необычно) as if they made some use of the fore feet (как будто они использовали каким-то образом передние лапки). And he had a curious fancy that he was too far off to verify (и у него было чудное наваждение, но он был слишком далеко, чтобы проверить; *fancy* — *иллюзия; галлюцинация; воображение, фантазия; фантазия, мысленный образ*), that most of these ants of both kinds were wearing accoutrements (что большинство этих муравьев обоих видов носят одежду; *accoutrements* — *одежда, платье, снаряжение*), had things strapped about their bodies by bright white bands like white metal

threads (имеют штуковины, стянутые вокруг их тел яркими белыми поясками, похожими на белые металлические нити; *thread* — нить; волосок; жила провода)...

mechanical [mɪˈkænikəl], accoutrement [əˈku:təmənt], thread [θred]

He says they were as large as any ants he has ever seen, black and moving with a steady deliberation very different from the mechanical fussiness of the common ant. About one in twenty was much larger than its fellows, and with an exceptionally large head. These reminded him at once of the master workers who are said to rule over the leaf-cutter ants; like them they seemed to be directing and co-ordinating the general movements. They tilted their bodies back in a manner altogether singular as if they made some use of the fore feet. And he had a curious fancy that he was too far off to verify, that most of these ants of both kinds were wearing accoutrements, had things strapped about their bodies by bright white bands like white metal threads...

He put down the glasses abruptly (он резко опустил бинокль), realising that the question of discipline between the captain and his subordinate had become acute (осознав, что проблема дисциплины между капитаном и его подчиненным стала острой = обострилась).

"It is your duty (это твой долг)," said the captain, "to go aboard (подняться на борт). It is my instructions (это мое распоряжение)."

The lieutenant seemed on the verge of refusing (лейтенант, казалось, /был/ на грани того, чтобы отказаться /исполнять приказ/; *on the verge of* — на грани). The head of one of the mulatto sailors appeared beside him (голова одного из матросов-мулатов появилась возле него).

"I believe these men were killed by the ants (я полагаю, эти люди были убиты муравьями)," said Holroyd abruptly in English (сказал Холройд отрывисто по-английски).

subordinate [sə' bɔ:dnɪt], acute [ə' kju:t], abruptly [ə' brʌptli]

He put down the glasses abruptly, realising that the question of discipline between the captain and his subordinate had become acute.

"It is your duty," said the captain, "to go aboard. It is my instructions."

The lieutenant seemed on the verge of refusing. The head of one of the mulatto sailors appeared beside him.

"I believe these men were killed by the ants," said Holroyd abruptly in English.

The captain burst into a rage (капитан впал в ярость; *to burst* — лопнуть; развалиться; *to burst into* — внезапно или бурно начинать что-л.). He made no answer to Holroyd (он не ответил Холройду). "I have commanded you to go aboard (я приказал тебе подняться на борт)," he screamed to his subordinate in Portuguese (заорал он своему подчиненному по-португальски). "If you do not go aboard forthwith it is mutiny (если ты не поднимешься сейчас же на борт, это мятеж) — rank mutiny (явный мятеж; *rank* — прогорклый, протухший /о жирах/; вонючий, дурно пахнущий; ужасный, вопиющий; явный, сущий; отъявленный). Mutiny and cowardice (мятеж и трусость)! Where is the courage that should animate us (где храбрость, которая должна воодушевлять нас)? I will have you in irons (я буду иметь тебя = я велю заковать тебя в кандалы: «в железо»), I will have you shot like a dog (я прикажу пристрелить тебя как собаку)." He began a torrent of abuse and curses (он начал поток ругательств и проклятий), he danced to and fro (он скакал взад и вперед). He shook his fists (он потрясал кулаками; *to shake* — трясти, потрясать), he behaved as if beside himself with rage (он вел себя, как будто вне себя от гнева; *beside oneself* — вне себя /от горя, волнения и т. п./; неменяемый), and the lieutenant, white and still, stood looking at him (а лейтенант побелевший и безмолвный стоял, глядя на него). The crew appeared forward, with amazed faces (команда

вышла вперед с изумленными лицами; *to appear* — *показываться; появляться*).

answer [ˈɑːnsə], courage [ˈkʌrɪdʒ], abuse [əˈbjuːs]

The captain burst into a rage. He made no answer to Holroyd. "I have commanded you to go aboard," he screamed to his subordinate in Portuguese. "If you do not go aboard forthwith it is mutiny — rank mutiny. Mutiny and cowardice! Where is the courage that should animate us? I will have you in irons, I will have you shot like a dog." He began a torrent of abuse and curses, he danced to and fro. He shook his fists, he behaved as if beside himself with rage, and the lieutenant, white and still, stood looking at him. The crew appeared forward, with amazed faces.

Suddenly, in a pause of this outbreak (*вдруг в паузе этой вспышки*), the lieutenant came to some heroic decision (*лейтенант пришел к какому-то героическому решению*), saluted, drew himself together and clambered upon the deck of the cuberta (*отдал честь, взял себя в руки и взобрался на палубу куберты*).

"Ah (a)!" said Gerilleau, and his mouth shut like a trap (*и его рот захлопнулся, как капкан*). Holroyd saw the ants retreating before da Cunha's boots (*Холройд увидел, как муравьи отступают перед сапогами да Куньи*). The Portuguese walked slowly to the fallen man (*португалец медленно пошел к упавшему мужчине*), stooped down, hesitated (*наклонился, заколебался*), clutched his coat and turned him over (*схватил его куртку и перевернул его*). A black swarm of ants rushed out of the clothes (*черная масса муравьев устремилась из одежды*), and da Cunha stepped back very quickly (*и да Кунья очень быстро отступил назад*) and trod two or three times on the deck (*и топнул два или три раза по палубе; to tread — наступать, топтать*).

decision [dɪˈsɪʒən], salute [səˈlu:t], mouth [mauθ]

Suddenly, in a pause of this outbreak, the lieutenant came to some heroic decision, saluted, drew himself together and clambered upon the deck of the cuberta.

"Ah!" said Gerilleau, and his mouth shut like a trap. Holroyd saw the ants retreating before da Cunha's boots. The Portuguese walked slowly to the fallen man, stooped down, hesitated, clutched his coat and turned him over. A black swarm of ants rushed out of the clothes, and da Cunha stepped back very quickly and trod two or three times on the deck.

Holroyd put up the glasses (Холройд поднял бинокль). He saw the scattered ants about the invader's feet (он увидел разбросанных муравьев у ног захватчика), and doing what he had never seen ants doing before (и /увидел/ как они делают то, чего он никогда прежде не видел, чтобы делали муравьи). They had nothing of the blind movements of the common ant (у них не было ничего от слепых движений обычного муравья); they were looking at him (они смотрели на него) — as a rallying crowd of men might look at some gigantic monster that had dispersed it (как сплоченная толпа людей, возможно, смотрела бы на какое-нибудь гигантское чудовище, которое рассеяло ее; *to disperse* — разбрасывать, раскидывать, рассеивать; *to rally* — вновь собирать или сплачивать /для совместных усилий, продолжения борьбы и т. п./; сплачивать, собирать под чьим-л. командованием /армию и т. п./).

"How did he die (как он умер)?" the captain shouted (прокричал капитан).

Holroyd understood the Portuguese to say the body was too much eaten to tell (Холройд понял, что португалец говорит, что тело слишком сильно объедено, чтобы понять; *to tell* — отличать, различать; осознавать, понимать, постигать).

"What is there forward (что там впереди)?" asked Gerilleau (спросил Жерийо).

nothing [ˈnʌθɪŋ], gigantic [dʒaɪˈɡæntɪk], eaten [iːtən]

Holroyd put up the glasses. He saw the scattered ants about the invader's feet, and doing what he had never seen ants doing before. They had nothing of the blind movements of the common ant; they were looking at him — as a rallying crowd of men might look at some gigantic monster that had dispersed it.

"How did he die?" the captain shouted.

Holroyd understood the Portuguese to say the body was too much eaten to tell.

"What is there forward?" asked Gerilleau.

The lieutenant walked a few paces (лейтенант прошел несколько шагов), and began his answer in Portuguese (и начал свой ответ на португальском языке). He stopped abruptly and beat off something from his leg (он резко остановился и сбил что-то со своей ноги). He made some peculiar steps as if he was trying to stamp on something invisible (он сделал несколько странных шагов, как будто /он/ пытался раздавить что-то невидимое; *to stamp on* — *подавлять, уничтожать*), and went quickly towards the side (и быстро пошел к борту). Then he controlled himself (потом он сдержался; *to control oneself* — *сдерживаться, сохранять самообладание*), turned about, walked deliberately forward to the hold (обернулся, пошел медленно вперед к трюму), clambered up to the fore decking (взобрался на переднюю палубу), from which the sweeps are worked (с которой осуществляется управление веслами; *to work* — *приводить в действие; управлять, осуществлять управление /чем-л./; эксплуатировать, использовать*), stooped for a time over the second man (наклонился на некоторое время над вторым мужчиной), groaned audibly (громко охнул), and made his way back and aft to the cabin (и пробрался назад на корму к каюте), moving very rigidly (двигаясь очень твердо/негибко = с неестественной застылостью движений; *rigid* — *жесткий, негнущийся, негибкий; негибаемый, твердый, неподатливый*). He turned and began a

conversation with his captain (он повернулся и начал разговор с капитаном), cold and respectful in tone on either side (бесстрастный и вежливый по тону с обеих сторон), contrasting vividly with the wrath and insult of a few moments before (который ярко контрастировал с гневом и выпадами несколько минут назад). Holroyd gathered only fragments of its purport (Холройд собрал = уловил лишь обрывки его содержания; *purport* — смысл, содержание; суть, сущность).

invisible [ɪnˈvɪzəbl], wrath [rɒθ], insult [ˈɪnsʌlt], purport [ˈpɜ:pɔ:t]

The lieutenant walked a few paces, and began his answer in Portuguese. He stopped abruptly and beat off something from his leg. He made some peculiar steps as if he was trying to stamp on something invisible, and went quickly towards the side. Then he controlled himself, turned about, walked deliberately forward to the hold, clambered up to the fore decking, from which the sweeps are worked, stooped for a time over the second man, groaned audibly, and made his way back and aft to the cabin, moving very rigidly. He turned and began a conversation with his captain, cold and respectful in tone on either side, contrasting vividly with the wrath and insult of a few moments before. Holroyd gathered only fragments of its purport.

He reverted to the field-glass (он вернулся к полевому биноклю), and was surprised to find the ants had vanished from all the exposed surfaces of the deck (и удивился, обнаружив, что муравьи исчезли со всех открытых поверхностей палубы). He turned towards the shadows beneath the decking (он повернулся к теням под обшивкой), and it seemed to him they were full of watching eyes (и ему показалось, что они полны наблюдающих глаз).

The cuberta, it was agreed (с кубертой было решено), was derelict (она была брошена), but too full of ants to put men aboard to sit and sleep (но она было слишком заполнена муравьями, чтобы посадить людей на борт, чтобы =

и они там сидели и спали): it must be towed (ее нужно отбуксировать). The lieutenant went forward to take in and adjust the cable (лейтенант прошел вперед принять и приладить канат; *cable* — канат, трос; кабель; якорная цепь), and the men in the boat stood up to be ready to help him (а матросы в лодке встали, чтобы быть наготове /и/ помочь ему). Holroyd's glasses searched the canoe (бинокль Холройда обшарил каное).

surface [ˈsə:fɪs], beneath [bɪˈni:θ], tow [təʊ]

He reverted to the field-glass, and was surprised to find the ants had vanished from all the exposed surfaces of the deck. He turned towards the shadows beneath the decking, and it seemed to him they were full of watching eyes.

The cuberta, it was agreed, was derelict, but too full of ants to put men aboard to sit and sleep: it must be towed. The lieutenant went forward to take in and adjust the cable, and the men in the boat stood up to be ready to help him. Holroyd's glasses searched the canoe.

He became more and more impressed by the fact (его все более и более впечатлял факт = *то*) that a great if minute and furtive activity was going on (что огромная, хотя мелкая и скрытая деятельность продолжалась; *furtive* — затаенный, скрытый, тайный; незаметный). He perceived that a number of gigantic ants (он различил, что некоторое количество гигантских муравьев) — they seemed nearly a couple of inches in length (они казались почти пару дюймов в длину) — carrying oddly-shaped burthens for which he could imagine no use (несущих странной формы грузы, назначения которых он не мог понять: «вообразить») — were moving in rushes from one point of obscurity to another (двигались перебежками от одного пятна темноты к другому; *rush* — стремительное движение, бросок, напор, натиск, наплыв; стремительная атака). They did not move in columns across the exposed places (они двигались не колоннами через открытые места), but in open, spaced-out lines (а

развернутыми шеренгами с промежутками; *to space out* — *размещать/ся/ с промежутками /в пространстве/*), oddly suggestive of the rushes of modern infantry advancing under fire (удивительно напоминая перебежки современной пехоты, наступающей под огнем; *suggestive* — *суггестивный; вызывающий мысли*). A number were taking cover under the dead man's clothes (некоторое количество укрывалось под одеждой мертвеца; *to take cover* — *укрыться*), and a perfect swarm was gathering along the side over which da Cunha must presently go (и прямо-таки целая толпа: «совершенная толпа, совершенный рой» собиралась вдоль борта, через который должен /был/ перейти = *перебраться* через некоторое время да Кунья).

couple [kʌpl], length [leŋθ], column [ˈkɒləm]

He became more and more impressed by the fact that a great if minute and furtive activity was going on. He perceived that a number of gigantic ants — they seemed nearly a couple of inches in length — carrying oddly-shaped burthens for which he could imagine no use — were moving in rushes from one point of obscurity to another. They did not move in columns across the exposed places, but in open, spaced-out lines, oddly suggestive of the rushes of modern infantry advancing under fire. A number were taking cover under the dead man's clothes, and a perfect swarm was gathering along the side over which da Cunha must presently go.

He did not see them actually rush for the lieutenant as he returned (как ни странно, он не увидел, как они устремились к лейтенанту, когда он возвращался), but he has no doubt they did make a concerted rush (но у него нет сомнений, что они сделали согласованный бросок). Suddenly the lieutenant was shouting and cursing and beating at his legs (вдруг лейтенант закричал, заругался и стал бить себя по ногам). "I'm stung (меня ужалили)!" he shouted (закричал он), with a face of hate and accusation towards Gerilleau (с лицом =

повернувшись лицом /выражавшим/ ненависть и обвинение в сторону Жерийо).

Then he vanished over the side (*затем он исчез за бортом*), dropped into his boat (*спрыгнул в свою лодку*), and plunged at once into the water (*и сразу же нырнул в воду*). Holroyd heard the splash (*Холройд слышал всплеск*).

The three men in the boat pulled him out and brought him aboard (*три матроса в лодке вытащили его и подняли его на борт*), and that night he died (*и в ту ночь он умер*).

actually [ˈæktʃʊəlɪ], doubt [daʊt], accusation [ækjuːˈzeɪʃən]

He did not see them actually rush for the lieutenant as he returned, but he has no doubt they did make a concerted rush. Suddenly the lieutenant was shouting and cursing and beating at his legs. "I'm stung!" he shouted, with a face of hate and accusation towards Gerilleau.

Then he vanished over the side, dropped into his boat, and plunged at once into the water. Holroyd heard the splash.

The three men in the boat pulled him out and brought him aboard, and that night he died.

III

Holroyd and the captain came out of the cabin (*Холройд и капитан вышли из каюты*) in which the swollen and contorted body of the lieutenant lay (*в которой лежало разбухшее и скрюченное тело лейтенанта; to swell — разбухать, опухать; to contort — скручивать, вить, сгибать; деформировать, перекашивать*) and stood together at the stern of the monitor (*и стояли вместе на корме монитора /корабля/*), staring at the sinister vessel they trailed behind them (*вглядываясь в злое судно, которое они тащили за*

собой). It was a close, dark night (это была душная темная ночь) that had only phantom flickerings of sheet lightning to illuminate it (которую освещали лишь призрачные вспышки зарниц; *sheet lightning* — *зарница*). The cuberta, a vague black triangle (куберта, нечеткий черный треугольник), rocked about in the steamer's wake (покачивалась в кильватере парохода), her sails bobbing and flapping (ее паруса покачивались и хлопали), and the black smoke from the funnels (а черный дым из дымовых труб), spark-lit ever and again (то и дело освещаемых искрами), streamed over her swaying masts (струился над ее качающимися мачтами).

vague [veɪɡ], triangle [ˈtraɪæŋɡl], mast [mɑːst]

Holroyd and the captain came out of the cabin in which the swollen and contorted body of the lieutenant lay and stood together at the stern of the monitor, staring at the sinister vessel they trailed behind them. It was a close, dark night that had only phantom flickerings of sheet lightning to illuminate it. The cuberta, a vague black triangle, rocked about in the steamer's wake, her sails bobbing and flapping, and the black smoke from the funnels, spark-lit ever and again, streamed over her swaying masts.

Gerilleau's mind was inclined to run on the unkind things (память Жерийо все вращалась вокруг недобрых вещей = того недоброго; *to run on* — *касаться /какой-л. темы и т. п./, вращаться /вокруг какой-л. темы/*) the lieutenant had said in the heat of his last fever (что высказал лейтенант в пылу его последней = *предсмертной* горячки).

"He says I murdered 'im (он говорит, я убил его)," he protested (запротестовал он). "It is simply absurd (это просто абсурдно). Someone 'ad to go aboard (кому-то надо было взойти на борт). Are we to run away from these confounded ants whenever they show up (/неужели/ нам суждено убежать от этих проклятых муравьев, когда бы они ни объявились)?"

Holroyd said nothing (Холройд не сказал ничего). He was thinking of a disciplined rush of little black shapes across bare sunlit planking (он вспоминал дисциплинированную стремительную атаку маленьких черных фигурок по голой обшивке, освещенной солнцем; *to think of* — *вспоминать*).

murder [ˈmɜːdə], absurd [əbˈsɜːd], bare [beə]

Gerilleau's mind was inclined to run on the unkind things the lieutenant had said in the heat of his last fever.

"He says I murdered 'im," he protested. "It is simply absurd. Someone 'ad to go aboard. Are we to run away from these confounded ants whenever they show up?"

Holroyd said nothing. He was thinking of a disciplined rush of little black shapes across bare sunlit planking.

"It was his place to go (пойти было его служебной обязанностью; *place* — место; служба, занятие, работа; поле боя, место сражения)," harped Gerilleau (все твердил Жерийо; *to harp* — играть на арфе, на губной гармонике; надоедливо твердить о /чем-л./, занудствовать, завести болынку). "He died in the execution of his duty (он умер при исполнении своего долга). What has he to complain of (на что ему жаловаться)? Murdered (убит)!... But the poor fellow was (но бедный парень = бедняга) — what is it (как это)? — demented (сошел с ума; *to be demented* — сходить с ума). He was not in his right mind (он был не в здравом уме = он был не в себе). The poison swelled him (яд раздул его = он разбух от яда)... U'm (м-да)."

They came to a long silence (они надолго замолчали).

"We will sink that canoe — burn it (мы потопим это каноэ, сожжем его)."

"And then (а потом)?"

execution [ˌeksɪˈkjuːʃən], demented [dɪˈmentɪd], right [raɪt]

"It was his place to go," harped Gerilleau. "He died in the execution of his duty. What has he to complain of? Murdered!... But the poor fellow was — what is it? — demented. He was not in his right mind. The poison swelled him... U'm."

They came to a long silence.

"We will sink that canoe — burn it."

"And then?"

The inquiry irritated Gerilleau (расспросы раздражали Жерийо). His shoulders went up (его плечи поднялись), his hands flew out at right angles from his body (его руки негодуяюще взметнулись под прямыми углами от тела; *to fly out — вспылить, рассердиться*). "What is one to *do* (что же делать)?" he said (спросил он), his voice going up to an angry squeak (/при этом/ его голос повысился до раздраженного визга).

"Anyhow (так или иначе)," he broke out vindictively (вырвалось у него мстительно), "every ant in dat cuberta (каждого муравья = всех муравьев на этой куберте)! — I will burn dem alive (я сожгу /их/ живьем)!"

Holroyd was not moved to conversation (Холройд не был склонен к беседе; *to move — побуждать; приводить в движение; заставлять, вынуждать*). A distant ululation of howling monkeys filled the sultry night with foreboding sounds (отдаленное завывание обезьян-ревунов наполнило душную ночь звуками, предрекающими недоброе; *to forebode — предсказывать, прогнозировать; предрекать, пророчить /плохое/; to howl — выть, завывать*), and as the gunboat drew near the black mysterious banks (и когда канонерка приблизилась к черным таинственным берегам) this was reinforced by a depressing clamour of frogs (оно /завывание/ усилилось гнетущим ором лягушек).

inquiry [ɪnˈkwaɪəri], vindictively [vɪnˈdɪktɪvli], clamour [ˈklæmə]

The inquiry irritated Gerilleau. His shoulders went up, his hands flew out at right angles from his body. "What is one to *do*?" he said, his voice going up to an angry squeak.

"Anyhow," he broke out vindictively, "every ant in dat cuberta! — I will burn dem alive!"

Holroyd was not moved to conversation. A distant ululation of howling monkeys filled the sultry night with foreboding sounds, and as the gunboat drew near the black mysterious banks this was reinforced by a depressing clamour of frogs.

"What is one to *do* (что же делать)?" the captain repeated after a vast interval (повторил капитан после значительной паузы; *vast* — обширный; большой, значительный), and suddenly becoming active and savage and blasphemous (и вдруг став активным, и свирепым, и богохульным = разразившись проклятиями; *blasphemous* — богохульный, нечестивый), decided to burn the Santa Rosa without further delay (решил сжечь «Санта-Розу» без дальнейших проволочек). Everyone aboard was pleased by that idea (всем на борту понравилась эта мысль), everyone helped with zest (все помогали азартно; *with zest* — азартно, с жаром); they pulled in the cable (они втянули канат), cut it (перерезали его), and dropped the boat and fired her with tow and kerosene (и пустили лодку по течению и подожгли ее с помощью пакли и керосина), and soon the cuberta was crackling and flaring merrily amidst the immensities of the tropical night (и вскоре куберта весело потрескивала и горела ярким неровным пламенем среди необъятности тропической ночи; *to flare* — гореть ярким, неровным пламенем). Holroyd watched the mounting yellow flare against the blackness (Холройд наблюдал за поднимающимся желтым пламенем на фоне черноты; *flare* — яркий, неровный свет, сверкание; вспышка или язык пламени), and the livid flashes of sheet lightning that came and went above the forest summits (и синевато-бледными вспышками зарниц, которые возникали и исчезали над лесными вершинами), throwing them into momentary silhouette

(превращая их в мгновенный силуэт = на мгновение в силуэт; *to throw* — быстро, неожиданно приводить в определенное состояние; *momentary* — мгновенный, молниеносный, моментальный), and his stoker stood behind him watching also (а кочегар стоял позади него, тоже наблюдая).

savage [ˈsævɪdʒ], blasphemous [ˈblæsfɪməs], silhouette [ˌsɪluːˈet]

"What is one to *do*?" the captain repeated after a vast interval, and suddenly becoming active and savage and blasphemous, decided to burn the *Santa Rosa* without further delay. Everyone aboard was pleased by that idea, everyone helped with zest; they pulled in the cable, cut it, and dropped the boat and fired her with tow and kerosene, and soon the cuberta was crackling and flaring merrily amidst the immensities of the tropical night. Holroyd watched the mounting yellow flare against the blackness, and the livid flashes of sheet lightning that came and went above the forest summits, throwing them into momentary silhouette, and his stoker stood behind him watching also.

The stoker was stirred to the depths of his linguistics (кочегар был возбужден до глубин своей лингвистики = своих лингвистических познаний). "Saueba go pop, pop (сауэба лопаются — бух, бух; *to go pop* — хлопнуть, выстрелить; *pop* — хлоп, бух; выстрел, звук выстрела; удар, шлепок, пощечина)," he said, "Wahaw (класс; *wow* — выражает удивление и восторг: здорово!, красота!, класс!)" and laughed richly (и засмеялся раскатисто; *richly* — богато, роскошно; интенсивно, густо, концентрированно /например, о цвете/).

But Holroyd was thinking that these little creatures on the decked canoe had also eyes and brains (но Холройд думал, что у этих маленьких существ на каноэ с обшитой палубой тоже есть глаза и мозги).

The whole thing impressed him as incredibly foolish and wrong (вся эта ситуация создавала у него впечатление невероятно глупой и неправильной),

but — what was one to do (но что было делать)? This question came back enormously reinforced on the morrow (этот вопрос вернулся чрезвычайно окрепшим = с гораздо большей силой на следующий день; *morrow* — *завтра, завтрашний день; следующий день*), when at last the gunboat reached Badama (когда наконец канонерка добралась до Бадамы).

laugh [la:f], creature [ˈkri:tʃə], eye [aɪ]

The stoker was stirred to the depths of his linguistics. "Saueba go pop, pop," he said, "Wahaw" and laughed richly.

But Holroyd was thinking that these little creatures on the decked canoe had also eyes and brains.

The whole thing impressed him as incredibly foolish and wrong, but — what was one to do? This question came back enormously reinforced on the morrow, when at last the gunboat reached Badama.

This place, with its leaf-thatch-covered houses and sheds (это местечко с домами и сараями, покрытыми листьями и тростником), its creeper-invaded sugar-mill (сахарным заводиком, затянутым: «оккупированным» ползучими растениями), its little jetty of timber and canes (его маленькой пристанью из дерева и тростника), was very still in the morning heat (было очень тихим в утренней жаре), and showed never a sign of living men (и не проявляло ни единого признака живых людей). Whatever ants there were at that distance were too small to see (какие бы муравьи там ни были, они были слишком малы, чтобы увидеть их на таком расстоянии).

"All the people have gone (все люди ушли)," said Gerilleau, "but we will do one thing anyhow (но мы во всяком случае сделаем одно дело). We will 'oot and vissel (мы громко покричим и посвистим; *'oot and vissel* = *hoot and whistle*)."

sugar [ˈʃugə], hoot [hu:t], whistle [wisl]

This place, with its leaf-thatch-covered houses and sheds, its creeper-invaded sugar-mill, its little jetty of timber and canes, was very still in the morning heat, and showed never a sign of living men. Whatever ants there were at that distance were too small to see.

"All the people have gone," said Gerilleau, "but we will do one thing anyhow. We will 'oot and vissel."

So Holroyd hooted and whistled (и Холройд покричал и посвистел).

Then the captain fell into a doubting fit of the worst kind (потом капитан впал в припадок сомнений худшего вида = потом с капитаном случился ужаснейший приступ сомнений; *to fall into* — *впадать, приходить в какое-л. состояние; оказываться в каком-л. положении*). "Dere is one thing we can do (есть одно, что мы можем сделать)," he said presently (сказал он некоторое время спустя), "What's that (/и/ что это)?" said Holroyd.

"'Oot and vissel again (покричать и посвистеть опять)."

So they did (так они и сделали).

worst [wə:st], kind [kaɪnd], again [əˈgen]

So Holroyd hooted and whistled.

Then the captain fell into a doubting fit of the worst kind. "Dere is one thing we can do," he said presently, "What's that?" said Holroyd.

"'Oot and vissel again."

So they did.

The captain walked his deck and gesticulated to himself (капитан ходил по своему мостику и жестикулировал = жестикулируя, разговаривал сам с собой). He seemed to have many things on his mind (казалось, у него на уме

много вещей/дел). Fragments of speeches came from his lips (отрывки речей доносились с его губ). He appeared to be addressing some imaginary public tribunal either in Spanish or Portuguese (казалось, он обращается к какому-то воображаемому общественному суду либо на испанском, либо на португальском языке). Holroyd's improving ear detected something about ammunition (уже лучше понимая на слух: «улучшающееся ухо», Холройд разобрал что-то о боеприпасах; *to detect* — замечать, открывать, обнаруживать). He came out of these preoccupations suddenly into English (он внезапно перешел от этих /своих/ забот к английскому языку). "My dear 'Olroyd (мой дорогой Холройд)!" he cried, and broke off with (воскликнул он и внезапно закончил /словами/; *to break off* — внезапно прекращать, обрывать /разговор, дружбу, знакомство и т. п./) "But what *can* one do (но что же можно сделать)?"

imaginary [ɪˈmædʒɪnəri], tribunal [traɪˈbjuːnl], improving [ɪmˈpruːvɪŋ]

The captain walked his deck and gesticulated to himself. He seemed to have many things on his mind. Fragments of speeches came from his lips. He appeared to be addressing some imaginary public tribunal either in Spanish or Portuguese. Holroyd's improving ear detected something about ammunition. He came out of these preoccupations suddenly into English. "My dear 'Olroyd!" he cried, and broke off with "But what *can* one do?"

They took the boat and the field-glasses (они сели в лодку и взяли полевой бинокль), and went close in to examine the place (и подплыли ближе, чтобы осмотреть селение). They made out a number of big ants (они различили некоторое количество больших муравьев; *to make out* — увидеть, различить, понять), whose still postures had a certain effect of watching them (чьи неподвижные позы создавали определенное впечатление, что они наблюдают за ними), dotted about the edge of the rude embarkation jetty (усеяв край грубой

посадочной пристани). Gerilleau tried ineffectual pistol shots at these (Жерийо попробовал пострелять по ним из пистолета, /но/ безрезультатно: «испробовал неэффективные пистолетные выстрелы по этим»; *ineffectual* — безрезультатный, бесплодный, напрасный /о действии/). Holroyd thinks he distinguished curious earthworks running between the nearer houses (Холройду кажется, что он различил любопытные земляные сооружения, протянувшиеся между ближними домами), that may have been the work of the insect conquerors of those human habitations (которые, возможно, были работой насекомых-завоевателей этих человеческих жилищ). The explorers pulled past the jetty (разведчики проплыли мимо пристани; *to pull* — тянуть, тащить; грести, идти на веслах; плыть /о лодке с гребцами/), and became aware of a human skeleton wearing a loin cloth (и заметили человеческий скелет, носящий = в набедренной повязке), and very bright and clean and shining, lying beyond (/и/ очень яркий, чистый и блестящий, лежащий вдали; *beyond* — далеко, вдали; на расстоянии). They came to a pause regarding this (они сделали остановку, разглядывая его)...

posture [ˈpɒstʃə], human [ˈhju:mən], bright [braɪt]

They took the boat and the field-glasses, and went close in to examine the place. They made out a number of big ants, whose still postures had a certain effect of watching them, dotted about the edge of the rude embarkation jetty. Gerilleau tried ineffectual pistol shots at these. Holroyd thinks he distinguished curious earthworks running between the nearer houses, that may have been the work of the insect conquerors of those human habitations. The explorers pulled past the jetty, and became aware of a human skeleton wearing a loin cloth, and very bright and clean and shining, lying beyond. They came to a pause regarding this...

"I 'ave all dose lives to consider (мне нужно принять во внимание все эти жизни; *to consider* — *принимать во внимание, учитывать*)," said Gerilleau suddenly (сказал вдруг Жерийо).

Holroyd turned and stared at the captain (Холройд повернулся и пристально посмотрел на капитана), realising slowly that he referred to the unappetising mixture of races that constituted his crew (медленно осознавая, что он упомянул непривлекательную смесь рас, которая составляла его экипаж).

"To send a landing party (послать десантный отряд) — it is impossible — impossible (это невозможно, невозможно). They will be poisoned (их отравят), they will swell (они распухнут), they will swell up and abuse me and die (они распухнут и будут меня бесчестить, и умрут; *to abuse* — *оскорблять; ругать; бесчестить, поносить*). It is totally impossible (это совершенно невозможно)... If we land (если мы высадимся на берег), I must land alone (я должен высадиться один), alone, in thick boots and with my life in my hand (один, в толстых сапогах и с моей жизнью в моем собственном распоряжении; *in hand* — *в наличии, в собственном распоряжении*). Perhaps I should live (возможно, я останусь в живых). Or again — I might not land (или же, может быть, не высаживаться). I do not know (я не знаю). I do not know (не знаю)."

mixture [ˈmɪkstʃə], refer [rɪˈfə:], crew [kru:]

"I 'ave all dose lives to consider," said Gerilleau suddenly.

Holroyd turned and stared at the captain, realising slowly that he referred to the unappetising mixture of races that constituted his crew.

"To send a landing party — it is impossible — impossible. They will be poisoned, they will swell, they will swell up and abuse me and die. It is totally impossible... If we land, I must land alone, alone, in thick boots and with my life in my hand. Perhaps I should live. Or again — I might not land. I do not know. I do not know."

Holroyd thought he did (Холройд подумал, что он /капитан/ знает), but he said nothing (но ничего не сказал).

"De whole thing (все это дело; *de = the; whole — все, целое*)," said Gerilleau suddenly (сказал внезапно Жерийо), "'as been got up to make me ridiculous (организовано, чтобы выставить меня смешным = сделать из меня посмешище; *to get up — организовывать, осуществлять, подготавливать*). De whole thing (все это дело)!"

They paddled about and regarded the clean white skeleton from various points of view (они плыли на лодке и рассматривали чистый белый скелет с разных сторон: «точек зрения»), and then they returned to the gunboat (а потом они вернулись на канонерку). Then Gerilleau's indecisions became terrible (затем нерешительность Жерийо стала ужасной). Steam was got up (развели пары), and in the afternoon the monitor went on up the river with an air of going to ask somebody something (и во второй половине дня военный корабль поднялся вверх по реке с видом намерения спросить кого-нибудь о чем-то), and by sunset came back again and anchored (а к заходу солнца снова вернулся и встал на якорь). A thunderstorm gathered and broke furiously (собралась и бурно разразилась гроза), and then the night became beautifully cool and quiet (а затем ночь стала восхитительно прохладной и тихой) and everyone slept on deck (и все спали на палубе). Except Gerilleau, who tossed about and muttered (кроме Жерийо, который беспокойно метался и что-то бормотал; *to toss about — беспокойно метаться*). In the dawn he awakened Holroyd (на рассвете он разбудил Холройда).

view [vju:], thunderstorm [ˈθʌndəstɔ:m], dawn [dɔ:n]

Holroyd thought he did, but he said nothing.

"De whole thing," said Gerilleau suddenly, "'as been got up to make me ridiculous. De whole thing!"

They paddled about and regarded the clean white skeleton from various points of view, and then they returned to the gunboat. Then Gerilleau's indecisions became terrible. Steam was got up, and in the afternoon the monitor went on up the river with an air of going to ask somebody something, and by sunset came back again and anchored. A thunderstorm gathered and broke furiously, and then the night became beautifully cool and quiet and everyone slept on deck. Except Gerilleau, who tossed about and muttered. In the dawn he awakened Holroyd.

"Lord (Господи)!" said Holroyd, "what now (/и/ что теперь)?"

"I have decided (я решил)," said the captain (сказал капитан).

"What — to land (что — высаживаться на берег)?" said Holroyd, sitting up brightly (оживляясь с надеждой, спросил Холройд; *to sit up* — *приподняться, сесть*; /внезапно/ заинтересоваться).

"No (нет)!" said the captain, and was for a time very reserved (сказал капитан и некоторое время был очень замкнут). "I have decided (я решил)," he repeated (повторил он), and Holroyd manifested symptoms of impatience (а Холройд проявил симптомы нетерпения).

"Well, — yes (ну, да)," said the captain, "I shall fire de big gun (я выстрелю из большой пушки)!"

decide [di'said], reserved [ri'zə:vd], impatience [im'peiʃəns]

"Lord!" said Holroyd, "what now?"

"I have decided," said the captain.

"What — to land?" said Holroyd, sitting up brightly.

"No!" said the captain, and was for a time very reserved. "I have decided," he repeated, and Holroyd manifested symptoms of impatience.

"Well, — yes," said the captain, "I shall fire de big gun!"

And he did (и он выстрелил)! Heaven knows what the ants thought of it (Бог знает, что муравьи подумали об этом), but he did (но он выстрелил: «сделал»). He fired it twice with great sternness and ceremony (он выстрелил из нее два раза с великой суровостью и церемонностью; *stern* — *строгий, суровый, безжалостный*). All the crew had wadding in their ears (весь экипаж имел = заткнул ватой уши; *wadding* — *материал для набивки, подбивки /вата, шерсть и т. п./; подкладка, ватин*), and there was an effect of going into action about the whole affair (и возникло впечатление начала боевых действий по поводу всего этого дела; *to go into action* — *начинать делать /что-л. запланированное/; вступить в бой*), and first they hit and wrecked the old sugar-mill (и сначала они попали по старому сахарному заводу и разрушили его), and then they smashed the abandoned store behind the jetty (а потом они разнесли вдребезги брошенный склад за пристанью). And then Gerilleau experienced the inevitable reaction (а затем Жерийо испытал неизбежную реакцию).

ceremony [ˈserɪməni], wadding [ˈwɒdɪŋ], inevitable [ɪˈnevɪtəbl]

And he did! Heaven knows what the ants thought of it, but he did. He fired it twice with great sternness and ceremony. All the crew had wadding in their ears, and there was an effect of going into action about the whole affair, and first they hit and wrecked the old sugar-mill, and then they smashed the abandoned store behind the jetty. And then Gerilleau experienced the inevitable reaction.

"It is no good (бесполезно)," he said to Holroyd; "no good at all (совершенно бесполезно). No sort of bally good (никакой пользы; *bally* — *ужасный, страшный, проклятый, чертовский*). We must go back — for instructions (мы должны вернуться за инструкциями). Dere will be de devil of a row about dis ammunition (будет страшный нагоняй из-за этого боезапаса; *devil of a* — *страшный, ужасный*; *row* — *спор, ссора, перебранка; крики, шум*),

гам; гвалт, гул; нагоняй) — oh! de *devil* of a row (*ох, ужасный нагоняй*)! You don't know, 'Olroyd (*вы не знаете, Олройд*)..."

He stood regarding the world in infinite perplexity for a space (*он стоял, на протяжении какого-то времени разглядывая мир в бесконечном недоумении; space — интервал времени, промежуток; срок*).

"But what else was there to *do* (*но что еще можно было сделать*)?" he cried (*воскликнул он*).

In the afternoon the monitor started down stream again (*после полудня монитор снова отправился вниз по течению*), and in the evening a landing party took the body of the lieutenant and buried it on the bank (*а вечером десантный отряд взял тело лейтенанта и похоронил его на берегу*) upon which the new ants have so far not appeared (*на котором новые муравьи пока не появились*)...

bally [ˈbæli], row [rau], devil [devl]

"It is no good," he said to Holroyd; "no good at all. No sort of bally good. We must go back — for instructions. Dere will be de devil of a row about dis ammunition — oh! de *devil* of a row! You don't know, 'Olroyd..."

He stood regarding the world in infinite perplexity for a space.

"But what else was there to *do*?" he cried.

In the afternoon the monitor started down stream again, and in the evening a landing party took the body of the lieutenant and buried it on the bank upon which the new ants have so far not appeared...

IV

I heard this story in a fragmentary state from Holroyd not three weeks ago (*я услышал эту историю в обрывочном состоянии от Холройда менее трех недель назад*).

These new ants have got into his brain (он неотступно думал об этих новых муравьях; *to have got smb./smth. on one's brain* — неотступно думать о чем-л./ком-л.), and he has come back to England with the idea (и он вернулся в Англию с идеей), as he says (как он говорит), of "exciting people" about them "before it is too late («пробудить людей» по их поводу «пока еще не слишком поздно»)." He says they threaten British Guiana (он говорит, что они угрожают Британской Гайане), which cannot be much over a trifle of a thousand miles from their present sphere of activity (которая не может быть гораздо более = находится /на расстоянии/ немногим более тысячи миль от их нынешней сферы действия; *trifle* — мелочь, пустяк; небольшое количество, небольшая сумма), and that the Colonial Office ought to get to work upon them at once (и что Министерство колоний должно взяться за работу над ними немедленно). He declaims with great passion (он заявляет очень страстно; *to declaim* — произносить с пафосом /речь/; выступать с речью, произносить речь): "These are intelligent ants (это разумные муравьи). Just think what that means (только подумайте, что это значит)!"

idea [aɪˈdɪə], threaten [θreɪn], trifle [traɪfl]

I heard this story in a fragmentary state from Holroyd not three weeks ago.

These new ants have got into his brain, and he has come back to England with the idea, as he says, of "exciting people" about them "before it is too late." He says they threaten British Guiana, which cannot be much over a trifle of a thousand miles from their present sphere of activity, and that the Colonial Office ought to get to work upon them at once. He declaims with great passion: "These are intelligent ants. Just think what that means!"

There can be no doubt they are a serious pest (не может быть никаких сомнений, что они — внушающий опасение паразит; *serious* — серьезный; имеющий тяжелые последствия; внушающий опасения; трудный; *pest* — бич;

паразит, язва; мор, чума; вредитель, паразит), and that the Brazilian Government is well advised in offering a prize of five hundred pounds for some effectual method of extirpation (*и что Бразильское правительство правильно поступило, предлагая премию в пятьсот фунтов за какой-нибудь действенный метод истребления; extirpation — уничтожение, истребление; искоренение, ликвидация; to advise — советовать; advised — осторожный; благоразумный, рассудительный*). It is certain too (*также бесспорно; certain — точный, определенный; верный, известный, проверенный, надежный; бесспорный*) that since they first appeared in the hills beyond Badama (*что с тех пор, как они впервые появились в холмах за Бадамой*), about three years ago (*около трех лет назад*), they have achieved extraordinary conquests (*они добились выдающихся: «необыкновенных» побед*). The whole of the south bank of the Batemo River (*весь южный берег реки Батему*), for nearly sixty miles (*на протяжении почти шестидесяти миль*), they have in their effectual occupation (*они имеют в своем действительном = фактическом владении*); they have driven men out completely (*они полностью изгнали людей*), occupied plantations and settlements (*заняли плантации и поселения*), and boarded and captured at least one ship (*и забрались на борт по крайней мере одного корабля и захватили его*). It is even said (*говорят даже*) they have in some inexplicable way bridged the very considerable Capuarana arm (*что они каким-то необъяснимым образом преодолели очень важный рукав Капуараны; to bridge — преодолевать препятствия, выходить из затруднения; строить мост; перекрывать /преграду/*) and pushed many miles towards the Amazon itself (*и продвинулись на много миль к самой Амазонке; to push — толкать; проталкиваться, протискиваться; настойчиво идти к какой-л. цели*).

government [ˈɡʌvnmənt], achieve [əˈtʃiːv], capture [ˈkæptʃə]

There can be no doubt they are a serious pest, and that the Brazilian Government is well advised in offering a prize of five hundred pounds for some

effectual method of extirpation. It is certain too that since they first appeared in the hills beyond Badama, about three years ago, they have achieved extraordinary conquests. The whole of the south bank of the Batemo River, for nearly sixty miles, they have in their effectual occupation; they have driven men out completely, occupied plantations and settlements, and boarded and captured at least one ship. It is even said they have in some inexplicable way bridged the very considerable Capuarana arm and pushed many miles towards the Amazon itself.

There can be little doubt (может быть мало сомнений = несомненно/можно не сомневаться) that they are far more reasonable and with a far better social organisation than any previously known ant species (что они гораздо разумнее и с гораздо лучшей социальной организацией = и имеют гораздо лучшую социальную организацию, чем какой-либо ранее известный вид муравьев); instead of being in dispersed societies they are organised into what is in effect a single nation (вместо того, чтобы быть = жить в рассеянных сообществах, они организованы в то, что в сущности является единой нацией); but their peculiar and immediate formidableness lies not so much in this (но их особая и непосредственная опасность заключается не столько в этом) as in the intelligent use they make of poison against their larger enemies (сколько в разумном применении ими яда против более крупных врагов). It would seem this poison of theirs is closely akin to snake poison (этот яд, кажется, очень похож на змеиный яд; *akin* — *сродни; сродный, близкий, родственный; похожий, такой же как*), and it is highly probable they actually manufacture it (и весьма вероятно, они на самом деле изготавливают его), and that the larger individuals among them carry the needle-like crystals of it in their attacks upon men (и /что/ более крупные особи среди них несут иглоподобные кристаллы его при нападении на людей).

reasonable [ˈriːznəbl], society [səˈsaɪəti], enemy [ˈenɪmi], akin [əˈkɪn]

There can be little doubt that they are far more reasonable and with a far better social organisation than any previously known ant species; instead of being in dispersed societies they are organised into what is in effect a single nation; but their peculiar and immediate formidableness lies not so much in this as in the intelligent use they make of poison against their larger enemies. It would seem this poison of theirs is closely akin to snake poison, and it is highly probable they actually manufacture it, and that the larger individuals among them carry the needle-like crystals of it in their attacks upon men.

Of course it is extremely difficult to get any detailed information about these new competitors for the sovereignty of the globe (конечно, крайне трудно добыть подробную информацию об этих новых соперниках по владычеству над земным шаром). No eye-witnesses of their activity (никакие свидетели-очевидцы их деятельности), except for such glimpses as Holroyd's (кроме таких мимолетных впечатлений = кроме очевидцев с такими мимолетными впечатлениями, как у Холройда), have survived the encounter (не выжили в стычках). The most extraordinary legends of their prowess and capacity are in circulation in the region of the Upper Amazon (самые удивительные легенды об их доблести и способностях ходят в районе Верхней Амазонки), and grow daily as the steady advance of the invader stimulates men's imaginations through their fears (и растут с каждым днем, по мере того как неуклонное продвижение захватчика вперед стимулирует фантазии людей посредством страха: «через их страхи»).

extremely [iks' tri:mlɪ], sovereignty [ˈsɒvrəntɪ], prowess [ˈpraʊs]

Of course it is extremely difficult to get any detailed information about these new competitors for the sovereignty of the globe. No eye-witnesses of their activity, except for such glimpses as Holroyd's, have survived the encounter. The most extraordinary legends of their prowess and capacity are in circulation in the

region of the Upper Amazon, and grow daily as the steady advance of the invader stimulates men's imaginations through their fears.

These strange little creatures are credited not only with the use of implements and a knowledge of fire and metals (этим необычным маленьким созданиям приписывают не только использование инструментов и знание огня и металлов; *to credit* — *приписывать /кому-л. совершение какого-л. действия/*) and with organised feats of engineering that stagger our northern minds (и организованному инженерному мастерству, ошеломляющему наши северные умы; *feat* — *подвиг; ловкость, мастерство*; *to stagger* — *шататься; вызывать шатания; поколебать; вызвать сомнения; потрясать, поражать; ошеломлять; удивлять, ставить в тупик*) — unused as we are to such feats as that of the Sauebas of Rio de Janeiro (так как мы не привыкли к таким подвигам, как у Сауэбас из Рио-де-Жанейро), who in 1841 drove a tunnel under the Parahyba (которые в 1841 году проложили туннель под Парайбой; *to drive* — *проводить, прокладывать /туннель и т. п./*) where it is as wide as the Thames at London Bridge (где он так широк, как Темза у Лондонского Моста) — but with an organised and detailed method of record and communication analogous to our books (но /и/ организованный и подробный метод записи и передачи информации, аналогичный нашим книгам). So far their action has been a steady progressive settlement (до сих пор их действия были неуклонной нарастающей колонизацией), involving the flight or slaughter of every human being in the new areas they invade (включающей в себя изгнание или убийство всех людей в новых районах, которые они оккупируют; *flight* — *бегство, поспешное отступление; побег*; *human being* — *человек*). They are increasing rapidly in numbers (их численность быстро растет), and Holroyd at least is firmly convinced (и Холройд, по крайней мере, твердо убежден) that they will finally dispossess man over the whole of tropical South America (что они окончательно выселят человека по всей тропической Южной Америке).

tunnel [tʌnl], analogous [əˈnæləgəs], slaughter [ˈslɔ:tə]

These strange little creatures are credited not only with the use of implements and a knowledge of fire and metals and with organised feats of engineering that stagger our northern minds — unused as we are to such feats as that of the Sauebas of Rio de Janeiro, who in 1841 drove a tunnel under the Parahyba where it is as wide as the Thames at London Bridge — but with an organised and detailed method of record and communication analogous to our books. So far their action has been a steady progressive settlement, involving the flight or slaughter of every human being in the new areas they invade. They are increasing rapidly in numbers, and Holroyd at least is firmly convinced that they will finally dispossess man over the whole of tropical South America.

And why should they stop at tropical South America (а с какой стати им останавливаться на тропической Южной Америке = на тропиках Южной Америки)?

Well, there they are, anyhow (ну, как бы там ни было, они там). By 1911 or thereabouts (к 1911 году или около этого), if they go on as they are going (если они будут продвигаться вперед, как они продвигаются сейчас; *to go on* — *продолжать путь*), they ought to strike the Capuarana Extension Railway (они должны атаковать ветку железной дороги вдоль Капуараны), and force themselves upon the attention of the European capitalist (и навязать себя вниманию европейского капиталиста; *to force* — *принуждать, оказывать давление, заставлять, вынуждать*).

By 1920 they will be half-way down the Amazon (к 1920 году они будут на полпути к низовьям Амазонки). I fix 1950 or '60 at the latest for the discovery of Europe (я устанавливаю 1950 год или самое позднее 60-й как срок открытия Европы /муравьями/; *to fix* — *устанавливать, назначать /срок, цену и т. п./; at the latest* — *самое позднее, как самый поздний срок*).

ought [ɔ:t], half-way [ˌ ha:f weɪ], discovery [dɪ'skʌvrɪ]

And why should they stop at tropical South America?

Well, there they are, anyhow. By 1911 or thereabouts, if they go on as they are going, they ought to strike the Capuarana Extension Railway, and force themselves upon the attention of the European capitalist.

By 1920 they will be half-way down the Amazon. I fix 1950 or '60 at the latest for the discovery of Europe.

The Country of the Blind

(Страна Слепых)

Three hundred miles and more from Chimborazo (в трехстах милях с лишним от Чимборасо), one hundred from the snows of Cotoxachi (в ста от снегов Котопахы), in the wildest wastes of Ecuador's Andes (в самых диких просторах эквадорских Анд), there lies that mysterious mountain valley (находится эта таинственная горная долина), cut off from all the world of men (отрезанная от мира людей), the Country of the Blind (Страна Слепых). Long years ago (многие: «долгие» годы тому назад) that valley lay so far open to the world (эта долина лежала настолько открытой миру; *to lie* — *лежать*) that men might come at last through frightful gorges and over an icy pass into its equable meadows (что люди все же могли прийти через страшные теснины и через ледяной проход наконец в ее однородные луга), and thither indeed men came (и туда, конечно, пришли люди), a family or so of Peruvian half-breeds fleeing from the lust and tyranny of an evil Spanish ruler (одна семья или около того перуанских полукровок, бежавших от похоти и тирании злого/порочного испанского правителя). Then came the stupendous outbreak of

Mindobamba (затем произошло ужасно сильное извержение Миндобамбы; *stupendous* — *изумительный; громадный; огромной важности*), when it was night in Quito for seventeen days (когда в Кито была ночь в течение семнадцати дней), and the water was boiling at Yaguachi and all the fish floating dying even as far as Guayaquil (и вода кипела в Ягуачи, и вся рыба всплывала умирающей = *мертвой* до самого Гуаякиля); everywhere along the Pacific slopes there were land-slips and swift thawings and sudden floods (повсюду вдоль тихоокеанских склонов были = *происходили* оползни, скорые оттепели и внезапные наводнения; *to thaw* — *таять*), and one whole side of the old Arauca crest slipped and came down in thunder (и /один/ целый склон старого Арауканского гребня обвалился и рухнул с грохотом; *to come down* — *рухнуть*), and cut off the Country of the Blind for ever from the exploring feet of men (и навсегда отрезал Страну Слепых от исследовательских ног людей = от ног исследователей; *to cut off* — *отрезать*).

waste [weɪst], world [wɜːld], equable [ˈekwəbl]

Three hundred miles and more from Chimborazo, one hundred from the snows of Cotopaxi, in the wildest wastes of Ecuador's Andes, there lies that mysterious mountain valley, cut off from all the world of men, the Country of the Blind. Long years ago that valley lay so far open to the world that men might come at last through frightful gorges and over an icy pass into its equable meadows, and thither indeed men came, a family or so of Peruvian half-breeds fleeing from the lust and tyranny of an evil Spanish ruler. Then came the stupendous outbreak of Mindobamba, when it was night in Quito for seventeen days, and the water was boiling at Yaguachi and all the fish floating dying even as far as Guayaquil; everywhere along the Pacific slopes there were land-slips and swift thawings and sudden floods, and one whole side of the old Arauca crest slipped and came down in thunder, and cut off the Country of the Blind for ever from the exploring feet of men.

But one of these early settlers had chanced to be on the hither side of the gorges when the world had so terribly shaken itself (но одному из этих ранних поселенцев случилось оказаться по эту сторону завалов, когда мир так ужасно затрясся; *to shake* — *трясти/сь/; встряхивать; сотрясать/ся/*), and he perforce had to forget his wife and his child and all the friends and possessions he had left up there (и ему волей-неволей пришлось забыть жену и ребенка, и друзей и имущество, которое он оставил там), and start life over again in the lower world (и начать жизнь еще раз заново в нижнем мире). He started it again but ill, blindness overtook him (он начал ее снова, но беда, слепота обрушились на него; *to overtake* — *обрушиваться, случаться внезапно; охватывать, овладевать*), and he died of punishment in the mines (и он умер от жестокого обращения/наказания на рудниках); but the story he told begot a legend that lingers along the length of the Cordilleras of the Andes to this day (но история, которую он рассказал, породила легенду, которая сохранилась вдоль протяженности Кордильер = вдоль горных цепей Анд до сего дня; *to beget* — *производить, вызывать, порождать; cordillera* — *горная цепь /часто состоящая из нескольких параллельных друг другу горных цепей/*).

possession [pəˈzeʃən], punishment [ˈpʌnɪʃmənt], linger [ˈlɪŋɡə]

But one of these early settlers had chanced to be on the hither side of the gorges when the world had so terribly shaken itself, and he perforce had to forget his wife and his child and all the friends and possessions he had left up there, and start life over again in the lower world. He started it again but ill, blindness overtook him, and he died of punishment in the mines; but the story he told begot a legend that lingers along the length of the Cordilleras of the Andes to this day.

He told of his reason for venturing back from that fastness (он рассказал о причине того, что он отважился вернуться из той размеренной жизни:

«стабильности/устойчивости»), into which he had first been carried lashed to a llama (в которую его вначале привезли привязанным к ламе), beside a vast bale of gear (рядом с большим тюком вещей), when he was a child (когда он был ребенком). The valley, he said, had in it all that the heart of man could desire (в долине, говорил он, было все, что могло желать сердце человека) — sweet water, pasture, an even climate, slopes of rich brown soil with tangles of a shrub that bore an excellent fruit (пресная вода, пастбище, ровный климат, склоны жирной бурой почвы с зарослями кустарника, который давал отменные плоды; *to bear* — *приносить /плоды/*), and on one side great hanging forests of pine that held the avalanches high (а на одной стороне огромные нависающие сосновые леса, которые удерживали лавины высоко = вдалеке). Far overhead, on three sides, vast cliffs of grey-green rock were capped by cliffs of ice (далеко вверх с трех сторон огромные утесы из серо-зеленой породы были увенчаны ледяными скалами; *cap* — *шапка*; *to cap* — *надевать шапку, покрывать голову; крыть, покрывать; накрывать*); but the glacier stream came not to them (но ледниковый поток не доходил до них), but flowed away by the farther slopes (а стекал по более дальним склонам), and only now and then huge ice masses fell on the valley side (и лишь изредка огромные массы льда падали на край долины; *now and then* — *время от времени, иногда, изредка*). In this valley it neither rained nor snowed (в этой долине не шел ни дождь, ни снег), but the abundant springs gave a rich green pasture (а обильные родники предоставляли изобильное зеленое пастбище), that irrigation would spread over all the valley space (которое орошение распространяло = *которое благодаря орошению распространялось* по всему пространству долины).

pasture [ˈpɑːstʃə], fruit [fru:t], avalanche [ˈævələːnʃ]

He told of his reason for venturing back from that fastness, into which he had first been carried lashed to a llama, beside a vast bale of gear, when he was a child. The valley, he said, had in it all that the heart of man could desire — sweet water,

pasture, an even climate, slopes of rich brown soil with tangles of a shrub that bore an excellent fruit, and on one side great hanging forests of pine that held the avalanches high. Far overhead, on three sides, vast cliffs of grey-green rock were capped by cliffs of ice; but the glacier stream came not to them, but flowed away by the farther slopes, and only now and then huge ice masses fell on the valley side. In this valley it neither rained nor snowed, but the abundant springs gave a rich green pasture, that irrigation would spread over all the valley space.

The settlers did well indeed there (поселенцы жили там хорошо; *to do well* — процветать, преуспевать). Their beasts did well and multiplied (их животные процветали и размножались), and but one thing marred their happiness (и лишь одно обстоятельство омрачало их счастье; *to mar* — искажать, портить, ухудшать). Yet it was enough to mar it greatly (однако его было достаточно, чтобы омрачить его значительно). A strange disease had come upon them and had made all the children born to them there — and, indeed, several older children also — blind (странная болезнь обрушилась на них, и делала слепыми = поразила слепотой всех детей, которые родились у них там — и, более того, некоторых старших детей). It was to seek some charm or antidote against this plague of blindness (именно чтобы найти какое-то заклинание или противоядие от этой эпидемии слепоты/от этого наказания слепотой; *plague* — мор, эпидемия, чума; горе, бедствие; напасть, наказание) that he had with fatigue and danger and difficulty returned down the gorge (вернулся он изнуренным с риском /для жизни/ и с трудом вниз к ущелью). In those days, in such cases, men did not think of germs and infections (в те дни в таких случаях люди думали не о бактериях и инфекциях), but of sins (а о грехах), and it seemed to him that the reason of this affliction must be in the negligence of these priestless immigrants to set up a shrine so soon as they entered the valley (и ему казалось, что причина этого недуга должна быть в небрежении этих иммигрантов без священников /по отношению к тому/, чтобы возвести храм, как только они вошли в долину).

enough [ɪˈnʌf], plague [pleɪɡ], fatigue [fəˈtiːɡ]

The settlers did well indeed there. Their beasts did well and multiplied, and but one thing marred their happiness. Yet it was enough to mar it greatly. A strange disease had come upon them and had made all the children born to them there — and, indeed, several older children also — blind. It was to seek some charm or antidote against this plague of blindness that he had with fatigue and danger and difficulty returned down the gorge. In those days, in such cases, men did not think of germs and infections, but of sins, and it seemed to him that the reason of this affliction must be in the negligence of these priestless immigrants to set up a shrine so soon as they entered the valley.

He wanted a shrine — a handsome, cheap, effectual shrine — to be erected in the valley (он хотел, чтобы в долине воздвигли храм — красивый, недорогой, действенный храм); he wanted relics and such-like potent things of faith (ему нужны были мощи и подобные талисманы: «могущественные предметы» веры), blessed objects and mysterious medals and prayers (освященные вещи и таинственные медальоны и молитвы). In his wallet he had a bar of native silver for which he would not account (у него в кошельке был слиток местного серебра, по поводу которого он не хотел говорить; *to account for* — давать отчет; объяснять; нести ответственность; отвечать; отчитываться); he insisted there was none in the valley with something of the insistence of an inexperienced liar (он настойчиво утверждал, что в долине его /серебра/ не было, с каким-то упорством неумелого лжеца; *inexpert* — неопытный). They had all clubbed their money and ornaments together (они все собрали вскладчину деньги и украшения; *to club together* — устраивать складчину), having little need for such treasure up there (мало нуждаясь в таких сокровищах там в глуши; *up* — указывает на нахождение в глубине страны, территории), he said, to buy

them holy help against their ill (говорил он, чтобы купить себе святую помощь от их беды).

effectual [ɪ'fektʃuəl], none [nʌn], treasure [ˈtreɪzə]

He wanted a shrine — a handsome, cheap, effectual shrine — to be erected in the valley; he wanted relics and such-like potent things of faith, blessed objects and mysterious medals and prayers. In his wallet he had a bar of native silver for which he would not account; he insisted there was none in the valley with something of the insistence of an inexperienced liar. They had all clubbed their money and ornaments together, having little need for such treasure up there, he said, to buy them holy help against their ill.

I figure this dim-eyed young mountaineer, sunburnt, gaunt, and anxious, hat brim clutched feverishly (я представляю этого молодого горца со слабым зрением, загорелого, худощавого и беспокойного, взволнованно мнущего поля шляпы), a man all unused to the ways of the lower world (человека, совершенно непривыкшего к обычаям нижнего мира; *way* — манера, привычка, образ действия, особенность), telling this story to some keen-eyed, attentive priest before the great convulsion (рассказывающего эту историю какому-то проницательному /и/ внимательному священнику до /того, как случилось/ великое землетрясение); I can picture him presently seeking to return with pious and infallible remedies against that trouble (я представляю, как он через некоторое время пытается вернуться с религиозными/благочестивыми и надежными средствами от той болезни), and the infinite dismay with which he must have faced the tumbled vastness where the gorge had once come out (и бесконечное смятение, с которым он, наверное, стоял перед обрушившейся громадой там, где когда-то выходило ущелье; *to face* — стоять лицом к /чему-л./, быть повернутым /в сторону чего-л./; смотреть в лицо, в глаза; стоять перед чем-л.). But the rest of his story of mischances is lost to me (но

остальная история его неудач утеряна для меня), save that I know of his evil death after several years (за исключением того, что я знаю о его недоброй смерти через несколько лет). Poor stray from that remoteness (бедный заблудший человек из того отдаленного района; *stray* — *бездомный, бесприютный или заблудившийся человек*)! The stream that had once made the gorge now bursts from the mouth of a rocky cave (поток, который некогда создал ущелье, теперь вырывается из входа скалистой пещеры), and the legend his poor, ill-told story set going developed into the legend of a race of blind men somewhere “over there” one may still hear to-day (а легенда, которую породила его скудная, плохо рассказанная история, превратилась в легенду о расе слепых людей где-то «вон там», которую можно все еще услышать сегодня; *to develop* — *развивать; излагать*).

pious [ˈpaɪəs], infallible [ɪnˈfæləbl], several [ˈsevrəl]

I figure this dim-eyed young mountaineer, sunburnt, gaunt, and anxious, hat brim clutched feverishly, a man all unused to the ways of the lower world, telling this story to some keen-eyed, attentive priest before the great convulsion; I can picture him presently seeking to return with pious and infallible remedies against that trouble, and the infinite dismay with which he must have faced the tumbled vastness where the gorge had once come out. But the rest of his story of mischances is lost to me, save that I know of his evil death after several years. Poor stray from that remoteness! The stream that had once made the gorge now bursts from the mouth of a rocky cave, and the legend his poor, ill-told story set going developed into the legend of a race of blind men somewhere “over there” one may still hear to-day.

And amidst the little population of that now isolated and forgotten valley the disease ran its course (а среди небольшого населения этой теперь изолированной и забытой долины болезнь шла своим ходом). The old became

groping, the young saw but dimly, and the children that were born to them never saw at all (старики стали ходить наощупь, молодые видели лишь слабо, а дети, которые родились у них, не видели уже вообще; *to grope* — *ощупывать, идти ощупью*). But life was very easy in that snow-rimmed basin (но жизнь была очень проста в той тихой долине: «чаше/бассейне», окаймленной снегами), lost to all the world (затерянной для всего мира), with neither thorns nor briars (без шипов и колючек), with no evil insects nor any beasts save the gentle breed of llamas (без вредных насекомых и без зверей, за исключением смирной породы лам) they had lugged and thrust and followed up the beds of the shrunken rivers in the gorges up which they had come (которых они притащили, пропихнули и загнали по руслам высохших рек в ущельях, по которым они пришли; *to shrink* — *высыхать, пересыхать, усыхать*; *shrunken* — *усохший, сморщенный, съезжившийся*). The seeing had become purblind so gradually that they scarcely noticed their loss (зрение поблекло столь постепенно, что они едва заметили свою потерю; *purblind* — *подслеповатый*). They guided the sightless youngsters hither and thither until they knew the whole valley marvellously (они водили незрячих юнцов туда и сюда, пока те не узнают всю долину в совершенстве: «удивительно»), and when at last sight died out among them the race lived on (и когда наконец зрение вымерло среди них, народ: «раса» продолжал жить).

disease [dɪˈziːz], neither [ˈnaɪðə], youngster [ˈjʌŋstə]

And amidst the little population of that now isolated and forgotten valley the disease ran its course. The old became groping, the young saw but dimly, and the children that were born to them never saw at all. But life was very easy in that snow-rimmed basin, lost to all the world, with neither thorns nor briars, with no evil insects nor any beasts save the gentle breed of llamas they had lugged and thrust and followed up the beds of the shrunken rivers in the gorges up which they had come. The seeing had become purblind so gradually that they scarcely noticed

their loss. They guided the sightless youngsters hither and thither until they knew the whole valley marvellously, and when at last sight died out among them the race lived on.

They had even time to adapt themselves to the blind control of fire (у них даже было время приспособиться к слепому контролю за огнем), which they made carefully in stoves of stone (который они осторожно разводили в каменных печах). They were a simple strain of people at the first, unlettered, only slightly touched with the Spanish civilisation (сначала они были непросвещенной расой людей, неграмотных, лишь слегка затронутых испанской цивилизацией), but with something of a tradition of the arts of old Peru and of its lost philosophy (но с какой-то традицией ремесел древнего Перу и его забытой философией; *arts* — гуманитарные науки; искусства; ремесла). Generation followed generation (поколение следовало за поколением = поколение сменялось поколением). They forgot many things (они многое забыли); they devised many things (они многое изобрели). Their tradition of the greater world they came from became mythical in colour and uncertain (их предание о большом мире, из которого они пришли, обрело мифическую окраску и /стало/ неопределенным; *colour* — цвет, вид). In all things save sight they were strong and able (во всем, кроме зрения, они были сильны и искусны), and presently chance sent one who had an original mind and who could talk and persuade among them, and then afterwards another (и через некоторое время случай послал среди них = им одного /человека/, который обладал оригинальным мышлением и который умел говорить и убеждать, а потом, впоследствии, еще одного). These two passed, leaving their effects (эти двое умерли, оставив свои влияние), and the little community grew in numbers and in understanding (и маленькая община выросла числом и умом: «пониманием»), and met and settled social and economic problems that arose (и сталкивалась с общественными и экономическими проблемами, которые возникали, и решала их; *to meet* — столкнуться /с чем-л./, встретить /что-л./; *to settle* —

урегулировать, разрешить; to arise — возникать, появляться). Generation followed generation (*поколение следовало за поколением*). Generation followed generation (*поколение сменялось поколением*). There came a time (*наступило время*) when a child was born who was fifteen generations from that ancestor who went out of the valley with a bar of silver to seek God's aid (*когда родился ребенок, которого /отделяло/ пятнадцать поколений от того предка, который вышел из долины со слитком серебра искать помощь у Бога*), and who never returned (*и который так никогда и не вернулся*). Thereabout it chanced that a man came into this community from the outer world (*где-то в это время случилось так, что в эту общину вошел один человек из внешнего мира*). And this is the story of that man (*и это рассказ о том человеке*).

philosophy [fɪ'ləsəfi], mythical ['mɪθɪkəl], persuade [pə'sweɪd]

They had even time to adapt themselves to the blind control of fire, which they made carefully in stoves of stone. They were a simple strain of people at the first, unlettered, only slightly touched with the Spanish civilisation, but with something of a tradition of the arts of old Peru and of its lost philosophy. Generation followed generation. They forgot many things; they devised many things. Their tradition of the greater world they came from became mythical in colour and uncertain. In all things save sight they were strong and able, and presently chance sent one who had an original mind and who could talk and persuade among them, and then afterwards another. These two passed, leaving their effects, and the little community grew in numbers and in understanding, and met and settled social and economic problems that arose. Generation followed generation. Generation followed generation. There came a time when a child was born who was fifteen generations from that ancestor who went out of the valley with a bar of silver to seek God's aid, and who never returned. Thereabout it chanced that a man came into this community from the outer world. And this is the story of that man.

He was a mountaineer from the country near Quito (он был горцем из местности возле Кито), a man who had been down to the sea and had seen the world (человеком, который ходил в море и повидал свет), a reader of books in an original way (читатель книг оригинальным путем = по-своему начитанный), an acute and enterprising man (проницательный и предприимчивый человек), and he was taken on by a party of Englishmen who had come out to Ecuador to climb mountains (и он был нанят группой англичан, которые приехали в Эквадор лазить по горам; *to take on* — *принимать на службу*), to replace one of their three Swiss guides who had fallen ill (для замены одного из их трех швейцарских проводников, который заболел). He climbed here and he climbed there (он взбирался тут и там), and then came the attempt on Parascotopetl, the Matterhorn of the Andes (а потом наступила попытка /восхождения/ на Параскотопетль, /этакий/ Маттерхорн Анд), in which he was lost to the outer world (при которой он пропал для внешнего мира). The story of that accident has been written a dozen times (история этого несчастного случая была написана дюжину раз). Pointer's narrative is the best (лучше всего изложение Пойнтера). He tells how the little party worked their difficult and almost vertical way up to the very foot of the last and greatest precipice (он рассказывает, как маленький отряд пробирался по трудному и почти вертикальному пути до самого подножия последнего и самого большого обрыва), and how they built a night shelter amidst the snow upon a little shelf of rock (и как они возвели ночной лагерь: «укрытие» среди снегов на небольшом скальном уступе), and, with a touch of real dramatic power (и с оттенком настоящей драматической мощи), how presently they found Nunez had gone from them (как они некоторое время спустя обнаружили, что Нуньес ушел от них = нет с ними). They shouted, and there was no reply; shouted and whistled (они кричали, и не было ответа, кричали и свистели), and for the rest of that night they slept no more (и в оставшуюся часть той ночи они больше не спали).

narrative [ˈnærətɪv], precipice [ˈpresɪpɪs], whistle [wɪsl]

He was a mountaineer from the country near Quito, a man who had been down to the sea and had seen the world, a reader of books in an original way, an acute and enterprising man, and he was taken on by a party of Englishmen who had come out to Ecuador to climb mountains, to replace one of their three Swiss guides who had fallen ill. He climbed here and he climbed there, and then came the attempt on Parascotopetl, the Matterhorn of the Andes, in which he was lost to the outer world. The story of that accident has been written a dozen times. Pointer's narrative is the best. He tells how the little party worked their difficult and almost vertical way up to the very foot of the last and greatest precipice, and how they built a night shelter amidst the snow upon a little shelf of rock, and, with a touch of real dramatic power, how presently they found Nunez had gone from them. They shouted, and there was no reply; shouted and whistled, and for the rest of that night they slept no more.

As the morning broke they saw the traces of his fall (когда началось утро, они увидели следы его падения; *to break* — ломать; разразиться, начинаться внезапно, бурно). It seems impossible he could have uttered a sound (кажется невозможным, что он мог издать звук = по-видимому, он и вскрикнуть не успел). He had slipped eastward towards the unknown side of the mountain (он соскользнул в восточном направлении в сторону неизвестного = неисследованного склона горы); far below he had struck a steep slope of snow (далеко внизу он ударился о крутой снежный склон), and ploughed his way down it in the midst of a snow avalanche (и пропахал борозду вниз по нему посредине снежной лавины; *to plough* — прокладывать борозду, бороздить; *to plough one's way* — прокладывать себе путь). His track went straight to the edge of a frightful precipice (его след шел прямо к краю страшной пропасти), and beyond that everything was hidden (а за пределами этого все было скрыто). Far, far below, and hazy with distance (далеко, далеко внизу и неясно из-за

расстояния; *hazy* — туманный, затуманенный, подернутый дымкой; неясный, смутный), they could see trees rising out of a narrow, shut-in valley (они могли видеть деревья, поднимающиеся из узкой, зажатой со всех сторон долины) — the lost Country of the Blind (затерянной Страны Слепых). But they did not know it was the lost Country of the Blind (но они не знали, что это забытая Страна Слепых), nor distinguish it in any way from any other narrow streak of upland valley (и не отличили = не смогли отличить ее от любой другой узкой полоски горной долины). Unnerved by this disaster (потрясенные этим несчастьем; *disaster* — беда, бедствие, несчастье), they abandoned their attempt in the afternoon (они бросили свою попытку /восхождения/ после полудня), and Pointer was called away to the war before he could make another attack (а /потом/ Пойнтер был отозван на войну, прежде чем он смог совершить еще одну попытку). To this day Parascotopetl lifts an unconquered crest (до сего дня Параскотопетль поднимает непокоренный гребень; *to conquer* — покорять, завоевывать), and Pointer's shelter crumbles unvisited amidst the snows (а не посещаемый = заброшенный лагерь Пойнтера ветшает среди снегов; *to crumble* — разрушаться; распадаться; ветшать).

plough [plau], disaster [dɪ'zɑ:stə], abandon [ə'bændən], conquer ['kɒŋkə]

As the morning broke they saw the traces of his fall. It seems impossible he could have uttered a sound. He had slipped eastward towards the unknown side of the mountain; far below he had struck a steep slope of snow, and ploughed his way down it in the midst of a snow avalanche. His track went straight to the edge of a frightful precipice, and beyond that everything was hidden. Far, far below, and hazy with distance, they could see trees rising out of a narrow, shut-in valley — the lost Country of the Blind. But they did not know it was the lost Country of the Blind, nor distinguish it in any way from any other narrow streak of upland valley. Unnerved by this disaster, they abandoned their attempt in the afternoon, and Pointer was called away to the war before he could make another attack. To this

day Parascotopetl lifts an unconquered crest, and Pointer's shelter crumbles unvisited amidst the snows.

And the man who fell survived (а человек, который упал, выжил).

At the end of the slope he fell a thousand feet (в конце = от края склона он пролетел: «падал» тысячу футов), and came down in the midst of a cloud of snow upon a snow-slope even steeper than the one above (и свалился посреди снежного облака на снежный склон даже еще круче, чем верхний). Down this he was whirled, stunned and insensible (внизу него = склона его швырнуло, оглушило ударом, и он потерял сознание; *insensible* — потерявший сознание), but without a bone broken in his body (но ни одна косточка не была сломана в его теле); and then at last came to gentler slopes (и потом наконец /он/ добрался до более пологих склонов), and at last rolled out and lay still (и в конце концов выкатился и замер: «лежал неподвижно»), buried amidst a softening heap of the white masses that had accompanied and saved him (погребенный в мягкой куче белой массы, которая летела с ним: «сопровождала» и спасла его).

roll [rəʊl], soften [sɒfn], accompany [ə'kʌmpəni]

And the man who fell survived.

At the end of the slope he fell a thousand feet, and came down in the midst of a cloud of snow upon a snow-slope even steeper than the one above. Down this he was whirled, stunned and insensible, but without a bone broken in his body; and then at last came to gentler slopes, and at last rolled out and lay still, buried amidst a softening heap of the white masses that had accompanied and saved him.

He came to himself with a dim fancy that he was ill in bed (он пришел в себя со смутным ощущением: «иллюзией» того, что он болен и в постели); then realized his position with a mountaineer's intelligence (потом осознал свое положение со смысленностью горца) and worked himself loose and, after a rest

or so, out until he saw the stars (и он стал выбираться и после отдыха = и он, отдыхая время от времени, стал выбираться наружу, пока не увидел звезды; *to work oneself* — приводить себя в какое-то состояние; *loose* — свободный; *or so* — приблизительно, около этого /после указания количества/). He rested flat upon his chest for a space (он лежал без движения навзничь: «плашмя на груди» какое-то время), wondering where he was and what had happened to him (спрашивая себя, где он и что с ним случилось). He explored his limbs (он ощупал свои конечности; *to explore* — исследовать, рассматривать), and discovered that several of his buttons were gone and his coat turned over his head (и обнаружил, что несколько его пуговиц оторвались, а его куртка завернулась на голову; *gone* — пропавший, потерянный). His knife had gone from his pocket and his hat was lost (его нож пропал = вывалился из кармана, а его шляпа потерялась), though he had tied it under his chin (хотя он завязал ее под подбородком). He recalled that he had been looking for loose stones to raise his piece of the shelter wall (он вспомнил, что искал свободные камни, чтобы сделать выше свою часть стены убежища; *loose* — непривязанный, неприкрепленный). His ice-axe had disappeared (его ледоруб исчез; *axe* — топор).

realize [ˈrɪəlaɪz], loose [lu:s], limb [lɪm], knife [naɪf]

He came to himself with a dim fancy that he was ill in bed; then realized his position with a mountaineer's intelligence and worked himself loose and, after a rest or so, out until he saw the stars. He rested flat upon his chest for a space, wondering where he was and what had happened to him. He explored his limbs, and discovered that several of his buttons were gone and his coat turned over his head. His knife had gone from his pocket and his hat was lost, though he had tied it under his chin. He recalled that he had been looking for loose stones to raise his piece of the shelter wall. His ice-axe had disappeared.

He decided he must have fallen (он решил, что, должно быть, упал), and looked up to see, exaggerated by the ghastly light of the rising moon, the tremendous flight he had taken (и поднял взгляд, чтобы увидеть огромное расстояние, которое он прошел, увеличенное мертвенно-бледным светом восходящей луны). For a while he lay (некоторое время он лежал), gazing blankly at the vast, pale cliff towering above (безучастно уставившись на громадный бледный крутой склон, возвышающийся над /ним/), rising moment by moment out of a subsiding tide of darkness (поднимающийся минута за минутой из убывающего потока тьмы). Its phantasmal, mysterious beauty held him for a space (его призрачная, таинственная красота приковала на время его /взгляд/), and then he was seized with a paroxysm of sobbing laughter (а потом он был охвачен приступом рыдающего смеха = смеха с рыданиями)...

exaggerate [ɪɡˈzædʒəreɪt], ghastly [ˈɡɑːstli], laughter [ˈlɑːftə]

He decided he must have fallen, and looked up to see, exaggerated by the ghastly light of the rising moon, the tremendous flight he had taken. For a while he lay, gazing blankly at the vast, pale cliff towering above, rising moment by moment out of a subsiding tide of darkness. Its phantasmal, mysterious beauty held him for a space, and then he was seized with a paroxysm of sobbing laughter...

After a great interval of time he became aware that he was near the lower edge of the snow (после длительного промежутка времени = спустя долгое время он понял, что находится возле нижней границы снега). Below, down what was now a moon-lit and practicable slope (ниже, внизу того, чтобы было сейчас освещенным луной отлогим склоном), he saw the dark and broken appearance of rock-strewn turf (он увидел темный и неровный вид дерна, усыпанного камнями; *to strew* — разбрасывать; насыпать, усыпать). He struggled to his feet (он с трудом поднялся на ноги; *to struggle* — бороться; делать усилия; стараться изо всех сил), aching in every joint and limb (/несмотря на/ боль во

всех суставах и конечностях), got down painfully from the heaped loose snow about him (спустился мучительно = с мучениями с сугробов рыхлого снега вокруг него; *to heap* — бросать в кучу, складывать в кучу, нагромождать; накапливать; *heap* — куча), went downward until he was on the turf (пошел вниз, пока не оказался на дерне), and there dropped rather than lay beside a boulder (и там скорее рухнул, чем лег, возле большого валуна), drank deep from the flask in his inner pocket (сделал глубокий глоток из фляжки из внутреннего кармана), and instantly fell asleep (и тотчас заснул; *to fall asleep* — засыпать)...

He was awakened by the singing of birds in the trees far below (его разбудило пение птиц на деревьях далеко внизу).

appearance [ə'piərəns], strewn [stru:n], boulder ['bəuldə]

After a great interval of time he became aware that he was near the lower edge of the snow. Below, down what was now a moon-lit and practicable slope, he saw the dark and broken appearance of rock-strewn turf. He struggled to his feet, aching in every joint and limb, got down painfully from the heaped loose snow about him, went downward until he was on the turf, and there dropped rather than lay beside a boulder, drank deep from the flask in his inner pocket, and instantly fell asleep...

He was awakened by the singing of birds in the trees far below.

He sat up and perceived he was on a little alp at the foot of a vast precipice (он сел и понял, что он на небольшом горном пастбище у подножия огромного обрыва) that sloped only a little in the gully down which he and his snow had come (который имел лишь небольшой уклон в канаве, по которой пришел = спустился он и его снег). Over against him another wall of rock reared itself against the sky (напротив него на фоне неба возвышалась еще одна каменная стена; *to rear* — поднимать; возвышать). The gorge between these

precipices ran east and west and was full of the morning sunlight (узкое ущелье между этими обрывами тянулось на восток и на запад и было заполнено утренним солнечным светом), which lit to the westward the mass of fallen mountain that closed the descending gorge (который освещал в западном направлении массу упавшей горы, которая заперла опускающуюся теснину). Below him it seemed there was a precipice equally steep (ниже него, казалось, была пропасть в равной степени крутая), but behind the snow in the gully he found a sort of chimney-cleft dripping with snow-water (но за снегами в овражке он нашел тесную: «/как в/ печной трубе» расщелину с талой водой), down which a desperate man might venture (по которой отчаянный человек мог отважиться спуститься вниз). He found it easier than it seemed (он обнаружил, что это легче, чем казалось), and came at last to another desolate alp (и попал, наконец, на другое пустынное горное пастбище), and then after a rock climb of no particular difficulty, to a steep slope of trees (а потом, легко преодолев еще одну скалу, /попал/ на крутой склон с деревьями; *climb* — восхождение, подъем).

precipice [ˈpresɪpɪs], mountain [ˈmaʊntɪn], desolate [ˈdesələt], climb [klaɪm]

He sat up and perceived he was on a little alp at the foot of a vast precipice that sloped only a little in the gully down which he and his snow had come. Over against him another wall of rock reared itself against the sky. The gorge between these precipices ran east and west and was full of the morning sunlight, which lit to the westward the mass of fallen mountain that closed the descending gorge. Below him it seemed there was a precipice equally steep, but behind the snow in the gully he found a sort of chimney-cleft dripping with snow-water, down which a desperate man might venture. He found it easier than it seemed, and came at last to another desolate alp, and then after a rock climb of no particular difficulty, to a steep slope of trees.

He took his bearings and turned his face up the gorge (он осмотрелся и направился вверх по ущелью; *to take one's bearings* — *осмотреться, сориентироваться*; *bearings* — *месторасположение*; *to turn one's face* — *направиться*), for he saw it opened out above upon green meadows (ибо он увидел, что оно ведет: «раскрывается» к зеленым лугам; *to open out* — *развертывать/ся*; *раскрывать/ся*), among which he now glimpsed quite distinctly a cluster of stone huts of unfamiliar fashion (среди которых он теперь заметил совершенно отчетливо группу каменных хижин непривычного вида/необычной формы; *fashion* — *форма, очертания*; *покрой /об одежде/; сорт, вид, разновидность*). At times his progress was like clambering along the face of a wall (временами его продвижение вперед было подобно карабканию по поверхности стены = было очень медленным), and after a time the rising sun ceased to strike along the gorge (а через некоторое время восходящее солнце перестало проникать в ущелье), the voices of the singing birds died away (голоса поющих птиц замерли; *to die away* — *замирать*), and the air grew cold and dark about him (а вокруг него стало темнее и прохладнее: «воздух стал холодным и темным»). But the distant valley with its houses was all the brighter for that (но далекая долина с домиками стала при этом еще ярче). He came presently to talus (некоторое время спустя он подошел к откосу), and among the rocks he noted (и среди камней он заметил) — for he was an observant man (ибо он был наблюдательным человеком) — an unfamiliar fern that seemed to clutch out of the crevices with intense green hands (необычный: «незнакомый» папоротник, который, казалось, выбирался из расщелин сильными зелеными руками; *to clutch* — *хвататься за что-л., искать опоры*). He picked a frond or so and gnawed its stalk, and found it helpful (он сорвал лист-другой папоротника, пожевал его стебель и обнаружил, что он съедобный: «что это помогает»; *frond* — *похожий на ветку лист /напр., папоротника/*).

meadow [ˈmedəu], talus [ˈteɪləs] gnaw [nɔ:], stalk [stɔ:k]

He took his bearings and turned his face up the gorge, for he saw it opened out above upon green meadows, among which he now glimpsed quite distinctly a cluster of stone huts of unfamiliar fashion. At times his progress was like clambering along the face of a wall, and after a time the rising sun ceased to strike along the gorge, the voices of the singing birds died away, and the air grew cold and dark about him. But the distant valley with its houses was all the brighter for that. He came presently to talus, and among the rocks he noted — for he was an observant man — an unfamiliar fern that seemed to clutch out of the crevices with intense green hands. He picked a frond or so and gnawed its stalk, and found it helpful.

About midday he came at last out of the throat of the gorge into the plain and the sunlight (около полудня он, наконец, вышел из горловины ущелья на равнину и солнечный свет). He was stiff and weary (у него все онемело, и он был изнурен; *stiff* — тугой, негибкий, неэластичный, жесткий: *stiff muscles* — неэластичные мышцы; окостеневший, одеревенелый); he sat down in the shadow of a rock (он сел в тени скалы), filled up his flask with water from a spring and drank it down (наполнил свою фляжку водой из ручья и выпил ее до дна), and remained for a time, resting before he went on to the houses (и некоторое время оставался /там/, отдыхая, перед тем, как продолжить путь к домам; *to go on* — продолжить путь).

They were very strange to his eyes (они были очень необычны для его глаз = дома выглядели необычно), and indeed the whole aspect of that valley became, as he regarded it, queerer and more unfamiliar (да и весь вид этой долины стал, когда он разглядел ее, более странным/подозрительным и более непривычным; *queer* — странный, необычный, чудной; сомнительный; подозрительный). The greater part of its surface was lush green meadow (большая часть ее поверхности была пышным зеленым лугом), starred with many beautiful flowers (усеянным /как звездами/ множеством прекрасных

цветов; *star* — звезда), irrigated with extraordinary care (орошаемым с исключительной заботой), and bearing evidence of systematic cropping piece by piece (со следами: «носящим свидетельство» систематической подрезки по участкам; *to crop* — обрезать, подстригать; щипать, объедать; собирать урожай; давать урожай; сеять, засеивать).

weary [ˈwiəri], surface [ˈsəːfɪs], piece [piːs]

About midday he came at last out of the throat of the gorge into the plain and the sunlight. He was stiff and weary; he sat down in the shadow of a rock, filled up his flask with water from a spring and drank it down, and remained for a time, resting before he went on to the houses.

They were very strange to his eyes, and indeed the whole aspect of that valley became, as he regarded it, queerer and more unfamiliar. The greater part of its surface was lush green meadow, starred with many beautiful flowers, irrigated with extraordinary care, and bearing evidence of systematic cropping piece by piece.

High up and ringing the valley about was a wall (высоко поверху долину опоясывала кольцом стена), and what appeared to be a circumferential water channel (и нечто, казавшееся периферическим водным каналом; *to appear* — являться; казаться, производить впечатление), from which the little trickles of water that fed the meadow plants came (от которого приходили = текли струйки воды, питавшие луговые растения; *to feed* — кормить, питать), and on the higher slopes above this flocks of llamas cropped the scanty herbage (а на более высоких склонах над этим щипали скудный травяной покров стада лам). Sheds, apparently shelters or feeding-places for the llamas (сарай, по-видимому, приют или места кормления для лам), stood against the boundary wall here and there (стояли возле стены ограды тут и там). The irrigation streams ran together into a main channel down the centre of the valley (оросительные ручьи стекались в главный канал к центру долины), and this

was enclosed on either side by a wall breast high (а он был огорожен с обеих сторон стеной высотой по грудь). This gave a singularly urban quality to this secluded place (это придавало этому уединенному месту исключительно городской вид: «качество»; *quality* — *свойство, особенность, характерная черта*), a quality that was greatly enhanced by the fact that a number of paths paved with black and white stones (вид, который значительно усиливался тем, что ряд дорожек, вымощенных черными и белыми камнями), and each with a curious little kerb at the side (и каждая с чудной небольшой обочиной сбоку), ran hither and thither in an orderly manner (разбегался туда и сюда в правильном порядке).

circumferential [sə, kʌmfə'renʃəl], herbage ['hæ:bɪdʒ], quality ['kwɒlɪtɪ]

High up and ringing the valley about was a wall, and what appeared to be a circumferential water channel, from which the little trickles of water that fed the meadow plants came, and on the higher slopes above this flocks of llamas cropped the scanty herbage. Sheds, apparently shelters or feeding-places for the llamas, stood against the boundary wall here and there. The irrigation streams ran together into a main channel down the centre of the valley, and this was enclosed on either side by a wall breast high. This gave a singularly urban quality to this secluded place, a quality that was greatly enhanced by the fact that a number of paths paved with black and white stones, and each with a curious little kerb at the side, ran hither and thither in an orderly manner.

The houses of the central village were quite unlike the casual and higgledy-piggledy agglomeration of the mountain villages he knew (дома центрального поселка были совершенно непохожи на бессистемное и беспорядочное скопление горных поселков, какие он знал); they stood in a continuous row on either side of a central street of astonishing cleanness (они стояли непрерывным рядом по обеим сторонам центральной улицы поразительной чистоты; *to*

astonish — изумлять, поражать, удивлять), here and there their parti-coloured facade was pierced by a door (там и сям их пестрый фасад прорезала дверь; *to pierce* — прокалывать, пронзать, протыкать), and not a solitary window broke their even frontage (и ни одно окно не нарушало их однородный передний фасад; *solitary* — единственный). They were parti-coloured with extraordinary irregularity (они были пестрыми из-за странной неправильности/нерегулярности), smeared with a sort of plaster that was sometimes grey, sometimes drab, sometimes slate-coloured or dark brown (обмазанными штукатуркой, которая была то серой, то тускло-коричневой, то синевато-серой или темно-коричневой; *drab* — тускло-коричневый; желтовато-серый); and it was the sight of this wild plastering first brought the word “blind” into the thoughts of the explorer (и прежде всего именно вид этой нелепой штукатурки вызвал в мыслях исследователя слово «слепой»). “The good man who did that (добрый человек, который сделал это),” he thought (подумал он), “must have been as blind as a bat (наверное, был слеп как крот: «летучая мышь»; *blind as a bat* — совершенно слепой).”

casual [ˈkæʒjuəl], facade [fəˈsɑ:d], thought [θɔ:t]

The houses of the central village were quite unlike the casual and higgledy-piggledy agglomeration of the mountain villages he knew; they stood in a continuous row on either side of a central street of astonishing cleanness, here and there their parti-coloured facade was pierced by a door, and not a solitary window broke their even frontage. They were parti-coloured with extraordinary irregularity, smeared with a sort of plaster that was sometimes grey, sometimes drab, sometimes slate-coloured or dark brown; and it was the sight of this wild plastering first brought the word “blind” into the thoughts of the explorer. “The good man who did that,” he thought, “must have been as blind as a bat.”

He descended a steep place (он спустился в крутом месте = по круче), and so came to the wall and channel that ran about the valley (и так добрался до стены и канала, которые тянулись по долине), near where the latter spouted out its surplus contents into the deeps of the gorge in a thin and wavering thread of cascade (возле того места, где канал: «последний» низвергал избыточное содержимое в глубины ущелья тонкой и колеблющейся нитью каскада). He could now see a number of men and women resting on piled heaps of grass (теперь он мог видеть некоторое количество мужчин и женщин, отдыхающих на наваленных кучах травы), as if taking a siesta (словно на сиесте /послеобеденный отдых/), in the remoter part of the meadow (в более удаленной части луга), and nearer the village a number of recumbent children (а ближе к поселку несколько лежащих детей; *recumbent* — *лежащий; лежащий, откинувшийся /на что-л./*), and then nearer at hand three men carrying pails on yokes along a little path that ran from the encircling wall towards the houses (а еще ближе, рядом — трех мужчин, несущих ведра на коромыслах по дорожке, которая тянулась от окружающей стены к домам). These latter were clad in garments of llama cloth and boots and belts of leather (эти последние были одеты в одежду из /шерсти/ ламы, кожаные ботинки и ремни), and they wore caps of cloth with back and ear flaps (и они носили = на них были шапки из ткани с отворотом сзади и по бокам: «ушными»). They followed one another in single file (они следовали один за другим гуськом; *in single file* — *гуськом, цугом: «единичным рядом»*), walking slowly and yawning as they walked (идя медленно и зевая на ходу), like men who have been up all night (как люди, которые не спали всю ночь: «были на ногах»; *to be up* — *встать, подняться*). There was something so reassuringly prosperous and respectable in their bearing (в их осанке было что-то такое обнадеживающе благополучное и заслуживающее уважения; *to reassure* — *заверять, уверять, убеждать; успокаивать; утешать*) that after a moment's hesitation Nunez stood forward as conspicuously as possible upon his rock (что после минутного колебания Нуньес выступил как можно заметнее на своем валуне), and gave vent to a

mighty shout that echoed round the valley (и издал: «дал выход» мощный крик, который отдался эхом по всей долине; *to give vent* — *давать выход*; *vent* — *входное или выходное отверстие; отдушина; воздушный клапан; выражение /чувств/, выход*).

surplus [ˈsə:pləs], thread [θred], yawn [jɔ:n]

He descended a steep place, and so came to the wall and channel that ran about the valley, near where the latter spouted out its surplus contents into the deeps of the gorge in a thin and wavering thread of cascade. He could now see a number of men and women resting on piled heaps of grass, as if taking a siesta, in the remoter part of the meadow, and nearer the village a number of recumbent children, and then nearer at hand three men carrying pails on yokes along a little path that ran from the encircling wall towards the houses. These latter were clad in garments of llama cloth and boots and belts of leather, and they wore caps of cloth with back and ear flaps. They followed one another in single file, walking slowly and yawning as they walked, like men who have been up all night. There was something so reassuringly prosperous and respectable in their bearing that after a moment's hesitation Nunez stood forward as conspicuously as possible upon his rock, and gave vent to a mighty shout that echoed round the valley.

The three men stopped (трое мужчин остановились), and moved their heads as though they were looking about them (и задвигали головами, будто оглядывались). They turned their faces this way and that (они поворачивали лица туда и сюда), and Nunez gesticulated with freedom (а Нуньес непринужденно зажестикужировал = помахал им). But they did not appear to see him for all his gestures (но казалось, они не увидели его, несмотря на все его жесты), and after a time, directing themselves towards the mountains far away to the right (а через некоторое время, направившись к горам справа), they shouted as if in answer (они закричали словно в ответ). Nunez bawled again, and

then once more (Нуньес заорал снова, а потом еще раз), and as he gestured ineffectually the word “blind” came up to the top of his thoughts (и после напрасного жестикулирования слово «слепой» снова всплыло у него в голове: «на вершине мыслей»). “The fools must be blind (болваны, наверное, слепые),” he said.

move [mu:v], gesture [ˈdʒestʃə], bawl [bɔ:l]

The three men stopped, and moved their heads as though they were looking about them. They turned their faces this way and that, and Nunez gesticulated with freedom. But they did not appear to see him for all his gestures, and after a time, directing themselves towards the mountains far away to the right, they shouted as if in answer. Nunez bawled again, and then once more, and as he gestured ineffectually the word “blind” came up to the top of his thoughts. “The fools must be blind,” he said.

When at last, after much shouting and wrath (когда наконец после множества криков и гнева), Nunez crossed the stream by a little bridge (Нуньес пересек ручей по мостику), came through a gate in the wall (прошел через ворота в стене), and approached them (и приблизился к ним), he was sure that they were blind (он был уверен, что они слепы). He was sure that this was the Country of the Blind of which the legends told (он был уверен, что это Страна Слепых, о которой рассказывали легенды). Conviction had sprung upon him, and a sense of great and rather enviable adventure (у него появилась убежденность и чувство большого и весьма завидного приключения; *to spring* — бить /о струе воды/, бить ключом; появляться, возникать, брать начало; *spring* — источник). The three stood side by side, not looking at him (троица стояла бок о бок, не глядя на него; *side by side* — рядом; бок о бок), but with their ears directed towards him (но при этом их уши были направлены в его сторону), judging him by his unfamiliar steps (оценивая его по его

непривычным шагам; *to judge* — *судить; оценивать*). They stood close together like men a little afraid (они стояли рядом вместе, как немного испуганные люди), and he could see their eyelids closed and sunken (и он видел их веки, закрытые и запавшие), as though the very balls beneath had shrunk away (как будто сами глазные яблоки под ними уменьшились; *to shrink away* — *сжиматься, уменьшаться*). There was an expression near awe on their faces (на их лицах появилось выражение, близкое к благоговейному страху; *awe* — /благоговейный/ страх, трепет, благоговение).

wrath [rɔθ], approach [ə'prəʊtʃ], beneath [bi'ni:θ]

When at last, after much shouting and wrath, Nunez crossed the stream by a little bridge, came through a gate in the wall, and approached them, he was sure that they were blind. He was sure that this was the Country of the Blind of which the legends told. Conviction had sprung upon him, and a sense of great and rather enviable adventure. The three stood side by side, not looking at him, but with their ears directed towards him, judging him by his unfamiliar steps. They stood close together like men a little afraid, and he could see their eyelids closed and sunken, as though the very balls beneath had shrunk away. There was an expression near awe on their faces.

“A man (человек),” one said (сказал один), in hardly recognisable Spanish (на едва узнаваемом испанском). “A man it is (это человек) — a man or a spirit (человек или дух) — coming down from the rocks (спустившийся с гор).”

But Nunez advanced with the confident steps of a youth who enters upon life (но Нуньес шел вперед уверенными шагами юноши, который вступает в жизнь). All the old stories of the lost valley and the Country of the Blind had come back to his mind (ему снова вспомнились все старинные истории о затерянной долине и Стране Слепых; *to come to one's mind* — *вспоминаться, приходить на ум*), and through his thoughts ran this old proverb (и через его мысли

пробежала эта старая пословица), as if it were a refrain (словно это был рефрен): —

“In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King (в Стране Слепых и кривой: «одноглазый» — Король).”

“In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King (в Стране Слепых и кривой — король).”

recognisable [ˈrekəɡnaɪzəbl], advance [ədˈvɑːns], youth [juːθ]

“A man,” one said, in hardly recognisable Spanish. “A man it is — a man or a spirit — coming down from the rocks.”

But Nunez advanced with the confident steps of a youth who enters upon life. All the old stories of the lost valley and the Country of the Blind had come back to his mind, and through his thoughts ran this old proverb, as if it were a refrain: —

“In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King.”

“In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King.”

And very civilly he gave them greeting (и очень учтиво он поприветствовал их). He talked to them and used his eyes (он разговаривал с ними и использовал глаза).

“Where does he come from, brother Pedro (откуда он, брат Педро; *to come from* — *происходить, быть родом из*)?” asked one (спросил один).

“Down out of the rocks (/спустился/ вниз из скал).”

“Over the mountains I come (я родом из-за гор),” said Nunez, “out of the country beyond there (из страны по ту сторону) — where men can see (где люди могут видеть). From near Bogota (из /местечка/ возле Боготы) — where there are a hundred thousands of people (где сотня тысяч людей), and where the city passes out of (и где город протянулся за пределы видимости; *out of sight* — *вне пределов видимости*).”

“Sight (видимости)?” muttered Pedro (пробормотал Педро). “Sight (видимости)?”

brother [ˈbrʌðə], hundred [ˈhʌndrəd], sight [saɪt]

And very civilly he gave them greeting. He talked to them and used his eyes.

“Where does he come from, brother Pedro?” asked one.

“Down out of the rocks.”

“Over the mountains I come,” said Nunez, “out of the country beyond there — where men can see. From near Bogota — where there are a hundred thousands of people, and where the city passes out of sight.”

“Sight?” muttered Pedro. “Sight?”

“He comes (он родом),” said the second blind man (сказал второй слепой мужчина), “out of the rocks (из скал).”

The cloth of their coats Nunez saw was curious fashioned (Нуньес видел, что ткань их курток была чудного покроя), each with a different sort of stitching (у каждого разное шитье).

They startled him by a simultaneous movement towards him (они испугали его одновременным движением к нему), each with a hand outstretched (при этом каждый вытянул руку). He stepped back from the advance of these spread fingers (он отступил от приближающихся растопыренных пальцев).

“Come hither (иди сюда),” said the third blind man, following his motion and clutching him neatly (сказал третий слепец, проследив за его движением и ловко схватив его).

And they held Nunez and felt him over (и они держали Нуньеса и ощупали его всего; *to feel* — ощупывать, осязать, трогать, прикасаться), saying no word further until they had done so (не говоря ни слова больше, пока не закончили /ощупывать/).

cloth [klɔθ], simultaneous [ˌsiməlˈteɪniəs], spread [spred]

“He comes,” said the second blind man, “out of the rocks.”

The cloth of their coats Nunez saw was curious fashioned, each with a different sort of stitching.

They startled him by a simultaneous movement towards him, each with a hand outstretched. He stepped back from the advance of these spread fingers.

“Come hither,” said the third blind man, following his motion and clutching him neatly.

And they held Nunez and felt him over, saying no word further until they had done so.

“Carefully (осторожно),” he cried (крикнул он), with a finger in his eye (когда ему в глаз ткнули пальцем: «с пальцем в его глазу»), and found they thought that organ, with its fluttering lids, a queer thing in him (и пришел к заключению, что они считают этот орган в нем, с трепещущими веками, необычным; *to find* — находить; убеждаться, приходить к заключению, считать, полагать). They went over it again (они еще раз провели осмотр = ощупали его).

“A strange creature, Correa (странное создание, Корреа),” said the one called Pedro (сказал тот, которого звали Педро). “Feel the coarseness of his hair (ощути жесткость его волос). Like a llama’s hair (как шерсть ламы).”

“Rough he is as the rocks that begot him (он шершавый, как скалы, которые породили его),” said Correa, investigating Nunez’s unshaven chin with a soft and slightly moist hand (обследуя небритый подбородок Нуньеса мягкой и слегка влажной рукой). “Perhaps he will grow finer (возможно, он станет нежнее; *fine skin* — нежная кожа).”

Nunez struggled a little under their examination, but they gripped him firm (Нуньес немного противился: «боролся» при обследовании, но они крепко держали его; *grip* — хватка, захват).

creature [ˈkri:tʃə], coarseness [ˈkɔːsnəs], slightly [ˈslaɪtlɪ]

“Carefully,” he cried, with a finger in his eye, and found they thought that organ, with its fluttering lids, a queer thing in him. They went over it again.

“A strange creature, Correa,” said the one called Pedro. “Feel the coarseness of his hair. Like a llama’s hair.”

“Rough he is as the rocks that begot him,” said Correa, investigating Nunez’s unshaven chin with a soft and slightly moist hand. “Perhaps he will grow finer.”

Nunez struggled a little under their examination, but they gripped him firm.

“Carefully (осторожно),” he said again (сказал снова = повторил он).

“He speaks (он разговаривает),” said the third man (сказал третий мужчина). “Certainly he is a man (конечно, он человек).”

“Ugh (ух)!” said Pedro, at the roughness of his coat (/пораженный/ шершавостью его куртки).

“And you have come into the world (и ты пришел в мир)?” asked Pedro (спросил Педро).

“OUT of the world (ИЗ мира). Over mountains and glaciers (через горы и ледники); right over above there (прямо через вон тот верх), half-way to the sun (/через места/ на полпути к солнцу). Out of the great, big world that goes down, twelve days’ journey to the sea (из огромного большого мира, который спускается через двенадцать дней пути к морю).”

They scarcely seemed to heed him (они, казалось, едва ли обращали на него внимание; *to heed* — *обращать внимание, учитывать, принимать во внимание; внимательно следить за чем-л.*). “Our fathers have told us men may be made by the forces of Nature (наши отцы рассказывали нам, что люди могут быть созданы силами Природы),” said Correa. “It is the warmth of things, and moisture, and rottenness — rottenness (это тепло /вещей/, и влажность, и гнилость — гнилость; *rotten* — *гнилой; to rot* — *гнить*).”

roughness [ˈrʌfnɪs], journey [ˈdʒəːnɪ], moisture [ˈmɔɪstʃə]

“Carefully,” he said again.

“He speaks,” said the third man. “Certainly he is a man.”

“Ugh!” said Pedro, at the roughness of his coat.

“And you have come into the world?” asked Pedro.

“OUT of the world. Over mountains and glaciers; right over above there, half-way to the sun. Out of the great, big world that goes down, twelve days’ journey to the sea.”

They scarcely seemed to heed him. “Our fathers have told us men may be made by the forces of Nature,” said Correa. “It is the warmth of things, and moisture, and rottenness — rottenness.”

“Let us lead him to the elders (давайте отведем его к старейшинам),” said Pedro.

“Shout first (сначала крикните),” said Correa, “lest the children be afraid (чтобы дети не боялись). This is a marvellous occasion (это — удивительный случай).”

So they shouted (и они крикнули), and Pedro went first and took Nunez by the hand to lead him to the houses (и Педро пошел первым и взял Нуньеса за руку, чтобы отвести его к домам).

He drew his hand away (он вырвал руку; *to draw away* — отдернуть, выдернуть). “I can see (я вижу = зрячий),” he said.

“See (видишь)?” said Correa.

“Yes, see (да, вижу),” said Nunez, turning towards him (поворачиваясь к нему), and stumbled against Pedro’s pail (и споткнулся о ведро Педро).

afraid [əˈfreɪd], occasion [əˈkeɪʒən], drew [dru:]

“Let us lead him to the elders,” said Pedro.

“Shout first,” said Correa, “lest the children be afraid. This is a marvellous occasion.”

So they shouted, and Pedro went first and took Nunez by the hand to lead him to the houses.

He drew his hand away. “I can see,” he said.

“See?” said Correa.

“Yes, see,” said Nunez, turning towards him, and stumbled against Pedro’s pail.

“His senses are still imperfect (его чувства еще несовершенны),” said the third blind man (сказал третий слепец). “He stumbles, and talks unmeaning words (он спотыкается и говорит бессмысленные слова; *to mean* — значить, означать). Lead him by the hand (веди его за руку).”

“As you will (как хочешь),” said Nunez, and was led along laughing (и его, смеющегося, повели дальше).

It seemed they knew nothing of sight (казалось, что они не знают ничего о зрении).

Well, all in good time he would teach them (ну, в нужный момент он научит их; *in good time* — своевременно, в нужный момент, в срок).

He heard people shouting (он слышал, как кричат люди), and saw a number of figures gathering together in the middle roadway of the village (и увидел несколько фигур, собирающихся вместе на центральной поселковой дороге; *roadway* — шоссе; мостовая; проезжая часть дороги).

imperfect [ɪmˈpɜːfɪkt], laugh [lɑːf], nothing [ˈnʌθɪŋ]

“His senses are still imperfect,” said the third blind man. “He stumbles, and talks unmeaning words. Lead him by the hand.”

“As you will,” said Nunez, and was led along laughing.

It seemed they knew nothing of sight.

Well, all in good time he would teach them.

He heard people shouting, and saw a number of figures gathering together in the middle roadway of the village.

He found it tax his nerve and patience more than he had anticipated (он обнаружил, что его нервы и терпение более, чем он ожидал, напрягает; *to tax* — облагать налогом; обременять, чрезмерно напрягать/утомлять), that first encounter with the population of the Country of the Blind (эта первая встреча с населением Страны Слепых). The place seemed larger as he drew near to it (местечко оказалось больше, когда он приблизился к нему; *to draw* — подходить, приближаться), and the smeared plasterings queerer (а намазанная штукатурка необычнее/более странной), and a crowd of children and men and women (и толпа детей, мужчин и женщин) (the women and girls he was pleased to note had (женщины и девушки, заметил он с удовольствием, имели), some of them, quite sweet faces, for all that their eyes were shut and sunken (некоторые из них, вполне милые лица, несмотря на то, что их глаза были закрытые и впалые)) came about him, holding on to him, touching him with soft, sensitive hands (подходили к нему, держались за него, трогали его мягкими, чувствительными руками/ладонями), smelling at him, and listening at every word he spoke (обнюхивали его и слушали каждое слово, которое он говорил). Some of the maidens and children, however, kept aloof as if afraid (некоторые из девиц и детей, однако, держались поодаль, словно боясь), and indeed his voice seemed coarse and rude beside their softer notes (и действительно, его голос казался грубым и резким рядом с мелодичными звуками их /голосов/). They mobbed him (они окружили его; *mob* — толпа; *to mob* — нападать толпой, окружать). His three guides kept close to him with an effect of proprietorship, and said again and again (его три проводника держались близко к нему с впечатлением права собственности = с видом собственников, и повторяли снова и снова; *proprietorship* — право собственности; собственность;

proprietor — собственник), “A wild man out of the rocks (*дикий человек из скал*).”

encounter [ɪnˈkaʊntə], touch [tʌtʃ], proprietorship [prəˈpraɪətəʃɪp]

He found it tax his nerve and patience more than he had anticipated, that first encounter with the population of the Country of the Blind. The place seemed larger as he drew near to it, and the smeared plasterings queerer, and a crowd of children and men and women (the women and girls he was pleased to note had, some of them, quite sweet faces, for all that their eyes were shut and sunken) came about him, holding on to him, touching him with soft, sensitive hands, smelling at him, and listening at every word he spoke. Some of the maidens and children, however, kept aloof as if afraid, and indeed his voice seemed coarse and rude beside their softer notes. They mobbed him. His three guides kept close to him with an effect of proprietorship, and said again and again, “A wild man out of the rocks.”

“Bogota (*Богота*),” he said. “Bogota (*Богота*). Over the mountain crests (*за горными хребтами*).”

“A wild man (*дикий человек*) — using wild words (*употребляющий дикие слова*),” said Pedro. “Did you hear that — “BOGOTA (*вы слышали это — БОГОТА*)? His mind has hardly formed yet (*у него едва ли еще сформировался разум*). He has only the beginnings of speech (*у него только зачатки речи; beginning — начальный этап, начальная стадия, истоки*).”

A little boy nipped his hand (*маленький мальчик ущипнул его за руку*). “Bogota (*Богота*)!” he said mockingly (*сказал он с издевкой; mockingly — насмешиливо, насмехаясь; с издевкой; to mock — насмехаться /над кем-либо — at/; высмеивать, осмеивать*).

“Aye (*да; аye — утвердительный ответ, положительный ответ*)! A city to your village (*большой город /по сравнению с/ вашей деревней*). I come from

the great world (я родом из большого мира) — where men have eyes and see (где у людей есть глаза, и они видят).”

“His name’s Bogota (его зовут Богота),” they said.

mountain [ˈmaʊntɪn], great [greɪt], aye [aɪ], eye [aɪ]

“Bogota,” he said. “Bogota. Over the mountain crests.”

“A wild man — using wild words,” said Pedro. “Did you hear that — “BOGOTA? His mind has hardly formed yet. He has only the beginnings of speech.”

A little boy nipped his hand. “Bogota!” he said mockingly.

“Aye! A city to your village. I come from the great world — where men have eyes and see.”

“His name’s Bogota,” they said.

“He stumbled (он споткнулся),” said Correa — ” stumbled twice as we came hither (споткнулся дважды, пока мы шли сюда).”

“Bring him in to the elders (введите его к старейшинам).”

And they thrust him suddenly through a doorway into a room as black as pitch (и они швырнули его внезапно через дверной проем в комнату черную как смоль), save at the end there faintly glowed a fire (за исключением того, что в конце /ее/ слабо светился/тлел огонь). The crowd closed in behind him and shut out all but the faintest glimmer of day (толпа приблизилась позади него и закрыла все, кроме самого слабого мерцания дневного света), and before he could arrest himself he had fallen headlong over the feet of a seated man (и прежде чем он смог остановиться, он упал головой вперед через ступни сидящего человека; *headlong* — вниз головой, головой вперед). His arm, outflung, struck the face of someone else as he went down (его рука, выброшенная /вперед/, ударила по лицу кого-то еще, когда он падал); he felt the soft impact of features and heard a cry of anger (он ощутил /рукой/ мягкий

удар по частям лица и услышал гневный крик; *features* — *черты лица; части лица*), and for a moment he struggled against a number of hands that clutched him (и минуту он боролся с рядом рук, которые сжали его). It was a one-sided fight (это была неравная схватка). An inkling of the situation came to him and he lay quiet (до него дошло слабое = *приблизительное* представление о ситуации, и он затих; *inkling* — *легкое подозрение; слабое представление*).

headlong [ˈhedlɒŋ], someone [ˈsʌmwʌn], against [əˈɡenst]

“He stumbled,” said Correa — ” stumbled twice as we came hither.”

“Bring him in to the elders.”

And they thrust him suddenly through a doorway into a room as black as pitch, save at the end there faintly glowed a fire. The crowd closed in behind him and shut out all but the faintest glimmer of day, and before he could arrest himself he had fallen headlong over the feet of a seated man. His arm, outflung, struck the face of someone else as he went down; he felt the soft impact of features and heard a cry of anger, and for a moment he struggled against a number of hands that clutched him. It was a one-sided fight. An inkling of the situation came to him and he lay quiet.

“I fell down (я упал),” he said; I couldn’t see in this pitchy darkness (я не мог видеть в этой крошечной тьме; *pitchy* — *черный как смоль*).

There was a pause as if the unseen persons about him tried to understand his words (была = *последовала* пауза, как будто невидимые люди вокруг него пытались понять его слова). Then the voice of Correa said (затем голос Корреа сказал): “He is but newly formed (он сформировался лишь недавно). He stumbles as he walks and mingles words that mean nothing with his speech (он спотыкается, когда идет, и примешивает к своей речи слова, которые ничего не значат).”

Others also said things about him that he heard or understood imperfectly (другие тоже сказали что-то о нем, что он не совсем услышал или понял; *imperfectly* — *несовершенный, дефектный, с изъяном; незавершенный, неполный*).

“May I sit up (можно, я сяду)?” he asked, in a pause (спросил он воспользовавшись паузой). “I will not struggle against you again (я не буду больше бороться с вами).”

They consulted and let him rise (они посоветовались и разрешили ему подняться = отпустили его).

pause [pɔːz], others [ˈʌdəz], consult [kənˈsʌlt]

“I fell down,” he said; I couldn’t see in this pitchy darkness.”

There was a pause as if the unseen persons about him tried to understand his words. Then the voice of Correa said: “He is but newly formed. He stumbles as he walks and mingles words that mean nothing with his speech.”

Others also said things about him that he heard or understood imperfectly.

“May I sit up?” he asked, in a pause. “I will not struggle against you again.”

They consulted and let him rise.

The voice of an older man began to question him (голос пожилого человека начал допрашивать его), and Nunez found himself trying to explain the great world out of which he had fallen (и Нуньес обнаружил себя пытающимся = обнаружил, что пытается объяснить большой мир, из которого он упал), and the sky and mountains and such-like marvels, to these elders (и небо, и горы, и тому подобные чудеса этим старейшинам) who sat in darkness in the Country of the Blind (которые сидели во тьме в Стране Слепых). And they would believe and understand nothing whatever that he told them (а они не верили ничему и не понимали абсолютно ничего из того, что он рассказал им), a thing quite outside his expectation (этого он совершенно не ожидал: «вещь

совершенно за пределами его ожидания»). They would not even understand many of his words (они даже не понимали многие из его слов). For fourteen generations these people had been blind and cut off from all the seeing world (на протяжении четырнадцати поколений эти люди были слепы и отрезаны от всего зрячего мира); the names for all the things of sight had faded and changed (названия для всех зримых вещей поблекли и изменились; *to fade* — *выгорать, выцветать, блекнуть, тускнеть; постепенно исчезать, расплываться, растворяться*); the story of the outer world was faded and changed to a child's story (история внешнего мира потускнела и превратилась в детскую сказку); and they had ceased to concern themselves with anything beyond the rocky slopes above their circling wall (и они перестали интересоваться чем-либо за пределами скалистых склонов над огораживающей стеной). Blind men of genius had arisen among them and questioned the shreds of belief and tradition (среди них появились гениальные слепцы и подвергли сомнению обрывки веры и традиции; *to question* — *подвергать сомнению, сомневаться; shred* — *клочок, кусочек, обрывок*) they had brought with them from their seeing days (которые они принесли с собой из зрячих дней), and had dismissed all these things as idle fancies and replaced them with new and saner explanations (и отвергли все это, как бесполезные фантазии, и заменили их новыми и более здравыми толкованиями; *to dismiss* — *отвергать, выбрасывать из головы, прогонять от себя*).

believe [bɪˈli:v], genius [ˈdʒiːniəs], belief [bɪˈli:f]

The voice of an older man began to question him, and Nunez found himself trying to explain the great world out of which he had fallen, and the sky and mountains and such-like marvels, to these elders who sat in darkness in the Country of the Blind. And they would believe and understand nothing whatever that he told them, a thing quite outside his expectation. They would not even understand many of his words. For fourteen generations these people had been

blind and cut off from all the seeing world; the names for all the things of sight had faded and changed; the story of the outer world was faded and changed to a child's story; and they had ceased to concern themselves with anything beyond the rocky slopes above their circling wall. Blind men of genius had arisen among them and questioned the shreds of belief and tradition they had brought with them from their seeing days, and had dismissed all these things as idle fancies and replaced them with new and saner explanations.

Much of their imagination had shrivelled with their eyes (большая часть их воображения отмерла: «ссохлась» с их глазами), and they had made for themselves new imaginations with their ever more sensitive ears and finger-tips (и они создали для себя новые фантазии с помощью своих еще более чувствительных ушей и кончиков пальцев). Slowly Nunez realised this (медленно Нуньес осознал это = *то*): that his expectation of wonder and reverence at his origin and his gifts was not to be borne out (что его ожиданию удивления и благоговения перед его происхождением и его способностями не суждено было подтвердиться; *to bear out* — подтверждать; подкреплять; поддерживать; *gift* — способность, дарование; дар, талант); and after his poor attempt to explain sight to them had been set aside as the confused version of a new-made being describing the marvels of his incoherent sensations (и после того, как его жалкая попытка объяснить им зрение была отвергнута как путанная версия нового существа, описывающего чудеса своих непонятных ощущений; *being* — бытие, жизнь, существование; лицо, персона, существо, человек), he subsided, a little dashed, into listening to their instruction (он умолк, немного обескураженный, и вслушался в их наставления; *to subside* — опускаться, падать, понижаться, убывать; затихать, стихать, умолкать, утихать). And the eldest of the blind men explained to him life and philosophy and religion (и старейший из слепцов объяснил ему жизнь, философию и религию), how that the world (meaning their valley) had been first an empty hollow in the rocks (как мир /т.е. их долина/ сначала был пустой впадиной в

скала́х), and then had come first inanimate things without the gift of touch (а затем пришли = *появились* сначала неодушевленные предметы без способности осязания), and llamas and a few other creatures that had little sense (и ламы, и несколько других существ, которые имели мало разума), and then men, and at last angels, whom one could hear singing and making fluttering sounds (а потом люди и, наконец, ангелы, пение и порхающие звуки которых можно было слышать), but whom no one could touch at all (но которых совсем никто не мог коснуться), which puzzled Nunez greatly until he thought of the birds (что очень озадачило Нуньеса, пока он не вспомнил птиц; *to think of* — думать о, вспоминать).

poor [puə], inanimate [ɪnˈænimət], few [fju:]

Much of their imagination had shrivelled with their eyes, and they had made for themselves new imaginations with their ever more sensitive ears and finger-tips. Slowly Nunez realised this: that his expectation of wonder and reverence at his origin and his gifts was not to be borne out; and after his poor attempt to explain sight to them had been set aside as the confused version of a new-made being describing the marvels of his incoherent sensations, he subsided, a little dashed, into listening to their instruction. And the eldest of the blind men explained to him life and philosophy and religion, how that the world (meaning their valley) had been first an empty hollow in the rocks, and then had come first inanimate things without the gift of touch, and llamas and a few other creatures that had little sense, and then men, and at last angels, whom one could hear singing and making fluttering sounds, but whom no one could touch at all, which puzzled Nunez greatly until he thought of the birds.

He went on to tell Nunez how this time had been divided into the warm and the cold (он продолжал рассказывать = *затем он рассказал* Нуньесе, как это время разделилось на тепло и холод), which are the blind equivalents of day and

night (которые являются слепыми эквивалентами дня и ночи = эквивалентами дня и ночи для слепых), and how it was good to sleep in the warm and work during the cold (и как было хорошо спать в тепле и работать во время холода), so that now, but for his advent, the whole town of the blind would have been asleep (так что теперь, если бы не его приход, весь город слепых спал бы). He said Nunez must have been specially created to learn and serve the wisdom they had acquired (он сказал, что Нуньес, наверное, был создан специально, чтобы научиться и послужить мудрости, которую они приобрели), and that for all his mental incoherency and stumbling behaviour he must have courage and do his best to learn (и что несмотря на всю его внутреннюю нелогичность/непоследовательность и ошибочное поведение, он должен набраться мужества и стараться изо всех сил научиться; *to do one's best* — *сделать все возможное, всячески стараться: «делать свое наилучшее»*), and at that all the people in the door-way murmured encouragingly (и при этом все люди в дверном проеме проворчали ободряюще; *to encourage* — *ободрять; поощрять, поддерживать /в чём-л./; courage* — *отвага, смелость*). He said the night (он сказал, что ночь) — for the blind call their day night (ибо слепые называют свой день ночью) — was now far gone (теперь зашла /уже/ далеко), and it behooved everyone to go back to sleep (и всем надлежало вернуться ко сну; *to behoove* — *надлежать, следовать, приличествовать, подобать*). He asked Nunez if he knew how to sleep (он спросил Нуньеса, знает ли он, как спать), and Nunez said he did (и Нуньес сказал, что знает), but that before sleep he wanted food (но что перед сном ему нужна еда). They brought him food (они принесли ему еду), llama's milk in a bowl and rough salted bread (молоко ламы в миске и грубый соленый хлеб), and led him into a lonely place to eat out of their hearing (и отвели его в уединенное место, чтобы он поел за пределами их слышимости = неслышно для них), and afterwards to slumber until the chill of the mountain evening roused them to begin their day again (а после поспал, пока их снова не разбудит холод вечера в горах, чтобы начать их день; *to slumber*

— *спать; быть сонным; дремать; находиться в полусонном состоянии*). But Nunez slumbered not at all (*но Нуньес совсем не спал*).

especially [ˈspeʃəlɪ], behaviour [bɪˈheɪvjə], encourage [ɪnˈkʌrɪdʒ]

He went on to tell Nunez how this time had been divided into the warm and the cold, which are the blind equivalents of day and night, and how it was good to sleep in the warm and work during the cold, so that now, but for his advent, the whole town of the blind would have been asleep. He said Nunez must have been specially created to learn and serve the wisdom they had acquired, and that for all his mental incoherency and stumbling behaviour he must have courage and do his best to learn, and at that all the people in the door-way murmured encouragingly. He said the night — for the blind call their day night — was now far gone, and it behooved everyone to go back to sleep. He asked Nunez if he knew how to sleep, and Nunez said he did, but that before sleep he wanted food. They brought him food, llama's milk in a bowl and rough salted bread, and led him into a lonely place to eat out of their hearing, and afterwards to slumber until the chill of the mountain evening roused them to begin their day again. But Nunez slumbered not at all.

Instead, he sat up in the place where they had left him (*вместо этого он сидел в том месте = там, где его оставили*), resting his limbs and turning the unanticipated circumstances of his arrival over and over in his mind (*давая отдых своим конечностям и прокручивая снова и снова у себя в уме непредвиденные обстоятельства своего прибытия; to anticipate — ожидать, предвидеть; ждать, предвкушать, предчувствовать*).

Every now and then he laughed (*то и дело он смеялся*), sometimes with amusement and sometimes with indignation (*то от веселья, то от негодования*).

“Unformed mind (*несформировавшийся разум*)!” he said. “Got no senses yet (*еще нет разума*)! They little know they've been insulting their Heaven-sent

King and master (они мало знают = *не знают*, что они оскорбляют своего посланного Небом Короля и господина). I see I must bring them to reason (я вижу, я должен привести их в чувство; *to bring smb. to reason* — *образумить кого-л., урезонить кого-л., привести кого-л. в чувство*). Let me think (дайте мне подумать). Let me think (дайте мне подумать).”

He was still thinking when the sun set (он все еще думал, когда зашло солнце).

instead [In´sted], circumstance [´sæ:kənstæns], insult [In´sʌlt]

Instead, he sat up in the place where they had left him, resting his limbs and turning the unanticipated circumstances of his arrival over and over in his mind.

Every now and then he laughed, sometimes with amusement and sometimes with indignation.

“Unformed mind!” he said. “Got no senses yet! They little know they’ve been insulting their Heaven-sent King and master. I see I must bring them to reason. Let me think. Let me think.”

He was still thinking when the sun set.

Nunez had an eye for all beautiful things (Нуньес был знатоком всего красивого; *to have an eye for smth.* — *обладать наблюдательностью, иметь зоркий глаз; быть знатоком чего-л., уметь разбираться в чем-л.*), and it seemed to him that the glow upon the snow-fields and glaciers (и ему казалось, что отблеск на снежных полях и ледниках) that rose about the valley on every side was the most beautiful thing he had ever seen (который поднимался по долине со всех сторон, был самым прекрасным зрелищем: «самой прекрасной вещью», которое он когда-либо видел). His eyes went from that inaccessible glory to the village and irrigated fields (его глаза переходили от недостижимой неземной красоты к поселку и орошаемым полям; *glory* — *великолепие, неземная красота; лучезарное сияние; блаженство, счастье*;

access — доступ; to access — иметь доступ, получить доступ /к чему-л./,
fast sinking into the twilight (*быстро опускаясь в полумрак*), and suddenly a
wave of emotion took him (*и вдруг волна эмоций охватила его*), and he thanked
God from the bottom of his heart that the power of sight had been given him (*и он
поблагодарил Бога из глубины сердца, что ему была дана способность зрения
= видеть; bottom — низ, нижняя часть; днище; дно*).

beautiful [ˈbju:tɪfʊl], twilight [ˈtwailaɪt], power [ˈpaʊə]

Nunez had an eye for all beautiful things, and it seemed to him that the glow
upon the snow-fields and glaciers that rose about the valley on every side was the
most beautiful thing he had ever seen. His eyes went from that inaccessible glory
to the village and irrigated fields, fast sinking into the twilight, and suddenly a
wave of emotion took him, and he thanked God from the bottom of his heart that
the power of sight had been given him.

He heard a voice calling to him from out of the village (*он услышал голос,
взывающий к нему из поселка*).

“Yaho there, Bogota (*эй там, Богота*)! Come hither (*иди сюда*)!”

At that he stood up, smiling (*при этом он встал, улыбаясь*). He would show
these people once and for all what sight would do for a man (*он покажет этим
людям один раз и навсегда, что сделает для человека зрение*). They would
seek him, but not find him (*они будут искать его, но не найдут*).

“You move not, Bogota (*ты не двигаешься, Богота*),” said the voice (*сказал
голос*).

He laughed noiselessly and made two stealthy steps aside from the path (*он
беззвучно засмеялся и сделал два незаметных шага в сторону с тропинки;
stealthy — незаметный, скрытый, тайный*).

heard [hə:d], stealthy [ˈstelθɪ], path [pɑ:θ]

He heard a voice calling to him from out of the village.

“Yaho there, Bogota! Come hither!”

At that he stood up, smiling. He would show these people once and for all what sight would do for a man. They would seek him, but not find him.

“You move not, Bogota,” said the voice.

He laughed noiselessly and made two stealthy steps aside from the path.

“Trample not on the grass, Bogota (Богота, не топчи траву); that is not allowed (это не разрешается).”

Nunez had scarcely heard the sound he made himself (Нуньес едва слышал звуки, которые производил он сам). He stopped, amazed (он остановился, изумленный).

The owner of the voice came running up the piebald path towards him (владелец голоса подбежал по пестрой тропке к нему).

He stepped back into the pathway (он ступил обратно на тропинку). “Here I am (вот я),” he said.

“Why did you not come when I called you (почему ты не пришел, когда я позвал тебя)?” said the blind man (спросил слепец). “Must you be led like a child (тебя нужно водить, как ребенка)? Cannot you hear the path as you walk (разве ты не слышишь дорожку, когда идешь)?”

allow [əˈlau], sound [saund], piebald [ˈpaɪbɔːld]

“Trample not on the grass, Bogota; that is not allowed.”

Nunez had scarcely heard the sound he made himself. He stopped, amazed.

The owner of the voice came running up the piebald path towards him.

He stepped back into the pathway. “Here I am,” he said.

“Why did you not come when I called you?” said the blind man. “Must you be led like a child? Cannot you hear the path as you walk?”

Nunez laughed (Нуньес засмеялся). “I can see it (я вижу ее),” he said.

“There is no such word as SEE (нет такого слова ВИЖУ),” said the blind man, after a pause (сказал слепец после паузы). “Cease this folly and follow the sound of my feet (прекрати эту глупость и иди за звуком моих ног).”

Nunez followed, a little annoyed (Нуньес последовал /за ним/, немного раздосадованный).

“My time will come (придет мое время),” he said.

“You’ll learn (ты выучишься),” the blind man answered (ответил слепец).

“There is much to learn in the world (в мире многому нужно научиться).”

“Has no one told you (никто не говорил тебе), ‘In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King (что в Стране Слепых Одноглазый Человек — Король)?”

“What is blind (что такое слепой)?” asked the blind man, carelessly, over his shoulder (спросил слепец небрежно через плечо).

cease [si:s], learn [lɜ:n], answer [ˈɑ:nsə]

Nunez laughed. “I can see it,” he said.

“There is no such word as SEE,” said the blind man, after a pause. “Cease this folly and follow the sound of my feet.”

Nunez followed, a little annoyed.

“My time will come,” he said.

“You’ll learn,” the blind man answered. “There is much to learn in the world.”

“Has no one told you, ‘In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King?’”

“What is blind?” asked the blind man, carelessly, over his shoulder.

Four days passed and the fifth found the King of the Blind still incognito, as a clumsy and useless stranger among his subjects (прошло четыре дня, а пятый застал Короля Слепых, все еще скрывающимся под чужим именем, как = в обличье неловкого и бесполезного чужака среди своих подданных; *to find* — находить; *incognito* — инкогнито; живущий, скрывающийся под чужим именем).

It was, he found, much more difficult to proclaim himself than he had supposed (он понял, что гораздо труднее провозгласить себя, чем он предполагал), and in the meantime, while he meditated his coup d'etat (а тем временем, пока он обдумывал свой государственный переворот; *coup d'etat* — фр. государственный переворот), he did what he was told and learnt the manners and customs of the Country of the Blind (он делал, что ему велели и изучал нравы и обычаи Страны Слепых). He found working and going about at night a particularly irksome thing (работать и расхаживать ночью показалось ему чрезвычайно раздражающим обстоятельством), and he decided that that should be the first thing he would change (и он решил, что это будет первым делом, которое он изменит).

useless [ˈjuːslɪs], incognito [ˌɪnkɒɡˈniːtəʊ], coup d'etat [ˌkuːdeɪˈtɑː]

Four days passed and the fifth found the King of the Blind still incognito, as a clumsy and useless stranger among his subjects.

It was, he found, much more difficult to proclaim himself than he had supposed, and in the meantime, while he meditated his coup d'etat, he did what he was told and learnt the manners and customs of the Country of the Blind. He found working and going about at night a particularly irksome thing, and he decided that that should be the first thing he would change.

They led a simple, laborious life, these people, with all the elements of virtue and happiness (эти люди вели простую, трудовую жизнь со всеми элементами

добродетели и счастья) as these things can be understood by men (как эти идеи могут пониматься людьми). They toiled, but not oppressively (они трудились, но не тягостно = не перетруждаясь; *oppressive* — *гнетущий, тягостный, тяжелый, угнетающий*); they had food and clothing sufficient for their needs (у них было достаточно пищи и одежды для своих нужд); they had days and seasons of rest (у них были дни и сезоны отдыха); they made much of music and singing (они сочиняли много музыки и песен), and there was love among them and little children (и среди них была любовь и маленькие дети). It was marvellous with what confidence and precision they went about their ordered world (было удивительно, с какой уверенностью и точностью они передвигались по своему упорядоченному миру). Everything, you see, had been made to fit their needs (видите ли, все было сделано, чтобы удовлетворять/соответствовать их потребностям); each of the radiating paths of the valley area had a constant angle to the others (каждая из радиальных дорожек пространства долины имела постоянный угол по отношению к остальным), and was distinguished by a special notch upon its kerbing (и различалась специальной меткой на ее бордюрном камне); all obstacles and irregularities of path or meadow had long since been cleared away (все преграды и неровности тропинки или луга были убраны уже давно); all their methods and procedure arose naturally from their special needs (весь их порядок и образ действий объяснялись: «происходили» естественно из их особых нужд).

laborious [lə'bo:riəs], virtue ['və:tju:], procedure [prə'si:dʒə]

They led a simple, laborious life, these people, with all the elements of virtue and happiness as these things can be understood by men. They toiled, but not oppressively; they had food and clothing sufficient for their needs; they had days and seasons of rest; they made much of music and singing, and there was love among them and little children. It was marvellous with what confidence and precision they went about their ordered world. Everything, you see, had been made

to fit their needs; each of the radiating paths of the valley area had a constant angle to the others, and was distinguished by a special notch upon its kerbing; all obstacles and irregularities of path or meadow had long since been cleared away; all their methods and procedure arose naturally from their special needs.

Their senses had become marvellously acute (их чувства/ощущения необычайно обострились; *to become* — становиться; *acute* — остроконечный, острый); they could hear and judge the slightest gesture of a man a dozen paces away (они могли услышать и оценить малейшее действие человека с дюжины шагов) — could hear the very beating of his heart (могли услышать само биение его сердца). Intonation had long replaced expression with them (интонация давно заменила мимику: «выражение /лица/» у них), and touches gesture (а прикосновения — жесты), and their work with hoe and spade and fork was as free and confident as garden work can be (а их труд /с/ мотыгой, лопатой и вилами был таким непринужденным: «свободным» и уверенным, каким /только/ может быть труд в саду). Their sense of smell was extraordinarily fine (их чувство обоняния было удивительно тонким); they could distinguish individual differences as readily as a dog can (они могли распознавать индивидуальные различия так же легко, как /может/ собака), and they went about the tending of llamas (и они занимались уходом за ламами; *to go about smth.* — приступать к чему-л., заниматься чем-л.), who lived among the rocks above and came to the wall for food and shelter, with ease and confidence (которые жили среди скал вверху и приходили к стене за едой и ради крова непринужденно и доверчиво; *ease* — облегчение; беззаботность; естественность, непринужденность; отсутствие смущения, скованности). It was only when at last Nunez sought to assert himself that he found how easy and confident their movements could be (и лишь когда Нуньес попытался утвердиться, он понял, какими легкими и уверенными могут быть их движения; *to seek* — предпринимать попытку, пытаться; *to assert oneself* — отстаивать свои права).

dozen [dʌzn], hoe [həʊ], sought [sɔ:t]

Their senses had become marvellously acute; they could hear and judge the slightest gesture of a man a dozen paces away — could hear the very beating of his heart. Intonation had long replaced expression with them, and touches gesture, and their work with hoe and spade and fork was as free and confident as garden work can be. Their sense of smell was extraordinarily fine; they could distinguish individual differences as readily as a dog can, and they went about the tending of llamas, who lived among the rocks above and came to the wall for food and shelter, with ease and confidence. It was only when at last Nunez sought to assert himself that he found how easy and confident their movements could be.

He rebelled only after he had tried persuasion (он восстал лишь после того, как испробовал /метод/ убеждения).

He tried at first on several occasions to tell them of sight (сначала он попытался несколько раз рассказать им о зрении). “Look you here, you people (послушайте, вы, люди),” he said. “There are things you do not understand in me (есть вещи, которые вам непонятны во мне).”

Once or twice one or two of them attended to him (однажды или дважды один или двое из них уделили ему внимание; *to attend to smb.* — *уделять внимание, быть внимательным к кому-л., чему-л.*); they sat with faces downcast and ears turned intelligently towards him (они сидели, опутив лица и обратив уши разумно = *с умным видом* в его сторону; *downcast* — *нисходящий, направленный вниз*), and he did his best to tell them what it was to see (а он старался изо всех сил рассказать им, что такое видеть). Among his hearers was a girl, with eyelids less red and sunken than the others (среди его слушателей была одна девушка с веками менее красными и впавшими, чем у остальных), so that one could almost fancy she was hiding eyes (так что можно было почти представить себе, что она скрывает глаза), whom especially he

hoped to persuade (/и/ которую он особенно надеялся убедить). He spoke of the beauties of sight (он говорил о преимуществах зрения; *beauty* — *красота*; *прелесть*; *достоинство*, *преимущество*), of watching the mountains, of the sky and the sunrise (о созерцании гор, о небе и восходе солнца), and they heard him with amused incredulity that presently became condemnatory (и они слушали его с веселым недоверием, которое некоторое время спустя стало осуждающим; *to condemn* — *приговаривать*, *выносить приговор*; *осуждать*, *порицать*; *to amuse* — *забавлять*, *веселить*).

rebel [rebl], persuasion [pə'sweɪzən], condemnatory [kən'demnətəri]

He rebelled only after he had tried persuasion.

He tried at first on several occasions to tell them of sight. “Look you here, you people,” he said. “There are things you do not understand in me.”

Once or twice one or two of them attended to him; they sat with faces downcast and ears turned intelligently towards him, and he did his best to tell them what it was to see. Among his hearers was a girl, with eyelids less red and sunken than the others, so that one could almost fancy she was hiding eyes, whom especially he hoped to persuade. He spoke of the beauties of sight, of watching the mountains, of the sky and the sunrise, and they heard him with amused incredulity that presently became condemnatory.

They told him there were indeed no mountains at all (они сказали ему, что на самом деле вообще нету гор), but that the end of the rocks where the llamas grazed was indeed the end of the world (а в конце скал, где паслись ламы был действительно край света); thence sprang a cavernous roof of the universe (оттуда поднималась гротообразная крыша вселенной; *cavern* — *пещера*), from which the dew and the avalanches fell (с которой падали роса и лавины); and when he maintained stoutly the world had neither end nor roof such as they supposed (и когда он решительно утверждал, что у мира нет ни конца, ни

крыши, как предполагали они), they said his thoughts were wicked (они говорили, что его мысли грешны/порочны; *wicked* — злой, безнравственный; грешный). So far as he could describe sky and clouds and stars to them (насколько он мог описать им небо, облака и звезды) it seemed to them a hideous void (это /все/ казалось им ужасной пустотой; *hideous* — отвратительный, омерзительный, страшный, ужасный), a terrible blankness in the place of the smooth roof to things in which they believed (ужасным вакуумом вместо гладкой крыши для /всего/ того: «вещей», во что они верили) — it was an article of faith with them that the cavern roof was exquisitely smooth to the touch (одним из догматов веры у них было, что гротообразная крыша — совершенно гладкая на ощупь). He saw that in some manner he shocked them (он понял, что каким-то образом возмущает их; *to shock* — производить сильное впечатление, поражать, потрясать; возмущать, шокировать), and gave up that aspect of the matter altogether (и полностью отказался от этой стороны вопроса), and tried to show them the practical value of sight (и попытался продемонстрировать им практическую ценность зрения).

cavernous [ˈkævnəs], hideous [ˈhɪdiəs], exquisitely [ɪkˈskwɪzɪtli]

They told him there were indeed no mountains at all, but that the end of the rocks where the llamas grazed was indeed the end of the world; thence sprang a cavernous roof of the universe, from which the dew and the avalanches fell; and when he maintained stoutly the world had neither end nor roof such as they supposed, they said his thoughts were wicked. So far as he could describe sky and clouds and stars to them it seemed to them a hideous void, a terrible blankness in the place of the smooth roof to things in which they believed — it was an article of faith with them that the cavern roof was exquisitely smooth to the touch. He saw that in some manner he shocked them, and gave up that aspect of the matter altogether, and tried to show them the practical value of sight.

One morning he saw Pedro in the path called Seventeen and coming towards the central houses (однажды утром он увидел Педро на тропе под названием Семнадцать, идущего к центральным домам), but still too far off for hearing or scent (но все еще слишком далеко, чтобы услышать или унюхать /его/), and he told them as much (именно это он и сказал им). “In a little while (скоро),” he prophesied (предрек он), “Pedro will be here (Педро будет здесь).” An old man remarked that Pedro had no business on path Seventeen (один старик заметил, что у Педро нет никаких дел на тропинке Семнадцать), and then, as if in confirmation, that individual as he drew near turned and went transversely into path Ten (и потом словно в подтверждение этот индивидуум, подойдя ближе, повернул и вышел перпендикулярно на тропу Десять), and so back with nimble paces towards the outer wall (и так же легкими шагами /двинулся/ назад ко внешней стене). They mocked Nunez when Pedro did not arrive (они осмеяли Нуньеса, когда Педро не пришел), and afterwards, when he asked Pedro questions to clear his character (а после, когда он задал Педро вопросы, чтобы оправдать свою репутацию), Pedro denied and outfaced him, and was afterwards hostile to him (Педро отверг /эти домыслы/ и держался нагло по отношению к нему, а впоследствии был /настроен/ враждебен к нему; *to outface* — *сконфузить дерзким взглядом; держаться нагло, вызываяюще; держаться смело, храбро встречать*).

prophesy [ˈprɒfɪsaɪ], transversely [ˈtrænzvɜːslɪ], hostile [ˈhɒstail]

One morning he saw Pedro in the path called Seventeen and coming towards the central houses, but still too far off for hearing or scent, and he told them as much. “In a little while,” he prophesied, “Pedro will be here.” An old man remarked that Pedro had no business on path Seventeen, and then, as if in confirmation, that individual as he drew near turned and went transversely into path Ten, and so back with nimble paces towards the outer wall. They mocked Nunez when Pedro did not arrive, and afterwards, when he asked Pedro questions

to clear his character, Pedro denied and outfaced him, and was afterwards hostile to him.

Then he induced them to let him go a long way up the sloping meadows towards the wall with one complaisant individual (затем он уговорил: «склонил» их позволить ему подняться высоко по лугам на склонах к стене с каким-нибудь покладистым = *согласным на то* человеком), and to him he promised to describe all that happened among the houses (и ему он пообещал описать все, что происходит среди домов). He noted certain goings and comings (он заметил некоторые уходы и приходы), but the things that really seemed to signify to these people happened inside of or behind the windowless houses (но то, что действительно казалось имеющим значение для этих людей, происходило внутри безоконных домов или за ними) — the only things they took note of to test him by (единственное, на что они обратили внимание, чтобы проверить его; *to take note of* — *обратить внимание на /что-л./; принять /что-л./ к сведению*) — and of those he could see or tell nothing (а из этого он не видел или не мог различить ничего); and it was after the failure of this attempt (и именно после краха этой попытки), and the ridicule they could not repress (и насмешек, которые они не могли сдержать), that he resorted to force (он прибег к силе). He thought of seizing a spade and suddenly smiting one or two of them to earth (он придумал взять лопату и внезапно сбить одного-двух из них на землю; *to think of* — *придумывать, додумываться*), and so in fair combat showing the advantage of eyes (и так в честном бою продемонстрировать преимущество глаз). He went so far with that resolution as to seize his spade (он зашел так далеко в этой решимости, что схватил лопату), and then he discovered a new thing about himself (и тогда он обнаружил в себе нечто новое), and that was that it was impossible for him to hit a blind man in cold blood (и это было то, что для него оказалось невозможным хладнокровно ударить слепого человека).

complaisant [kəm'pleɪzənt], individual [ˌɪndɪ'vɪdʒuəl], seize [siːz]

Then he induced them to let him go a long way up the sloping meadows towards the wall with one complaisant individual, and to him he promised to describe all that happened among the houses. He noted certain goings and comings, but the things that really seemed to signify to these people happened inside of or behind the windowless houses — the only things they took note of to test him by — and of those he could see or tell nothing; and it was after the failure of this attempt, and the ridicule they could not repress, that he resorted to force. He thought of seizing a spade and suddenly smiting one or two of them to earth, and so in fair combat showing the advantage of eyes. He went so far with that resolution as to seize his spade, and then he discovered a new thing about himself, and that was that it was impossible for him to hit a blind man in cold blood.

He hesitated, and found them all aware that he had snatched up the spade (он заколебался и обнаружил, что они все заметили, что он схватил лопату). They stood all alert, with their heads on one side (они стояли все настороже, /склонив/ головы набок), and bent ears towards him for what he would do next (и повернули уши к нему, /прислушиваясь/ что он сделает потом; *to bend* — *склонять(ся)*; *поворачивать*).

“Put that spade down (положи эту лопату),” said one (сказал один), and he felt a sort of helpless horror (и он ощутил своего рода неконтролируемый ужас; *helpless* — *беспомощный*). He came near obedience (он чуть не повиновался; *obedience* — *повиновение, подчинение, покорность, послушание, смирение*).

Then he had thrust one backwards against a house wall (затем он отшвырнул одного назад на стену дома), and fled past him and out of the village (и убежал мимо него и вон из села; *to flee* — *убегать, спасаться бегством*).

hesitate [ˈhezɪteɪt], horror [ˈhɒrə], obedience [əˈbiːdiəns]

He hesitated, and found them all aware that he had snatched up the spade. They stood all alert, with their heads on one side, and bent ears towards him for what he would do next.

“Put that spade down,” said one, and he felt a sort of helpless horror. He came near obedience.

Then he had thrust one backwards against a house wall, and fled past him and out of the village.

He went athwart one of their meadows (он побежал через один из их лугов; *athwart* — наклонно, косо; поперек; через), leaving a track of trampled grass behind his feet (оставляя след из примятой травы за своими ногами), and presently sat down by the side of one of their ways (и некоторое время спустя сел на обочине одной из их дорожек). He felt something of the buoyancy that comes to all men in the beginning of a fight (он ощутил какую-то душевную энергию/оптимизм, которая приходит ко всем людям в начале сражения/борьбы), but more perplexity (но больше растерянность). He began to realise that you cannot even fight happily with creatures (он начал понимать, что невозможно даже успешно сражаться с существами) who stand upon a different mental basis to yourself (которые стоят на ином интеллектуальном основании, нежели ты). Far away he saw a number of men carrying spades and sticks come out of the street of houses (вдали он увидел, как несколько мужчин, несущих лопаты и палки = с лопатами и палками вышли из улицы, /на которую выходили двери/ домов) and advance in a spreading line along the several paths towards him (и двинулись вперед расширяющейся линией по нескольким тропинкам в его сторону; *to spread* — развертывать/ся;/ раскидывать/ся;/ простирать/ся;/ расстилать/ся/). They advanced slowly, speaking frequently to one another (они двигались медленно, часто переговариваясь друг с другом), and ever and again the whole cordon would halt and sniff the air and listen (и то и дело весь кордон останавливался, нюхал

воздух и прислушивался; *ever and again* — время от времени, то и дело; *cordon* — кордон; охрана).

athwart [ə'θwɔ:t], buoyancy ['bɔɪənsɪ], frequently ['fri:kwəntli]

He went athwart one of their meadows, leaving a track of trampled grass behind his feet, and presently sat down by the side of one of their ways. He felt something of the buoyancy that comes to all men in the beginning of a fight, but more perplexity. He began to realise that you cannot even fight happily with creatures who stand upon a different mental basis to yourself. Far away he saw a number of men carrying spades and sticks come out of the street of houses and advance in a spreading line along the several paths towards him. They advanced slowly, speaking frequently to one another, and ever and again the whole cordon would halt and sniff the air and listen.

The first time they did this Nunez laughed (в первый раз, как они сделали это, Нуньес засмеялся). But afterwards he did not laugh (но потом ему было не до смеха: «он не смеялся»).

One struck his trail in the meadow grass and came stooping and feeling his way along it (один наткнулся на его след на луговой траве и пошел по нему, нагибаясь и ощупывая свой путь).

For five minutes he watched the slow extension of the cordon (пять минут он наблюдал за медленным выдвижением кордона), and then his vague disposition to do something forthwith became frantic (а потом его неотчетливое намерение сделать что-то немедленно стало неистовым). He stood up, went a pace or so towards the circumferential wall, turned, and went back a little way (он встал, прошел шаг или около того = пару шагов к кольцевой стене, повернулся и вернулся немного назад). There they all stood in a crescent, still and listening (они стояли все там дугой, неподвижно прислушиваясь; *crescent* — полумесяц; что-л. имеющее форму полумесяца, дуги).

vague [veɪɡ], forthwith [ˌfɔːθˈwɪθ], circumferential [səˌkʌmfəˈrenʃəl]

The first time they did this Nunez laughed. But afterwards he did not laugh.

One struck his trail in the meadow grass and came stooping and feeling his way along it.

For five minutes he watched the slow extension of the cordon, and then his vague disposition to do something forthwith became frantic. He stood up, went a pace or so towards the circumferential wall, turned, and went back a little way. There they all stood in a crescent, still and listening.

He also stood still (он также замер), gripping his spade very tightly in both hands (обхватив свою лопату очень крепко обеими руками). Should he charge them (атаковать ему их)?

The pulse in his ears ran into the rhythm of (пульс в его ушах забился в ритме) “In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King (в Стране Слепых и кривой — Король).”

Should he charge them (напасть на них)?

He looked back at the high and unclimbable wall behind (он оглянулся на высокую и непреодолимую стену позади; *unclimbable* — на которую нельзя взобраться; *to climb* — взбираться, влезать) — unclimbable because of its smooth plastering (неприступную из-за ее гладкой штукатурки), but withal pierced with many little doors (но в то же время пробитую множеством небольших дверок; *withal* — к тому же, вдобавок; в то же время; тем не менее) and at the approaching line of seekers (и /посмотрел/ на приближающуюся цепь искателей = преследователей). Behind these others were now coming out of the street of houses (за этими из домов улицы выходили теперь другие).

both [bəʊθ], rhythm [rɪðm], withal [wɪˈðɔːl]

He also stood still, gripping his spade very tightly in both hands. Should he charge them?

The pulse in his ears ran into the rhythm of “In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King.”

Should he charge them?

He looked back at the high and unclimbable wall behind — unclimbable because of its smooth plastering, but withal pierced with many little doors and at the approaching line of seekers. Behind these others were now coming out of the street of houses.

Should he charge them (напасть на них)?

“Bogota (Богота)!” called one (позвал один). “Bogota! where are you (Богота, ты где)?”

He gripped his spade still tighter and advanced down the meadows towards the place of habitations (он обхватил свою лопату еще крепче и двинулся вперед по лугам к месту жилищ), and directly he moved they converged upon him (и тотчас, как он двинулся, они устремились к нему; *to converge* — *сходиться, встречаться; стремиться*). “I’ll hit them if they touch me (я ударю их, если они тронут меня),” he swore (покаялся он; *to swear* — *клясться*); “by Heaven, I will (клянусь Небом, я ударю). I’ll hit (я ударю).” He called aloud (он громко крикнул), “Look here (послушайте), I’m going to do what I like in this valley (я буду делать то, что хочу в этой долине)! Do you hear (вы слышите)? I’m going to do what I like and go where I like (я буду делать что захочу, и ходить куда захочу).”

advance [ədˈvɑːns], converge [kənˈvɜːdʒ], aloud [əˈlaʊd]

Should he charge them?

“Bogota!” called one. “Bogota! where are you?”

He gripped his spade still tighter and advanced down the meadows towards the place of habitations, and directly he moved they converged upon him. “I’ll hit them if they touch me,” he swore; “by Heaven, I will. I’ll hit.” He called aloud, “Look here, I’m going to do what I like in this valley! Do you hear? I’m going to do what I like and go where I like.”

They were moving in upon him quickly, groping, yet moving rapidly (они быстро окружали и готовились к атаке на него, идя на ощупь, но двигаясь проворно; *to move in upon smb.* — *окружать и готовиться к атаке на кого-л.*). It was like playing blind man’s buff with everyone blindfolded except one (это походило на игру в жмурки с завязанными глазами у всех, кроме одного; *buff* — *буйволовая кожа; толстая бычачья кожа*). “Get hold of him (хватай его)!” cried one (крикнул один). He found himself in the arc of a loose curve of pursuers (он очутился внутри дуги широкой кривой = *широкой дуги* преследователей; *to pursue* — *преследовать*). He felt suddenly he must be active and resolute (он вдруг почувствовал, что должен быть активным и решительным).

“You don’t understand (вы не понимаете),” he cried (крикнул он), in a voice that was meant to be great and resolute, and which broke (голосом, который должен был быть величественным и решительным, и который прерывался; *to mean* — *предназначать*). “You are blind and I can see (вы слепы, а я вижу). Leave me alone (оставьте меня в покое)!”

“Bogota (Богота)! Put down that spade and come off the grass (положи эту лопату и сойди с травы)!”

The last order, grotesque in its urban familiarity, produced a gust of anger (последний приказ, нелепый в своей городской фамиллярности, вызвал взрыв гнева). “I’ll hurt you (я вас зашибу; *to hurt* — *причинить боль; ранить; ушибить*),” he said, sobbing with emotion (всхлипывая от душевного волнения). “By Heaven (клянусь Небом), I’ll hurt you (я сделаю вам больно)! Leave me alone (оставьте меня в покое)!”

pursuer [pəˈsjuːə], resolute [ˈrezəluːt], grotesque [grəuˈtesk]

They were moving in upon him quickly, groping, yet moving rapidly. It was like playing blind man's buff with everyone blindfolded except one. "Get hold of him!" cried one. He found himself in the arc of a loose curve of pursuers. He felt suddenly he must be active and resolute.

"You don't understand," he cried, in a voice that was meant to be great and resolute, and which broke. "You are blind and I can see. Leave me alone!"

"Bogota! Put down that spade and come off the grass!"

The last order, grotesque in its urban familiarity, produced a gust of anger. "I'll hurt you," he said, sobbing with emotion. "By Heaven, I'll hurt you! Leave me alone!"

He began to run (он начал бежать = *побежал*) — not knowing clearly where to run (не зная ясно, куда бежать). He ran from the nearest blind man (он убежал от ближайшего слепого), because it was a horror to hit him (потому что ему было страшно/не по себе ударить его: «это был ужас — ударить его»). He stopped, and then made a dash to escape from their closing ranks (он остановился, а потом сделал рывок, чтобы ускользнуть от их смыкающихся рядов). He made for where a gap was wide (он направился туда, где был широкий разрыв /в цепи преследователей/), and the men on either side, with a quick perception of the approach of his paces (и люди с обеих сторон, быстро уловив приближение его шагов; *perception* — *восприятие, ощущение*), rushed in on one another (бросились друг на друга). He sprang forward (он прыгнул вперед), and then saw he must be caught (и тогда увидел, что его должны поймать; *to catch* — *ловить, поймать*), and SWISH (и ВЖИК)! the spade had struck (лопата ударила). He felt the soft thud of hand and arm (он ощутил мягкий глухой стук удара по руке; *thud* — *глухой звук, стук /от падения тяжелого тела/; сильный удар*), and the man was down with a yell of pain (и мужчина упал с

пронзительным криком боли), and he was through (а он прорвался; *through* — *через, сквозь*).

forward [ˈfɔ:wəd], caught [kɔ:t], yell [jel]

He began to run — not knowing clearly where to run. He ran from the nearest blind man, because it was a horror to hit him. He stopped, and then made a dash to escape from their closing ranks. He made for where a gap was wide, and the men on either side, with a quick perception of the approach of his paces, rushed in on one another. He sprang forward, and then saw he must be caught, and SWISH! the spade had struck. He felt the soft thud of hand and arm, and the man was down with a yell of pain, and he was through.

Through (прорвался)! And then he was close to the street of houses again (а потом он был возле улицы домов снова), and blind men, whirling spades and stakes, were running with a reasoned swiftness hither and thither (а слепцы, вращая лопатами и кольями, бегали туда и сюда с достаточным: «обоснованным» проворством).

He heard steps behind him just in time (он услышал шаги за собой как раз вовремя), and found a tall man rushing forward and swiping at the sound of him (и обнаружил высокого мужчину, мчащегося вперед и замахнувшегося на звук его = на слух). He lost his nerve, hurled his spade a yard wide of this antagonist (он потерял самообладание, швырнул лопату в ярде от этого противника; *to lose nerve* — *оробеть, потерять самообладание*), and whirled about and fled, fairly yelling as he dodged another (и развернулся на месте, и убежал, сильно завопив, уворачиваясь еще от одного; *to whirl* — *вертеться; кружиться; вращаться*).

hither [ˈhɪðə], thither [ˈθɪðə], antagonist [ænˈtæɡənɪst]

Through! And then he was close to the street of houses again, and blind men, whirling spades and stakes, were running with a reasoned swiftness hither and thither.

He heard steps behind him just in time, and found a tall man rushing forward and swiping at the sound of him. He lost his nerve, hurled his spade a yard wide of this antagonist, and whirled about and fled, fairly yelling as he dodged another.

He was panic-stricken (его охватила паника). He ran furiously to and fro (он бешено бегал = метался туда и сюда), dodging when there was no need to dodge (уворачиваясь, когда не было нужды уворачиваться), and, in his anxiety to see on every side of him at once, stumbling (и, в попытке глядеть во все стороны: «в беспокойстве», спотыкался). For a moment he was down and they heard his fall (на секунду он упал, и они услышали его падение). Far away in the circumferential wall a little doorway looked like Heaven (далеко в кольцевой стене маленький дверной проем выглядел как Небеса /Обетованные/), and he set off in a wild rush for it (и он ринулся в неистовом броске = и он неистово рванулся к нему). He did not even look round at his pursuers until it was gained (он даже не оглядывался на своих преследователей, пока не добрался до него; *to gain* — получать выгоду; зарабатывать; добираться до, достигать), and he had stumbled across the bridge (и он прошел, спотыкаясь, по мосту), clambered a little way among the rocks (немного вскарабкался среди скал = на скалы), to the surprise and dismay of a young llama (к удивлению и ужасу молодой ламы), who went leaping out of sight, and lay down sobbing for breath (которая ускакала из виду, и улегся, всхлипывая, /чтобы восстановить/ дыхание).

furiously [ˈfjʊəriəsli], llama [ˈlɑ:mə], breath [breθ]

He was panic-stricken. He ran furiously to and fro, dodging when there was no need to dodge, and, in his anxiety to see on every side of him at once, stumbling.

For a moment he was down and they heard his fall. Far away in the circumferential wall a little doorway looked like Heaven, and he set off in a wild rush for it. He did not even look round at his pursuers until it was gained, and he had stumbled across the bridge, clambered a little way among the rocks, to the surprise and dismay of a young llama, who went leaping out of sight, and lay down sobbing for breath.

And so his coup d'état came to an end (и так закончился его государственный переворот).

He stayed outside the wall of the valley of the blind for two nights and days without food or shelter (он оставался за пределами стены долины слепых две ночи и дня = двое суток без еды и крова), and meditated upon the Unexpected (и размышлял о Неожиданном = об этой Неожиданной развязке). During these meditations he repeated very frequently and always with a profounder note of derision the exploded proverb (во время этих размышлений он очень часто повторял и все с более сильной ноткой насмешки отвергнутую пословицу): “In the Country of the Blind the One-Eyed Man is King (в Стране Слепых и кривой — Король).” He thought chiefly of ways of fighting and conquering these people (он думал, главным образом, о способах борьбы и завоевания этих людей), and it grew clear that for him no practicable way was possible (и стало ясно, что для него невозможен ни один практически выполнимый способ). He had no weapons, and now it would be hard to get one (у него не было оружия, а теперь будет тяжело достать его).

profound [prə'faund], chiefly ['tʃi:flɪ], weapon ['wepən]

And so his coup d'état came to an end.

He stayed outside the wall of the valley of the blind for two nights and days without food or shelter, and meditated upon the Unexpected. During these meditations he repeated very frequently and always with a profounder note of derision the exploded proverb: “In the Country of the Blind the One-Eyed Man is

King.” He thought chiefly of ways of fighting and conquering these people, and it grew clear that for him no practicable way was possible. He had no weapons, and now it would be hard to get one.

The canker of civilisation had got to him even in Bogota (язва цивилизации добралась до него даже в Боготе), and he could not find it in himself to go down and assassinate a blind man (и он не мог заставить себя спуститься и убить слепого человека; *to find it in one's heart to do smth.* — убедить/заставить себя сделать что-либо, решиться на что-л.). Of course, if he did that (конечно, если бы он сделал это), he might then dictate terms on the threat of assassinating them all (он мог бы тогда диктовать условия под угрозой убийства их всех). But — Sooner or later he must sleep (но — рано или поздно ему нужно спать)!..

He tried also to find food among the pine trees (он пытался также найти пищу среди сосен), to be comfortable under pine boughs while the frost fell at night, and (устроиться уютно под сучьями сосны, когда ночью выпадал иней, и) — with less confidence (с меньшей уверенностью) — to catch a llama by artifice in order to try to kill it (поймать ламу как-нибудь: «с помощью уловки», чтобы попытаться убить ее) — perhaps by hammering it with a stone (возможно, ударив ее камнем; *hammer* — молот/ок/; *to hammer* — бить, ударять /молотом, кувалдой/) — and so finally, perhaps, to eat some of it (и так в конце концов, может быть, съесть часть ее). But the llamas had a doubt of him and regarded him with distrustful brown eyes and spat when he drew near (но ламы сомневались на его счет и смотрели на него недоверчивыми карими глазами, и плевались, когда он приближался; *to have doubts of smb.* — сомневаться на чей-то счет). Fear came on him the second day and fits of shivering (страх и судороги лихорадочного озноба навалились на него на второй день; *to come on smb.* — обрушиться, навалиться на /кого-л./; *shiver* — лихорадка, лихорадочный озноб). Finally he crawled down to the wall of the Country of the Blind and tried to make his terms (в конечном счете он сполз вниз по стене Страны Слепых и попытался заключить договор; *to make terms* — прийти к

соглашению; ставить условия, торговаться). He crawled along by the stream, shouting (он пополз вдоль ручья, крича), until two blind men came out to the gate and talked to him (пока два слепца не вышли к воротам и не заговорили с ним).

assassinate [ə'sæsiːnɪt], threat [θret], bough [bau]

The canker of civilisation had got to him even in Bogota, and he could not find it in himself to go down and assassinate a blind man. Of course, if he did that, he might then dictate terms on the threat of assassinating them all. But — Sooner or later he must sleep!..

He tried also to find food among the pine trees, to be comfortable under pine boughs while the frost fell at night, and — with less confidence — to catch a llama by artifice in order to try to kill it — perhaps by hammering it with a stone — and so finally, perhaps, to eat some of it. But the llamas had a doubt of him and regarded him with distrustful brown eyes and spat when he drew near. Fear came on him the second day and fits of shivering. Finally he crawled down to the wall of the Country of the Blind and tried to make his terms. He crawled along by the stream, shouting, until two blind men came out to the gate and talked to him.

“I was mad (я был безумен),” he said. “But I was only newly made (но я был создан лишь недавно).”

They said that was better (они сказали, что это лучше).

He told them he was wiser now (он сказал им, что он теперь мудрее), and repented of all he had done (и раскаивается во всем, что натворил).

Then he wept without intention (потом он без намерения = невольно заплакал; *to weep* — плакать, рыдать), for he was very weak and ill now (ибо он был очень слаб и болен сейчас), and they took that as a favourable sign (и они восприняли это, как благоприятный знак).

They asked him if he still thought he could SEE (они спросили его, все ли еще он считает, что может ВИДЕТЬ).”

“No (нет),” he said. “That was folly (это была глупость). The word means nothing (это слово ничего не значит). Less than nothing (меньше, чем ничего)!”

They asked him what was overhead (они спросили его, что находится вверху).

only [ˈəʊnli], favourable [ˈfeɪvərəbl], sign [saɪn]

“I was mad,” he said. “But I was only newly made.”

They said that was better.

He told them he was wiser now, and repented of all he had done.

Then he wept without intention, for he was very weak and ill now, and they took that as a favourable sign.

They asked him if he still thought he could SEE.”

“No,” he said. “That was folly. The word means nothing. Less than nothing!”

They asked him what was overhead.

“About ten times ten the height of a man there is a roof above the world (приблизительно на высоте в десять человеческих ростов над миром есть крыша) — of rock (из скалы) — and very, very smooth (и очень, очень гладкая). So smooth — so beautifully smooth (такая гладкая — такая превосходно гладкая)... “He burst again into hysterical tears (он снова истерически зарыдал; *to burst into tears* — заплакать, зарыдать). “Before you ask me any more (прежде чем вы спросите еще что-нибудь у меня), give me some food or I shall die (дайте мне немного еды, иначе я умру)!”

He expected dire punishments (он ожидал жутких наказаний), but these blind people were capable of toleration (но эти слепые люди оказались способны на терпимость). They regarded his rebellion as but one more proof of his general idiocy and inferiority (они рассматривали его восстание как лишь

еще одно доказательство его общего идиотизма и неполноценности), and after they had whipped him they appointed him to do the simplest and heaviest work they had for anyone to do (и после того, как они высекли его, они назначили его на выполнение самой простой и тяжелой работы, которая только у них была: «была для кого-либо»), and he, seeing no other way of living, did submissively what he was told (и он, не видя другого способа прожить, смиренно делал то, что ему велели; *submissive* — *покорный; послушный, смиренный*).

height [haɪt], capable [ˈkeɪpəbl̩], inferiority [ɪnˌfɪəriˈɔːrɪti], submissive [səbˈmɪsɪv]

“About ten times ten the height of a man there is a roof above the world — of rock — and very, very smooth. So smooth — so beautifully smooth... “He burst again into hysterical tears. “Before you ask me any more, give me some food or I shall die!”

He expected dire punishments, but these blind people were capable of toleration. They regarded his rebellion as but one more proof of his general idiocy and inferiority, and after they had whipped him they appointed him to do the simplest and heaviest work they had for anyone to do, and he, seeing no other way of living, did submissively what he was told.

He was ill for some days and they nursed him kindly (он болел несколько дней, и они сердечно/доброжелательно ухаживали за ним). That refined his submission (это улучшило его послушание/повиновение; *to refine* — *делать/ся/ более изящным, утонченным, изысканным; облагораживать; усовершенствовать, улучшать*). But they insisted on his lying in the dark (но они настаивали на том, чтобы он лежал в темноте), and that was a great misery (а это было большим = *серьезным* страданием). And blind philosophers came and talked to him of the wicked levity of his mind (и слепые философы

приходили и беседовали с ним о гибельном легкомыслии его разума), and reproved him so impressively for his doubts about the lid of rock (и так выразительно бранили его за его сомнения насчет каменной крышки) that covered their cosmic casserole (которая накрывала их космическую кастрюлю) that he almost doubted whether indeed he was not the victim of hallucination in not seeing it overhead (что он чуть не засомневался, не является ли он в действительности жертвой галлюцинации, не видя ее над головой).

levity [ˈlevəti], doubt [daʊt], casserole [ˈkæsɹəʊl]

He was ill for some days and they nursed him kindly. That refined his submission. But they insisted on his lying in the dark, and that was a great misery. And blind philosophers came and talked to him of the wicked levity of his mind, and reproved him so impressively for his doubts about the lid of rock that covered their cosmic casserole that he almost doubted whether indeed he was not the victim of hallucination in not seeing it overhead.

So Nunez became a citizen of the Country of the Blind (так Нуньес стал гражданином Страны Слепых), and these people ceased to be a generalised people and became individualities to him, and familiar to him (и эти люди перестали быть обобщенным народом и стали индивидуальностями и близкими для него = он увидел в них не толпу, а личностей), while the world beyond the mountains became more and more remote and unreal (в то время как мир за горами становился более и более далеким и нереальным). There was Yacob, his master, a kindly man when not annoyed (был Якоб, его хозяин, добрый человек, когда его не раздражали); there was Pedro, Yacob's nephew (был Педро, племянник Якоба); and there was Medina-sarote (и была Медина-саротэ), who was the youngest daughter of Yacob (которая была самой младшей дочкой Якоба). She was little esteemed in the world of the blind (ее мало ценили в мире слепых), because she had a clear-cut face and lacked that satisfying, glossy

smoothness that is the blind man's ideal of feminine beauty (потому что у нее было четко очерченное лицо и не доставало той радующей: «удовлетворяющей» лоснящейся гладкости, которая является идеалом женской красоты /для/ слепого мужчины), but Nunez thought her beautiful at first (но Нуньес счел ее красивой сначала), and presently the most beautiful thing in the whole creation (а теперь /считал/ самым прекрасным существом во всем мире). Her closed eyelids were not sunken and red after the common way of the valley (ее закрытые веки не были впавшими и красными, как это было /у других/ в долине; *way* — манера, привычка, образ действия, особенность), but lay as though they might open again at any moment (но покоились так, словно они могли открыться снова в любой момент); and she had long eyelashes, which were considered a grave disfigurement (и у нее были длинные ресницы, которые считались серьезным уродством). And her voice was weak and did not satisfy the acute hearing of the valley swains (а ее голос был слабым и не удовлетворял острому слуху деревенских парней из долины). So that she had no lover (поэтому у нее не было возлюбленного).

nephew [ˈnevju:], daughter [ˈdɔ:tə], beauty [ˈbju:tɪ]

So Nunez became a citizen of the Country of the Blind, and these people ceased to be a generalised people and became individualities to him, and familiar to him, while the world beyond the mountains became more and more remote and unreal. There was Yacob, his master, a kindly man when not annoyed; there was Pedro, Yacob's nephew; and there was Medina-sarote, who was the youngest daughter of Yacob. She was little esteemed in the world of the blind, because she had a clear-cut face and lacked that satisfying, glossy smoothness that is the blind man's ideal of feminine beauty, but Nunez thought her beautiful at first, and presently the most beautiful thing in the whole creation. Her closed eyelids were not sunken and red after the common way of the valley, but lay as though they might open again at any moment; and she had long eyelashes, which were

considered a grave disfigurement. And her voice was weak and did not satisfy the acute hearing of the valley swains. So that she had no lover.

There came a time (пришло время) when Nunez thought that, could he win her, he would be resigned to live in the valley for all the rest of his days (когда Нуньес подумал, что если он завоюет ее, он покорно будет жить в долине всю оставшуюся часть его дней).

He watched her (он наблюдал за ней); he sought opportunities of doing her little services and presently he found that she observed him (он искал возможности оказать ей небольшие услуги, и через некоторое время он обнаружил, что она наблюдает за ним). Once at a rest-day gathering they sat side by side in the dim starlight (однажды на собрании в день отдыха они сидели рядом в тусклом свете звезд), and the music was sweet (и музыка была сладкозвучной). His hand came upon hers and he dared to clasp it (его рука опустилась на ее, и он осмелился сжать ее). Then very tenderly she returned his pressure (затем очень нежно она вернула его пожатие). And one day, as they were at their meal in the darkness (и однажды, когда они были = сидели за едой в темноте), he felt her hand very softly seeking him (он ощутил, как ее рука очень мягко ищет его), and as it chanced the fire leapt then (и когда случилось так, что тогда огонь подскочил = вспыхнул), and he saw the tenderness of her face (и он увидел нежное выражение ее лица: «нежность на ее лице»).

resigned [rɪˈzaɪnd], observe [əbˈzə:v], pressure [ˈpreʃə]

There came a time when Nunez thought that, could he win her, he would be resigned to live in the valley for all the rest of his days.

He watched her; he sought opportunities of doing her little services and presently he found that she observed him. Once at a rest-day gathering they sat side by side in the dim starlight, and the music was sweet. His hand came upon hers and he dared to clasp it. Then very tenderly she returned his pressure. And one day, as

they were at their meal in the darkness, he felt her hand very softly seeking him, and as it chanced the fire leapt then, and he saw the tenderness of her face.

He sought to speak to her (он стремился поговорить с ней; *to seek* — *искать; стремиться*).

He went to her one day (однажды он пришел к ней) when she was sitting in the summer moonlight spinning (когда она сидела при летнем свете луны и пряла; *to spin* — *прясть*). The light made her a thing of silver and mystery (этот свет придавал ей серебристый и таинственный вид). He sat down at her feet and told her he loved her (он сел у ее ног и сказал ей, что он любит ее), and told her how beautiful she seemed to him (и сказал ей, какой красивой она кажется ему). He had a lover's voice (у него был голос влюбленного), he spoke with a tender reverence that came near to awe (он говорил с нежной почтительностью, которая доходила до благоговения = была почти благоговейной), and she had never before been touched by adoration (а ее никогда прежде не касалось обожание; *to adore* — *обожать; поклоняться, почитать, преклоняться*). She made him no definite answer (она не дала ему определенного ответа), but it was clear his words pleased her (но было ясно, что его слова понравились ей; *to please* — *радовать, доставлять удовольствие; быть в радость, нравиться /кому-л./; угождать*).

reverence [ˈrevrəns], awe [ɔ:], adore [əˈdɔ:], definite [ˈdefɪnət]

He sought to speak to her.

He went to her one day when she was sitting in the summer moonlight spinning. The light made her a thing of silver and mystery. He sat down at her feet and told her he loved her, and told her how beautiful she seemed to him. He had a lover's voice, he spoke with a tender reverence that came near to awe, and she had never before been touched by adoration. She made him no definite answer, but it was clear his words pleased her.

After that he talked to her whenever he could take an opportunity (после этого он говорил с ней всякий раз, когда он мог воспользоваться /такой/ возможностью; *to take an opportunity* — *ухватиться за возможность, воспользоваться стечением обстоятельств*). The valley became the world for him (долина стала для него /целым/ миром), and the world beyond the mountains where men lived by day (а мир за горами, где люди жили днем) seemed no more than a fairy tale he would some day pour into her ears (казался не более, чем сказкой, которую он когда-нибудь вошьет в ее уши). Very tentatively and timidly he spoke to her of sight (очень осторожно и робко он говорил с ней о зрении).

Sight seemed to her the most poetical of fancies (зрение казалось ей самой поэтической из фантазий), and she listened to his description of the stars and the mountains and her own sweet white-lit beauty as though it was a guilty indulgence (и она слушала его описание звезд и гор, и ее собственной очаровательной освещенной серебристым светом красоты, как будто это было преступное наслаждение). She did not believe, she could only half understand (она не верила, она могла понять лишь наполовину), but she was mysteriously delighted (но она была таинственным образом восхищена), and it seemed to him that she completely understood (и ему казалось, что она полностью понимает).

opportunity [ˌɒpəˈtjuːnɪti], pour [pɔː], guilty [ˈɡɪltɪ]

After that he talked to her whenever he could take an opportunity. The valley became the world for him, and the world beyond the mountains where men lived by day seemed no more than a fairy tale he would some day pour into her ears. Very tentatively and timidly he spoke to her of sight.

Sight seemed to her the most poetical of fancies, and she listened to his description of the stars and the mountains and her own sweet white-lit beauty as though it was a guilty indulgence. She did not believe, she could only half

understand, but she was mysteriously delighted, and it seemed to him that she completely understood.

His love lost its awe and took courage (его любовь потеряла свое благоговение и набралась смелости). Presently he was for demanding her of Yacob and the elders in marriage (теперь он собирался попросить ее у Якоба и старейшин в жены; *to be for* — собираться что-л. делать; *marriage* — брак, супружество; замужество, женитьба), but she became fearful and delayed (но ей стало страшно, и она сделала отсрочку; *to delay* — откладывать; отсрочивать). And it was one of her elder sisters who first told Yacob that Medina-sarote and Nunez were in love (и первой рассказала Якобу, что Медина-саротэ и Нуньес любят друг друга, одна из ее старших сестер; *to be in love* — быть влюбленным).

courage [ˈkʌrɪdʒ], demand [dɪˈmɑːnd], marriage [ˈmæɪrɪdʒ]

His love lost its awe and took courage. Presently he was for demanding her of Yacob and the elders in marriage, but she became fearful and delayed. And it was one of her elder sisters who first told Yacob that Medina-sarote and Nunez were in love.

There was from the first very great opposition to the marriage of Nunez and Medina-sarote (сначала возникло очень сильное противление браку Нуньеса и Медины-саротэ); not so much because they valued her as because they held him as a being apart, an idiot (не столько потому, что они высоко ценили ее, сколько потому, что они считали его обособленным существом, идиотом; *apart* — в стороне, отдельно, в отдалении, обособленно; в сторону), incompetent thing below the permissible level of a man (недееспособным созданием, /находящимся/ ниже допустимого уровня человека; *to value* — дорожить, ценить, быть высокого мнения, отдавать должное). Her sisters

opposed it bitterly as bringing discredit on them all (ее сестры сильно противились этому, как несущему дурную славу всем им = ведь это бросит тень на всю семью); and old Yacob, though he had formed a sort of liking for his clumsy, obedient serf (и старый Якоб, хотя у него сложилась некая симпатия к своему неловкому, послушному рабу), shook his head and said the thing could not be (покачал головой и сказал, что это невозможно). The young men were all angry at the idea of corrupting the race (молодых мужчин очень сердила мысль о том, что произойдет порча расы; *to corrupt* — *развращать, разлагать*), and one went so far as to revile and strike Nunez (и один дошел до того, что оскорбил и ударил Нуньеса). He struck back (тот ударил в ответ). Then for the first time he found an advantage in seeing (тогда впервые он нашел преимущество в том, что видел), even by twilight (даже в полумраке), and after that fight was over no one was disposed to raise a hand against him (и после того, как та драка закончилась, никто не был расположен поднимать руку на него). But they still found his marriage impossible (но они по-прежнему считали его женитьбу невозможной).

value [ˈvælju:], idea [aɪˈdɪə], advantage [ədˈvɑːntɪdʒ]

There was from the first very great opposition to the marriage of Nunez and Medina-sarote; not so much because they valued her as because they held him as a being apart, an idiot, incompetent thing below the permissible level of a man. Her sisters opposed it bitterly as bringing discredit on them all; and old Yacob, though he had formed a sort of liking for his clumsy, obedient serf, shook his head and said the thing could not be. The young men were all angry at the idea of corrupting the race, and one went so far as to revile and strike Nunez. He struck back. Then for the first time he found an advantage in seeing, even by twilight, and after that fight was over no one was disposed to raise a hand against him. But they still found his marriage impossible.

Old Yacob had a tenderness for his last little daughter (старый Якоб испытывал нежность к своей последней дочурке), and was grieved to have her weep upon his shoulder (и был глубоко опечален, когда она плакала у него на плече; *to grieve* — *огорчать, глубоко опечаливать*).

“You see, my dear, he’s an idiot (видишь ли, моя дорогая, он идиот). He has delusions; he can’t do anything right (у него галлюцинации = он предается иллюзиям, он ничего не может сделать должным образом).”

“I know (я знаю),” wept Medina-sarote (плакала Медина-саротэ). “But he’s better than he was (но он лучше, чем он был). He’s getting better (он становится лучше). And he’s strong, dear father, and kind (и он сильный, дорогой отец, и добрый) — stronger and kinder than any other man in the world (сильнее и добрее любого другого мужчины в мире). And he loves me (и он любит меня) — and, father, I love him (и, отец, я люблю его).”

grieve [gri:v], *kind* [kaɪnd], *love* [lʌv]

Old Yacob had a tenderness for his last little daughter, and was grieved to have her weep upon his shoulder.

“You see, my dear, he’s an idiot. He has delusions; he can’t do anything right.”

“I know,” wept Medina-sarote. “But he’s better than he was. He’s getting better. And he’s strong, dear father, and kind — stronger and kinder than any other man in the world. And he loves me — and, father, I love him.”

Old Yacob was greatly distressed to find her inconsolable, and, besides (старый Якоб был поражен, застав ее безутешной, и, кроме того) — what made it more distressing (что огорчало его /еще/ больше) — he liked Nunez for many things (Нуньес многим нравился ему). So he went and sat in the windowless council-chamber with the other elders and watched the trend of the talk (поэтому он пошел и сидел в безоконной комнате совета с остальными

старейшинами и следил за ходом беседы), and said, at the proper time (и сказал в надлежащее время), “He’s better than he was (он лучше, чем был). Very likely, some day, we shall find him as sane as ourselves (очень похоже, однажды мы признаем его таким же нормальным, как мы сами; *sane* — нормальный, в своем уме, в здравом уме; здравый; здравомыслящий; благоразумный, разумный, рассудительный).”

inconsolable [ˌɪnkənˈsəʊləbl̩], council [kaʊnsəl], watch [wɒtʃ]

Old Yacob was greatly distressed to find her inconsolable, and, besides — what made it more distressing — he liked Nunez for many things. So he went and sat in the windowless council-chamber with the other elders and watched the trend of the talk, and said, at the proper time, “He’s better than he was. Very likely, some day, we shall find him as sane as ourselves.”

Then afterwards one of the elders, who thought deeply, had an idea (и тогда у одного из старейшин, который как следует: «глубоко» подумал, возникла идея). He was a great doctor among these people, their medicine-man (он был великим врачом среди этих людей, их знахарем), and he had a very philosophical and inventive mind (и у него был очень философский и изобретательный ум), and the idea of curing Nunez of his peculiarities appealed to him (и мысль вылечить Нуньеса от его причуд привлекала его; *to appeal* — привлекать, притягивать; влечь, манить, нравиться). One day when Yacob was present he returned to the topic of Nunez (однажды, когда присутствовал Якоб, он вернулся к теме Нуньеса). “I have examined Nunez (я осматривал Нуньеса),” he said, “and the case is clearer to me (и дело /стало/ яснее для меня). I think very probably he might be cured (я думаю, очень вероятно, что его можно вылечить).”

“This is what I have always hoped (это то, на что я всегда надеялся),” said old Yacob.

“His brain is affected (его мозг подвергается воздействию; *to affect* — подвергать физическому воздействию, давлению),” said the blind doctor (сказал слепой доктор).

medicine [ˈmedsən], [ˈmedɪsɪn], peculiarity [pɪ, kju:lɪˈæritɪ], always [ˈɔ:lwəz]

Then afterwards one of the elders, who thought deeply, had an idea. He was a great doctor among these people, their medicine-man, and he had a very philosophical and inventive mind, and the idea of curing Nunez of his peculiarities appealed to him. One day when Yacob was present he returned to the topic of Nunez. “I have examined Nunez,” he said, “and the case is clearer to me. I think very probably he might be cured.”

“This is what I have always hoped,” said old Yacob.

“His brain is affected,” said the blind doctor.

The elders murmured assent (старейшины проворчали/пробормотали согласие).

“Now, WHAT affects it (ну, и ЧТО воздействует на него)?”

“Ah (ax; ah — a!, ax!)!” said old Yacob.

THIS (ВОТ ЧТО),” said the doctor, answering his own question (сказал доктор, отвечая на свой собственный вопрос). “Those queer things that are called the eyes (те странные штуковины, которые называются глазами), and which exist to make an agreeable depression in the face (и которые существуют, чтобы создавать приятное углубление на лице), are diseased, in the case of Nunez, in such a way as to affect his brain (больны в случае с Нуньесом так, что воздействуют на его мозг). They are greatly distended, he has eyelashes, and his eyelids move (они сильно раздуты, у него есть ресницы, а его веки двигаются), and consequently his brain is in a state of constant irritation and distraction (и в

результате его мозг находится в состоянии постоянного раздражения и возбуждения).”

ah [a:], exist [ɪgˈzɪst], disease [diˈzi:z], consequently [ˈkɒnsɪkwəntli]

The elders murmured assent.

“Now, WHAT affects it?”

“Ah!” said old Yacob.

THIS,” said the doctor, answering his own question. “Those queer things that are called the eyes, and which exist to make an agreeable depression in the face, are diseased, in the case of Nunez, in such a way as to affect his brain. They are greatly distended, he has eyelashes, and his eyelids move, and consequently his brain is in a state of constant irritation and distraction.”

“Yes (да)?” said old Yacob. “Yes (ну и)?”

“And I think I may say with reasonable certainty that (и я считаю, что могу сказать с достаточной уверенностью/определенностью, что), in order to cure him complete (для того чтобы полностью вылечить его), all that we need to do is a simple and easy surgical operation (все, что нам нужно сделать — это простую и легкую хирургическую операцию) — namely, to remove these irritant bodies (а именно, удалить эти вызывающие раздражение тела).”

“And then he will be sane (и тогда он будет нормальным)?”

“Then he will be perfectly sane, and a quite admirable citizen (тогда он будет полностью нормальным и совершенно замечательным гражданином).”

“Thank Heaven for science (спасибо Небу за науку)!” said old Yacob, and went forth at once to tell Nunez of his happy hopes (и сразу отправился в путь поведать Нуньесу о своих счастливых надеждах).

admirable [ˈædmərəbl], citizen [ˈsɪtɪzən], science [ˈsaɪəns]

“Yes?” said old Yacob. “Yes?”

“And I think I may say with reasonable certainty that, in order to cure him complete, all that we need to do is a simple and easy surgical operation — namely, to remove these irritant bodies.”

“And then he will be sane?”

“Then he will be perfectly sane, and a quite admirable citizen.”

“Thank Heaven for science!” said old Yacob, and went forth at once to tell Nunez of his happy hopes.

But Nunez’s manner of receiving the good news struck him as being cold and disappointing (но поведение Нуньеса при получении хорошей новости поразило его холодностью и разочарованием).

“One might think (можно подумать),” he said, “from the tone you take that you did not care for my daughter (по тону, который ты принял = *которым ты говоришь*, что ты не любишь мою дочь; *to care for* — *нравиться, любить*).”

It was Medina-sarote who persuaded Nunez to face the blind surgeons (именно Медина-саротэ убедила Нуньеса предстать перед слепыми хирургами).

“YOU do not want me,” he said, “to lose my gift of sight (ТЫ не хочешь, чтобы я потерял мою способность видеть)?”

She shook her head (она покачала головой).

“My world is sight (мой мир — это зрение).”

Her head drooped lower (ее голова склонилась /еще/ ниже; *to droop* — *поникать, свисать, склонять/ся/, наклонять/ся/*).

being [ˈbi:ɪŋ], persuade [pəˈsweɪd], surgeon [ˈsɜ:dʒən]

But Nunez’s manner of receiving the good news struck him as being cold and disappointing.

“One might think,” he said, “from the tone you take that you did not care for my daughter.”

It was Medina-sarote who persuaded Nunez to face the blind surgeons.

“YOU do not want me,” he said, “to lose my gift of sight?”

She shook her head.

“My world is sight.”

Her head drooped lower.

“There are the beautiful things, the beautiful little things (есть прекрасные вещи, прекрасные мелочи) — the flowers, the lichens amidst the rocks (цветы, лишайники среди скал), the light and softness on a piece of fur (свет и мягкость на куске меха), the far sky with its drifting dawn of clouds (далекое небо со своими плывущими по ветру облаками в час заката; *to drift* — *сноситься, смещаться, сдвигаться по ветру, по течению, дрейфовать*), the sunsets and the stars (закатами и звездами). And there is YOU (и есть ТЫ). For you alone it is good to have sight, to see your sweet, serene face, your kindly lips, your dear, beautiful hands folded together (только ради тебя здорово иметь зрение, чтобы видеть твое очаровательное, безмятежное лицо, твои добрые губы, твои милые, красивые руки, сложенные вместе)... It is these eyes of mine you won (ты завоевала мой взор: «мои глаза»; *to win*), these eyes that hold me to you (эти глаза, которые приковывают меня к тебе), that these idiots seek (которых хотят: «ищут» эти идиоты). Instead, I must touch you, hear you, and never see you again (вместо этого я должен касаться тебя, слышать тебя и никогда больше не видеть тебя). I must come under that roof of rock and stone and darkness (я должен войти под эту крышу из скал и камня, и темноты), that horrible roof under which your imaginations stoop (под эту ужасную крышу, под которой горбятся/деградируют ваши фантазии; *to stoop* — *сутулиться; горбиться; ходить с опущенной головой; опускаться, деградировать*)... NO; YOU would not have me do that (НЕТ, ТЫ /ведь/ не хочешь, чтобы я сделал это)?”

flower [ˈflaʊə], lichen [ˈlaɪkən], dawn [dɔːn]

“There are the beautiful things, the beautiful little things — the flowers, the lichens amidst the rocks, the light and softness on a piece of fur, the far sky with its drifting dawn of clouds, the sunsets and the stars. And there is YOU. For you alone it is good to have sight, to see your sweet, serene face, your kindly lips, your dear, beautiful hands folded together. . . It is these eyes of mine you won, these eyes that hold me to you, that these idiots seek. Instead, I must touch you, hear you, and never see you again. I must come under that roof of rock and stone and darkness, that horrible roof under which your imaginations stoop . . . NO; YOU would not have me do that?”

A disagreeable doubt had arisen in him (неприятное сомнение возникло в нем). He stopped and left the thing a question (он остановился и оставил эту вещь вопросом = это без ответа).

“I wish (я желаю),” she said, “sometimes (иногда) — ” She paused (она сделала паузу = замолчала).

“Yes (да)?” he said, a little apprehensively (немного нерешительно).

“I wish sometimes — you would not talk like that (иногда мне хочется, чтобы ты так не говорил).”

“Like what (как)?”

“I know it’s pretty (я знаю, это приятно) — it’s your imagination (это твое воображение). I love it, but NOW (я люблю это, но ТЕПЕРЬ) — ”

He felt cold (он похолодел). “NOW (ТЕПЕРЬ)?” he said, faintly (слабо произнес он).

apprehensively [æpriˈhensɪvli], pretty [ˈprɪti], now [naʊ]

A disagreeable doubt had arisen in him. He stopped and left the thing a question.

“I wish,” she said, “sometimes — ” She paused.

“Yes?” he said, a little apprehensively.

“I wish sometimes — you would not talk like that.”

“Like what?”

“I know it’s pretty — it’s your imagination. I love it, but NOW — ”

He felt cold. “NOW?” he said, faintly.

She sat quite still (она сидела совершенно неподвижно).

“You mean — you think (ты хочешь сказать, ты думаешь) — I should be better, better perhaps (я был бы лучше, возможно, лучше) — ”

He was realising things very swiftly (он очень проворно схватывал суть). He felt anger perhaps (он, наверное, ощутил гнев), anger at the dull course of fate (гнев на безрадостный ход судьбы = на безрадостную долю; *fate* — *судьба*; *доля*, *жеребий*, *фатум*; *dull* — *тупой*, *глупый*; *скучный*, *надоедливый*), but also sympathy for her lack of understanding (но также сочувствие к ее недостатку понимания) — a sympathy near akin to pity (сочувствие, /которое было/ почти сродни жалости; *akin* — *сродни*; *сродный*, *близкий*, *родственный*; *похожий*, *такой же как*).

“DEAR (ДОРОГАЯ),” he said, and he could see by her whiteness how tensely her spirit pressed against the things she could not say (и он увидел по ее бледности, как напряженно протестовала ее душа против того, что она не могла высказать; *to press* — *оказывать давление*; *притеснять*, *угнетать*; *заклинать*, *молить*, *упрашивать*, *сильно просить*). He put his arms about her (он заключил ее в объятия; *to put one’s arms around / about smb.* — *обнять*, *заключить кого-л. в объятия*), he kissed her ear (он поцеловал ее в ухо), and they sat for a time in silence (и они сидели некоторое время молча).

“If I were to consent to this (а если бы я согласился на это)?” he said at last, in a voice that was very gentle (сказал он наконец голосом, который был очень нежен).

anger [ˈæŋɡə], sympathy [ˈsɪmpəθɪ], were [wə:]

She sat quite still.

“You mean — you think — I should be better, better perhaps — ”

He was realising things very swiftly. He felt anger perhaps, anger at the dull course of fate, but also sympathy for her lack of understanding — a sympathy near akin to pity.

“DEAR,” he said, and he could see by her whiteness how tensely her spirit pressed against the things she could not say. He put his arms about her, he kissed her ear, and they sat for a time in silence.

“If I were to consent to this?” he said at last, in a voice that was very gentle.

She flung her arms about him, weeping wildly (она обняла его, иступленно: «дику» рыдая; *to fling one's arms about smb.* — обнять; заключить в объятия; *to fling* — бросать, метать, кидать). “Oh, if you would (ах, если б ты согласился),” she sobbed (всхлипнула она), “if only you would (если бы ты только согласился)! ”

For a week before the operation that was to raise him from his servitude and inferiority to the level of a blind citizen (в течение недели перед операцией, которая должна была возвысить его от рабства и неполноценности до уровня слепого гражданина) Nunez knew nothing of sleep (Нуньес забыл: «не знал ничего» о сне), and all through the warm, sunlit hours (и на протяжении всех теплых, освещенных солнцем часов), while the others slumbered happily (в то время как остальные счастливо спали), he sat brooding or wandered aimlessly (он сидел, погруженный в раздумья, или бродил бесцельно; *aim* — цель), trying to bring his mind to bear on his dilemma (пытаясь заставить свой ум заняться этой дилеммой; *to bring* — нести; привлечь; заставлять). He had given his answer (он дал свой ответ), he had given his consent (он дал свое согласие), and still he was not sure (и все-таки он не был уверен). And at last work-time was over (и, наконец, закончилось рабочее время), the sun rose in

splendour over the golden crests (солнце поднялось в /своем/ великолепии над золотистыми гребнями гор), and his last day of vision began for him (и для него начался его последний день зрения). He had a few minutes with Medina-sarote before she went apart to sleep (он провел несколько минут с Мединой-саротэ, прежде чем она ушла /в сторону/ спать; *apart* — в стороне, отдельно, в отдалении, обособленно; в сторону).

servitude [ˈsə:vɪtju:d], level [levl], sure [ʃuə]

She flung her arms about him, weeping wildly. “Oh, if you would,” she sobbed, “if only you would!”

For a week before the operation that was to raise him from his servitude and inferiority to the level of a blind citizen Nunez knew nothing of sleep, and all through the warm, sunlit hours, while the others slumbered happily, he sat brooding or wandered aimlessly, trying to bring his mind to bear on his dilemma. He had given his answer, he had given his consent, and still he was not sure. And at last work-time was over, the sun rose in splendour over the golden crests, and his last day of vision began for him. He had a few minutes with Medina-sarote before she went apart to sleep.

“To-morrow (завтра),” he said, “I shall see no more (я больше не буду видеть).”

“Dear heart (милый)! ” she answered (ответила она), and pressed his hands with all her strength (и сжала его руки изо всех сил).

“They will hurt you but little (они сделают тебе больно = тебе будет больно, но немножко),” she said; “and you are going through this pain (и ты пройдешь через эту боль), you are going through it (ты пройдешь через это), dear lover, for ME (дорогой возлюбленный, ради МЕНЯ).... Dear, if a woman’s heart and life can do it (дорогой, если сердце и жизнь женщины могут сделать это), I will repay you (я вознагражу тебя). My dearest one (мой самый

любимый), my dearest with the tender voice (мой самый милый с нежным голосом), I will repay (я вознагражу тебя).”

He was drenched in pity for himself and her (он был переполнен жалостью = его переполняла жалость к себе и к ней; *to drench* — смачивать, мочить, промачивать насквозь; орошать).

heart [hɑ:t], woman [ˈwʊmən], pity [ˈpɪtɪ]

“To-morrow,” he said, “I shall see no more.”

“Dear heart!” she answered, and pressed his hands with all her strength.

“They will hurt you but little,” she said; “and you are going through this pain, you are going through it, dear lover, for ME Dear, if a woman’s heart and life can do it, I will repay you. My dearest one, my dearest with the tender voice, I will repay.”

He was drenched in pity for himself and her.

He held her in his arms (он заключил ее в объятия), and pressed his lips to hers and looked on her sweet face for the last time (и прижал свои губы к ее /губам/ и посмотрел на ее очаровательное лицо в последний раз). “Good-bye (прощай)!” he whispered to that dear sight (прошептал он этому дорогому образу), “good-bye (прощай)!”

And then in silence he turned away from her (а потом молча он отвернулся от нее; *to turn away* — отворачиваться; уходить).

She could hear his slow retreating footsteps (она слышала его неспешно удаляющиеся шаги), and something in the rhythm of them threw her into a passion of weeping (и что-то в их ритме повергло ее в приступ рыданий; *passion* — взрыв чувств, сильное душевное волнение).

He walked away (он ушел).

silence [ˈsaɪləns], threw [θru:], walk [wɔ:k]

He held her in his arms, and pressed his lips to hers and looked on her sweet face for the last time. “Good-bye!” he whispered to that dear sight, “good-bye!”

And then in silence he turned away from her.

She could hear his slow retreating footsteps, and something in the rhythm of them threw her into a passion of weeping.

He walked away.

He had fully meant to go to a lonely place where the meadows were beautiful with white narcissus (он всецело хотел пойти в уединенное место, где луга были прекрасны от белых нарциссов), and there remain until the hour of his sacrifice should come (и оставаться там, пока не наступит час его жертвоприношения), but as he walked he lifted up his eyes and saw the morning (но когда он шел, он поднял глаза и увидел утро), the morning like an angel in golden armour, marching down the steeps (утро, подобное ангелу в золотых доспехах, спускающееся по склонам)....

It seemed to him that before this splendour he and this blind world in the valley, and his love and all, were no more than a pit of sin (ему показалось, что перед этим великолепием он и этот слепой мирок в долине, и его любовь, и все остальное были не более, чем яма греха = *преисподняя*; *pit* — *преисподняя*).

narcissus [nɑ:ˈsɪsəs], sacrifice [ˈsækrɪfaɪs], angel [ˈeɪndʒəl]

He had fully meant to go to a lonely place where the meadows were beautiful with white narcissus, and there remain until the hour of his sacrifice should come, but as he walked he lifted up his eyes and saw the morning, the morning like an angel in golden armour, marching down the steeps

It seemed to him that before this splendour he and this blind world in the valley, and his love and all, were no more than a pit of sin.

He did not turn aside as he had meant to do (он не повернул в сторону, как он намеревался), but went on and passed through the wall of the circumference and out upon the rocks (а пошел дальше и прошел через забор: «стену окружения», и /вышел/ наружу на скалы), and his eyes were always upon the sunlit ice and snow (а его глаза все время были направлены на освещенный солнцем лед и снег).

He saw their infinite beauty (он видел их бесконечную красоту), and his imagination soared over them to the things beyond he was now to resign for ever (и его воображение воспаряло над ними к тому, что было вовне, от чего ему предстояло теперь отказаться навсегда)!

circumference [sə'kʌmfərəns], soar [sɔ:], resign [rɪ'zaɪn]

He did not turn aside as he had meant to do, but went on and passed through the wall of the circumference and out upon the rocks, and his eyes were always upon the sunlit ice and snow.

He saw their infinite beauty, and his imagination soared over them to the things beyond he was now to resign for ever!

He thought of that great free world that he was parted from (он думал о том огромном свободном мире, от которого он был отделен), the world that was his own (мире, который был его собственным), and he had a vision of those further slopes (и он видел те более далекие склоны), distance beyond distance (даль за далью; *distance* — расстояние; дистанция; протяженность, отдаленность; даль), with Bogota, a place of multitudinous stirring beauty (с Боготой, городом многообразной неугомонной/вдохновляющей красоты; *to stir* — шевелить/ся; волновать, возбуждать; *multitudinous* — многократный, многочисленный, множественный; разнообразный, многообразный; *multitude* — множество; толпа), a glory by day, a luminous mystery by night (лучезарной красоты днем,

освещенного таинства ночью), a place of palaces and fountains and statues and white houses (городом дворцов и фонтанов, статуй и белых домов), lying beautifully in the middle distance (живописно раскинувшимся в средней дали = на полпути к океану). He thought how for a day or so one might come down through passes drawing ever nearer and nearer to its busy streets and ways (он думал, как в течение дня или около того можно было спускаться по перевалам, приближаясь все ближе и ближе к его оживленным улицам и дорогам). He thought of the river journey, day by day (он думал о путешествии по реке, день за днем), from great Bogota to the still vaster world beyond (от огромной Боготы в еще более громадный мир за ней), through towns and villages (через городки и поселки), forest and desert places (лес и пустынные места), the rushing river day by day (несущуюся реку день за днем), until its banks receded (пока не отступят ее берега), and the big steamers came splashing by and one had reached the sea (и большие пароходы не поплывут с плеском, и не доберешься до моря) — the limitless sea, with its thousand islands, its thousands of islands (до безграничного моря, с его тысячей островов, его тысячей островов), and its ships seen dimly far away in their incessant journeyings round and about that greater world (и его кораблями, видимыми смутно вдали, в их непрестанных путешествиях вокруг того большего мира и по нему). And there, unpent by mountains, one saw the sky (и там, незапертое горами, виднелось небо; *pent* — заключенный, запертый) — the sky, not such a disc as one saw it here (небо, не такой диск, каким оно выглядело здесь), but an arch of immeasurable blue, a deep of deeps in which the circling stars were floating (а свод неизмеримого синего цвета, глубину глубин, в которой плыли вращающиеся по кругу звезды)...

multitudinous [ˌmʌltɪˈtjuːdɪnəs], luminous [ˈluːmɪnəs], immeasurable [ɪˈmeɪʒərəbl]

He thought of that great free world that he was parted from, the world that was his own, and he had a vision of those further slopes, distance beyond distance, with Bogota, a place of multitudinous stirring beauty, a glory by day, a luminous mystery by night, a place of palaces and fountains and statues and white houses, lying beautifully in the middle distance. He thought how for a day or so one might come down through passes drawing ever nearer and nearer to its busy streets and ways. He thought of the river journey, day by day, from great Bogota to the still vaster world beyond, through towns and villages, forest and desert places, the rushing river day by day, until its banks receded, and the big steamers came splashing by and one had reached the sea — the limitless sea, with its thousand islands, its thousands of islands, and its ships seen dimly far away in their incessant journeyings round and about that greater world. And there, unpent by mountains, one saw the sky — the sky, not such a disc as one saw it here, but an arch of immeasurable blue, a deep of deeps in which the circling stars were floating...

His eyes began to scrutinise the great curtain of the mountains with a keener inquiry (его глаза начали исследовать большой занавес гор с более проникательной пытливостью).

For example (например); if one went so, up that gully and to that chimney there (если бы пойти так, вверх по тому овражку и к вон той расщелине), then one might come out high among those stunted pines (тогда можно было бы выйти выше среди тех чахлых сосен; *to stunt* — *останавливать рост*) that ran round in a sort of shelf and rose still higher and higher as it passed above the gorge (которые тянулись вокруг в виде уступа и поднимались еще выше и выше, когда он = *уступ* проходил над тесниной). And then (а потом)? That talus might be managed (с этой осыпью/с этим скатом, пожалуй, можно справиться). Thence perhaps a climb might be found to take him up to the precipice that came below the snow (оттуда возможно было бы найти подъем, чтобы поднять его = *по которому он поднимется* до пропасти, которая тянулась ниже снегов); and if that chimney failed (а если бы та расщелина обманула ожидания = если бы

не получилось с той расщелиной), then another farther to the east might serve his purpose better (то другая, дальше к востоку, может быть, послужила бы лучше его цели). And then (а затем)? Then one would be out upon the amber-lit snow there (затем ты вышел бы на освещенный янтарным светом снег там), and half-way up to the crest of those beautiful desolations (и полпути до гребня гор тех живописных пустынных мест; *desolation* — *опустошенность*; *зброшенность*; *удинение*). And suppose one had good fortune (а если: «предположим» посчастливится...)!

scrutinise [ˈskru:tinaɪz], example [ɪɡˈzɑ:mpl], fortune [ˈfɔ:tʃu:n]

His eyes began to scrutinise the great curtain of the mountains with a keener inquiry.

For example; if one went so, up that gully and to that chimney there, then one might come out high among those stunted pines that ran round in a sort of shelf and rose still higher and higher as it passed above the gorge. And then? That talus might be managed. Thence perhaps a climb might be found to take him up to the precipice that came below the snow; and if that chimney failed, then another farther to the east might serve his purpose better. And then? Then one would be out upon the amber-lit snow there, and half-way up to the crest of those beautiful desolations. And suppose one had good fortune!

He glanced back at the village (он оглянулся на поселок), then turned right round and regarded it with folded arms (потом повернулся как следует и рассмотрел его скрестив руки на груди; *to fold one's arms* — *скрестить руки на груди*).

He thought of Medina-sarote (он подумал о Медине-саротэ), and she had become small and remote (а она уже стала маленькой и далекой).

He turned again towards the mountain wall down which the day had come to him (он снова повернулся к стене гор, по которой к нему спустился день).

Then very circumspectly he began his climb (затем очень осторожно он начал свое восхождение).

When sunset came he was not longer climbing (когда наступил закат, он уже больше не взбирался), but he was far and high (а был далеко и высоко). His clothes were torn (его одежда была порвана), his limbs were bloodstained (его руки и ноги: «конечности» были окровавлены), he was bruised in many places (у него были синяки во многих местах; *to bruise* — *ставить синяки, ушибать*), but he lay as if he were at his ease (но он лежал, как будто чувствовал себя удобно; *to be at one's ease* — *чувствовать себя удобно*), and there was a smile on his face (и на его лице была улыбка).

circumspectly [ˈsə:kəmspektlɪ], climb [klaɪm], bruise [bruːz]

He glanced back at the village, then turned right round and regarded it with folded arms.

He thought of Medina-sarote, and she had become small and remote.

He turned again towards the mountain wall down which the day had come to him.

Then very circumspectly he began his climb.

When sunset came he was not longer climbing, but he was far and high. His clothes were torn, his limbs were bloodstained, he was bruised in many places, but he lay as if he were at his ease, and there was a smile on his face.

From where he rested the valley seemed as if it were in a pit and nearly a mile below (с того места, где он лежал, казалось, будто долина находится в яме и почти на милю ниже). Already it was dim with haze and shadow (она уже была смутной от дымки и теней), though the mountain summits around him were things of light and fire (хотя горные вершины вокруг него были творениями из света и огня). The mountain summits around him were things of light and fire (горные вершины вокруг него были творениями из света и огня), and the little

things in the rocks near at hand were drenched with light and beauty (а мелкие предметы в скалах неподалеку были преисполнены света и красоты), a vein of green mineral piercing the grey (жила зеленого минерала, пронзающая серый цвет /камней/), a flash of small crystal here and there (сверкание небольшого кристалла тут и там), a minute, minutely-beautiful orange lichen close beside his face (крошечный, красивый своими деталями оранжевый лишайник близко возле его лица). There were deep, mysterious shadows in the gorge (в теснине были глубокие, таинственные тени), blue deepening into purple (синие, усиливающиеся до фиолетового), and purple into a luminous darkness (а фиолетовые до светящейся темноты), and overhead was the illimitable vastness of the sky (а вверху был безграничный простор небес). But he heeded these things no longer (но он больше не обращал внимание на эти вещи), but lay quite still there (а лежал там совершенно неподвижно), smiling as if he were content now merely to have escaped from the valley of the Blind (улыбаясь, словно он был доволен теперь лишь тем, что убежал из долины Слепых), in which he had thought to be King (в которой он предполагал стать Королем). And the glow of the sunset passed (и минуло зарево заката), and the night came (и наступила ночь), and still he lay there, under the cold, clear stars (а он по-прежнему лежал там под холодными ясными звездами).

crystal [kristl], minute [maɪˈnju:t], mysterious [mɪsˈtɪəriəs]

From where he rested the valley seemed as if it were in a pit and nearly a mile below. Already it was dim with haze and shadow, though the mountain summits around him were things of light and fire. The mountain summits around him were things of light and fire, and the little things in the rocks near at hand were drenched with light and beauty, a vein of green mineral piercing the grey, a flash of small crystal here and there, a minute, minutely-beautiful orange lichen close beside his face. There were deep, mysterious shadows in the gorge, blue deepening into purple, and purple into a luminous darkness, and overhead was the illimitable

vastness of the sky. But he heeded these things no longer, but lay quite still there, smiling as if he were content now merely to have escaped from the valley of the Blind, in which he had thought to be King. And the glow of the sunset passed, and the night came, and still he lay there, under the cold, clear stars.